

Народно **аселение**

ISSN 1561-7785

1 . 2026

январь - март

- ▶ **ДЕМОГРАФИЯ: ВОПРОСЫ ТЕОРИИ И ПРАКТИКИ**
- ▶ **КАЧЕСТВО И УСЛОВИЯ ЖИЗНИ НАСЕЛЕНИЯ**
- ▶ **СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКИЕ ПРОБЛЕМЫ РЕГИОНОВ РОССИИ**
- ▶ **НАУЧНАЯ ЖИЗНЬ ИСЭПН ФНИСЦ РАН**

МОСКВА

ИНСТИТУТ СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКИХ ПРОБЛЕМ НАРОДОНАСЕЛЕНИЯ
ИМЕНИ Н. М. РИМАШЕВСКОЙ ФНИСЦ РАН (ИСЭПН ФНИСЦ РАН)

Народонаселение

Е Ж Е К В А Р Т А Л Ы Н Ы Й Н А У Ч Н Ы Й Ж У Р Н А Л

2026. Том 29. № 1 (январь-март)

DOI: 10.24412/1561-7785-2026-1; EDN: MBANYX

Учредитель: Федеральный научно-исследовательский социологический центр РАН (ФНИСЦ РАН)

(117218, Москва, ул. Кржижановского, д.24/35, к. 5)

Издатель: ИСЭПН ФНИСЦ РАН

(117218, Москва, Нахимовский пр-т, д.32).

ISSN 1561–7785 (print)

ISSN 3034–2252 (online)

Зарегистрирован Федеральной службой по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций (Роскомнадзор)
ПИ № ФС77–78718 от 20.06.2020

Индекс подписки в «Каталог периодики» агентства «Урал-пресс» – 79183.

Журнал включён ВАК в «Перечень рецензируемых научных изданий, в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертаций на соискание учёной степени кандидата наук, учёной степени доктора наук» (категория К1), индексируется РИНЦ и WoS RSCI.

Главный редактор:

Локосов В.В., член-корр. РАН (Москва, Россия).

Редакционная коллегия:

Аганбегян А.Г., академик РАН (Москва, Россия);
Аксенова Е.И., д.э.н., проф. (Москва, Россия);
Александрова О.А., д.э.н. (Москва, Россия);
Доброхлеб В.Г., д.э.н. (Москва, Россия);
Дохолян С.В., д.э.н., проф. (Москва, Россия);
Медведева Е.И., д.э.н. (Москва, Россия);
Назарова И.Б., д.э.н. (Москва, Россия);
Риччери М., д.э.н., проф. (Рим, Италия);
Русанова Н.Е., д.э.н. (Москва, Россия);
Рыбаковский О.Л., д.э.н. (Москва, Россия);
Рюмина Е.В., д.э.н., проф. (Москва, Россия);
Рязанцев С.В., член-корр. РАН (Москва, Россия);
Синельников А.Б. д.соц.н., проф. (Москва, Россия);
Сухоцка Л., к.псх.н., проф. (Люблин, Польша);
Теодорович М.Л., д.соц.н., проф. (Н. Новгород, Россия);
Токсанбаева М.С., д.э.н. (Москва, Россия);
Фуци С., д.фил.н., проф. (Пекин, Китай);
Шабунцова А.А., д.э.н. (Вологда, Россия);
Ярашева А.В. д.э.н., проф. (Москва, Россия).

Ответственный секретарь:

Симагин Ю.А., к.геогр.н., доцент (Москва, Россия).

Редактор перевода на английский язык:

Войтенкова Г. Ф., к.ист.н. (Москва, Россия).

Корректор:

Киндякова Н. С. (Москва, Россия).

© Редакция журнала «Народонаселение», 2026.

© ИСЭПН ФНИСЦ РАН, 2026.

Адрес редакции:

Адрес редакции: 117218, Москва, Нахимовский пр-т, д. 32. Тел.: +7 499 129-08-01.

Website: <https://www.jour.fnisc.ru/index.php/population>; e-mail: isesp-population@yandex.ru.

Отпечатано в типографии ООО «Фабрика Офсетной Печати»

Адрес: 111024, Москва, ул. Авиамоторная, д. 2, к. 18.

Website: www.fop.ru; e-mail: info@fop.ru.

Заказ № 24197. Тираж 500 экз. Цена: бесплатно.

Дата выхода в свет 31.03.2026.

INSTITUTE OF SOCIO-ECONOMIC STUDIES
OF POPULATION FCTAS RAS (ISESP FCTAS RAS)

Population

QUARTERLY SCIENTIFIC JOURNAL

2026. Vol. 29. No. 1 (January-March)

DOI: 10.24412/1561-7785-2026-1; EDN: MBANYX

**Founder: Federal Center of Theoretical and Applied
Sociology RAS (FCTAS RAS)**

(24/35, kor. 5, Krzhizhanovskogo str.,
Moscow, Russia, 117218)

Publisher: ISESP FCTAS RAS

(32 Nakhimovsky prospect, Moscow, Russia, 117218)

ISSN 1561–7785 (print)

ISSN 3034–2252 (online)

The journal was registered by the Federal Service
for Supervision of Communications, Information
Technology, and Mass Media (Roskomnadzor)
on 20.6. 2020

Series ПИ № ФС77–78718.

Subscription index in the Ural-Press catalogue of
periodicals – 79183.

The journal is included by the State Commission for
Academic Degrees and Titles in the List of Russian
peer-reviewed scientific journals, publication in which
is required for defense of Candidate's and Doctor's
theses (Category K1), it is indexed in RSCI and WoS
RSCI.

Editor in Chief:

Lokosov V. V., RAS Corr. Member, (Moscow, Russia)

Editorial Board:

Aganbegian A. G., RAS Academician (Moscow, Russia);
Aksenova E. I., Dr. Sc. (Econ.), Prof. (Moscow, Russia);
Aleksandrova O. A., Dr. Sc. (Econ.) (Moscow, Russia);
Dobrokhleb V. G., Dr. Sc. (Econ.) (Moscow, Russia);
Dokholyan S. V., Dr. Sc. (Econ.), Prof. (Moscow, Russia);
Medvedeva E. I., Dr. Sc. (Econ.) (Moscow, Russia);
Nazarova I. B., Dr. Sc. (Econ.) (Moscow, Russia);
Riccery M., Dr. Sc. (Econ.), Prof. (Rome, Italy);
Rusanova N. E., Dr. Sc. (Econ.) (Moscow, Russia);
Rybakovsky O. L., Dr. Sc. (Econ.) (Moscow, Russia);
Ryumina E. V., Dr. Sc. (Econ.), Prof. (Moscow, Russia);
Ryazantsev S. V., RAS Corr. Member (Moscow, Russia);
Sinelnikov A. B., Dr. Sc. (Sociol.), Prof. (Moscow, Russia);
Suchocka L., Cand. Sc. (Psychol.), Prof. (Lublin, Poland);
Teodorovich M. L., Dr. Sc. (Sociol.), Prof. (N. Novgorod, Russia);
Toksanbaeva M. S., Dr. Sc. (Econ.) (Moscow, Russia);
Futsi X., Dr. Sc. (Philos.), Prof. (Beijing, China);
Shabunova A. A., Dr. Sc. (Econ.) (Vologda, Russia);
Yarasheva A. V., Dr. Sc. (Econ.), Prof. (Moscow, Russia).

Executive secretary:

Simagin Yu. A., Cand. Sc. (Geogr.) (Moscow, Russia).

Editor of English translation:

Voytenkova G. F. Cand. Sc. (Hist.) (Moscow, Russia).

Proof-reader:

Kindyakova N. S. (Moscow, Russia).

© Editorial Board of the journal «Narodonaselenie» (Population), 2025.

© ISESP FCTAS RAS, 2025.

Postal address of the Editorial Board:

32, Nakhimovsky prospect, Moscow, Russia, 117218. Tel.: +7 499 129–08–01

Website: <https://www.jour.fnisc.ru/index.php/population>; e-mail: isesp-population@yandex.ru.

Printed at the printing house "Offset Printing House"

Address: 2, kor. 18, Aviamotornaya str., Moscow, Russia, 111024

Website: www.fop.ru; e-mail: info@fop.ru.

Order № 24197. Circulation 500 copies. Price: free.

Date of publication 31.03.2026.

СОДЕРЖАНИЕ

Народонаселение. 2026. Том 29. № 1 (январь-март)

ДЕМОГРАФИЯ: ВОПРОСЫ ТЕОРИИ И ПРАКТИКИ

Рыбаковский О. Л. РОЖДАЕМОСТЬ НАСЕЛЕНИЯ РОССИИ В ПЕРВОЙ ЧЕТВЕРТИ XXI В.: ТЕНДЕНЦИИ, КОМПОНЕНТЫ, ПЕРСПЕКТИВЫ	4
Швец Ф. СМЕРТНОСТЬ В МОЛОДЫХ ВОЗРАСТАХ И ПОТЕРИ ОЖИДАЕМОЙ ПРОДОЛЖИТЕЛЬНОСТИ ЖИЗНИ В РОССИИ ПО ПРИЧИНАМ СМЕРТИ	15
Засько В. Н., Морковкин Д. Е., Симагин Ю. А., Звягин Л. С. ДЕМОГРАФИЧЕСКИЕ ФАКТОРЫ НАЛОГОВОЙ ПОЛИТИКИ: ЭФФЕКТЫ ТРАНСФОРМАЦИИ ПОЛОВОЗРАСТНОЙ СТРУКТУРЫ НАСЕЛЕНИЯ	28
Воробьёва О. Д., Субботин А. А. ИНТЕГРАЛЬНАЯ ТИПОЛОГИЯ РЕПАТРИАЦИОННОГО ПОТЕНЦИАЛА РОССИИ	40
Туктамышева Л. М., Аралбаева Г. Г., Чибилёв А. А. (мл.), Чернева Л. О. СЕЛЬСКОЕ НАСЕЛЕНИЕ ЮЖНОГО УРАЛА: ТЕКУЩИЕ И ПЕРСПЕКТИВНЫЕ ТЕНДЕНЦИИ ДЕМОГРАФИЧЕСКОГО РАЗВИТИЯ	55
Шарапова В. М., Шарапова Н. В., Фарвазова Э. А., Шарапов Ю. В. СОВРЕМЕННЫЕ АСПЕКТЫ СОЦИАЛЬНО-ДЕМОГРАФИЧЕСКОЙ СИТУАЦИИ В РЕГИОНАХ УРАЛЬСКОГО ФЕДЕРАЛЬНОГО ОКРУГА	70
КАЧЕСТВО И УСЛОВИЯ ЖИЗНИ НАСЕЛЕНИЯ	
Дмитриева О. Г. ПОТЕРИ ПЕНСИОННЫХ ПРАВ ГРАЖДАН В РЕЗУЛЬТАТЕ РЕАЛИЗАЦИИ ПЕНСИОННЫХ РЕФОРМ	80
Попов А. В. ИНДЕКС БЛАГОПОЛУЧНОЙ СТАРОСТИ ПОЖИЛОГО НАСЕЛЕНИЯ В РЕГИОНАХ РОССИИ: ОБЪЕКТИВНАЯ, СУБЪЕКТИВНАЯ И ИНТЕГРАЛЬНАЯ ОЦЕНКА	95
Белехова Г. В., Соловьева Т. С., Нацун Л. Н. ПРАКТИКИ И ИНСТРУМЕНТЫ ЗАБОТЫ О ПОЖИЛЫХ СО СТОРОНЫ НКО И ЧАСТНОГО БИЗНЕСА В КОНТЕКСТЕ ОБЕСПЕЧЕНИЯ БЛАГОПОЛУЧНОЙ СТАРОСТИ	110
Рогач О. В., Фролова Е. В. УЧАСТИЕ НАСЕЛЕНИЯ В ПОТРЕБИТЕЛЬСКОЙ КООПЕРАЦИИ: РЕСУРСЫ И ОЖИДАНИЯ	124
Пилипенко И. В. ТРИ МЕТОДИЧЕСКИХ ПОДХОДА К СРАВНЕНИЮ ДИНАМИКИ ЗАРАБОТНЫХ ПЛАТ В 15 РЕСПУБЛИКАХ СССР И ПОСТСОВЕТСКИХ ГОСУДАРСТВАХ В 1960-Х – 2020-Х ГОДАХ (ЧАСТЬ II)	136
Ярашева А. В., Александрова О. А., Марков Д. И. ЗДОРОВЬЕ ПРИВЫЧКИ КАК ФАКТОР НЕМАТЕРИАЛЬНОГО БЛАГОПОЛУЧИЯ ЧЕЛОВЕКА ...	150
Хакумура Н. ПРОБЛЕМЫ СИСТЕМЫ ОБРАЗОВАНИЯ УЗБЕКИСТАНА В ФОРМИРОВАНИИ ЧЕЛОВЕЧЕСКОГО КАПИТАЛА	162
СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКИЕ ПРОБЛЕМЫ РЕГИОНОВ РОССИИ	
Будилова Е. В., Лагутин М. Б. ВЗАИМОСВЯЗЬ МЕЖДУ ДЕМОГРАФИЧЕСКИМИ ПОКАЗАТЕЛЯМИ ЗДОРОВЬЯ НАСЕЛЕНИЯ И УРОВНЕМ ИННОВАЦИОННОГО РАЗВИТИЯ ЭКОНОМИКИ РЕГИОНОВ РОССИИ	174
Назарова И. Б. ОСОБЕННОСТИ И РАСПРОСТРАНЁННОСТЬ ПАССИВНОГО КУРЕНИЯ (НА ПРИМЕРЕ МОСКВЫ)	190
Меренкова И. Н., Новикова И. И. ДИФФЕРЕНЦИАЦИЯ ИНФРАСТРУКТУРНОГО ОБЕСПЕЧЕНИЯ СЕЛЬСКИХ ТЕРРИТОРИЙ РЕГИОНОВ РОССИИ	199
Стерник С. Г., Пилипенко И. В., Гареев И. Ф., Хурамшина А. З. ВЗАИМОСВЯЗЬ ДИНАМИКИ ЧИСЛЕННОСТИ НАСЕЛЕНИЯ И РАЗВИТИЯ ЖИВОТНОВОДСТВА В СЕЛЬСКИХ РАЙОНАХ (НА ПРИМЕРЕ РЕСПУБЛИКИ ТАТАРСТАН)	212
Гимбатов Ш. М., Кобзаренко Д. Н., Муртузалиева Д. Д., Меджидов З. У., Гимбатова А. Ш. МОДЕЛЬ САМОСОХРАНИТЕЛЬНОГО ПОВЕДЕНИЯ И СОЦИОДЕМОГРАФИЧЕСКИЕ ФАКТОРЫ ИХ ФОРМИРОВАНИЯ В РЕСПУБЛИКЕ ДАГЕСТАН	229
Соколов А. А., Руднева О. С. ИНВАРИАНТНОСТЬ ГРАНИЦ РОССИИ В КОНТЕКСТЕ ЭТНО-ДЕМОГРАФИЧЕСКОГО И ИСТОРИКО-ГЕОГРАФИЧЕСКОГО РАЗВИТИЯ ПРИГРАНИЧНЫХ ТЕРРИТОРИЙ	242
НАУЧНАЯ ЖИЗНЬ ИСПН ФНИСЦ РАН	
XI МЕЖДУНАРОДНАЯ НАУЧНО-ПРАКТИЧЕСКАЯ КОНФЕРЕНЦИЯ «ДОХОДЫ, РАСХОДЫ И СБЕРЕЖЕНИЯ НАСЕЛЕНИЯ РОССИИ: ТЕНДЕНЦИИ И ПЕРСПЕКТИВЫ»	256

CONTENTS

Narodonaselenie [Population]. 2026. Vol. 29. No. 1 (January-March)

DEMOGRAPHY: THEORY AND PRACTICE ISSUES

Oleg L. Rybakovsky FERTILITY OF THE RUSSIAN POPULATION IN THE FIRST QUARTER OF THE 21ST CENTURY: TRENDS, COMPONENTS, PROSPECTS	4
Fedor Shvets MORTALITY AT YOUNG AGES AND LOSSES IN LIFE EXPECTANCY IN RUSSIA BY CAUSES OF DEATH	15
Vadim N. Zasko, Dmitry E. Morkovkin, Yury A. Simagin, Leonid S. Zvyagin DEMOGRAPHIC FACTORS OF TAX POLICY: EFFECTS OF TRANSFORMATION OF THE AGE AND SEX STRUCTURE OF THE POPULATION.....	28
Olga D. Vorobieva, Alexander A. Subbotin INTEGRAL TYPOLOGY OF THE REPATRIATION POTENTIAL OF RUSSIA.....	40
Lilia M. Tuktamysheva, Galiya G. Aralbaeva, Alexander A. Chibilyov (Jr.), Lilia O. Cherneva RURAL POPULATION OF SOUTHERN URALS: CURRENT AND PROSPECTIVE TRENDS IN DEMOGRAPHIC DEVELOPMENT	55
Valentina M. Sharapova, Natalia V. Sharapova, Evelina A. Farvazova, Yuri V. Sharapov MODERN ASPECTS OF THE SOCIO-DEMOGRAPHIC SITUATION IN REGIONS OF THE URAL FEDERAL DISTRICT	70

QUALITY AND LIVING CONDITIONS OF POPULATION

Oksana G. Dmitrieva THE PENSION RIGHTS LOSS AS A RESULT OF PENSION REFORMS	80
Andrei V. Popov INDEX OF THE ELDERLY WELL-BEING IN THE REGIONS OF RUSSIA: OBJECTIVE, SUBJECTIVE AND INTEGRAL ASSESSMENT.....	95
Galina V. Belekhova, Tatiana S. Solovieva, Leila N. Natsun PRACTICES AND TOOLS OF CARING FOR THE ELDERLY BY NGOS AND PRIVATE BUSINESSES IN THE CONTEXT OF ENSURING A PROSPEROUS OLD AGE	110
Olga V. Rogach, Elena V. Frolova PARTICIPATION OF THE POPULATION IN CONSUMER COOPERATION: RESOURCES AND EXPECTATIONS	124
Igor V. Pilipenko THREE METHODOLOGICAL APPROACHES TO COMPARING THE DYNAMICS OF WAGES IN 15 REPUBLICS OF THE USSR AND POST-SOVIET STATES IN THE 1960S – 2020S (PART II).....	136
Aziza V. Yarasheva, Olga A. Aleksandrova, Dmitri I. Markov HEALTHY HABITS AS A FACTOR OF NON-MATERIAL WELL-BEING OF THE POPULATION (ON MEDICAL WORKERS EXAMPLE)	150

Naoya Hakumura PROBLEMS OF THE EDUCATION SYSTEM OF UZBEKISTAN IN FORMATION OF HUMAN CAPITAL.	162
---	-----

SOCIO-ECONOMIC PROBLEMS OF THE RUSSIAN REGIONS

Elena V. Budilova, Michail B. Lagutin RELATIONSHIP BETWEEN THE DEMOGRAPHIC INDICATORS OF POPULATION HEALTH AND THE LEVEL OF INNOVATIVE DEVELOPMENT OF THE RUSSIAN REGIONS ECONOMY	174
Inna B. Nazarova FEATURES AND PREVALENCE OF PASSIVE SMOKING (USING MOSCOW AS AN EXAMPLE).....	190
Irina N. Merenkova, Irina I. Novikova DIFFERENTIATION OF RURAL INFRASTRUCTURE SUPPORT IN RUSSIAN REGIONS.....	199
Sergey G. Sternik, Igor V. Pilipenko, Ilnur F. Gareev, Aygyul Z. Khuramshina INTERRELATION BETWEEN THE POPULATION DYNAMICS AND ANIMAL HUSBANDRY DEVELOPMENT IN RURAL DISTRICTS (THE CASE OF THE REPUBLIC OF TATARSTAN)	212
Shamil M. Gimbatov, Dmitry N. Kobzarenko, Dzhamilya Dzh. Murtuzaliev, Zaur U. Medzhidov, Amina Sh. Gimbatova MODEL OF SELF-PRESERVATION BEHAVIOR AND SOCIO-DEMOGRAPHIC FACTORS OF THEIR FORMATION IN THE REPUBLIC OF DAGESTAN	229
Alexander A. Sokolov, Oksana S. Rudneva THE INVARIANCE OF RUSSIA'S BORDERS IN THE CONTEXT OF THE ETHNO-DEMOGRAPHIC AND HISTORICO-GEOGRAPHICAL DEVELOPMENT OF THE BORDER TERRITORIES.....	242

SCIENTIFIC LIFE AT ISESP FCTAS RAS

XI INTERNATIONAL RESEARCH AND PRACTICAL CONFERENCE "INCOMES, EXPENDITURES AND SAVINGS OF THE RUSSIAN POPULATION:TRENDS AND PROSPECTS"	256
--	-----

ДЕМОГРАФИЯ: ВОПРОСЫ ТЕОРИИ И ПРАКТИКИ

DOI: 10.24412/1561-7785-2025-4-15
EDN: MRMDWL

РОЖДАЕМОСТЬ НАСЕЛЕНИЯ РОССИИ В ПЕРВОЙ ЧЕТВЕРТИ XXI В.: ТЕНДЕНЦИИ, КОМПОНЕНТЫ, ПЕРСПЕКТИВЫ

Рыбаковский О. Л.

ФНИСЦ РАН

(117218, Москва, ул. Кржижановского, 24/35, к. 5)

E-mail: 1246185@mail.ru

Для цитирования:

Рыбаковский О. Л. Рождаемость населения России в первой четверти XXI в.: тенденции, компоненты, перспективы // Народонаселение. – 2026. – Т. 29. – № 1. – С. 4-15. DOI: 10.24412/1561-7785-2026-1-4-15; EDN: MRMDWL

Аннотация. Объект исследования — рождаемость постоянного населения РФ в 2001–2025 гг., цель исследования — выявление её текущих тенденций, их компонент/факторов, оценка прогнозов Росстата по рождаемости. Методы исследования — демографический статистический анализ. Источник статистики для расчётов — Росстат. По нашим оценкам рост числа рождений в РФ в 2007–2015 гг. шёл на 87% за счёт роста интенсивности рождаемости, на 13% — за счёт роста численности женщин 20–39 лет. Падение же числа рождений в 2016–2024 гг. шло на 55% за счёт снижения интенсивности рождаемости, на 45% — за счёт сокращения численности женщин 20–39 лет. Подъём рождаемости населения РФ в 2007–2015 гг. объяснялся не только мерами демографической политики и ростом числа женщин 20–39 лет, но и более спокойной политической и социально-экономической ситуацией в стране, а также тем, что когорты рожавших тогда женщин имели хорошую «демографическую историю», поэтому легко шли на «ускоренное» либо даже не запланированное ранее рождение второго-третьего ребёнка. После 2016 г. их стала вытеснять когорта рождённых в лихие 1990-е годы. Эта когорта не только заметно меньше количественно, но и в репродуктивном плане, а также по «демографической истории» качественно хуже прежней. Вмешательство государства в сферу рождаемости населения с 2007 г. имело, помимо явных положительных результатов, и отрицательный. Стимулирование рождаемости в период роста численности женщин в активном репродуктивном возрасте способствовало росту нестабильности, волнообразности текущей и перспективной возрастной структуры населения страны. Это неблагоприятно влияет и будет ещё долго влиять на социально-экономическую и иные сферы.

Ключевые слова: рождаемость населения России, её показатели, компоненты, факторы; число рождений, суммарный коэффициент рождаемости (СКР), численность и доля женщин активного репродуктивного возраста, текущие уровни и прогноз рождаемости.

Постановка проблемы, методы исследования, источники информации

Рождаемость населения России в настоящее время является основной головной болью социального направления правительства страны. После начала реализации мер новой демографической политики и заметного подъёма рождаемости в конце 2000-х — первой половины 2010-х гг. пошёл резкий спад числа деторождений. Объяснялся он не только тем, что население «приелось» мерами стимулирования рождаемости, но и тем, что количество женщин, способных родить второго-третьего ребёнка, стало резко иссякать. Начался так называемый антитайминг рождений. К этому добавилось сокращение вступлений в активный репродуктивный возраст новых поколений женщин, родившихся в 1990-е годы.

В данных условиях острой стала необходимость выработки новых мер по улучшению ситуации с рождаемостью как в настоящее время, так и в перспективе. Для решения данной задачи необходимо, в числе прочего, регулярно отслеживать и анализировать тенденции, компоненты и факторы рождаемости населения страны. В связи с чем основная цель данной статьи — выявить тенденции текущих индикаторов рождаемости, их компонент, обозначить основные факторы этих изменений, а также оценить последние прогнозы Росстата по рождаемости населения России. Объект исследования — рождаемость населения РФ в 2001–2025 годах. Методы исследования — демографический статистический анализ.

По методике расчётов имеется замечание. В последние годы мы не пользуемся индексным методом разложения рождаемости в динамике вследствие сложности данного приёма для понимания читателем. Для характеристики компонент абсолютных чисел рождений либо общих показателей рождаемости вместо рядов возрастных коэффициентов рождаемости и возрастных численностей женщин репродуктивного возраста 15–49 лет мы используем более простые для понимания индикаторы. Это обобщающий индикатор возрастных коэффициентов те-

кущей рождаемости населения — суммарный коэффициент рождаемости (СКР), отражающий их общий уровень вне зависимости от структуры женщин детородного возраста, и суммарные значения численности и доли женщин активного репродуктивного возраста 20–39 лет, на которые приходится в постсоветский период около 90% всех рождений. Эти индикаторы в более простой форме, но достаточно точно отражают картину динамики компонент рождаемости населения РФ и её территорий.

Источник статистики для всех расчётов — Росстат. При использовании его информации в настоящее время (октябрь 2025 г.) возникло несколько проблем. Первая проблема — оперативные данные по воспроизводству населения (по которым достаточно точно можно было бы спрогнозировать итоги воспроизводства населения во всём 2025 г. уже в середине августа 2025 г.) Росстат прекратил публиковать в марте 2025 года. Вследствие чего добавлены показатели с учётом среднего варианта последнего прогноза Росстата от 29 декабря 2023 года. По 2024 г. отсутствует открытая информация о СКР в региональном и иных разрезах. Вторая проблема — это качество информации. Данные о численности постоянного населения Росстат корректирует после каждой переписи населения. Объективность отдельных таких корректировок сомнительна [1]. Вместе с этим исправляются и относительные показатели воспроизводства населения, в том числе рождаемости населения, а также и прогнозы. Несмотря на эти обстоятельства, анализ проведён с учётом поправок переписей населения РФ 2002, 2010 и 2020 годов. Третья проблема касается непосредственно прогнозов Росстата. Последний раз Росстат включал в прогноз половозрастную структуру населения РФ в конце 2019 г., то есть накануне COVID-19 и переписи населения 2020 г., добавившей к текущему учёту постоянного населения России 1,4 млн человек [2]. Вследствие чего актуальных прогнозов Росстата для расчёта численности и доли женщин в возрасте 20–39 лет во всём населении нет. Так что для решения данной проблемы

скорректирован средний вариант прогноза от 26 декабря 2019 г. с учётом имеющихся реальных данных за 2020–2025 годы.

Помимо этого изменения в уровнях рождаемости населения России происходили и вследствие территориальных изменений, в частности, присоединения Крыма в 2014 году. После присоединения аналогичным путём ещё четырёх территорий в 2022 г. (ДНР, ЛНР, Запорожская и Херсонская области), актуальной статистики населения по которым в настоящее время нет, да и до окончания СВО и проведения там переписи населения быть не может, жители этих территорий стали не только увеличивать миграционный прирост РФ, что наблюдалось с 2015 г., но и как новые граждане РФ стали вносить свой вклад в рождаемость населения России. Эффект от этого дисбаланса ещё предстоит оценить по окончании СВО, как это было после окончания военных действий в Чеченской Республике в начале XX века. Поэтому любые прогнозы, строящиеся в настоящее время без учёта этих четырёх регионов, будут требовать корректировки после проведения в них переписи населения.

Обзор научной литературы

Не будем повторять содержание многочисленных аналогичных разделов статей по данной тематике, тем более что таких работ, несмотря на депопуляцию в России, становится с каждым годом всё больше, ибо помимо научного интереса у современных демографов появился ещё один «стимул» — зависимость надбавки к их заработной плате от количества статей. И некоторые из исследователей стали писать больше и быстрее, чем даже Л.Н.Толстой или Ф.М.Достоевский. Посему отметим лишь некоторых из тех современных российских учёных, деятельность которых тесно связана с тематикой рождаемости населения России, выявлением её тенденций, основных компонент и/или факторов.

Начнём с ведущего специалиста по исследованиям рождаемости населения России В.Н.Архангельского. В его трудах и трудах с соавторами раскрывается структура

рождаемости постсоветской России, производится её разложение в динамике индексным методом на компоненты, выделяются и анализируются основные факторы рождаемости населения РФ [3]. Изучению рождаемости когорт женщин России с советского времени по настоящее время посвящены отдельные труды ещё одного ведущего специалиста по данной тематике С.В.Захарова [4]. Труды Е.П.Сигаревой и С.Ю.Сивоплясовой связаны с проблемами влияния внешней миграции на рождаемость населения современной России [5]. В наших работах и трудах с соавторами рассматривается проблема связи рождаемости населения России с демографическими структурными волнами [6], а также выявляются её основные тенденции и факторы [7; 8].

Касательно перспектив и прогнозов рождаемости населения России, то имеются современные работы, основное содержание которых — исторический обзор демографических прогнозов [9]. Отметим лишь, что практически все значимые демографы как советского, так и постсоветского времени пытались либо высказываться о прогнозах народонаселения страны, в том числе его рождаемости, либо даже их строили. В поздний советский период разработка методологии прогнозов связана с работами таких учёных, как А.Г.Волков [10], Л.Л.Рыбаковский [11] и других. В постсоветский период, особенно в последнее время, когда демографией стали заниматься не только профессиональные демографы, количество работ, посвящённых демографическим прогнозам, в том числе, прогнозам рождаемости населения, также возросло. Помимо того, труды, непосредственно связанные с демографическими прогнозами [12; 13], дополнились исследованиями, посвящёнными демографическому, в том числе воспроизводственному потенциалу населения России [14; 15], так как при оценке последнего необходимо строить прогнозы.

Результаты и обсуждение

Динамика рождаемости населения РФ и её основных компонент в первой чет-

верти XXI в. выглядела следующим образом (рис. 1). Структурные волны в текущих уровнях рождаемости населения и индикаторах численности женщин в возрасте 20–39 лет в России с 1960-х гг. (РСФСР, РФ) определяются общемировыми трендами

снижения уровня рождаемости населения, периодами «тайминга — антитайминга» рождений, порождаемых демографической политикой стимулирования рождаемости, а также периодами катаклизмов (кризисы 1990-х гг. и другие).

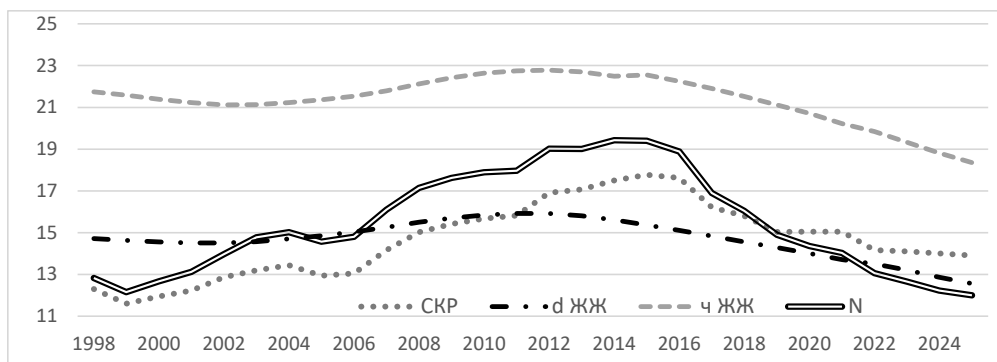

Рис. 1. Индикаторы объёмов, интенсивности и факторов рождаемости населения РФ

Fig.1. Indicators of the volume, intensity and factors in fertility of the RF population

Примечания: СКР — суммарный коэффициент рождаемости, детей на 10 женщин; дЖЖ — доля женщин 20–39 лет во всём населении, в среднем по годам, %; чЖЖ — среднегодовая численность женщин 20–39 лет, млн человек; N — число рождений на 100 тыс. человек.

Источник: рассчитано на основе данных Росстата.

Число рождений и СКР в РФ сменили тенденции к росту с 2000 г (после достижения минимума в конце 1990-х гг.) — социально-экономическая ситуация в стране начала успокаиваться. И женщины, откладывавшие ранее планы рождения детей, приступили к их реализации. Это был в определённой степени антитайминг рождений. В отличие от сжатия тайминга (календаря) рождений, как это было в 1980-х и в 2007–2016 гг., во второй половине 1990-х гг. происходило его растяжение, то есть откладывание деторождений. И в более спокойной обстановке с начала 2000-х гг. началась реализация отложенных деторождений.

С 2004 г. росту абсолютных чисел рождений и общих коэффициентов рождаемости населения РФ стал способствовать начавшийся рост числа женщин активного репродуктивного возраста (20–39 лет), доля которых во всём населении также с этого года начала расти. Это были молодые жен-

щины поколения успешной демографической политики СССР 1980-х гг., так бездарно прерванной последним советским руководителем. Помимо них на рост рождаемости населения РФ влияли и значительные массы иммигранток и их дочерей (вернёмся к данной проблеме в разделе «Прогнозы»).

Демографическая политика РФ, стартовавшая в 2007 г., усилила тенденции роста рождаемости населения страны и всех её регионов. Своих максимумов число рождений в РФ достигло в 2014–2015 гг., СКР — в 2015 г., численность женщин активного репродуктивного возраста — в 2011–2013 гг., их доля во всём населении — в 2010–2012 годах. Рост относительно предшествующих минимумов составил: чисел рождений — 60%, СКР — 53%, численности женщин 20–39 лет — 8%, их доли во всём населении — 10 процентных пунктов (п.п.). Исходя из этих индикаторов можно грубо судить о том, что рост числа ро-

ждений в РФ в период их подъёма в 2007–2015 гг. шёл на 87% за счёт роста интенсивности рождаемости, на 13% — за счёт роста численности женщин 20–39 лет. И, напротив, своих минимумов все четыре характеристики рождаемости населения РФ достигли (по имеющимся на настоящее время данным) в 2024 г., и это ещё не «дно». Падение относительно предшествующих максимумов составило: чисел рождений — 37%, СКР — 21%, численности женщин 20–

39 лет — 17%, их доли во всём населении — 19 п.п. Также грубо судим о том, что падение числа рождений в РФ в 2016–2024 гг. шло на 55% за счёт снижения интенсивности рождаемости, на 45% — за счёт сокращения численности женщин в возрасте 20–39 лет. Наглядно эти компоненты можно представить на графике, аналогичном предыдущему, но по усреднённым за 2001–2024 гг. характеристикам рождаемости населения РФ (рис. 2).

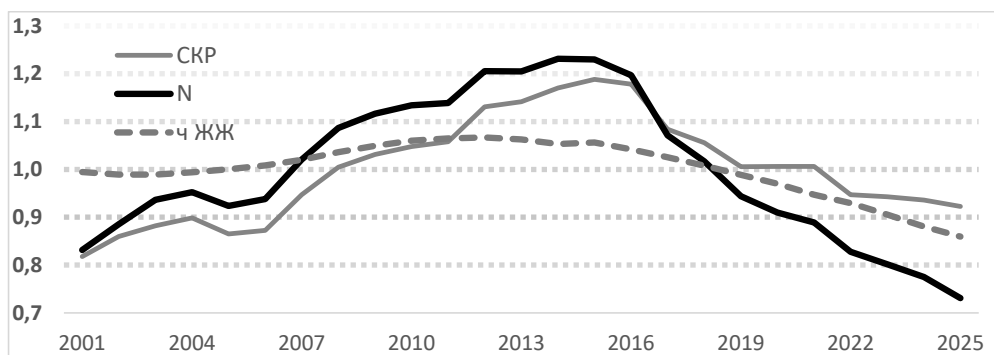

Рис. 2. Индикаторы объёмов, интенсивности и фактора рождаемости населения РФ, делённые на среднюю за период (2001–2024 гг.), в размах (обозначения — см. рис. 1)

Fig. 2. Indicators of the volume, intensity and factors in fertility of the RF population, divided by the average for the period (2001–2024), in times (legend — see Fig. 1)

Источник: рассчитано на основе данных Росстата.

Подъём рождаемости населения России в 2007–2015 гг. объяснялся не только мерами демографической политики и ростом числа женщин в активном репродуктивном возрасте, но и более спокойной политической и социальной экономической ситуацией в стране. Несмотря на общемировой кризис 2008–2009 гг., который молодые российские женщины почти проигнорировали, их рождаемость неуклонно шла вверх. Кроме того, как было упомянуто выше, это были как раз те когорты женщин, которые родились в благополучное позднее советское время в начале и середине 1980-х гг., как правило в молодых полноценных семьях, имели братьев либо сестёр, их родителям после рождения третьего ребёнка полностью погашалась государством рассрочка

на квартиру и тому подобное. Иными словами, эти когорты женщин имели хорошую «демографическую историю», поэтому легко шли на ускоренное либо даже незапланированное ранее рождение второго или третьего ребёнка.

После 2016 г. их стала вытеснять когорта рождённых в лихие 1990-е годов. Эти девушки, а их не только заметно меньше количественно, но и в демографическом, точнее, репродуктивном плане их «качество» гораздо хуже. Они уже чаще рождались либо росли в неполных семьях, не имели в таком количестве братьев и сестёр, как это было в предыдущие 1980-е годы. У многих из них сформировался «капиталистический» подход к браку и семье. Выходить замуж они стали в более позднем возрасте, что сузило

временной коридор возможных рождений, так как предельный возраст массовых деторождений в России также снизился до 40–42-х лет. Одним словом, их «демографическая история» стала хуже, чем у предшествующей когорты.

Очередность рождаемости населения России раскрывает картину эффекта от политики стимулирования вторых, позже третьих и последующих, а ещё позже и первых деторождений в стране в рассматриваемый период (рис. 3). Рождаемость первых детей тесно коррелирует лишь с чис-

ленностью женщин активного репродуктивного возраста, но отнюдь не с политической стимуляцией рождаемости, что объясняется логически. Стимулировать второе рождение, если первое состоялось, гораздо легче, чем ещё не рожавшую женщину стимулировать завести первого ребёнка. Судя по всему, руководствуясь этой логикой, основной упор как раз и был вначале направлен на рождение вторых, а позже и последующих детей. Переход к преимущественному стимулированию первых деторождений в последние годы, как видно из стати-

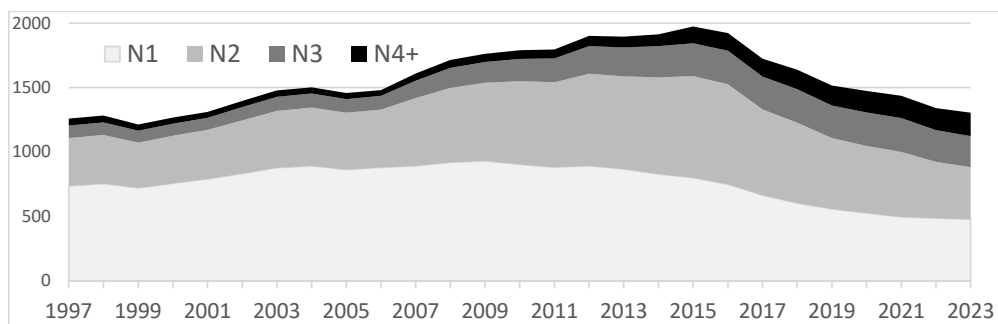

Рис. 3. Очередность рождаемости населения РФ в 2001–2023 гг., тыс. рождений
Fig. 2. Birth order of the RF population (2001–2023), thousand births

Примечания: N1, N2 и N3 — числа первых, вторых и третьих рождений, «N4+» — числа четвертых и последующих рождений. Исходные данные по отсутствующей в настоящее время либо не опубликованной информации Росстата любезно предоставлены В. Н. Архангельским (личная страница на сайте МГУ: URL: <https://www.econ.msu.ru/departments/cps/staff/Arhangelsky/>), за что автор выражает ему глубокую благодарность.

Источник: рассчитано на основе данных Росстата (неизвестные очередности распределены пропорционально по всем группам).

стики СКР по очередности деторождений, результата пока не дал.

Прогнозы

Прогноз с «предысторией» (текущей динамикой) характеристик и компонент рождаемости населения РФ представлен ниже (рис. 4). Согласно средним вариантам обоих последних прогнозов Росстата «демографическое дно» будет достигнуто для чисел рождений и СКР — в 2027 г., для численности женщин в возрасте 20–39 лет — в 2032 г., их доли во всём населении — в 2031–2032 го-

дах. Падение к 2032 г. относительно 2024 г. численности женщин 20–39 лет составит 17%, их доли во всём населении — 13 п.п. Согласно этим прогнозам, число рождений и СКР будут медленно расти весь будущий период после 2027 года. Оценивать их рост количественно не имеет смысла: слишком не определены геополитические и иные факторы, которые могут привести к заметным колебаниям уровня двух данных индикаторов. Учёт же численности населения новых регионов России по предполагаемой очередной Всероссийской переписи населения 2030 г. (если она будет проведена в но-

вых регионах) приведёт к заметному увеличению как численности населения и женщин активного репродуктивного возраста

РФ, так и чисел рождений в стране в целом. И все прогнозы придётся переделывать «с нуля».

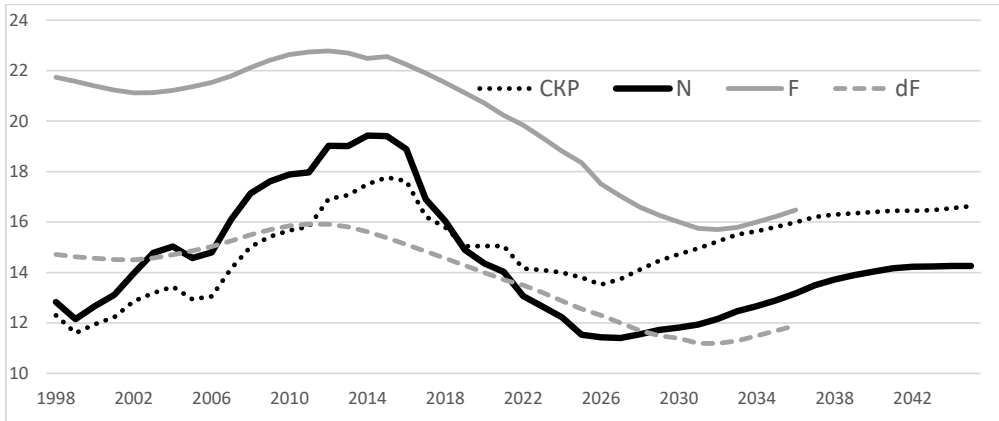

Рис. 4. Текущая динамика и прогноз индикаторов объёмов, структуры и интенсивности рождаемости населения РФ
 Fig. 4. Current dynamics and forecast of indicators of the volume, structure and intensity of the birth rate of the RF population

Примечания: СКР — суммарный коэффициент рождаемости, детей на 10 женщин; dF — доля женщин 20–39 лет во всём населении, в среднем по годам, %; F — среднегодовая численность женщин 20–39 лет, млн человек; N — число рождений, делённое на 100 тыс. человек.

Источник: рассчитано на основе данных Росстата: F, dF с 2025 г. — по среднему варианту прогноза Росстата от 26.12.2019, прочее — по аналогичному варианту прогноза от 29.12.2023.

Кроме того, отношение числа женщин в возрасте 20–39 лет к суммарной численности родившихся девочек 20–39 лет назад — в среднем варианте прогноза 2019 г., на наш взгляд, не совсем отвечает реалиям (рис. 5). Рассчитанное по представленному прогнозу Росстата отношение среднегодовой численности женщин в возрасте 20–39 лет к суммарному числу рождений девочек 20–39 лет назад, в долях, — снизится: к 2030 г. до 1,00, затем до 2034 г. будет ниже единицы, в 2034 г. вновь станет равно 1,00, и далее достигнет величины 1,05 в 2036 году. Но почему средний прогноз Росстата 2019 г. показывает затухание пропорции числа женщин 20–39 лет к суммарному числу рождений девочек 20–39 лет назад в постоянном населении России? Не может в России женщин в возрасте 20–39 лет быть меньше, чем родилось на её территории девочек

столько же лет назад. Женская смертность до 40 лет в России минимальна, а миграционный прирост женщин до 40 лет и их дочерей, а также рождаемых ими в дальнейшем дочерей, перекрывает смертность местных уроженок в возрасте до 40 лет.

Межгосударственная миграционная ситуация в РФ, вырисовывающаяся как из текущих данных, так и из расчётных величин с учётом переписных поправок (как разница между общим и естественным приростами с учётом новых численностей населения, уточнённых тремя переписями населения РФ), не может приводить к такой ситуации, что численность женщин 20–39 лет будет ниже, чем численность родившихся 20–39 лет назад девочек, как это было в советское время, когда до 1975 г. РСФСР имела миграционную убыль населения. Весь постсоветский период миграционный при-

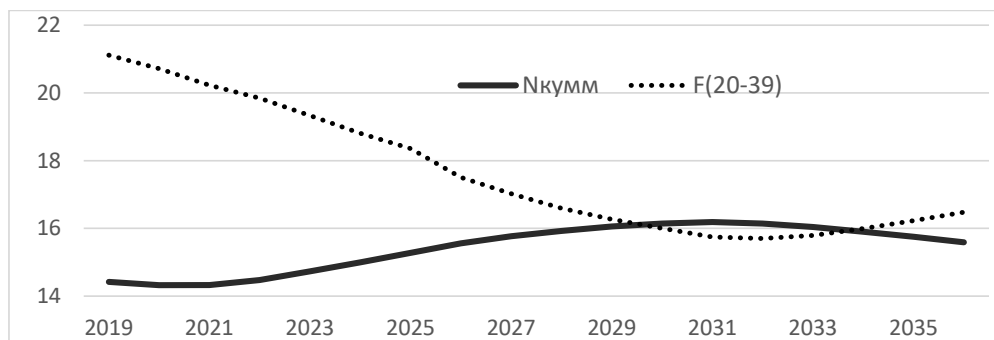

Рис. 5. Показатели и факторы рождаемости населения РФ

Fig. 5. Indicators and factors of birth rate of the RF population

Примечания: Nкумм — кумулятивное (суммарное) число рождений девочек 20–39 лет назад от года шкалы «лет», млн человек; F(20–39) — Среднегодовая численность женщин в возрасте 20–39 лет, млн человек, с 2025 г. — по скорректированному среднему варианту прогноза Росстата от 26.12.2019.

Источник: рассчитано на основе данных Росстата.

рост в России был только положительным, и даже после миграционного бума 1990-х гг. он всегда в среднем имел высокую величину, достаточную для того, чтобы численность женщин активного детородного возраста превышала то количество девочек, которое родилось на территории России 20–39 лет назад.

Если более конкретно, то РФ (РСФСР) с 1975 г. по настоящее время имела только положительный миграционный прирост. Он составил за 1975–2024 гг. по текущим данным 15,5 млн человек, а с учётом переписных поправок «миграционного происхождения»¹ в 2002, 2010 и 2020 гг. — 18,7 млн человек. По нашим оценкам, по текущим данным за различные годы доля женщин в миграционном приросте России составляла примерно 2/5 от общего числа. Значительная часть этих женщин, особенно в XXI в. была в молодом трудоспособном возрасте до 40 лет и часть их имела дочерей, что важно для перспектив рождаемости, либо рожала их уже в России. Таким образом, РФ миграционным путём за 1975–

2024 гг. получила примерно 6 млн (с учётом переписных поправок — 7,5) лиц женского пола в возрасте 0–39 лет.

Также необходимо учитывать тот факт, что значительная доля временных мигрантов женского пола живут в РФ де-факто постоянно. Да и Росстат с 2011 г. причисляет таких временных мигрантов, регистрируемых по месту пребывания более 9 месяцев, к постоянному населению России. Взаимосвязь между суммарным миграционным приростом (1–12 лет назад) лиц женского пола 0–39 лет и отношением числа женщин 20–39 лет к суммарному числу рождений девочек 20–39 лет назад в постоянном населении РФ представлена ниже (рис. 6). Виден лишь спад и, надеемся, небольшой временный провал, вызванный пандемией COVID-19 в 2020–2021 гг. и началом СВО, когда за первые 6 месяцев 2022 г. в РФ была зарегистрирована миграционная убыль (86 тыс. человек), и в целом за год миграционный прирост составил всего 62 тыс. человек. Но надо понимать, что эту миграционную убыль составляли преимущественно молодые мужчины, опасавшиеся возможной мобилизации.

Таким образом, с учётом имеющихся тенденций пропорция из рис. 6, даёт не совсем верную картину соотношения прогно-

¹ Три постсоветских переписи населения добавили к постоянному населению России 4,3 млн человек, но 1,1 млн человек из первой величины пришлось на корректировку постоянного населения шести республик Северного Кавказа. Эта корректировка не была «миграционного происхождения». См. также [1; 2].

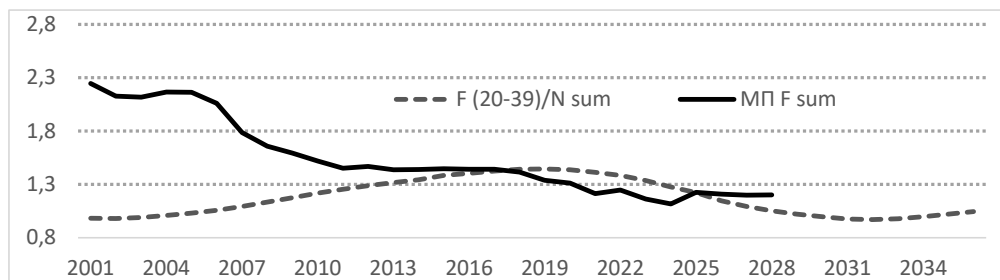

Рис. 6. Факторы рождаемости населения РФ

Fig. 6. Fertility factors in the RF population

Примечания: «F (20–39)/N sum» — отношение среднегодовой численности женщин 20–39 лет (с 2025 г. — по скорректированному среднему варианту прогноза Росстата от 26.12.2019) к суммарному числу рождений девочек 20–39 лет назад от года шкалы лет, в долях. «МП F sum» — суммарный миграционный прирост женщин в возрасте 0–39 лет в РФ 1–12 лет назад от шкалы лет, рассчитанный как разница между общим и естественным приростом с учётом поправок 3-х переписей населения РФ, млн человек.

Источник: рассчитано на основе данных Росстата.

зируемых характеристик рождаемости населения РФ. Величина данного соотношения в ближайшей перспективе должна быть хотя бы не ниже 1,1 раза, так как его средняя величина за весь рассматриваемый период (2001–2024 гг.) равна 1,24 раза. А миграционный прирост в РФ, как переселениями, так и временной миграцией населения, трансформирующейся в постоянную, вряд ли будет сокращаться.

По нашим оценкам, рост числа рождений в РФ в период их подъёма в 2007–2015 гг. шёл на 87% за счёт роста интенсивности рождаемости, на 13% — за счёт роста численности женщин в возрасте 20–39 лет. Падение числа рождений в 2016–2024 гг. шло на 55% за счёт снижения интенсивности рождаемости, на 45% — за счёт сокращения численности женщин в возрасте 20–39 лет. Подъём рождаемости населения РФ в 2007–2015 гг. объяснялся не только мерами демографической политики и ростом числа женщин 20–39 лет, но и более спокойной политической и социально-экономической ситуацией в стране, а также тем, что когорты рожающих тогда женщин имели хорошую «демографическую историю», поэтому легко шли на «ускоренное» либо даже не за-

планированное ранее рождение второго-третьего ребёнка. После 2016 г. их стала вытеснять когорта рождённых в 1990-е годы. Эта когорта не только заметно меньше количественно, но и в репродуктивном плане, а также по «демографической истории», качественно хуже прежней. Все эти обстоятельства в условиях неуклонного старения населения России будут вести к сокращению в населении доли женщин активного репродуктивного возраста, что вряд ли позволит выйти из депопуляции во время следующего подъёма демографической волны (при текущих тенденциях показателей воспроизводства населения). Вмешательство государства в сферу рождаемости населения России имело, помимо положительных результатов, и один отрицательный. Стимулирование рождаемости населения РФ в период роста численности и доли женщин в активном репродуктивном возрасте способствовало росту нестабильности и волнообразности возрастной структуры населения России как в текущих годах, так и на перспективу. Это уже неблагоприятно влияет и будет влиять в дальнейшем на её социально-экономическую сферу. В актуальных прогнозах Росстата не все характеристики рождаемости адекватно взаимосвязаны между собой, что необходимо учитывать в дальнейших их построениях.

Литература и Интернет-источники

1. **Андреев, Е. М.** О точности результатов российских переписей населения и степени доверия к разным источникам информации / Е.М. Андреев // Вопросы статистики. — 2012. — № 11. — С. 21–35. EDN: PFBVMP
2. **Рыбаковский, О.Л.** Баланс населения регионов России в 1992–2023 гг. и переписные поправки / О.Л. Рыбаковский // Народонаселение. — 2024. — Т. 27. — № 2. — С. 71–82. DOI: 10.24412 / 1561-7785-2024-2-71-82; EDN: HGRXPV
3. **Козлова, О.А.** Методический подход к оценке факторного влияния на рождаемость в России / О.А. Козлова, М.Н. Макарова, В.Н. Архангельский // Уровень жизни населения регионов России. — 2024. — Т. 20. — № 1. — С. 76–90. EDN: HUISTQ
4. **Захаров, С.В.** Вероисповедание, религиозность и рождаемость в России. Есть ли взаимосвязь? / С.В. Захаров, Е.В. Чурилова // Государство, религия, церковь в России и за рубежом. 2022. — Т. 40. — № 4. — С. 77–104. DOI: 10.22394 / 2073-7203-2022-40-4-77-104; EDN: XVYPHB
5. **Сигарева, Е.П.** Влияние внешней миграции на брачность и рождаемость в современной России / Е.П. Сигарева, С.Ю. Сивоплясова // Научный результат. Социология и управление. — 2022. — Т. 8. — № 1. — С. 68–81. DOI: 10.18413 / 2408-9338-2022-8-1-0-6; EDN: MSHYXI
6. **Рыбаковский, О.Л.** Рождаемость населения России и демографические волны // О.Л. Рыбаковский, О.А. Таюнова // Народонаселение. — 2017. — № 4. — С. 56–66. EDN: YSLFLE
7. **Рыбаковский, Л.Л.** Рождаемость населения регионов России в конце XX — начале XXI вв.: тенденции, особенности и последствия / Л.Л. Рыбаковский, Т.А. Фадеева // Народонаселение. — 2024. — Т. 27. — № 2. — С. 111–124. DOI: 10.24412 / 1561-7785-2024-2-111-124; EDN: PEYBVC
8. **Рыбаковский, О.Л.** Факторы динамики рождаемости населения России в начале XXI века / О.Л. Рыбаковский, О.А. Таюнова // Социологические исследования. — 2014. — № 9. — С. 19–24. EDN: SOAJUD
9. **Кашепов, А.В.** Демографические прогнозы: исторический обзор и практическое использование / А.В. Кашепов // Вестник Алтайской академии экономики и права. — 2023. — № 5–2. — С. 233–241. DOI: 10.17513 / vaael.2831; EDN: ELLUCN
10. **Волков, А.Г.** Избранные демографические труды / А.Г. Волков; сост. и ред. А.Г. Вишневский. — Москва : Изд. дом ВШЭ, 2014. — 567 с.
11. **Рыбаковский, Л.Л.** Методологические основы прогнозирования населения / Л.Л. Рыбаковский. — Москва : Статистика, 1978. — 208 с.
12. **Архангельский, В.Н.** Демографическое развитие России: тенденции, прогнозы, меры. Национальный демографический доклад — 2020 / В.Н. Архангельский, О.Д. Воробьева, В.И. Гневашева, [и др.]; отв. ред. С.В. Рязанцев. — Москва : Объединённая редакция, 2020. — 155 с. DOI: 10.25629 / NS.2020.13.01; EDN: STFBWI
13. **Рыбаковский, Л.Л.** Демографическое будущее России: прогнозы и реальность / Л.Л. Рыбаковский // Народонаселение. — 2023. — Т. 26. — № 3. — С. 4–15. DOI: 10.19181 / population.2023.26.3.1; EDN: ILGXMB
14. **Архангельский, В.Н.** Воспроизводственный потенциал демографического развития России / В.Н. Архангельский, А.Е. Иванова, Т.А. Фадеева; под ред. Л.Л. Рыбаковского. — Москва : Экон-Информ, 2022. — 165 с.
15. **Сигарева, Е.П.** Изменения человеческого потенциала в России до 2050 года под влиянием трансформации возрастной структуры населения / Е.П. Сигарева, С.Ю. Сивоплясова, В.Н. Архангельский // Экономика. Налоги. Право. — 2023. — Т. 16. — № 2. — С. 37–47. DOI: 10.26794 / 1999-849X-2023-16-2-37-47; EDN: GRYYYE

Сведения об авторе:

Рыбаковский Олег Леонидович, д.э.н., зав. лабораторией, ФНИСЦ РАН, Москва, Россия.

Контактная информация: e-mail: 1246185@mail.ru; ORCID: 0000-0002-8937-3166; РИНЦ SPIN-код: 7022-5369.

DOI: 10.24412/1561-7785-2026-1-4-15

FERTILITY OF THE RUSSIAN POPULATION IN THE FIRST QUARTER OF THE 21ST CENTURY: TRENDS, COMPONENTS, PROSPECTS

Oleg L. Rybakovsky

FCTAS RAS

(24/35 cor. 5, Krzhizhanovskogo str., Moscow, Russia, 117218)

E-mail: 1246185@mail.ru

For citation:

Rybakovsky O.L. Fertility of the Russian population in the first quarter of the 21st century: trends, components, prospects. *Narodonaselenie [Population]*. 2026. Vol. 29. No. 1. P. 4-15. DOI: 10.24412/1561-7785-2026-1-4-15 (in Russ.)

Abstract. *The object of the study is fertility of the population of the Russian Federation in 2001–2025. The purpose of the study is to identify current trends in fertility of the population of the Russian Federation in 2001–2025, their components/factors, and to evaluate fertility forecasts of Rosstat. Research methods: demographic statistical analysis. The source of statistics for the calculations is Rosstat. According to our estimates, the number of births in the Russian Federation in 2007–2015 increased by 87% due to the growth in the birth rate intensity and by 13% due to the increase in the number of women aged 20–39. The number of births in 2016–2024 decreased by 55% due to the decrease in the birth rate intensity and by 45% due to the decrease in the number of women aged 20–39. The rise in the birth rate in the Russian Federation from 2007 to 2015 was explained not only by demographic policy measures and the growing number of women aged 20–39, but also by a more stable political and socio-economic situation in the country. Furthermore, the cohorts of women who gave birth then had a favorable demographic history, making them easily inclined to have a second or third child, either early or even unplanned. After 2016, they began to be displaced by the cohort born in the turbulent 1990s. This cohort is not only significantly smaller in number, but also, in terms of reproductive success and demographic history, qualitatively inferior to the previous one. State intervention in fertility since 2007 has had, in addition to obvious positive results, negative consequences. Stimulating fertility in the Russian Federation during a period of increasing numbers of women of active reproductive age has contributed to increased instability and volatility in the current and future age structure of the country's population. This has had, and will continue to have, an adverse impact on its socio-economic and other spheres.*

Keywords: *fertility of the population of Russia, its indicators, components, factors; number of births, total fertility rate (TFR), number and proportion of women of active reproductive age, current levels and forecast of fertility.*

References and Internet sources

1. Andreev E. M. O tochnosti rezul'tatov rossijskikh perepisej naseleniya i stepeni doveriya k raznym istochnikam informatsii [On accuracy of Russia population censuses results and level of confidence in different sources of information]. *Voprosy statistiki [Statistical Issues]*. 2012. No. 11. P. 21–35. (in Russ.)
2. Rybakovsky O. L. Balans naseleniya regionov Rossii v 1992–2023 gg. i perepisnyye popravki [Population balance of the regions of Russia in 1992–2023 and census corrections]. *Narodonaselenie [Population]*. 2024. Vol. 27. No. 2. P. 71–82. DOI: 10.24412/1561-7785-2024-2-71-82 (in Russ.)
3. Kozlova O. A., Makarova M. N., Arkhangelsky V. N. Metodicheskiy podkhod k otsenke faktornogo vliyaniya na rozhdayemost' v Rossii [Methodological approach to assessing factor influence on

- fertility in Russia]. Uroven' zhizni naseleniya regionov Rossii [*Living Standards of the Population in the Regions of Russia*]. 2024. Vol. 20. No. 1. P. 76–90. (in Russ.)
4. Zakharov S. V., Churilova E. V. Veroisповедaniye, religioznost' i rozhdayemost' v Rossii. Yest' li vzaimosvyaz'? [Fertility in Russia: Does religion and religiousness matter?]. Gosudarstvo, religiya, tserkov' v Rossii i za rubezhom. [*State, Religion and Church in Russia and Worldwide*]. 2022. Vol. 40. No. 4. P. 77–104. DOI: 10.22394/2073-7203-2022-40-4-77-104 (in Russ.)
 5. Sigareva E. P., Sivoplyasova S. Yu. Vliyaniye vneshney migratsii na brachnost' i rozhdayemost' v sovremennoy Rossii [The impact of external migration on marriage and fertility in modern Russia]. Nauchnyy rezul'tat. Sotsiologiya i upravleniye [*Research Result. Sociology and Management*]. 2022. Vol. 8. No. 1. P. 68–81. DOI: 10.18413/2408-9338-2022-8-1-0-6 (in Russ.)
 6. Rybakovsky O. L., Tayunova O. A. Rozhdaemost' naseleniya Rossii i demograficheskiye volny [Fertility in Russia and demographic waves]. Narodonaselenie [*Population*]. 2017. No. 4. P. 56–66. (in Russ.)
 7. Rybakovsky L. L., Fadeeva T. A. Rozhdaemost' naseleniya regionov Rossii v kontse 20 — nachale 21 vv.: tendentsii, osobennosti i posledstviya [Fertility of the population of Russian regions in the late 20th — early 21st centuries: trends, features and consequences]. Narodonaseleniye [*Population*]. 2024. Vol. 27. No. 2. P. 111–124. DOI: 10.24412/1561-7785-2024-2-111-124 (in Russ.)
 8. Rybakovsky O. L., Tayunova O. A. Faktory dinamiki rozhdayemosti naseleniya Rossii v nachale 21 veka [Birth rate of the population in early 21st century Russia]. Sotsiologicheskiye issledovaniya [*Sociological Studies*]. 2014. No. 9. P. 19–24. (in Russ.)
 9. Kashepov A. V. Demograficheskiye prognozy: istoricheskiy obzor i prakticheskoye ispol'zovaniye [Demographic forecasts: historical review and practical use]. Vestnik Altayskoy akademii ekonomiki i prava [*Journal of Altai Academy of Economics and Law*]. 2023. No. 5–2. P. 233–241. DOI: 10.17513/vael.2831 (in Russ.)
 10. Volkov A. G. Izbrannyye demograficheskiye trudy [Selected Demographic Works]. Compiled and edited by A. G. Vishnevsky. Moscow. Izd. dom Vysshey shkoly ekonomiki. [HSE Publishing House]. 2014. 567 p. (in Russ.)
 11. Rybakovsky L. L. Metodologicheskiye osnovy prognozirovaniya naseleniya [*Methodological Foundations of Population Forecasting*]. Moscow. Statistika [Statistics]. 1978. 208 p. (in Russ.)
 12. Demograficheskoye razvitiye Rossii: tendentsii, prognozy, mery. Natsional'nyy demograficheskii doklad — 2020 [*Demographic Development of Russia: Trends, Forecasts, Measures. National Demographic Report 2020*]. Ed. S. V. Ryazantsev. Moscow. Ob'edinennaya Redaktsiya [United Editorial Office]. 2020. 156 p. DOI: 10.25629/NS.2020.13.01 (in Russ.)
 13. Rybakovsky L. L. Demograficheskoye budushcheye Rossii: prognozy i real'nost' [Russia's demographic future: forecasts and reality]. Narodonaselenie [*Population*]. 2023. Vol. 26. No. 3. P. 4–15. DOI: 10.19181/population.2023.26.3.1 (in Russ.)
 14. Arkhangel'skiy V. N., Ivanova A. E., Fadeeva T. A. Vosproizvodstvennyy potentsial demograficheskogo razvitiya Rossii [*Reproducible Potential of Demographic Development in Russia*]. Ed. L. L. Rybakovsky. Moscow. Ekon-Inform [Econ-Inform]. 2022. 165 p. (in Russ.)
 15. Sigareva E. P., Sivoplyasova S. Yu., Arkhangel'skiy V. N. Izmeneniya chelovecheskogo potentsiala v Rossii do 2050 goda pod vliyaniem transformatsii vozrastnoy struktury naseleniya [Changes in human potential in Russia until 2050 under the influence of the transformation of the age structure of the population]. Ekonomika. Nalogi. Pravo [*Economics, Taxes and Law*]. 2023. Vol. 16. No. 2. P. 37–47. DOI: 10.26794/1999-849X-2023-16-2-37-47 (in Russ.)

Information about the author:

Rybakovsky Oleg Leonidovich, Doctor of Economics, Head of Laboratory, FCTAS RAS, Moscow, Russia.
Contact information: e-mail: 1246185@mail.ru; ORCID: 0000-0002-8937-3166; Elibrary SPIN-code: 7022-5369.

Статья поступила в редакцию 13.10.2025, утверждена 16.02.2026, опубликована 31.03.2026.

DOI: 10.24412/1561-7785-2026-1-16-27
EDN: ODHBLI

СМЕРТНОСТЬ В МОЛОДЫХ ВОЗРАСТАХ И ПОТЕРИ ОЖИДАЕМОЙ ПРОДОЛЖИТЕЛЬНОСТИ ЖИЗНИ В РОССИИ ПО ПРИЧИНАМ СМЕРТИ

Швец Ф.

НИУ «Высшая школа экономики»
(109028, Москва, Большой Трёхсвятительский пер., 3)

E-mail: fkshvets@edu.hse.ru

Для цитирования:

Швец Ф. Смертность в молодых возрастах и потери ожидаемой продолжительности жизни в России по причинам смерти // Народонаселение. – 2026. – Т. 29 – № 1. – С. 16-27. DOI: 10.24412/1561-7785-2026-1-16-27; EDN: ODHBLI

Аннотация. В статье рассмотрена проблема высокой смертности молодёжи, которая влияет на сокращение средней ожидаемой продолжительности жизни (ОПЖ) в России и потенциал, который стоит за сокращением смертности. Цель исследования — выявить, какие классы и причины смерти определяют высокую смертность молодёжи (возраст 20–34 года) в России. Метод исследования — расчёт показателя потерянных лет потенциальной жизни (Life Years Lost), предложенный П. К. Андерсеном и его коллегами в 2013 году. Данные для эмпирического анализа взяты с официального сайта Центра Демографических Исследований Российской экономической школы (ЦДИ РЭШ). В результате исследования выявлено, что пик потерь в ОПЖ из-за смертности в молодых возрастах как для мужчин, так и для женщин пришёлся на 2005 год. В последующие 14 лет произошло трёхкратное снижение уровня смертности среди молодёжи и в 2019 г. (перед пандемией COVID-10) был достигнут исторический минимум. В 2022 г. среднестатистический мужчина терял 0,88 года в ОПЖ из-за смертности в молодых возрастах, а среднестатистическая женщина 0,12 года. Чрезмерную смертность молодёжи определяют, прежде всего, внешние причины смерти, ВИЧ-инфекция, а также алкогольно-ассоциированные болезни. Пандемия COVID-19 подсветила проблему злоупотребления алкоголем молодёжью, когда за короткий промежуток времени среди мужчин увеличилось количество смертей от «случайных отравлений», «падений», «случайных утоплений» и «повреждений с неопределёнными намерениями». Среди женщин в период пандемии также фиксировался рост отдельного числа внешних причин смерти.

Ключевые слова: ожидаемая продолжительность жизни, потерянные годы потенциальной жизни, смертность молодёжи, внешние причины смерти.

Введение

Увеличение продолжительности жизни населения является одной из приоритетных задач современной России. В частности, в Указе Президента РФ от 21.07.2020 № 474 «О национальных целях развития Российской Федерации на период до 2030 года», поставлена цель по достижению показателей средней ожидаемой продолжительности жизни (ОПЖ) до уровня 78 лет к 2030 году. Если бы эта задача была провозглашена в 1960-е гг., то она была бы более выполнимой, поскольку именно в тот период России удалось приблизиться к показателям экономически развитых стран. Последующие социальные и политические изменения, вкуче с кризисом последнего десятилетия XX века отбросили Россию на несколько шагов назад [1]. Более того, несмотря на успешный период с 2003 по 2015 гг., когда ОПЖ женщин увеличилась на 4,8 года, а мужчин — на 7,8 лет, общие показатели ОПЖ при рождении в России были далеки от лидирующих стран¹.

Изучение факторов разрыва в ОПЖ между Россией и развитыми странами определяется, не в последнюю очередь, высокой смертностью молодёжи. Начиная с подросткового возраста (15 лет), увеличивается разница в смертности между Россией и развитыми странами, а максимум этого разрыва приходится на возрастную группу 30–34 лет. Более того, если мы сравним показатели с государствами постсоветского пространства, то обнаружим, что показатели смертности как мужчин, так и женщин в возрасте 15–29 лет в России выше, чем у других стран СНГ [2].

Исследование структуры смертности в молодых возрастах имеет большой социально-экономический подтекст, поскольку молодёжь является наиболее активной социальной группой, которая составляет основу трудоспособного населения. Принимая во внимание этот факт, становится очевидным, что для эффективной разработки

мер по снижению смертности населения в молодых возрастах и увеличения общей ОПЖ, критически важно регулярно обновлять данные о структуре смертности, в том числе, делая акцент на ее различиях по социально-демографическим характеристикам. Цель настоящего исследования состоит в оценке потерь в ОПЖ, обусловленных избыточной смертностью российской молодёжи.

Обзор литературы и методы исследования

Область изучения смертности в России является достаточно систематизированной. В конце прошлого столетия и в начале XXI века учёными-демографами было определено, что тенденции смертности в России, на её советском и современном этапе, имели синусоидальный характер [3–4]. Увеличению или снижению показателей смертности могли способствовать как внешние, так и внутренние факторы. Например, антиалкогольная кампания в 1985–1989 гг. привела к снижению смертности и росту ОПЖ, в то время как распад СССР с его глобальными социально-экономическими потрясениями послужил спусковым крючком для обратного эффекта [5]. Только после 2003 г. ситуация с ростом смертности стабилизировалась и началось её снижение восстановительного характера [6]. В дальнейшем на сформировавшийся позитивный тренд начали оказывать влияние различные социально-экономические факторы [7], роль которых сохраняется и в 2020-е гг. [8]. На протяжении всего советского периода на территории России фиксировалась высокая смертность населения трудоспособного возраста. В 1990-е гг. резко возросла смертность среди молодёжи. Именно в молодых возрастах (20–39 лет) были зафиксированы наиболее негативные сдвиги. Для мужчин в этом возрастном диапазоне смертность выросла более чем на 60% в соответствующей популяции [9].

В новом тысячелетии выделяются два временных отрезка, а именно, с 2000 по 2005 гг. и с 2006 по 2019 годы. Первый пе-

¹ Данилова И. А. Региональный анализ смертности по причинам смерти в России. Диссертация на соискание кандидата социологических наук по специальности 22.00.03 / НИУ «Высшая школа экономики». — Москва, 2018. — 200 с.

риод был более трудным для молодых женщин, поскольку среди них исследователи фиксировали только негативную динамику смертности. У мужчин сначала наблюдалось снижение показателей смертности в 2000–2002 гг., а затем их рост в 2003–2005 годах. Второй же период, с точки зрения снижения смертности, был одинаково позитивным как для мужчин, так и для женщин [10]. Решающее значение в росте ОПЖ в тот период имело снижение смертности от болезненной системы кровообращения и внешних причин [5]. Более того, именно снижение смертности от внешних причин внесло наибольший вклад в увеличение ожидаемой продолжительности жизни в возрастной группе от 15 до 44 лет. Принимая во внимание тот факт, что в большинстве случаев внешние причины смерти регистрируются среди молодой и наиболее трудоспособной части населения², исследования в этой области приобрели особую актуальность, которая сохраняется и по сей день.

В этой связи представляется интересным проведение исследования современных тенденций в структуре смертности Российской молодёжи. Ответы, полученные в ходе эмпирического анализа, помогут понять, за счёт каких факторов формируется отставание России от западных стран и что препятствует достижению государственных целей. Наиболее оптимальным инструментом для решения поставленной научной задачи является метод расчёта потерянных лет жизни (Life Years Lost — LYL), который был предложен в 2013 г. П. К. Андерсеном и его коллегами. Расчёт этого показателя позволяет оценить, сколько лет жизни теряет среднестатистический человек из-за смертности в определённом возрастном диапазоне (в нашем случае это возрастной интервал 20–34 года)³. То есть, в данном исследовании будут рассчитаны не только потери в возрасте 20–34 лет, но и все годы по-

сле 35 лет, которые не были прожиты из-за чрезмерной смертности в 20–34 года.

Работа основана на данных Центра Демографических Исследований Российской Экономической Школы (ЦДИ РЭШ). В частности, для расчёта показателя потерянных лет жизни были использованы два набора данных: коэффициенты смертности по возрасту и полу в 5-летних возрастных группах (2000–2022 гг.) для построения таблиц смертности и коэффициенты смертности по возрасту, полу и причинам смерти в 5-летних возрастных группах (2000–2022 гг.) для расчёта искомого показателя. Использовался перечень причин смерти Международной классификации болезней 10-го пересмотра (МКБ-10).

Результаты и обсуждение

В 2000 г. среднестатистический мужчина терял 2,13 года (или 5,19%) потенциальной продолжительности жизни из-за смертности в возрастном диапазоне 20–34 лет (рис. 1). Пик потерь пришёлся на 2005 г., когда показатель потерянных лет жизни превысил отметку в 2,4 года. Начиная с 2006 г. и до 2019 г. наблюдалось постепенное снижение количества потерянных лет жизни. За этот период этот показатель снизился в 2,5 раза и к 2019 г. достиг исторического минимума. На этом примере можно зафиксировать эффект благоприятных социально-экономических условий: за 13 лет ОПЖ мужчин увеличилась на 8 лет и этот рост совпал с увеличением доходов и принятием антиалкогольных законов в 2006 году. Из этих 8 лет почти четверть (1,75 года) пришлась на снижение смертности в возрасте 20–34 лет, когда она является контролируемой, а это значит, что существует потенциал для ещё большего увеличения ОПЖ.

Стартовые позиции женщин в начале XXI в. были более благоприятными: в 2000 г. в России средняя продолжительность жизни женщины сократалась на 0,28 года (или на 0,52%) из-за смертности в возрастном интервале 20–34 лет (рис. 2). Приведём тот же пример, что и для мужчин: в 2000 г. среднее количество лет, которое предстояло

² Юмагузин В. В. Внешние причины смерти и продолжительность жизни в России // Демоскоп Weekly. — 2011. — № 485–486. — С. 35.

³ Андерсен П. К., Канудас-Ромо В., Кейдинг Н. Причинно-следственные показатели потерянных лет жизни // Демографические исследования. — 2013. — № 29. — С. 1127–1152.

дожить женщине в возрасте 20 лет составляло 53,88 года. Однако, в ситуации отсутствия чрезмерной смертности в возрастном диапазоне 20–34 лет, этот показатель достигал бы отметки в 54,16 года. До 2019 г. наблюдалась аналогичная тенденция в колебаниях исследуемого показателя как для женщин, так и для мужчин. В частности, пик

роста потерянных лет жизни у женщин также пришёлся на 2005 г., после чего начался этап позитивных изменений. Исторический минимум был достигнут в 2019 г. — Россия была близка к сведению смертности среди молодых женщин к минимуму, однако, пандемия COVID-19 воспрепятствовала достижению этой цели.

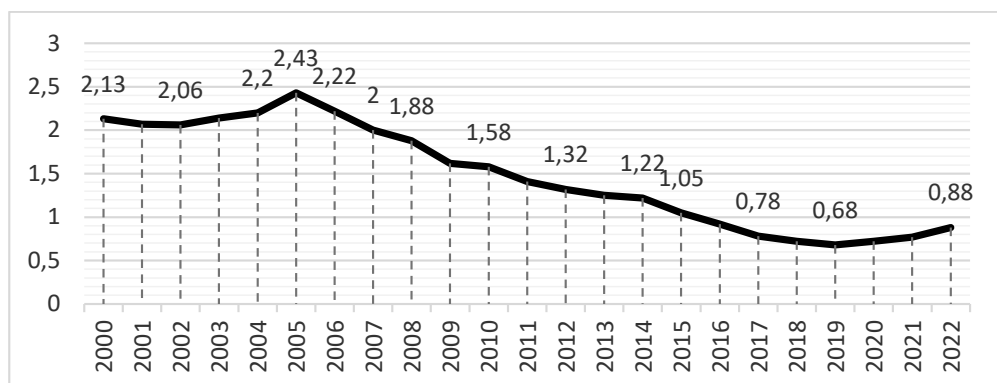

Рис. 1. Потерянные годы жизни в ОПЖ из-за смертности в диапазоне 20–34 лет (мужчины)
Fig. 1. Life years lost (LYL) because of mortality at the age of 20–34 (males)

Источник: рассчитано автором на основе данных ЦДИ РЭШ.

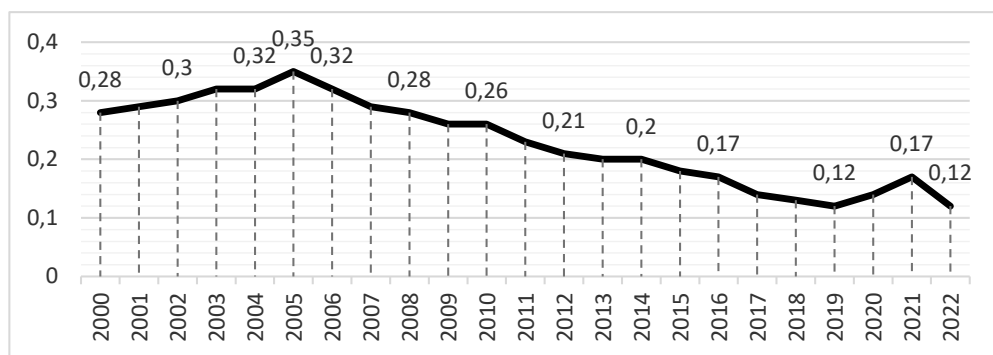

Рис. 2. Потерянные годы жизни в ОПЖ из-за смертности в диапазоне 20–34 лет (женщины)
Fig. 2. Life years lost because of mortality at the age of 20–34 (females)

Источник: рассчитано автором на основе данных ЦДИ РЭШ.

Первый взгляд на картину динамики показателя потерянных лет жизни по основным классам смерти (рис. 3) даёт понять, что определяющее место в структуре смертности молодых мужчин в России занимают внешние причины. Примечательно, что

ни в один из периодов с 2000 по 2022 гг. суммарный вклад всех остальных классов смерти не превышал вклада внешних причин. Вторым по значимости классом смерти являются болезни системы кровообращения, однако, особое внимание привлекает класс

«некоторых инфекционных и паразитарных болезней»: в 2000 г. они занимали третье место по вкладу в количество потерянных лет жизни. При этом, в те годы наибольшее количество потерянных лет приходилось на туберкулёз. После 2003 г. данная болезнь уступила первое место внутри класса вирусу иммунодефицита человека (ВИЧ).

Принято считать, что структура смертности определяется «большой четвёркой» — сердечно-сосудистыми заболеваниями, внешними причинами смерти, новообразованиями и болезнями органов дыхания.

Однако, в случае молодых мужчин этот состав претерпевает изменения, поскольку новообразования и болезни органов дыхания уступают свои места инфекционным и паразитарным болезням, а также заболеваниям пищеварительной системы. С помощью табл. 1 можно прийти к выводу, что в начале каждого пятилетнего периода либо туберкулёз, либо ВИЧ оказывали наибольшее влияние на количество потерянных лет жизни, вкпе с «болезнями органов пищеварения», которые с 2010 г. неизменно входят в топ-5 причин смерти мужчин.

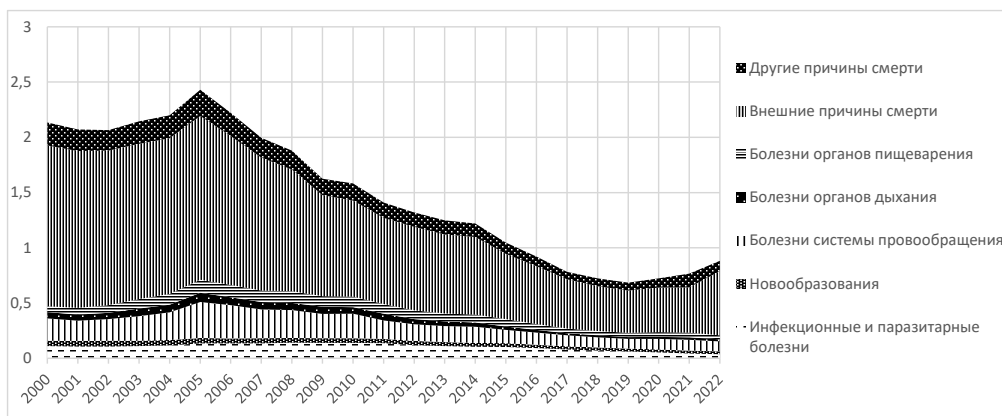

Рис. 3. Потерянные годы жизни в ОПЖ из-за смертности в диапазоне 20–34 лет (мужчины) по основным классам смертности

Fig. 3. Life years lost due to mortality in the range of 20–34 years (males) by major classes of death

Источник: рассчитано автором на основе данных ЦДИ РЭШ.

Внимания заслуживают внешние причины смерти. Первое, с чего стоит начать, это то, что в последние 10 лет внутри этого класса сложилась чёткая иерархия, основанная на вкладе в потерянные годы жизни. Так, в 2000 г. «преднамеренные самоповреждения» занимали первое место по вкладу в потерянные годы жизни, в то время как «случайные отравления» были вторыми. Уже к 2005 г. между этими причинами произошла рокировка. В табл. 2 можно также проследить динамику снижения вклада такой причины, как «нападения». Если в 2000 г. эта причина занимала четвёртое место, то к 2015 г. она выпала из пятёрки наиболее влиятельных факторов с десяти-

кратным снижением показателя по сравнению с 2000 годом. На примере внешних причин прослеживается явное влияние пандемии COVID-19. В 2019 г. вклад «транспортных несчастных случаев» в потерянные годы жизни оценивался в 0,082 пункта, однако в 2021 г. он снизился до 0,078. Вероятнее всего, это связано с тем, что люди, в том числе молодые мужчины, находились в режиме самоизоляции и были ограничены в передвижении.

Напротив, количество лет жизни, потерянных в результате «случайных отравлений» увеличилось. Это можно объяснить тем, что, находясь длительное время дома, молодые люди могли бесконтрольно упо-

Таблица 1

Пять причин смерти с наибольшим вкладом в потерянные годы ожидаемой продолжительности жизни, за исключением внешних причин смерти, в 2000, 2005, 2010, 2015 и 2020 гг. (мужчины)

Table 1

Five causes of death with the greatest contribution to life years lost excluding external causes of death, in 2000, 2005, 2010, 2015 and 2020 (males)

2000	2005	2010	2015	2020
Другие заболевания LYL = 0,208 (9,76%)	Другие заболевания LYL = 0,237 (9,73%)	Другие заболевания LYL = 0,154 (9,74%)	Другие заболевания LYL = 0,101 (9,66%)	Другие заболевания LYL = 0,085 (11,78%)
Другие болезни системы кровообращения LYL = 0,102 (4,79%)	Другие болезни системы кровообращения LYL = 0,218 (8,95%)	Другие болезни системы кровообращения LYL = 0,150 (9,47%)	Другие болезни системы кровообращения LYL = 0,076 (7,27%)	Другие болезни системы кровообращения LYL = 0,063 (8,82%)
Туберкулёз LYL = 0,093 (4,38%)	Туберкулёз LYL = 0,104 (4,28%)	Туберкулёз LYL = 0,067 (4,24%)	ВИЧ LYL = 0,066 (6,25%)	ВИЧ LYL = 0,040 (5,53%)
Ишемическая болезнь сердца LYL = 0,074 (3,46%)	Ишемическая болезнь сердца LYL = 0,079 (3,25%)	Болезни печени LYL = 0,061 (3,89%)	Болезни печени LYL = 0,041 (3,9%)	Болезни печени LYL = 0,024 (3,27%)
Новообразования LYL = 0,049 (2,31%)	Болезни печени LYL = 0,076 (3,15%)	ВИЧ LYL = 0,060 (3,79%)	Новообразования LYL = 0,034 (3,27%)	Новообразования LYL = 0,027 (3,78%)

Примечание: в скобках указан вклад конкретной причины смерти в показатель потерянных лет жизни.

Источник: рассчитано автором на основе данных ЦДИ РЭШ.

Таблица 2

Пять причин смерти из класса внешних причин с наибольшим вкладом в потерянные годы ожидаемой продолжительности жизни, в 2000, 2005, 2010, 2015 и 2020 гг. (мужчины)

Table 2

Five causes of death from the class of external causes with the greatest contribution to life years lost, 2000, 2005, 2010, 2015 and 2020 (males)

2000	2005	2010	2015	2020
Преднамеренные самоповедения LYL = 0,301 (14,11%)	Случайные отравления LYL = 0,343 (14,13%)	Преднамеренные самоповедения LYL = 0,180 (11,39%)	Повреждения с неопределёнными намерениями LYL = 0,140 (13,38%)	Повреждения с неопределёнными намерениями LYL = 0,123 (17,13%)
Случайные отравления LYL = 0,248 (11,65%)	Преднамеренные самоповедения LYL = 0,261 (10,74%)	Несчастные ДТП LYL = 0,157 (9,96%)	Несчастные ДТП LYL = 0,120 (11,39%)	Несчастные ДТП LYL = 0,085 (11,74%)
Несчастные ДТП LYL = 0,218 (10,25%)	Несчастные ДТП LYL = 0,232 (9,53%)	Повреждения с неопределёнными намерениями LYL = 0,152 (9,64%)	Преднамеренные самоповедения LYL = 0,117 (11,1%)	Преднамеренные самоповедения LYL = 0,065 (9,05%)
Нападения LYL = 0,21 (9,85%)	Повреждения с неопределёнными намерениями LYL = 0,207 (8,51%)	Случайные отравления LYL = 0,128 (8,11%)	Случайные отравления LYL = 0,075 (7,18%)	Случайные отравления LYL = 0,053 (7,32%)
Повреждения с неопределёнными намерениями LYL = 0,186 (8,73%)	Нападения LYL = 0,183 (7,53%)	Нападения LYL = 0,086 (5,47%)	Другие внешние причины LYL = 0,054 (5,2%)	Другие внешние причины LYL = 0,029 (4,05%)

Примечание: В скобках указан вклад конкретной причины смерти в показатель потерянных лет жизни.

Источник: рассчитано автором на основе данных ЦДИ РЭШ.

треблять алкоголь, что в некоторых случаях приводило к отравлению с летальным исходом. На этом фоне можно также зафиксировать рост смертности от таких причин как «падения», «случайные утопления» и «повреждения с неопределёнными намерениями», которые могли происходить также из-за чрезмерного употребления алкоголя.

Структура классов смерти по вкладу в потерянные годы жизни у женщин (рис. 4) имеет одну общую с мужчинами особенность. В частности, результаты расчётов показывают, что большая часть потерь приходится на внешние причины и болезни системы кровообращения. Однако только в 2000–2002 гг. количество лет жи-

зни, потерянных из-за смерти от внешних причин, превысило суммарный показатель от всех других причин. На фоне общего снижения смертности после 2005 г. эта тенденция не была зафиксирована в двух классах, а именно «инфекционных и паразитарных заболеваниях» и «новообразованиях». Особенно выделяется тот факт, что в 2016 г., после пяти лет снижения смертности от инфекционных и паразитарных заболеваний, число смертей от ВИЧ-инфекции резко возросло, в результате чего вклад этого класса в показатель потерянных лет жизни также увеличился. Уже в 2017 г. смертность от ВИЧ-инфекции снова начала снижаться, однако, сомнения относительно стабильности ситуации с ВИЧ остались.

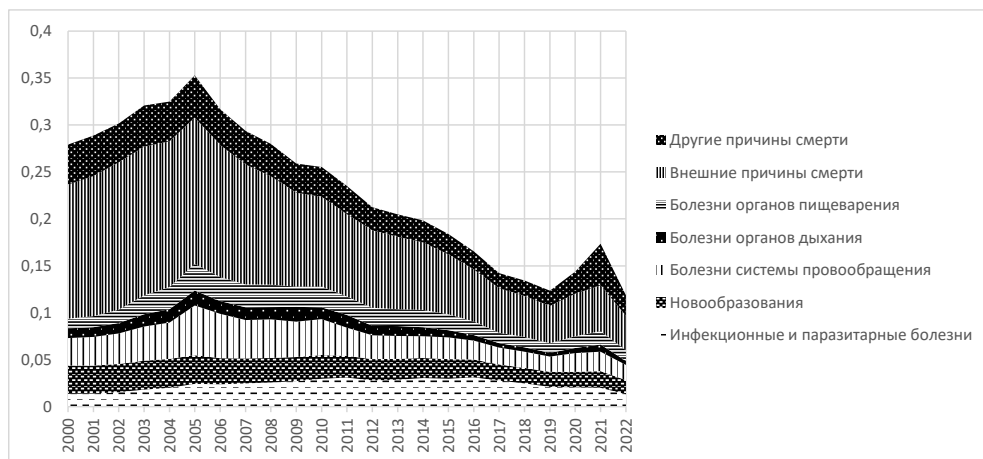

Рис. 4. Потерянные годы жизни в ОПЖ из-за смертности в диапазоне 20–34 лет (женщины) по основным классам смертности

Fig. 4. Life years lost due to mortality in the range of 20–34 years (females) by major classes of death
Источник: рассчитано автором на основе данных ЦДИ РЭШ.

Более детальный анализ структуры смертности молодых женщин по основным причинам смерти (табл. 3) даёт основания сделать вывод о том, что в случае молодых женщин имеет место снижение смертности от ишемической болезни сердца. В 2000 и 2005 гг. эта причина смерти входила в топ-7, оказывающих наибольшее влияние на показатель потерянных лет жизни (исключая внешние причины), одна-

ко, в последующие временные промежутки она уступила место «цереброваскулярным заболеваниям». Также можно отметить, что «другие болезни системы кровообращения» (в том числе алкогольная кардиомиопатия) регулярно входят в число ведущих причин, оказывающих наибольшее влияние на потерянные годы жизни. «Заболевания печени» также неизменно находятся в пятёрке причин с наиболее весомым вкладом в по-

тери в ОПЖ, начиная с 2005 года. Последние два факта наводят на мысль о том, что среди молодых женщин также существует проблема злоупотребления алкоголем.

Таблица 3

Пять причин смерти с наибольшим вкладом в потерянные годы ожидаемой продолжительности жизни, за исключением внешних причин смерти, в 2000, 2005, 2010, 2015 и 2020 гг. (женщины)

Table 3

Five causes of death with the greatest contribution to life years lost excluding external causes of death, 2005, 2010, 2015, 2020 (females)

2000	2005	2010	2015	2020
Другие заболевания LYL = 0,043 (15,23%)	Другие заболевания LYL = 0,045 (12,83%)	Другие заболевания LYL = 0,032 (12,21%)	Другие заболевания LYL = 0,022 (12,05%)	Другие заболевания LYL = 0,023 (16,77%)
Новообразования LYL = 0,030 (10,71%)	Другие болезни системы кровообращения LYL = 0,036 (10,32%)	Другие болезни системы кровообращения LYL = 0,027 (10,2%)	ВИЧ LYL = 0,022 (12,06%)	ВИЧ LYL = 0,017 (12,23%)
Другие болезни системы кровообращения LYL = 0,016 (5,68%)	Другие болезни системы кровообращения LYL = 0,016 (5,68%)	Новообразования LYL = 0,025 (9,75%)	Новообразования LYL = 0,021 (11,54%)	Новообразования LYL = 0,016 (11,67%)
Туберкулёз LYL = 0,010 (3,51%)	Болезни печени LYL = 0,022 (6,26%)	Болезни печени LYL = 0,017 (6,64%)	Другие болезни системы кровообращения LYL = 0,015 (8,61%)	Другие болезни системы кровообращения LYL = 0,014 (9,83%)
Грипп и пневмония LYL = 0,008 (2,81%)	Туберкулёз LYL = 0,018 (5,13%)	ВИЧ LYL = 0,013 (5,15%)	Болезни печени LYL = 0,013 (7,21%)	Болезни печени LYL = 0,009 (6,58%)

Примечание: В скобках указан вклад конкретной причины смерти в показатель потерянных лет жизни.

Источник: рассчитано автором на основе данных ЦДИ РЭШ.

Структура класса внешних причин по вкладу в показатель потерянных лет жизни у женщин по сравнению с мужчинами имеет как отличия, так и сходства (табл. 4). Основной общий момент заключается в том, что с 2010 г. «транспортные несчастные происшествия» и «повреждения с неопределёнными намерениями» неизменно занимают первые две позиции. Более того, в случае с женщинами за весь период с 2000 по 2022 гг. «транспортные несчастные происшествия» ни разу не выпадали из топ-2. Второе сходство связано с такой причиной, как «случайные отравления». Пик влияния этой причины пришёлся на 2005 г. с последующим снижением. Однако, во время пандемии показатели смертности от этой причины и, соответственно, количество потерянных лет жизни начали расти (+50% по сравнению с 2019 г.).

Переходя к различиям, первое, что можно выделить, это изменившаяся роль такой причины, как «нападения». В 2000 г. на долю «нападений» приходился самый высокий уровень смертности внутри этого класса, однако, уже в 2005 г. эта причина отошла на второй план. В последующие годы смертность от нападений среди молодых женщин продолжала снижаться и к 2020 г. вклад этой причины достиг минимума, снизившись за это время почти в 10 раз.

Отдельное внимание стоит уделить периоду пандемии COVID-19. В отличие от мужчин, показатели смертности молодых женщин от «транспортных несчастных происшествий» во время пандемии не снизились, а остались на прежнем уровне. Кроме того, возросла смертность и, соответственно, количество потерянных лет жизни, в результате участвовавших нападений.

Таблица 4

Пять причин смерти из класса внешних причин с наибольшим вкладом в потерянные годы ожидаемой продолжительности жизни, в 2000, 2005, 2010, 2015 и 2020 годах (женщины)

Table 4

Five causes of death from the class of external causes with the greatest contribution to life years lost, 2005, 2010, 2015, 2020 (females)

2000	2005	2010	2015	2020
Нападения LYL = 0,030 (10,69%)	Несчастные ДТП LYL = 0,032 (9,06%)	Несчастные ДТП LYL = 0,021 (7,94%)	Несчастные ДТП LYL = 0,017 (9,33%)	Повреждения с неопределёнными намерениями LYL = 0,014 (10,18%)
Несчастные ДТП LYL = 0,028 (10%)	Случайные отравления LYL = 0,031 (8,98%)	Повреждения с неопределёнными намерениями LYL = 0,016 (6,28%)	Повреждения с неопределёнными намерениями LYL = 0,014 (7,96%)	Несчастные ДТП LYL = 0,011 (7,76%)
Случайные отравления LYL = 0,022 (8,01%)	Нападения LYL = 0,026 (7,54%)	Случайные отравления LYL = 0,015 (5,68%)	Преднамеренные самоповреждения LYL = 0,009 (5,12%)	Преднамеренные самоповреждения LYL = 0,006 (4,11%)
Преднамеренные самоповреждения LYL = 0,020 (7,16%)	Повреждения с неопределёнными намерениями LYL = 0,021 (6,12%)	Преднамеренные самоповреждения LYL = 0,014 (5,53%)	Случайные отравления LYL = 0,008 (4,54%)	Случайные отравления LYL = 0,005 (3,65%)
Повреждения с неопределёнными намерениями LYL = 0,018 (6,47%)	Преднамеренные самоповреждения LYL = 0,018 (5,24%)	Нападения LYL = 0,013 (4,83%)	Нападения LYL = 0,007 (3,63%)	Другие внешние причины LYL = 0,0034 (2,46%)

Примечание 1: В скобках указан вклад конкретной причины смерти в показатель потерянных лет жизни.

Источник: рассчитано автором на основе данных ЦДИ РЭШ.

Относительно остальных внешних причин можно наблюдать «пандемийный» рост, особенно в отношении «падений» и «случайных утоплений», смертность от которых возросла в 2 раза. Такое увеличение показателей во время пандемии может иметь несколько объяснений. Во-первых, нельзя исключать влияние алкоголя, чрезмерное употребление которого может привести к увеличению смертности от случайных отравлений, падений и утоплений. Во-вторых, можно предположить, что в период самоизоляции молодые женщины с большей вероятностью становились жертвами домашнего насилия, о чем свидетельствует увеличение смертности от нападения.

В данном исследовании была предпринята попытка определить, какое количество лет в ОПЖ теряет среднестатистический россиянин из-за избыточной смерт-

ности в молодых возрастах. Эмпирический анализ, основанный на вычислении показателя потерянных лет потенциальной жизни, показал, что избыточная смертность молодёжи крадёт почти год в ОПЖ у мужчин. В случае с женщинами ситуация обстоит намного лучше. Современная Россия обладает потенциалом для ещё большего снижения смертности молодёжи. Чрезмерную смертность молодых людей в нашей стране определяют прежде всего внешние причины смерти (в частности, ДТП, «повреждения с неопределёнными намерениями» и «преднамеренные самоповреждения»), СПИД и туберкулёз, вызванные ВИЧ-инфекцией, а также алкоголь-ассоциированные болезни (болезни печени и алкогольная кардиомиопатия). Пандемия COVID-19 подсветила проблему злоупотребления алкоголем молодыми людьми и ещё раз указала на то, что этот аспект жизнедеятельности должен находиться под строгим контролем во избежание повышения уровня смертности. Тем

не менее, каждая из причин, ведущих к избыточной смертности молодёжи, является предотвратимой и своевременное вмешательство через внедрение мер социальной политики может в значительной степени предотвратить людские потери. Дальнейшие исследования в этой научной области необходимо проводить для получения бо-

лее детальной картины структуры смертности молодёжи уже на региональном уровне. Учитывая большую территорию РФ, наиболее целесообразной может стать стратегия кластеризации регионов на пространства со схожими паттернами в смертности для более эффективного решения демографических проблем российской молодёжи.

Литература и Интернет-источники

1. **Вишневецкий, А.Г.** Смертность и продолжительность жизни в России за полвека / А.Г. Вишневецкий, А.Е. Щур // ОРГЗДРАВ: новости, мнения, обучение. Вестник ВШОУЗ. — 2019. — № 2(16). — С. 10–21. DOI: 10.24411/2411-8621-2019-12003; EDN: UDWCPZ
2. **Щербакова, Е.М.** Молодёжь СНГ: штрихи к демографическому портрету / Е.М. Щербакова // Demoscope Weekly. — 2014. — № 615–616. — С. 22–50. EDN: VSDAJD
3. **Школьников, В.Ф.** Смертность в России: затянувшееся отставание / В.Ф. Школьников, Ф. Милле // Мир России. Социология. Этнология. — 1999. — № 4. — С. 138–162. EDN: NAGVUI
4. **Андреев, Е.М.** Современный демографический кризис и прогнозы населения России / Е.М. Андреев // Мир России. Социология. Этнология. — 1999. — № 4. — С. 175–186. EDN: JGADWN
5. **Школьников, В.М.** Рост продолжительности жизни в России 2000-х годов / В.М. Школьников, Е.М. Андреев, М. Макки, Д.А. Леон // Демографическое обозрение. — 2014. — Т. 1. — № 2. — С. 5–37. EDN: TLMJFN
6. **Андреев, Е.М.** Смертность и продолжительность жизни в России — что нового? / Е.М. Андреев, Е.А. Кваша, Т.Л. Харьковская // Демоскоп Weekly. — 2016. — № 683–684. — С. 1–19. EDN: VUWIVR
7. **Иванова, А.Е.** Факторы искажения структуры причин смерти трудоспособного населения России / А.Е. Иванова, Т.П. Сабгайда, В.Г. Семенова, [и др.] // Социальные аспекты здоровья. — 2013. — № 4(32). — С. 1. EDN: RBTQQZ
8. **Иванова, А.Е.** Прогноз смертности в России исходя из контроля за основными социальными детерминантами / А.Е. Иванова // Социальные аспекты здоровья населения. — 2020. — Т. 66 — № 6. — С. 6. DOI: 10.21045/2071-5021-2020-66-6-6; EDN: FKUFDU
9. **Архангельский, В.Н.** Демографическая ситуации в России: новые вызовы и пути оптимизации / В.Н. Архангельский, О.Д. Воробьева, А.Е. Иванова, [и др.]; ред. С.В. Рязанцев. — Москва: Экон-Информ, 2019. — 79 с. EDN: TRHGUC
10. **Семенова, В.Г.** Потери российской молодежи в контексте поведенческих факторов риска в 2000-е годы / В.Г. Семенова, С.А. Вангородская // Вестник Южно-Российского государственного технического университета (Новочеркасского политехнического института). Серия: Социально-экономические науки. — 2021. — Т. 14 — № 2. — С. 130–141. DOI: 10.17213/2075-2067-2021-2-130-141; EDN: PCFWXG

Сведения об авторе:

Швец Федор, аспирант, НИУ «Высшая школа экономики», Москва, Россия.

Контактная информация: e-mail: fshvets@edu.hse.ru, ORCID: 0009-0007-9270-4222.

DOI: 10.24412/1561-7785-2026-1-16-27

MORTALITY AT YOUNG AGES AND LOSSES IN LIFE EXPECTANCY IN RUSSIA BY CAUSES OF DEATH

Fedor Shvets

HSE University

(3 Bolshoy Trekhsvyatitsky Lane, Moscow, Russia, 109028)

E-mail: fkshvets@edu.hse.ru

For citation:

Shvets F. Mortality at young ages and losses in life expectancy in Russia by causes of death. *Narodonaselenie* [*Population*]. 2026. Vol. 29. No. 1. P. 16-27. DOI: 10.24412/1561-7785-2026-1-16-27 (in Russ.)

Abstract. *The article examines the problem of high youth mortality, which affects reduction of life expectancy in Russia, and the potential behind reduction of mortality. The purpose of the study is to identify the classes and causes of high mortality rate among young people (20–34 years old) in Russia. The research method is calculation of the indicator of life years lost (LYL) proposed by P.K. Andersen and his colleagues in 2013. The data for empirical analysis is taken from the official website of the Center for Demographic Research (CDR) at the New Economic School. The study showed that the peak loss in life expectancy due to mortality at young ages for both males and females was registered in 2005. Over the next 14 years, there was a threefold decrease in the death rate among young people, and in 2019 a historic minimum was reached. In 2022, the average man lost 0.88 years in life expectancy due to mortality at young ages, and the average woman lost 0.12 years. It was found out that the excessive youth mortality is primarily due to external causes of death, HIV infection, as well as alcohol-related diseases. The COVID-19 pandemic highlighted the problem of alcohol abuse among young people, when in a short period of time, the number of deaths among males increased in such categories as «accidental poisoning», «falls», «accidental drownings» and «injuries with uncertain intentions». An increase in the number of external causes of death was also recorded among females during the pandemic.*

Keywords: *life expectancy, lost years of potential life, youth mortality, external causes of death.*

References and Internet sources

1. Vishnevsky A. G., Shchur A. E. Smertnost' i prodolzhitel'nost' zhizni v Rossii za polveka [Mortality and life expectancy in Russia over half a century]. ORGZDRAV: novosti, mneniya, obucheniye. Vestnik VSHOUZ [*Healthcare Management: News, Opinions, Education. Bulletin of VSHOUZ*]. 2019. No. 2(16). P. 10–21. DOI: 10.24411/2411-8621-2019-12003 (in Russ.)
2. Shcherbakova E. M. Molodozh' SNG: shtrikhi k demograficheskomu portretu [Youth of the CIS: touches to the demographic portrait]. *Demoscope Weekly*. 2014. No. 615–616. P. 22–50. (in Russ.)
3. Shkolnikov V. F., Millet F. Smertnost' v Rossii: zatyannuvshyesya otstavaniye [Mortality in Russia: the prolonged lag]. *Mir Rossii. Sotsiologiya. Etnologiya* [*The Universe of Russia. Sociology. Ethnology*]. 1999. No. 4. P. 138–162. (in Russ.)
4. Andreev E. M. Sovremennyy demograficheskiy krizis i prognozy naseleniya Rossii [Modern demographic crisis and forecasts for the Russian population]. *Mir Rossii. Sotsiologiya. Etnologiya* [*The Universe of Russia. Sociology. Ethnology*]. 1999. No. 4. P. 175–186. (in Russ.)
5. Shkolnikov V. M., Andreev E. M., Mackey M., Leon D. A. Rost prodolzhitel'nosti zhizni v Rossii 2000-kh godov [The growth of life expectancy in Russia in the 2000s]. *Demograficheskoye obozreniye* [*Demographic Review*]. 2014. Vol. 1. No. 2. P. 5–37. (in Russ.)
6. Andreev E. M., Kvasha E. A., Kharkova T. L. Smertnost' i prodolzhitel'nost' zhizni v Rossii — chto

- novogo? [Mortality and life expectancy in Russia – what's new?]. *Demoscope Weekly*. 2016. No. 683–684. P. 1–19. (in Russ.)
7. Ivanova A. E., Sabgaida T. P., Semenova V. G., et. al. Faktory iskazheniya struktury prichin smerti trudosposobnogo naseleniya Rossii [Factors distorting structure of death causes in working population in Russia]. *Sotsial'nyye aspekty zdorov'ya [Social Aspects of Population Health]*. 2013. No. 4(32). P. 1. (in Russ.)
 8. Ivanova A. E. Prognoz smertnosti v Rossii iskhodya iz kontrolya za osnovnymi sotsial'nymi determinantami [Mortality forecast in Russia based on the control of the main social determinants]. *Sotsial'nyye aspekty zdorov'ya naseleniya [Social Aspects of Population Health]*. 2020. Vol. 66. No. 6. P. 6. DOI: 10.21045/2071-5021-2020-66-6-6 (in Russ.)
 9. Arkhangelsky V. N., et al. Demograficheskaya situatsiya v Rossii: novyye vyzovy i puti optimizatsii [Demographic Situation in Russia: New Challenges and Ways of Optimization]. National Demographic Report. Ed. S. V. Ryazantsev. 79 p. Moscow. Ekon-Inform [Econ-Inform]. 2019. (in Russ.)
 10. Semyonova V. G., Vangorodskaya S. A. Poteri rossiyskoy molodezhi v kontekste povedencheskikh faktorov riska v 2000-ye gody [Losses of Russian youth in the context of behavioral risk factors in the 2000s]. *Vestnik Yuzhno-Rossiyskogo gosudarstvennogo tekhnicheskogo universiteta (Novocherkasskogo politekhnicheskogo instituta) Seriya: Sotsial'no-ekonomicheskiye nauki [Bulletin of the South-Russian State Technical University (NPI). Series: Socio-Economic Sciences]*. 2021. Vol. 14. No. 2. P. 130–141. DOI: 10.17213/2075-2067-2021-2-130-141 (in Russ.)

Information about the author:

Shvets Fedor, Postgraduate Student, HSE University, Moscow, Russia.

Contact information: e-mail: fkshvets@edu.hse.ru, ORCID: 0009-0007-9270-4222.

Статья поступила в редакцию 25.09.2025, утверждена 16.02.2026, опубликована 31.03.2026.

DOI: 10.24412/1561-7785-2026-1-28-39
EDN: QJOUHF

ДЕМОГРАФИЧЕСКИЕ ФАКТОРЫ НАЛОГОВОЙ ПОЛИТИКИ: ЭФФЕКТЫ ТРАНСФОРМАЦИИ ПОЛОВОЗРАСТНОЙ СТРУКТУРЫ НАСЕЛЕНИЯ

Засько В. Н.¹, Морковкин Д. Е.^{1*}, Симагин Ю. А.², Звягин Л. С.¹

¹Финансовый университет при Правительстве Российской Федерации
(125167, Россия, Москва, Ленинградский проспект, 49/2)

²ИСЭПН ФНИСЦ РАН
(117218, Россия, Москва, Нахимовский проспект, 32)

*E-mail: morkovkinde@mail.ru

Для цитирования:

Засько В.Н., Морковкин Д.Е., Симагин Ю.А., Звягин Л.С. Демографические факторы налоговой политики: эффекты трансформации половозрастной структуры населения // Народонаселение. – 2026. – Т. 29. – № 1. – С. 28-39. DOI: 10.24412/1561-7785-2026-1-28-39; EDN: QJOUHF

Аннотация. Современная налоговая политика России функционирует в условиях демографических трансформаций, характеризующихся изменением половозрастной структуры населения, снижением рождаемости и интенсивным демографическим старением. Данное исследование посвящено комплексному анализу влияния демографических факторов на формирование налоговых доходов федерального и региональных бюджетов через призму структурных изменений налогооблагаемой базы. Рассматриваются механизмы воздействия трансформации возрастного состава населения на различные категории налоговых поступлений, включая подоходные налоги, налоги на потребление и социальные взносы. Анализируется эволюция научных подходов к изучению взаимосвязи демографических процессов и фискальной политики от классических концепций демографического дивиденда до современных теорий демографического бремени. Особое внимание уделяется теоретическому обоснованию дифференцированного влияния различных возрастных когорт на налоговые доходы государства в контексте их экономической активности и потребительского поведения. Исследование демонстрирует необходимость корректировки налоговой политики с учётом долгосрочных демографических трендов для обеспечения фискальной устойчивости государственных финансов. Разработанная концептуальная модель включает анализ прямых и косвенных эффектов демографических изменений на налоговую базу, оценку рисков снижения налоговых поступлений при углублении процесса старения населения и обоснование необходимости адаптивных механизмов налогового регулирования. Научная новизна исследования заключается в создании интегративной теоретической концепции взаимодействия демографических и фискальных процессов, учитывающей специфику российской налоговой системы и демографической ситуации, что открывает возможности для совершенствования методологии среднесрочного и долгосрочного бюджетного планирования.

Ключевые слова: демографические факторы, налоговая политика, половозрастная структура населения, налоговые доходы бюджета, демографическое старение, экономически активное население.

Введение

Современная экономическая наука все больше акцентирует внимание на фундаментальных взаимосвязях между демографическими процессами и функционированием налоговых систем в условиях глобального демографического перехода¹. Российская Федерация переживает период демографических трансформаций, характеризующихся снижением рождаемости, увеличением продолжительности жизни и старением населения, что создаёт серьёзные вызовы для устойчивости государственных финансов и требует переосмысления принципов налогового планирования. Актуальность исследования демографических факторов налоговой политики обусловлена необходимостью адаптации фискальной системы к изменяющейся структуре населения и связанным с ней трансформациям налогооблагаемой базы². Согласно данным Росстата, доля пожилых людей в России к 2046 г. вырастет почти до 27% с текущих 24%, что неизбежно повлияет на структуру налоговых поступлений и потребует разработки новых механизмов фискальной политики.

Научная проблема заключается в отсутствии комплексного теоретического обоснования механизмов влияния демографических трансформаций на налоговые доходы бюджетов различных уровней, а также недостаточной разработанности методологического аппарата для прогнозирования фискальных последствий изменения половозрастной структуры населения. Несмотря на существование отдельных исследований в области демографической экономики и налогового администрирования, в современной экономической науке недостаточно изучены интегративные подходы к анализу взаимодействия демографических и фи-

скальных процессов. Объектом исследования выступают демографические факторы формирования налоговых доходов государственного бюджета в условиях трансформации половозрастной структуры населения. Предметом исследования являются экономические механизмы и закономерности воздействия демографических изменений на структуру и динамику налогооблагаемой базы в контексте обеспечения фискальной устойчивости государственных финансов. Цель исследования — разработка теоретических основ и методологических принципов анализа влияния демографических факторов на налоговую политику государства с учётом специфики российской налоговой системы и долгосрочных демографических тенденций.

Задачи исследования: 1) провести анализ эволюции теоретических концепций взаимосвязи демографических процессов и налоговой политики в контексте развития экономической науки; 2) исследовать механизмы воздействия половозрастной структуры населения на формирование различных категорий налоговых доходов бюджета; 3) обосновать необходимость адаптации налоговой политики к долгосрочным демографическим трендам для обеспечения фискальной устойчивости. Научная новизна заключается в разработке интегративной концептуальной модели взаимодействия демографических и фискальных процессов, позволяющей комплексно оценить влияние изменения половозрастной структуры населения на налоговые доходы бюджета. Практическая значимость определяется возможностью применения разработанных принципов в практике бюджетного планирования и налогового администрирования для повышения точности фискальных прогнозов.

Методы и материалы

Методологическую основу исследования составляют принципы системного подхода в экономической науке, позволяющие рассматривать демографические и фискальные процессы в их взаимосвязи и взаимообусловленности. Теоретической базой высту-

¹ Как старение населения повлияет на экономику России // РБК. — URL: <https://www.rbc.ru/economics/25/10/2023/653654369a79474c35c944c6> (дата обращения: 13.01.2025).

² По оценкам демографов, на начало 2024 г. численность пожилых людей в возрасте 65 лет и старше практически сравнялась с численностью детей младше 15 лет, составив, соответственно, 17,1% и 17,2% населения России. — URL: <https://www.demoscope.ru/weekly/2024/01043/barom03.php> (дата обращения: 13.01.2025).

пают концепции демографической экономики, теории налогообложения и современные представления о механизмах фискальной политики в условиях демографических трансформаций. В качестве основного метода исследования использован теоретический анализ научной литературы, включающий систематизацию результатов современных исследований в области демографической экономики, налогового планирования и фискальной политики. Особое внимание уделено работам следующих авторов: Н.Н. Воробьев, И.В. Воробьева, Р.А. Мороз [1], В.О. Грищенко и А.А. Сиянков [2], М.Л. Дорофеев [3], Е.Г. Котова [4], Н.С. Крылов и М.С. Гурув [5], К.В. Кузнецов [6], А.Б. Луппов и А.Е. Суринов [7], Л.Н. Мордишева [8], А.Г. Назарова [9], Е.А. Питухин, В.А. Гуртов, И.В. Родион [10], Е.П. Сигарева, С.Ю. Сивоплясова, В.Н. Архангельский [11], В.В. Юмагузин и М.В. Винник [12], Ф.И. Аржаев [13], Е.В. Балацкий и Н.А. Екимова [14], В.П. Вишневский, Л.И. Гончаренко, В.В. Дементьев, А.В. Гурнак [15], А.К. Караев и О.В. Борисова [16], А.А. Ткаченко [17], А.В. Ярашева и С.В. Макар [18].

Применялись методы сравнительного анализа различных теоретических подходов, синтеза концептуальных положений и моделирования интегративных схем взаимодействия демографических и налоговых факторов. Эмпирическая база исследования включает данные Росстата, материалы Министерства финансов РФ, аналитические отчёты Института демографии НИУ ВШЭ и других центров, специализирующихся на изучении демографических и экономических процессов.

Результаты и обсуждения

Фундаментальные исследования взаимосвязи демографических процессов и налоговой политики имеют глубокие исторические корни, восходящие к классическим работам представителей экономической школы демографии, заложивших основы понимания роли возрастной структуры населения в формировании государственных финансов. Эволюция научных подходов к изучению демографических факто-

ров налогообложения демонстрирует последовательное усложнение теоретических моделей и расширение методологического аппарата исследований, причём каждая историческая эпоха привносила качественно новые концептуальные решения в понимание природы взаимодействия демографических и фискальных процессов³.

Теоретический анализ показывает, что концептуальные подходы к изучению влияния демографических факторов на налоговые системы прошли несколько этапов развития, отражённых в эволюции научных школ и методологических парадигм. Представленная в табл. 1 систематизация показывает переход от простых линейных моделей зависимости налоговых поступлений от численности населения к сложным мультифакторным концепциям, учитывающим возрастную структуру, экономическую активность и потребительское поведение различных демографических групп населения.

Классический период развития демографической экономики заложил фундаментальные основы понимания роли возрастной структуры в экономических процессах, причём особое значение имела концепция демографического перехода, разработанная Ф.Ноутстейном, которая продемонстрировала закономерности изменения демографических параметров в процессе экономического развития. Данный подход позволил установить связь между стадиями демографического развития и потенциалом налоговых систем, хотя механизмы непосредственного воздействия демографических факторов на фискальные показатели оставались недостаточно разработанными⁴.

Развитие теории человеческого капитала во второй половине XX в. внесло существенный вклад в понимание экономической роли различных возрастных групп населения. Работы Г.Беккера и Т.Шульца продемонстрировали важность учёта инвестиций в образо-

³ Региональные бюджеты и экономика в условиях нестабильности: итоги 2024 года. – URL: https://raexpert.ru/researches/regions/regional_budgets_2024/ (дата обращения: 13.01.2025).

⁴ Демографическая ситуация, возрастной состав населения, старение. – URL: <https://workspay.ru/work/1597/> (дата обращения: 13.01.2025).

вание и профессиональную подготовку при анализе налогового потенциала населения. Концепция жизненного цикла доходов стала основой для понимания динамики нало-

говых выплат на протяжении трудовой деятельности, что позволило более точно прогнозировать фискальные последствия изменения возрастной структуры населения.

Таблица 1

Эволюция теоретических подходов к анализу демографических факторов налогообложения

Table 1

Evolution of theoretical approaches to the analysis of demographic factors of taxation

Исторический период	Научная школа	Основные представители	Ключевые концепции	Вклад в понимание демографо-налоговых взаимосвязей
1930-1950 гг.	Классическая демографическая экономика	А. Лотка, Ф. Ноутстейн	Демографический переход, возрастная структура	Обоснование влияния демографических циклов на экономический рост
1960-1980 гг.	Теория человеческого капитала	Г. Беккер, Т. Шульц	Инвестиции в образование, жизненный цикл доходов	Анализ налогового потенциала различных возрастных групп
1980-2000 гг.	Концепция демографического дивиденда	Д. Блум, Д. Каннинг	Демографическое окно возможностей, экономический рост	Количественная оценка фискальных эффектов изменения возрастной структуры
2000-2020 гг.	Теория демографического старения	А. Мейсон, Р. Ли	Межпоколенческие трансферты, фискальная устойчивость	Прогнозирование долгосрочных вызовов для налоговых систем
2020 гг. – настоящее время	Интегративные подходы	У. Аксиджит, М. Селигман	Цифровая экономика, новые формы занятости	Адаптация налоговых систем к современным демографическим вызовам

Источник: составлено авторами на основе докладов Международного валютного фонда: Парадокс инноваций. – URL: <https://www.imf.org/ru/Publications/fandd/issues/2024/09/the-innovation-paradox-ufuk-aksigcit>; Старение населения – вот настоящая демографическая бомба. – URL: <https://www.imf.org/ru/Publications/fandd/issues/Series/Analytical-Series/aging-is-the-real-population-bomb-bloom-zucker> (дата обращения: 13.01.2025).

Переломным моментом в развитии теории демографических факторов налогообложения стало формирование концепции демографического дивиденда, разработанной Д. Блумом и Д. Каннингом, которая количественно обосновала положительное влияние возрастной структуры на экономический рост и, соответственно, на налоговые поступления. Согласно данной теории, снижение доли детей в общей численности населения при одновременном сохранении низкой доли пожилых создаёт благоприятные условия для роста ВВП на душу населения и увеличения налогооблагаемой базы.

Анализ современного состояния демографических процессов в России выявляет критические тенденции, требующие пересмотра подходов к налоговому планированию. Как показывают данные, представ-

ленные в табл. 2, изменение возрастной структуры населения России характеризуется устойчивым трендом к старению, что создаёт серьёзные вызовы для фискальной устойчивости государственных финансов. Представленные данные демонстрируют критическое снижение доли трудоспособного населения с 66,8% в 2020 г. до прогнозируемых 59,3% к 2040 г., что неизбежно приведёт к сокращению налогооблагаемой базы и снижению поступлений от основных налогов на доходы физических лиц. Одновременно происходит интенсивное увеличение доли населения старше 65 лет, которая к 2040 г. может достичь 24,5%, что создаёт дополнительную нагрузку на бюджетную систему через увеличение социальных расходов при одновременном снижении налоговых поступлений.

Таблица 2

Динамика возрастной структуры населения России и прогнозируемые налоговые эффекты

Table 2

Dynamics of the age structure of the Russian population and the projected tax effects

Возрастная группа	2020 г. (%)	2024 г. (%)	Прогноз 2030 г. (%)	Прогноз 2040 г. (%)	Налоговый потенциал	Фискальные риски
0-14 лет	18,1	17,2	16,8	16,2	Минимальный	Сокращение будущей налоговой базы
15-64 лет	66,8	65,7	63,9	59,3	Максимальный	Снижение доли экономически активного населения
65+ лет	15,1	17,1	19,3	24,5	Низкий	Рост нагрузки на пенсионную систему
Коэффициент демографической нагрузки, человек	497	521	565	687	-	Критическое увеличение демографической (иждивенческой) нагрузки

Источник: составлено авторами на основе: Численность населения Российской Федерации по полу и возрасту. – URL: <https://rosstat.gov.ru/compendium/document/13284> (дата обращения: 13.01.2025).

Особого внимания заслуживает анализ дифференцированного влияния различных демографических групп на структуру налоговых доходов бюджета, представленный в табл. 3. Данный анализ показывает неравномерность распределения налогового бремени между возрастными группами и выявляет критические точки фискальной уязвимости налоговой системы. Критической является зависимость российской налоговой системы от средних возрастных групп (30–50 лет), которые обеспечивают более 60% совокупных налоговых поступлений. Данная концентрация создаёт серьёзные фискальные риски в условиях прогнозируемого сокращения численности трудоспособного населения и требует разработки компенсаторных механизмов налогового регулирования.

Современные тенденции изменения потребительского поведения различных возрастных групп также оказывают значительное влияние на поступления от косвенных налогов, причём старение населения сопровождается изменением структуры потребления в сторону услуг здравоохранения и социального обслуживания, которые часто имеют льготное налогообложение или полное освобождение от НДС. Подобные структурные сдвиги требуют пересмотра подходов к косвенному налогообложению

и разработки новых механизмов компенсации выпадающих доходов бюджета.

Международный опыт адаптации налоговых систем к демографическим вызовам демонстрирует разнообразие подходов к решению проблем, связанных со старением населения. Как показывает мировая практика, страны с развитой экономикой активно используют инструменты налогового стимулирования рождаемости, корректировки пенсионного возраста и привлечения трудовых мигрантов для поддержания фискальной устойчивости. Однако прямое заимствование зарубежного опыта требует адаптации к специфическим условиям российской экономики и социально-политической системы.

Модель воздействия демографических факторов на налоговую систему представлена на рис. 1. Она демонстрирует комплексный характер воздействия демографических факторов на налоговую систему и подчёркивает необходимость системного подхода к разработке адаптивных механизмов налогового регулирования. Фискальные риски, возникающие в результате демографических трансформаций, требуют упреждающих мер по модернизации налоговой политики и диверсификации источников бюджетных доходов. Перспективы развития налоговой системы в условиях де-

Таблица 3

Структура налоговых поступлений по возрастным группам и типам налогов в России (2024 г.)

Table 3

Structure of tax revenues by age group and type of taxes in Russia (2024)

Тип налога	20-30 лет	30-40 лет	40-50 лет	50-60 лет	60+ лет	Демографические риски
НДФЛ (трлн рублей)	1,8	3,2	2,9	2,1	0,4	Снижение поступлений при старении
НДС и акцизы (трлн рублей)	2,1	3,8	3,4	2,7	1,9	Изменение потребительских паттернов
Социальные взносы (трлн рублей)	1,5	2,7	2,4	1,8	0,1	Критическое сокращение при старении
Доля в общих поступлениях (%)	18,2	32,4	29,1	17,6	2,7	Концентрация налогового бремени

Источник: составлено авторами на основе анализа материалов: Бюджет России в 2024 году исполнен с дефицитом 1,7% ВВП. – URL: <https://www.forbes.ru/finansy/529184-budzet-rossii-v-2024-godu-ispolnen-s-deficitom-1-7-vvp>; С 1 января действует прогрессивная шкала по НДФЛ.. – URL: https://www.nalog.gov.ru/rn77/news/tax_doc_news/15562179/ (дата обращения: 13.01.2025).

мографических вызовов связаны с необходимостью разработки долгосрочной стратегии фискальной адаптации, включающей механизмы стимулирования экономической активности старших возрастных групп, привлечения квалифицированных трудовых мигрантов и развития цифровой экономики. Современные вызовы требуют не только корректировки налоговых ставок и льгот, но и уточнения принципов построения налоговой системы с учётом изменяющейся демографической структуры

общества. Анализ зарубежного опыта показывает эффективность применения гибких налоговых инструментов, адаптирующихся к демографическим изменениям. Развитие системы налогового стимулирования продолжения трудовой деятельности после достижения пенсионного возраста и создание специальных налоговых режимов для привлечения высококвалифицированных специалистов могут стать эффективными инструментами компенсации негативных эффектов демографического старения.

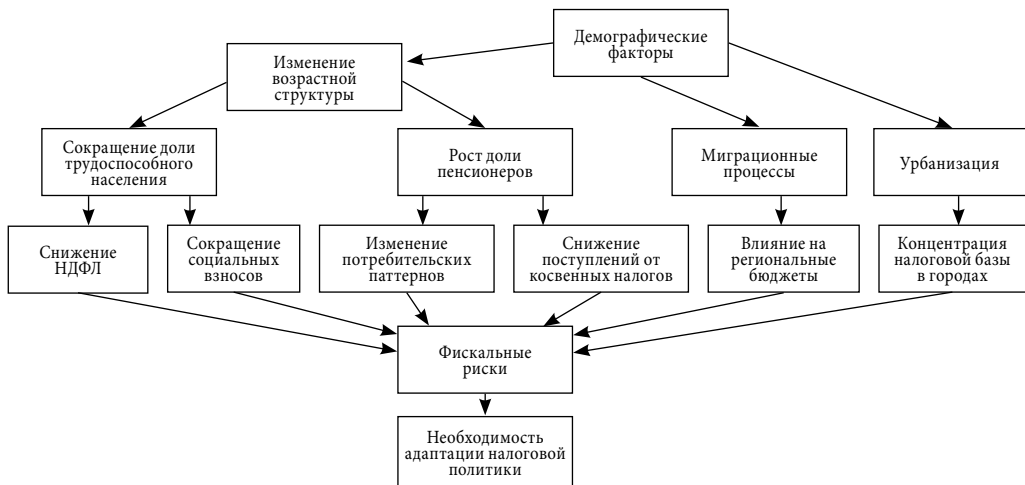

Рис. 1. Модель воздействия демографических факторов на налоговую систему

Fig. 1. Model of the impact of demographic factors on the tax system

Источник: составлено авторами.

Выводы

Теоретический анализ эволюции концептуальных подходов к изучению демографических факторов налогообложения выявил последовательное развитие научных школ от классических теорий демографического перехода до современных интегративных концепций. Установлена трансформация понимания роли возрастной структуры населения в формировании налоговых доходов от простых линейных зависимостей к сложным мультифакторным моделям, учитывающим экономическую активность, потребительское поведение и человеческий капитал различных демографических групп. Обоснована ведущая роль концепции демографического дивиденда в развитии современной теории фискальных эффектов демографических изменений.

Исследование механизмов воздействия возрастной структуры населения на налоговые доходы бюджета выявило критическую зависимость российской налоговой системы от средних возрастных групп (30–50 лет), обеспечивающих более 60% совокупных налоговых поступлений. Установлено, что прогрессирующее снижение доли трудоспособного населения с 66,8% в 2020 г. до прогнозируемых 59,3% к 2040 г., создаёт серьёзные риски для фискальной устойчивости. Выявлены эффекты влияния демографического

старения на различные категории налогов: наибольшие риски связаны с сокращением поступлений от НДФЛ и социальных взносов, тогда как влияние на косвенные налоги носит более сложный характер, связанный с изменением структуры потребления.

Обоснование необходимости адаптации налоговой политики к долгосрочным демографическим трендам продемонстрировало критическую важность разработки упреждающих мер по модернизации фискальной системы, диверсификации источников бюджетных доходов, развития механизмов налогового стимулирования экономической активности старших возрастных групп и создания адаптивных инструментов налогового регулирования. Обоснована целесообразность внедрения гибких налоговых механизмов, учитывающих демографические изменения в среднесрочной и долгосрочной перспективе. Общие выводы исследования свидетельствуют о критической необходимости системной трансформации российской налоговой политики в ответ на демографические вызовы. Разработанная концептуальная модель взаимодействия демографических и фискальных процессов представляет собой теоретическую основу для совершенствования методологии налогового планирования и бюджетного прогнозирования в условиях изменяющейся демографической структуры населения.

Литература и Интернет-источники

1. **Воробьев, Н.Н.** Модернизация механизма бюджетирования семьи на основе оценки состояния человеческого ресурса региона / Н.Н. Воробьев, И.В. Воробьева, Р.А. Мороз // KANT. — 2024. — № 3(52). — С. 10–17. DOI: 10.24923/2222-243X.2024-52.2; EDN: CBRSES
2. **Грищенко, В.О.** Демография и равновесные процентные ставки: конкурирующие концепции и российский опыт / В.О. Грищенко, А.А. Синяков // Журнал Новой экономической ассоциации. — 2024. — № 1. — С. 229–239. DOI: 10.31737/22212264_2024_1_229-239; EDN: QXYERQ
3. **Дорофеев, М.Л.** Сравнительный анализ эталонных финансово-инвестиционных моделей социального обеспечения и оценка долгосрочных перспектив их трансформации под влиянием глобальных вызовов / М.Л. Дорофеев // Управление. — 2024. — Т. 12. — № 4. — С. 23–33. DOI: 10.26425/2309-3633-2024-12-4-23-33; EDN: FDTHDL
4. **Котова, Е.Г.** Демографические вызовы в контексте государственной политики Российской Федерации в сфере охраны материнства и детства / Е.Г. Котова, Ю.А. Семенов, Л.И. Кузьми-

- на, [и др.] // Вестник охраны материнства и младенчества. — 2024. — Т. 1. — № 2. — С. 10–23. DOI: 10.69964/ВМСС-2024-1-2-10-23; EDN: BVXCFK
5. **Крылов, Н.С.** Влияние миграционных процессов на социально-экономический потенциал субъектов Российской Федерации, входящих в состав Северо-Западного федерального округа / Н.С. Крылов, М.С. Гуров // Новизна. Эксперимент. Традиции. — 2025. — Т. 11. — № 1. — С. 43–55. EDN: WSLXYF
 6. **Кузнецов, К.В.** Особенности структуры возрастных расходов в Российской Федерации / К.В. Кузнецов // Статистика и экономика. — 2021. — № 5. — С. 47–59. DOI: 10.21686/2500-3925-2021-5-47-59; EDN: MXVCVA
 7. **Луппов, А.Б.** Фактор места проживания в анализе доходного неравенства населения в России / А.Б. Луппов, А.Е. Суринов // Экономический журнал Высшей школы экономики. — 2025. — Т. 29. — № 2. — С. 248–278. DOI: 10.17323/1813-8691-2025-29-2-248-278; EDN: CWVQQG
 8. **Мордищева, Л.Н.** Динамика и структура неформальной занятости в современном российском обществе / Л.Н. Мордищева // Известия высших учебных заведений. Поволжский регион. Общественные науки. — 2024. — № 2(70). — С. 33–44. DOI: 10.21685/2072-3016-2024-2-3; EDN: WYBQCK
 9. **Назарова, А.Г.** О возможных макропоследствиях старения общества: экономико-статистический анализ на основе национальных трансфертных счетов / А.Г. Назарова // Вопросы статистики. — 2021. — Т. 28. — № 3. — С. 56–69. DOI: 10.34023/2313-6383-2021-28-3-56-69; EDN: QNSXIO
 10. **Питухин, Е.А.** Математическая обработка данных выборочных обследований для формирования и прогнозирования половозрастной численности занятых / Е.А. Питухин, В.А. Гуртов, И.В. Родион // Экономика и управление. — 2025. — Т. 31. — № 4. — С. 411–429. DOI: 10.35854/1998-1627-2025-4-411-429; EDN: VKMTEF
 11. **Сигарева, Е.П.** Изменения человеческого потенциала в России до 2050 года под влиянием трансформации возрастной структуры населения / Е.П. Сигарева, С.Ю. Сивоплясова, В.Н. Архангельский // Экономика. Налоги. Право. — 2023. — Т. 16. — № 2. — С. 37–47. DOI: 10.26794/1999-849X-2023-16-2-37-47; EDN: GRYYUE
 12. **Юмагузин, В.В.** Вопросы об источниках средств к существованию в переписях населения России: исторический анализ и современные вызовы / В.В. Юмагузин, М.В. Винник // Экономический журнал Высшей школы экономики. — 2025. — Т. 29. — № 2. — С. 306–336. DOI: 10.17323/1813-8691-2025-29-2-306-336; EDN: MFKMLW
 13. **Аржаев, Ф.И.** Методы оценки уровня жизни в арктических регионах России / Ф.И. Аржаев // Арктика: экология и экономика. — 2025. — Т. 15 — № 3(59). — С. 149–160. DOI: 10.25283/2223-4594-2025-3-149-160; EDN: SXLNLH
 14. **Балацкий, Е.В.** Перспективы демографической экспансии России: экономика, институты, культура / Е.В. Балацкий, Н.А. Екимова // Terra Economicus. — 2023. — Т. 21. — № 2. — С. 23–37. DOI: 10.18522/2073-6606-2023-21-2-23-37; EDN: UROPEQ
 15. **Вишневецкий, В.П.** Принципы налогообложения для цифровой экономики / В.П. Вишневецкий, Л.И. Гончаренко, В.В. Дементьев, А.В. Гурнак // Terra Economicus. — 2022. — Т. 20. — № 2. — С. 59–71. DOI: 10.18522/2073-6606-2022-20-2-59-71; EDN: KGWDSM
 16. **Караев, А.К.** Перспективные модели финансового прогнозирования доходов бюджета / А.К. Караев, О.В. Борисова // Финансы: теория и практика. — 2025. — Т. 29. — № 1. — С. 20–33. DOI: 10.26794/2587-5671-2025-29-1-20-33; EDN: YISEIL
 17. **Ткаченко, А.А.** Обеспечение достойного уровня жизни населения: возможности и реальность / А.А. Ткаченко // Экономика. Налоги. Право. — 2025. — Т. 18. — № 3. — С. 6–18. DOI: 10.26794/1999-849X-2025-18-3-6-18; EDN: WBHEFJ
 18. **Ярашева, А.В.** Структура потребительских расходов как показатель благополучия населения / А.В. Ярашева, С.В. Макар // Народонаселение. — 2025. — Т. 28. — № 2. — С. 210–220. DOI: 10.24412/1561-7785-2025-2-210-220; EDN: GSQSQR

Сведения об авторах:

Засько Вадим Николаевич, д.э.н., проф., декан факультета налогов, аудита и бизнес-анализа, Финансовый университет при Правительстве РФ, Москва, Россия.

Контактная информация: e-mail: vnzasko@fa.ru; ORCID: 0000-0003-0901-9720; РИНЦ SPIN-код: 1362–6395.

Морковкин Дмитрий Евгеньевич, к.э.н., доцент, доцент кафедры налогов и налогового администрирования факультета налогов, аудита и бизнес-анализа, ведущий научный сотрудник Института исследований международных экономических отношений, Финансовый университет при Правительстве РФ, Москва, Россия.

Контактная информация: e-mail: morkovkinde@mail.ru; ORCID: 0000-0002-5372-8519; РИНЦ SPIN-код: 8277–4480.

Симагин Юрий Алексеевич, к.геогр.н., доцент, ведущий научный сотрудник, ИСЭПН ФНИСЦ РАН, Москва, Россия.

Контактная информация: e-mail: yas63@yandex.ru; ORCID: 0000-0001-8392-8645; РИНЦ SPIN-код: 5881–6084.

Звягин Леонид Сергеевич, к.э.н., доцент, доцент кафедры моделирования и системного анализа факультета информационных технологий и анализа больших данных, Финансовый университет при Правительстве РФ, Москва, Россия.

Контактная информация: e-mail: saineco@yandex.ru; ORCID: 0000-0003-4983-6012; РИНЦ SPIN-код: 9400–1926.

DOI: 10.24412/1561-7785-2026-1-28-39

DEMOGRAPHIC FACTORS OF TAX POLICY: EFFECTS OF TRANSFORMATION OF THE AGE AND SEX STRUCTURE OF THE POPULATION

Vadim N. Zasko¹, Dmitry E. Morkovkin^{1*}, Yury A. Simagin², Leonid S. Zvyagin¹

¹*Financial University under the Government of the Russian Federation
(49/2 Leningradsky prospect, Moscow, Russia, 125167)*

²*ISESP FCTAS RAS
(32 Nakhimovsky prospect, Moscow, Russia, 117218)*

For citation:

Zasko V. N., Morkovkin D. E., Simagin Yu. A., Zvyagin L. S. Demographic factors of tax policy: effects of transformation of the age and sex structure of the population. *Narodonaselenie [Population]*. 2026. Vol. 29. No. 1. P. 28–39. DOI: 10.24412/1561-7785-2026-1-28-39 (in Russ.)

Abstract. *The current tax policy of the Russian Federation operates in the context of fundamental demographic transformations characterized by changes in the age and sex structure of the population, a decline in the birth rate and intensive demographic aging. This study is devoted to a comprehensive analysis of the influence of demographic factors on the formation of tax revenues of the Federal and regional budgets through the prism of structural changes in the taxable base. Mechanisms of impact of the transformation of the age structure of the population on various categories of tax revenues, including income taxes, consumption taxes and social contributions, are considered. There is considered the evolution of scientific approaches to study of the relationship between demographic processes and fiscal policy from classical concepts of demographic dividend to modern theories of demographic burden. Particular attention is paid to theoretical justification of the differentiated influence of different age cohorts on the tax revenues of the State in the context of their economic activity and consumer behavior. The study demonstrates the need to adjust the tax policy taking into account*

long-term demographic trends to ensure fiscal sustainability of public finances. The conceptual model developed by the authors includes analysis of the direct and indirect effects of demographic changes on the tax base, assessment of the risks of reducing tax revenues with the deepening of the population aging process, and substantiation of the need for adaptive mechanisms of tax regulation. The scientific novelty of the study lies in the creation of an integrative theoretical concept of the interaction of demographic and fiscal processes that takes into account the specifics of the Russian tax system and the demographic situation that opens up opportunities for improving the methodology of medium-term and long-term budget planning.

Keywords: demographic factors, tax policy, age and sex structure of population, budget tax revenues, demographic aging, economically active population.

References and Internet sources

1. Vorobyov N. N., Vorobieva I. V., Moroz R. A. Modernizatsiya mekhanizma byudzhetrovaniya sem'i na osnove otsenki sostoyaniya chelovecheskogo resursa regiona [Modernization of the family budgeting mechanism based on an assessment of the human resource status of the region]. *KANT*. 2024. No. 3(52). P. 10–17. DOI: 10.24923/2222-243X.2024-52.2 (in Russ.)
2. Grishchenko V. O., Sinyakov A. A. Demografiya i ravnovesnyye protsentnyye stavki: konkuriruyushchiye kontseptsii i rossiyskiy opyt [Demography and equilibrium interest rates: competing approaches and evidence from Russia]. *Zhurnal Novoye ekonomicheskoy assotsiatsii [Journal of the New Economic Association]*. 2024. No. 1. P. 229–239. DOI: 10.31737/22212264_2024_1_229-239 (in Russ.)
3. Dorofeev M. L. Sravnitel'nyy analiz etalonnnykh finansovo-investitsionnykh modeley sotsial'nogo obespecheniya i otsenka dolgosrochnykh perspektiv ikh transformatsii pod vliyaniem global'nykh vyzovov [Comparative analysis of benchmark financial and investment models of social security and assessment of their long-term prospects for transformation under the influence of global challenges]. *Upravleniye [Management]*. 2024. Vol. 12. No. 4. P. 23–33. DOI: 10.26425/2309-3633-2024-12-4-23-33 (in Russ.)
4. Kotova E. G., Semenov Yu. A., Kuzmina L. I., et al. Demograficheskiye vyzovy v kontekste gosudarstvennoy politiki Rossiyskoy Federatsii v sfere okhrany materinstva i detstva [Demographic challenges in the context of the state policy of the Russian Federation in the field of maternity and childhood protection]. *Vestnik okhrany materinstva i mladenchestva [Bulletin of Maternal and Child Care]*. 2024. Vol. 1. No. 2. P. 10–23. (in Russ.)
5. Krylov N. S., Gurov M. S. Vliyaniye migratsionnykh protsessov na sotsial'no-ekonomicheskyy potentsial sub'yektov Rossiyskoy Federatsii, vkhodyashchikh v sostav Severo-Zapadnogo federal'nogo okruga [The influence of migration processes on the socio-economic potential of the subjects of the Russian Federation, which are part of the North-Western Federal District]. *Novizna. Eksperiment. Traditsii [Novelty. Experiment. Traditions]*. 2025. Vol. 11. No. 1. P. 43–55. (in Russ.)
6. Kuznetsov K. V. Osobennosti struktury vozrastnykh raskhodov v Rossiyskoy Federatsii [Features of the structure of age-related expenses in the Russian Federation]. *Statistika i ekonomika [Statistics and Economics]*. 2021. No. 5. P. 47–59. DOI: 10.21686/2500-3925-2021-5-47-59 (in Russ.)
7. Luppov A. B., Surinov A. E. Faktor mesta prozhivaniya v analize dokhodnogo neravenstva naseleniya v Rossii [The household residence factor in the analysis of income inequality in Russia]. *Ekonomicheskyy zhurnal Vyshey shkoly ekonomiki [HSE Economic Journal]*. 2025. Vol. 29. No. 2. P. 248–278. DOI: 10.17323/1813-8691-2025-29-2-248-278 (in Russ.)
8. Mordisheva L. N. Dinamika i struktura neformal'noy zanyatosti v sovremennom rossiyskom obshchestve [Dynamics and structure of informal employment in modern Russian society]. *Izvestiya vysshikh uchebnykh zavedeniy. Povolzhskiy region. Obshchestvennyye nauki [University Proceedings Volga Region. Social Sciences]*. 2024. No. 2(70). P. 33–44. (in Russ.)

9. Nazarova A. G. O vozmozhnykh makroposledstviyakh stareniya obshchestva: ekonomiko-statisticheskiy analiz na osnove natsional'nykh transfertnykh schetov [On possible macro-consequences of society aging: economic and statistical analysis on the basis of national transfer accounts]. *Voprosy statistiki [Statistical Issues]*. 2021. Vol. 28. No. 3. P. 56–69. DOI: 10.34023/2313-6383-2021-28-3-56-69 (in Russ.)
10. Pitukhin E. A., Gurtov V. A., Rodion I. V. Matematicheskaya obrabotka dannykh vyborochnykh obsledovaniy dlya formirovaniya i prognozirovaniya polovozrastnoy chislennosti zanyatykh [Mathematical processing of sampling inquiry data to form and forecast the age and gender number of employed people]. *Ekonomika i upravleniye [Economics and Management]*. 2025. Vol. 31. No. 4. P. 411–429. DOI: 10.35854/1998-1627-2025-4-411-429 (in Russ.)
11. Sigareva E. P., Sivoplyasova S. Y., Arkhangel'skiy V. N. Izmeneniya chelovecheskogo potentsiala v Rossii do 2050 goda pod vliyaniem transformatsii vozrastnoy struktury naseleniya [Changes in human potential in Russia until 2050 under the influence of the transformation of the age structure of the population]. *Ekonomika. Nalogi. Pravo [Economics, Taxes and Law]*. 2023. Vol. 16. No. 2. P. 37–47. DOI: 10.26794/1999-849X-2023-16-2-37-47 (in Russ.)
12. Yumaguzin V. V., Vinnik M. V. Voprosy ob istochnikakh sredstv k sushchestvovaniyu v perepisyakh naseleniya Rossii: istoricheskiy analiz i sovremennyye vyzovy [Sources of livelihood according to population censuses in Russia]. *Ekonomicheskiy zhurnal Vysshey shkoly ekonomiki [HSE Economic Journal]*. 2025. Vol. 29. No. 2. P. 306–336. DOI: 10.17323/1813-8691-2025-29-2-306-336 (in Russ.)
13. Arzhaev F. I. Metody otsenki urovnya zhizni v arkticheskikh regionakh Rossii [Methods of assessing the living standard in the Arctic regions of Russia]. *Arktika: ekologiya i ekonomika [Arctic: Ecology and Economy]*. 2025. Vol. 15. No. 3. P. 149–160. DOI: 10.25283/2223-4594-2025-3-149-160 (in Russ.)
14. Balatskiy E. V., Ekimova N. A. Perspektivy demograficheskoy ekspansii Rossii: ekonomika, instituty, kul'tura [Prospects for Russia's demographic expansion: economics, institutions, and culture]. *Terra Economicus*. 2023. Vol. 21. No. 2. P. 23–37. DOI: 10.18522/2073-6606-2023-21-2-23-37 (in Russ.)
15. Vishnevskiy V. P., Goncharenko L. I., Dementiev V. V., Gurnak A. V. Printsipy nalogooblozheniya dlya tsifrovoy ekonomiki [Principles of taxation for digital economy]. *Terra Economicus*. 2022. Vol. 20. No. 2. P. 59–71. DOI: 10.18522/2073-6606-2022-20-2-59-71 (in Russ.)
16. Karaev A. K., Borisova O. V. Perspektivnyye modeli finansovogo prognozirovaniya dokhodov byudzhetov [Prospective models of financial forecasting of budget revenues]. *Finansy: teoriya i praktika [Finance: Theory and Practice]*. 2025. Vol. 29. No. 1. P. 20–33. DOI: 10.26794/2587-5671-2025-29-1-20-33 (in Russ.)
17. Tkachenko A. A. Obespecheniye dostoy'nogo urovnya zhizni naseleniya: vozmozhnosti i real'nost' [Ensuring a decent standard of living for the population: opportunities and reality]. *Ekonomika. Nalogi. Pravo [Economics, Taxes and Law]*. 2025. Vol. 18. No. 3. P. 6–18. DOI: 10.26794/1999-849X-2025-18-3-6-18 (in Russ.)
18. Yarasheva A. V., Makar S. V. Struktura potrebitel'skikh raskhodov kak pokazatel' blagopoluchiya naseleniya [The structure of consumer spending as an indicator of the well-being of the population]. *Narodonaselenie [Population]*. 2025. Vol. 28. No. 2. P. 210–220. DOI: 10.24412/1561-7785-2025-2-210-220 (in Russ.)

Information about the authors:

Zasko Vadim Nikolaevich, Doctor of Economics, Full Professor, Dean of Faculty, Financial University under the Government of the Russian Federation, Moscow, Russia.

Contact information: e-mail: vnzasko@fa.ru; ORCID: 0000-0003-0901-9720; Elibrary SPIN-code: 1362-6395.

Morkovkin Dmitry Evgenievich, Candidate of Economics, Associate Professor, Financial University under the Government of the Russian Federation, Moscow, Russia.

Contact information: e-mail: morkovkinde@mail.ru; ORCID: 0000-0002-5372-8519; Elibrary SPIN-code: 8277-4480.

Simagin Yury Alekseyevich, Candidate of Geography, Associate Professor, Leading Researcher, ISESP FCTAS RAS, Moscow, Russia.

Contact information: e-mail: yas63@yandex.ru; ORCID: 0000-0001-8392-8645; Elibrary SPIN-code: 5881-6084.

Zvyagin Leonid Sergeevich, Candidate of Economics, Associate Professor, Financial University under the Government of the Russian Federation, Moscow, Russia.

Contact information: e-mail: saineco@yandex.ru; ORCID: 0000-0003-4983-6012; Elibrary SPIN code: 9400-1926.

Статья поступила в редакцию 22.10.2025, утверждена 16.02.2026, опубликована 31.03.2026.

DOI: 10.24412/1561-7785-2026-1-40-54
EDN: PQSLND

ИНТЕГРАЛЬНАЯ ТИПОЛОГИЯ РЕПАТРИАЦИОННОГО ПОТЕНЦИАЛА РОССИИ

Воробьева О.Д.^{1,2}, Субботин А.А.^{1*}

¹МГУ имени М.В. Ломоносова
(119991, Россия, Москва, Ленинские горы, 1)

²ИСД ФНИСЦ РАН
(119333, Россия, Москва, ул. Фотиевой, 6, корпус 1)

*E-mail: aasubbotin@yahoo.com

Финансирование:

Исследование выполнено при поддержке гранта РФФ (проект № 24–28–01328). – URL: <https://rscf.ru/project/24–28–01328/>.

Для цитирования:

Воробьева О.Д., Субботин А.А. Интегральная типология репатриационного потенциала России // Народонаселение. – 2026. – Т. 29. – № 1. – С. 40-54. DOI: 10.24412 / 1561-7785-2026-1-40-54; EDN: PQSLND

Аннотация. Актуальность исследования связана с современными демографическими вызовами России (депопуляция населения, отток квалифицированных кадров и другие). В этих условиях особое значение приобретает изучение репатриации как источника восполнения человеческого капитала. В статье обосновывается необходимость разработки новой комплексной типологии мигрантов-репатриантов для оценки и активизации их репатриационного потенциала. Проведён обзор отечественных и зарубежных исследований в области репатриации, показаны ограничения узких классификаций, фокусирующихся лишь на отдельных аспектах (правовой статус, продолжительность пребывания за границей, мотивы отъезда или возвращения). Проведённый анализ позволил выявить пробелы в существующих подходах и определить ключевые параметры, которые необходимо учитывать при изучении феномена репатриации. Особое внимание уделено комплексному рассмотрению факторов, влияющих на готовность к возвращению. Выявлено, что для успешной реализации программ возвращения эмигрантов, их потомков, соотечественников необходима интегральная классификация, учитывающая одновременно мотивацию мигрантов, их ресурсы (человеческий, социальный, экономический капитал), правовые возможности и условия жизни за рубежом. В работе предлагается авторская типология мигрантов-репатриантов на основе 13 взаимодополняющих критериев, охватывающих их ключевые характеристики. Каждый критерий обоснован с точки зрения влияния на вероятность возвращения и успешную реинтеграцию на родине. Полученные результаты расширяют теоретические представления о структуре репатриационных процессов и могут служить основой для разработки аналитических и прогностических инструментов в данной сфере, могут быть использованы при дальнейшем изучении и разработке подходов к оценке и прогнозированию репатриационного потенциала России.

Ключевые слова: международная миграция, возвратная миграция, репатрианты, репатриационный потенциал, типология мигрантов, диаспора, миграционная политика.

Введение

Вопросы международной миграции, и особенно возвратной миграции, в последние десятилетия приобрели особую значимость для многих государств, столкнувшихся с демографическим спадом и утечкой квалифицированных трудовых ресурсов. С одной стороны, страны конкурируют за привлечение новых иммигрантов, с другой — принимают усилия по возвращению эмигрантов, их потомков, соотечественников, проживающих за рубежом. В России и других государствах постсоветского пространства проблема оттока населения стоит особенно остро ввиду миграционных процессов, следовавших за распадом СССР¹. По оценкам экспертов, за пределами России в настоящее время находится от 10 до 40 млн русскоговорящих мигрантов и их потомков [1]. Это обстоятельство открывает для страны значительный репатриационный резерв, однако для его эффективной реализации необходимо чёткое понимание того, кто именно из этих мигрантов может быть заинтересован в возвращении. Методики оценки «миграционного потенциала» разрабатывались и ранее [2], но применительно к репатриации они фрагментарны и ограничены количественными показателями (основываются на численности диаспоры или числе обладателей гражданства РФ за рубежом). Подход, ориентированный только на числа, не отражает реальной готовности и способности мигрантов к возвращению. В результате разные исследования дают очень разбросанные оценки масштаба возможной репатриации, что затрудняет формирование взвешенной государственной политики в этой сфере [1]. Так, государственная Программа содействия переселению соотечественников, стартовавшая в 2007 г., не дала ожидаемых результатов по притоку возвращающихся мигрантов² [3–5].

¹ Лукин И., Мезенцев Д. Явление миграционного кризиса 1990-х годов и его последствия // Научно-популярный журнал «ИКСТАТИ». – 2023. – URL: <https://spb.hse.ru/ixtati/news/818012614.html> (дата обращения: 20.07.2025).

² Габдулина Э. Переселение откладывается // Коммерсантъ. 12.02.2024. – URL: <https://www.kommersant.ru/doc/6508071> (дата обращения: 20.07.2025).

Причины низкой результативности таких программ во многом кроются в отсутствии целевого подхода к различным группам потенциальных репатриантов. Доминировавшие до сих пор подходы оценивали репатриационный потенциал только по наличию формальных предпосылок (гражданство, статус соотечественника) или по общему количеству выходцев из страны³. Однако не каждый обладатель формального права на возвращение действительно стремится или может вернуться. Вместе с тем, некоторые мигранты без российского гражданства также могут быть мотивированы к переезду на историческую родину. Следовательно, возникает потребность в более тонкой градации мигрантов-репатриантов с точки зрения их заинтересованности и возможностей репатриации.

Для России, испытывающей потребность в притоке населения и кадров, управляемая репатриация способна стать важным ресурсом демографического развития [6], но её реализация требует научно обоснованного инструментария. Разработка комплексной типологии мигрантов-репатриантов позволяет идентифицировать приоритетные категории потенциальных репатриантов за рубежом, на которых следует ориентировать государственные меры по их возвращению. Кроме того, такая типология может быть применена и в других постсоветских странах, сталкивающихся с аналогичными миграционными вызовами. Целью настоящего исследования является разработка и обоснование интегральной типологии репатриантов, предназначенной для оценки репатриационного потенциала. Для достижения этой цели в работе: 1) проанализированы существующие теоретические подходы к типологии мигрантов-репатриантов и их недостатки; 2) предложена авторская типология репатриантов на интегральной основе; 3) изучен интеграционный ресурс различных категорий мигрантов и факторы, влияющие

³ Руководство по использованию административных источников и выборочных обследований для измерения международной миграции в странах СНГ. – Москва: МГУ, 2016. – URL: <https://www.econ.msu.ru/sys/raw.php?o=39715&p=attachment> (дата обращения: 20.07.2025).

на успешное возвращение; 4) разработаны подходы к количественной оценке репатриационного потенциала на основе новой классификации.

Предпосылки и обоснование разработки типологии

Необходимость новой типологии мигрантов-репатриантов обусловлена недостатками существующих подходов к оценке репатриационного потенциала. Рассмотрим основные ограничения прежних подходов. Во-первых, правовой подход часто сводился к учёту формальных оснований для репатриации — наличия у мигранта российского гражданства либо особого статуса (например, статуса соотечественника за рубежом). Безусловно, юридическая связь с родиной важна, однако она не гарантирует возвращения. Более того, даже мотивированный соотечественник может столкнуться с бюрократическими барьерами — оформленные необходимых документов требует значительного времени и усилий⁴. Ю. П. Ясилевич обращает внимание, что миграционный статус «носителя русского языка» не оправдал возлагавшихся надежд именно из-за сложностей его получения и недостаточной привлекательности для целевой аудитории [7]. Таким образом, формально-правовые основания сами по себе недостаточны для оценки репатриационного потенциала мигрантов.

Во-вторых, количественные оценки диаспоры (число выходцев из страны, проживающих за рубежом) также не дают прогноза возврата. Подход не различает активную часть диаспоры, заинтересованную в переезде, и пассивную, не планирующую изменений. В результате суммарные оценки получаются завышенными. Как отмечают исследователи, механическое приравнивание численности диаспоры к потенциальным репатриантам приводит к переоценке ресурсов возвращения. Например, К. Зайка указывает на односторонность чисто количественного подхода к анализу мигра-

ции [8]. Сходную позицию занимает М. Бойсариев, рассматривая эволюцию понятия «диаспора» и отмечая, что не всякое диаспорное сообщество стремится к воссоединению с исторической родиной⁵. И. Д. Лошкарёв в контексте политологических исследований диаспор также подчёркивает, что численный рост диаспоры не эквивалентен росту её тяги к возвращению на родину [9].

В-третьих, мотивационный подход некоторых исследований односторонне фокусировался на причинах миграции или отдельных мотивах возвращения. Такой подход, напротив, может занижать реальный потенциал, поскольку опирается лишь на заявленные намерения, не учитывая возможностей государства поддержать эти намерения. Мотивационные опросы показывают, что лишь небольшая доля диаспоры активно планирует возвращение, однако при изменении внешних условий (экономических, политических) число готовых вернуться может возрасти. Кроме того, мотивации со временем меняются. Одноразовое фиксирование настроений мигрантов не учитывает, что благоприятная политика государства способна стимулировать дополнительный интерес к репатриации у тех, кто ранее не рассматривал такой шаг. Таким образом, одна лишь декларируемая мотивация не даёт полной картины без учёта контекста и ресурсов её реализации.

Наконец, существующие классификации разбирают мигрантов на отдельные категории по одному признаку без комбинации факторов. Реальные люди одновременно обладают многими характеристиками: мигрант может быть молодым высококвалифицированным специалистом и при этом потомком эмигрантов, слабо владеющим русским языком, и проживать в стране с неблагоприятной экономической ситуацией. Различия между мигрантами-репатриантами существуют по целому спектру параметров. Только принимая во внимание совокупность факторов, можно выявить группы, для которых возвращение наиболее вероятно и целесообразно.

⁴ Получение статуса репатрианта в РФ. — URL: <https://russianroute.com/poluchenie-statusa-repatrianta-v-rf/> (дата обращения: 20.07.2025).

⁵ Бойсариев М. Диаспоры в современном мире: эволюция явления и понятия. // Общество и инновации. — 2020. — № 1. — С. 106–122.

Разработка интегральной типологии призвана устранить указанные пробелы, выжив и объединив ключевые параметры в единой системе оценки. Такой подход позволит создать инструмент анализа для активизации репатриационного потенциала.

Существующие подходы к типологии мигрантов-репатриантов

Традиционно в исследованиях рассматриваются типы репатриации по причинам и обстоятельствам: выделяют политическую репатриацию (нередко недобровольную, вынужденную под давлением государства), экономическую, социальную и культурную репатриации. Также типологизация может вестись по степени окончательности возвращения (окончательное переселение и временные возвращения), по статусу мигранта (например, трудовой мигрант, беженец, этнический репатриант), по длительности пребывания за рубежом, по уровню адаптации в стране пребывания, по причинам возвращения (семейные обстоятельства, патриотические мотивы, неудачная эмиграция). Каждый из этих подходов даёт ценную перспективу, но охватывает лишь один срез явления.

Л. Л. Рыбаковский предпринял одну из самых подробных систематизаций видов миграции вообще, предложив классификацию оснований и таксонов миграционных перемещений [10]. В частности, он затрагивал и вопрос репатриации. В своей фундаментальной работе «История и теория миграции населения» Л. Л. Рыбаковский выражал мнение, что термин «репатриант» употребляется не совсем корректно и размыто [11]. Он предлагал различать собственно репатриацию (как возвращение, инициируемое государством, часто организованное) и реэмиграцию (как самостоятельное возвращение мигрантов по личным причинам). Такая точка зрения акцентирует важность мотивации и акторов процесса: возвращается ли человек по призыву правительства (например, программа для соотечественников) или по собственной инициативе. Это разграничение полезно, однако само по себе не описыва-

ет, кто именно возвращается и с какими ресурсами.

Российские специалисты по миграции С. В. Рязанцев и А. А. Гребенюк в монографии «Наши за границей. Русские, россияне, русскоговорящие, соотечественники: расселение, интеграция и возвратная миграция в Россию» поставили вопрос терминологии: кого именно следует считать целевой группой государственной политики возвращения — «русских» по этническому признаку, всех «россиян» (граждан), «русскоговорящих за рубежом». Или целесообразнее использовать более общее понятие «соотечественники»? [12]. Авторы пришли к выводу, что это различные категории, отождествлять которые неправильно. В практике госорганов зачастую все эти группы объединяются понятием «соотечественники», что затрудняет разработку специальных мер для каждой из них.

Многие исследователи стремятся выработать классификации под конкретные задачи. Например, О. И. Зевелёва в работе, посвящённой репатриации российских немцев в ФРГ, применила сочетание биографического метода и дискурс-анализа для типологизации траекторий возвращения⁶. Она выделила типы репатриантов на основании их жизненных историй и самоидентификации, что позволило глубже понять мотивы и сложности интеграции переселенцев из бывшего СССР в немецкое общество. Однако такая типология весьма специфична (применима главным образом к контексту российских немцев).

Другой пример — исследование М. П. Ковалева по современной репатриации поляков из России. Он предложил разграничивать макро- и микро-подходы к анализу: на макроуровне возврат рассматривается через призму экономических причин (состояние экономики страны исхода и страны приёма, спрос на рабочую силу), тогда как на микроуровне — через призму индивидуальных решений и семейных стратегий [13]. При этом микро-подход (социологиче-

⁶ Зевелёва О. И. Дискурсивно-биографический подход в исследованиях репатриации (на примере российских немцев в Германии): дисс. на соискание учёной степени канд. социологических наук. — Москва, 2015. — 210 с.

ский) назван более перспективным для понимания репатриации, поскольку он учитывает мотивацию конкретных людей (например, стремление воссоединиться с родственниками на исторической родине) помимо общих экономических тенденций. Тем не менее, разделение на макро/микро не даёт цельной типологии групп мигрантов, а лишь два уровня анализа причин.

Т. М. Безбородова и И. С. Метелев предложили различать историческую классификацию миграций (по эпохам переселений) и мотивационную (по основным мотивам) [14]. Применительно к репатриантам исторический подход мог бы, например, разделить их на группы по времени эмиграции их самих или предков (волны эмиграции), а мотивационный — по провоцирующим факторам возвращения (патриотические, экономические, семейные и другие). Однако и здесь каждое основание рассмотрено изолированно. Авторы отмечают, что исследователи чаще концентрируются на причинах отъезда (эмиграции), чем на мотивах возвращения. Этот дисбаланс оставляет в тени очень важный вопрос: что движет людьми при принятии решения вернуться спустя годы жизни за рубежом? Кроме того, если человек уехал по одной причине, а возвращается по другой, он не впишется полностью ни в «чистую» мотивационную категорию отъезда, ни возвращения.

Отдельные исследования, такие как работа Г. И. Осадчей и М. Л. Вартановой, оценивают экономический потенциал отдельных диаспор (например, вклад армянской диаспоры в экономику России) [15]. Эти исследования показывают, сколь велика может быть отдача от привлечения соотечественников, но данная составляющая в них если не единственная, то основная. Можно сделать вывод, что существующие типологии репатриантов, как правило, узкоспециализированы и не охватывают феномен в комплексе. Нет интегрального представления, которое сочетало бы демографический, социально-экономический, культурный и политико-правовой аспекты репатриации. В результате трудно сопоставлять разные исследования между собой и слож-

но давать рекомендации властям, заинтересованным в возвращении эмигрантов и их потомков: слишком много разрозненных частностей, но нет единой схемы.

В мировой науке также предпринимались попытки теоретически осмыслить возвращение мигрантов. Так, классической считается типология Ф. П. Черазе, выделившего четыре типа возвращения эмигрантов: возвращение по неудаче (return of failure), возвращение из консерватизма (стремление сохранить привычный уклад), возвращение по старости (пенсионное), и возвращение с новациями (return of innovation) [16]. Последний тип, по наблюдениям Ф. П. Черазе, наиболее полезен для страны, так как возвращенцы привносят инновационный опыт и капитал, приобретенные за рубежом. Хотя данная типология была основана на кейсе итальянских мигрантов 1960–1970-х гг., она показала значимость анализа мотивов и результатов возвращения. Другой исследователь, Ж.-П. Кассарино, предложил концептуальный подход, согласно которому успешность возвращения зависит от двух ключевых параметров: «готовности» мигранта (preparedness) вернуться и мобилизации ресурсов для реинтеграции [17]. Готовность включает желание и планирование возврата, а ресурсная обеспеченность — накопленный человеческий, социальный и финансовый капитал, а также поддержку институций. Ж.-П. Кассарино подчёркивает, что только учитывая оба этих измерения (внутреннюю мотивацию и внешние ресурсы), можно объяснить, почему одни репатрианты становятся «агентами перемен» на родине, а другие нет. Эти подходы указывают на необходимость многомерного рассмотрения феномена репатриации, когда ни один критерий в отдельности не даёт полного понимания ситуации.

Интегральная типология мигрантов-репатриантов: критерии и обоснование

Исходя из выявленных теоретических предпосылок, нами разработана интегральная типология мигрантов-репатриантов, включающая 13 значимых критериев клас-

сификации. Эти критерии отражают наиболее важные характеристики мигрантов, влияющие на их потенциал вернуться и успешно реинтегрироваться на родине. В совокупности они позволяют всесторонне описать репатриационный портрет различных категорий представителей русскоговорящего сообщества и их потомков за рубежом. Основные критерии: 1) продолжительность проживания за границей; 2) степень интеграции в принимающем обществе; 3) возрастная группа; 4) семейное положение; 5) профессионально-квалификационный уровень; 6) социально-экономический статус (занятость, род деятельности); 7) наличие детей и связанные с этим образовательные перспективы; 8) экономическая ситуация в стране пребывания мигранта; 9) миграционная политика страны пребывания; 10) географический регион проживания; 11) этнокультурная идентичность; 12) правовой статус мигранта в стране пребывания; 13) уровень владения русским языком. Все приведённые критерии касаются ситуации в стране фактического проживания и не рассматривают обстоятельства и стимулы страны возвращения, исходят из того, что не существует препятствий для возвращения. Важно подчеркнуть, что критерии являются взаимодополняющими: только рассмотрение их в комплексе даёт целостную картину. Например, продолжительность пребывания за рубежом связана со степенью адаптации, а уровень владения языком — с этнокультурной идентичностью; семейное положение связано с наличием детей, что, в свою очередь, определяется возрастной группой, и так далее.

Опишем кратко критерии и обоснуем их значимость в контексте репатриации.

1. Продолжительность проживания за рубежом: мигранты делятся на новосёлов (до 3 лет за границей), краткосрочных (4–7 лет), среднесрочных (8–15 лет) и долгосрочных (более 15 лет). Чем дольше человек живёт за границей, тем глубже его интеграция в принимающее общество [19]. Соответственно, меняются и мотивы для возвращения: новосёлами зачастую движет

ностальгия, трудности адаптации или разочарование в чужой стране; краткосрочные мигранты могут вернуться к привычной среде при улучшении ситуации в стране; мигранты со средним стажем поддерживают семейные, культурные или исторические связи с родиной; долгосрочные же, как правило, решаются возвратиться на историческую родину из личных соображений (пенсионные планы, желание встретить старость среди близких и т.д.).

2. Успешность интеграции за рубежом: выделяются высокоинтегрированные мигранты (имеют устойчивую карьеру, прочные социальные связи), частично интегрированные (работают на менее престижных работах, ограничены в социальных контактах) и неинтегрированные (испытывают трудности с адаптацией, заняты в низкооплачиваемых секторах или безработные). Степень интегрированности определяет и характер возвратных мотивов: высокоинтегрированные могут привлечь новые карьерные возможности на родине и желание внести вклад в её развитие; частично интегрированные стремятся улучшить профессиональный статус и найти более стабильную работу; неинтегрированные вынуждены возвращаться из-за отсутствия перспектив за рубежом.

3. Возраст: молодёжь (18–35 лет), средний возраст (36–55 лет), предпенсионный возраст (56–72 года) и пожилые (старше 72 лет). Каждая группа имеет свои жизненные приоритеты и мотивы репатриации. Молодые чаще ориентированы на карьерные возможности, получение образования и участие в инновационных проектах; люди среднего возраста — на обеспечение стабильности для семьи и детей; многие из тех, кому 56–72, хотят вернуться перед выходом на пенсию, чтобы провести её на родине и передать свой опыт.

4. Семейное положение. У одиночек меньше семейных обязательств, они более мобильны и могут возвращаться, руководствуясь личными или профессиональными мотивами (новая работа, бизнес, брак) без оглядки на семью. Семейные с детьми заинтересованы в условиях для воспитания

и образования детей. Семейные пары без детей ориентированы на комфорт и стабильность; их мотивом к возвращению может быть улучшение общего благополучия семьи. Разведённые и овдовевшие, не имея супружеских обязательств, также относительно мобильны; мотивом вернуться для них может стать желание начать новую жизнь или воссоединиться с родственниками на родине.

5. Профессиональная сфера: высококвалифицированные специалисты (наука, IT, медицина, инженерия), среднеквалифицированные (промышленность, строительство, сфера услуг), низкоквалифицированные (сельское хозяйство, неквалифицированный труд), а также отдельные категории — творческие деятели (артисты, писатели, художники и спортсмены). Основные различия между этими группами — уровень и стабильность дохода, а также требования к профессиональной среде. Высококвалифицированных специалистов и предпринимателей могут привлечь возможности развития бизнеса и карьеры в России (инвестиционный климат, реализация проектов). Представители творческих профессий и спорта заинтересованы возвращаться, если на родине созданы условия для самореализации (развитая индустрия, инфраструктура для тренировок и выступлений). Низкоквалифицированные мигранты скорее ориентированы на базовые экономические мотивы — поиск приемлемого заработка и улучшение условий жизни.

6. Социально-экономический статус: по этому критерию потенциальные репатрианты дифференцируются на наёмных работников, самозанятых (включая фрилансеров), малых, средних и крупных предпринимателей, научных сотрудников и преподавателей, студентов, рантье, лиц, занятых в неформальном секторе, иждивенцев (на содержании государства или родственников), а также безработных (активно ищущих работу и не ищущих, включая пенсионеров и домохозяйек). Мотивы возвращения различаются в зависимости от источника и уровня доходов. К примеру, предпринимателей может привлечь благоприятная

бизнес-среда или новые рынки в России; учёных и студентов — возможности исследований и образования; тех, кто живёт на пособия — государственная поддержка; безработных — шанс трудоустройства или более высокий уровень жизни.

7. Перспективы для детей: те, у кого есть дети, а также родители уже взрослых детей, принимают решение «вернуться или остаться» с учётом интересов потомков. Желание дать детям образование и воспитание на Родине может стать стимулом для репатриации. У мигрантов без детей подобная мотивация отсутствует, поэтому этот фактор увеличивает репатриационный потенциал у семейных мигрантов.

8. Экономическая ситуация страны пребывания: если в стране пребывания экономический кризис, люди начинают искать стабильные условия и могут вернуться в поисках дохода. В стабильной ситуации внешних «толчков» к возвращению меньше, поэтому решающую роль играют личные факторы (например, ностальгия, семейные обстоятельства). Если же экономика принимающей страны на подъёме, у мигранта скорее сработает амбициозный мотив — вернуться на родину, только если там предоставляется ещё более перспективные возможности для самореализации или бизнеса.

9. Миграционная политика страны пребывания: различаются режимы ужесточения, либерализации или сокращения иммиграции в стране, где живёт мигрант. При ужесточении миграционного режима (например, введении ограничений для иностранцев, росте ксенофобии) репатрианты стремятся вернуться, чтобы избежать дискриминации или неблагоприятного отношения. В странах с либеральной миграционной политикой мигранты чувствуют себя комфортнее, поэтому внешние мотиваторы почти отсутствуют и решение о возвращении принимается по личным причинам. Если же государство целенаправленно сокращает число иммигрантов (например, квотами или другими мерами), у иностранцев появляется страх депортации или неопределённости статуса, что может подтолкнуть их вернуться домой.

10. География проживания (регион исхода диаспоры): здесь можно выделить мигрантов, проживающих: 1) в странах СНГ (бывшего СССР); 2) в Европе, Северной Америке или Австралии; 3) в странах Азии, Африки и других регионах. Такая региональная градация важна из-за культурно-географической удалённости от России. Выходцы из стран СНГ обычно имеют более глубокие связи с Россией (язык, родственные отношения, общее историческое прошлое), поэтому их психологический барьер для возвращения ниже. Эмигранты, обосновавшиеся в Европе или Северной Америке, как правило, успели адаптироваться к «западному» образу жизни и часто обладают высокой мобильностью; степень их ностальгии ниже, однако при прочих равных они легче реинтегрируются в России благодаря близости культурных ценностей. Мигранты из стран Азии и Африки нередко сталкиваются с более серьёзными трудностями адаптации в чужой среде, а их связи с Россией могут со временем ослабевать, что снижает вероятность возвращения (хотя в некоторых случаях, напротив, трудности жизни в сильно отличающихся культурах стимулируют вернуться на родину).

11. Этническая и культурная идентичность: потенциальные репатрианты бывают этническими русскими, русскоговорящими другого происхождения или не принадлежащими к русской культуре. Как правило, стремление к возвращению обратно пропорционально степени их идентичности с Россией. Этнические русские и близкие им группы (например, потомки смешанных браков, выросшие в русской культуре) имеют наиболее высокий репатриационный потенциал. Русскоязычные иной национальности (например, выходцы из союзных республик, для которых русский — язык обучения) также могут быть заинтересованы в репатриации, особенно если ощущают связь с российским культурным полем. Те же, кто слабо связан с русской культурой, возвращаются редко или по исключительно личным обстоятельствам.

12. Правовой статус за рубежом: сюда входит статус мигранта в стране прожива-

ния — гражданин этой страны, обладатель двойного гражданства, постоянный резидент (вид на жительство) либо нелегальный мигрант. Этот критерий определяет степень защищённости прав мигранта за границей и, соответственно, его мотивацию вернуться. Натурализованные граждане иностранных государств обычно социально и экономически устроены, поэтому для возвращения у них должны быть серьёзные личные причины (семейные обстоятельства, ностальгия, идеологические убеждения). Мигранты с двойным гражданством имеют возможность свободно жить и в России, и за рубежом; их возвращение может мотивироваться стремлением улучшить свой статус в России или желанием воспользоваться преимуществами обоих статусов. Обладатели вида на жительство за границей нередко рассматривают возвращение как способ получить более прочный статус (особенно если возникают трудности с продлением резиденции или получением гражданства в чужой стране). Для нелегальных мигрантов репатриация бывает вынужденной — их толкает домой страх депортации, угрозы наказания или отсутствие легальных возможностей устроиться в стране пребывания.

13. Уровень владения русским языком: различаются группы, которые свободно владеют русским языком, владеют частично (понимают разговорную речь, но испытывают затруднения с письменным или профессиональным языком) и не владеют русским. Здесь прямая корреляция с репатриационным потенциалом: чем лучше человек знает язык, тем легче ему будет вернуться и интегрироваться. Соотечественники, свободно говорящие по-русски (даже если родились за границей), имеют высокий потенциал возвращения. Те, кто утратил язык или изначально не знал его, сталкиваются с большим барьером — их потенциал низкий, если только они не мотивированы выучить язык ради переезда.

Перечисленные 13 критериев легли в основу предлагаемой классификации. На их пересечении формируется матрица, позволяющая отнести любого конкретного ми-

гранта-репатрианта к определённым типам или группам. Для наглядности разработана таблица типологии репатриантов (табл. 1), где по каждому критерию указаны выделенные категории и оценка репатриационного потенциала. Таблица суммирует изложенные выше положения и служит обобщающим элементом концептуальной модели.

В тексте статьи обоснован выбор указанных показателей и каким образом каждый из них влияет на потенциал возвращения. Следует отметить, что каждая категория мигрантов характеризуется собственными особенностями и преобладающими мотивами репатриации.

Таблица 1

Типология мигрантов-репатриантов

Table 1

Typology of migrant repatriates

№	Критерий (основание классификации)	Категории мигрантов	Оценка репатриационного потенциала
1	По продолжительности проживания за границей	Новосёлы (до 3 лет)	Очень высокий
		Краткосрочные мигранты (4–7 лет)	Высокий
		Среднесрочные мигранты (8–15 лет)	Умеренный
		Долгосрочные мигранты (более 15 лет)	Низкий
2	По успешности интеграции	Высокоинтегрированные мигранты	Низкий
		Частично интегрированные мигранты	Умеренный
		Неинтегрированные мигранты	Высокий
3	По возрастным группам	Молодёжь (18–35 лет)	Высокий
		Средний возраст (36–55 лет)	Высокий
		Старший трудоспособный (56–72 года)	Умеренный
		Пожилые (старше 72 лет)	Умеренный
4	По семейному положению	Одиночки (не в браке)	Умеренный
		Семейные с детьми	Высокий
		Семейные без детей	Умеренный
		Разведённые/вдовцы	Умеренный
5	По профессионально-квалификационной позиции	Высококвалифицированные специалисты	Умеренный
		Творческие работники и спортсмены	Умеренный
		Среднеквалифицированные работники	Высокий
		Низкоквалифицированные работники	Высокий
6	По социально-экономическому статусу	Наёмные работники	Умеренный
		Самозанятые, фрилансеры	Умеренный
		Малые/средние предприниматели	Высокий
		Крупные предприниматели (инвесторы)	Умеренный
		Научные сотрудники, преподаватели	Высокий
		Обучающиеся (студенты)	Умеренный
		Рантье	Низкий
		Занятые в неформальном секторе	Высокий
		Иждивенцы государства	Низкий
		Иждивенцы семьи/третьих лиц	Умеренный
		Безработные, ищущие работу	Очень высокий
		Безработные, не ищущие работу	Умеренный
7	По перспективам для детей	С детьми школьного возраста	Высокий
		С детьми дошкольного возраста	Умеренный
		Без детей или с взрослыми детьми	Низкий

8	По экономической ситуации в стране пребывания	Из стран с ухудшающейся экономикой	Высокий
		Из стран со стабильной экономикой	Низкий
		Из стран с растущей экономикой	Умеренный
9	По миграционной политике страны пребывания	Страны с ужесточением миграционной политики	Высокий
		Страны с либеральной миграционной политикой	Низкий
		Страны, сокращающие иммиграцию	Высокий
10	По географическому региону проживания	Страны СНГ	Высокий
		Европа, Северная Америка, Австралия	Низкий
		Азия, Африка, Латинская Америка	Умеренный
11	По этнокультурной идентичности	Этнические русские	Высокий
		Русскоязычные нерусской национальности	Умеренный
		Не связанные с русской культурой	Низкий
12	По правовому статусу за рубежом	Граждане принимающей страны	Низкий
		Мигранты с двойным гражданством	Умеренный
		Обладатели вида на жительство	Умеренный
		Нелегальные мигранты	Высокий
13	По владению русским языком	Свободно владеющие русским	Высокий
		Частично владеющие русским	Умеренный
		Не владеющие русским	Низкий

Источник: составлено авторами.

Важно подчеркнуть, что подход интегральный не только при их совместном рассмотрении по охвату критериев, но и по идее учёта комбинации факторов. Реальные мигранты принадлежат одновременно ко многим категориям. Например, потенциальный репатриант может быть: 32-летним (молодёжь), прожившим 5 лет за границей (краткосрочный мигрант), частично интегрированным, состоящим в браке, с одним маленьким ребёнком, высококвалифицированным IT-специалистом, работающим по найму, живущим в Европе, гражданином Германии, свободно владеющим русским языком и являющимся этническим русским. Такой портрет объединяет много признаков, и только рассматривая их вместе, можно оценить его суммарный репатриационный потенциал. В данном примере многие факторы благоприятствуют возвращению (относительная «молодость», наличие ребёнка — мотивация вернуть в русскоязычную среду, частичная интеграция — есть причины искать лучшей самореализации, этническая и языковая связь), а другие препятствуют (высокая квалификация и комфортная жизнь на Западе). Ком-

плексная типология позволяет выделить подобных людей как перспективную группу и подумать, какие условия способны перевесить чашу весов в пользу возвращения (например, предложить высокотехнологичную работу в России, жилищную программу для молодых семей и подобное). Таким образом, разработанная типология представляет собой инструмент многоуровневой классификации, охватывающий и индивидуальные характеристики мигрантов, и контекст их жизни за рубежом.

Оценка репатриационного потенциала на основе классификации

Разработанная типология носит не только качественный, но и прикладной характер: она предоставляет основу для количественной оценки репатриационного потенциала. Под репатриационным потенциалом в широком смысле понимается число мигрантов, которые при определённых условиях готовы вернуться на родину. Используя классификацию, можно проводить более точные расчёты этого показателя, чем при традиционных методах.

Применяя вышеописанную типологию, репатриационный потенциал разных групп мигрантов можно разделить на четыре уровня вероятности возвращения: 1) очень высокий: мигранты, которые с большой вероятностью могут вернуться в Россию в ближайшее время (практически готовы к переезду); 2) высокий: мигранты, которые вернутся при наличии определенных условий; 3) умеренный: мигранты, способные принять решение о возвращении только при появлении серьезных стимулов или существенных изменений в их жизни; 4) низкий: мигранты, которые с малой вероятностью вернутся в обозримом будущем (их жизненная траектория в основном связана с зарубежьем).

Предлагаемая классификация служит инструментом оценки и может быть адаптирована не только для России, но и для других стран при небольших модификациях — с учётом специфики соответствующих диаспор. Важно отметить, что комбинация факторов может усиливать или ослаблять общий потенциал репатриации. Например, высокий профессиональный статус вместе с ностальгией и наличием российского гражданства резко увеличивают шансы возвращения, тогда как отсутствие знания языка при прочих равных их снижает. Кроме того, на решения мигрантов влияют динамические факторы — изменения в личной жизни (рождение детей, потеря работы, выход на пенсию) или во внешней среде (экономическая ситуация, политические условия, новые программы поддержки репатриантов). Рождение ребёнка у эмигрантов может усилить желание оформить ему российское гражданство и вернуться на Родину. Улучшение экономической конъюнктуры в России, появление социальных программ (предоставление жилья или пособий) повышает привлекательность возвращения, особенно для семей среднего возраста. Таким образом, оценка репатриационного потенциала должна учитывать не только статичные характеристики мигранта, но и внешние перемены, способные скорректировать его планы.

Заключение

Проведённое исследование показало, что возвращение эмигрантов и их потомков — явление многогранное, и эффективно управлять им можно лишь на основе научно обоснованной классификации, учитывающей ключевые характеристики мигрантов. Предложенная типология из 13 критериев объединяет демографические, социально-экономические, культурно-идентификационные и институциональные измерения. Она позволяет описывать потенциальных репатриантов как носителей совокупности признаков и на этой основе оценивать их поведенческие тенденции и репатриационный потенциал.

Предложенный подход является комплексным и междисциплинарным. Предпринята попытка интегрировать в единую схему типологии факторы, отражающие мотивацию, ресурсы и правовые возможности мигрантов, а также контекст их жизни за рубежом. Такой интегральный взгляд обеспечивает методический мост между качественным анализом (кто есть кто среди мигрантов) и количественной оценкой репатриационного потенциала. Типология разработана с учётом конкретно российской специфики и целей возвратной миграции. Но вместе с тем универсальна, поскольку аналогичные критерии могут быть адаптированы для оценки процессов репатриации в других странах.

Полученные результаты, а именно, предлагаемая типология применима для актуализации миграционной политики, в части её репатриационной составляющей, планирования и реализации репатриационных программ. С теоретической точки зрения, исследование предлагает новую модель анализа потенциала возвратной миграции. С практической точки зрения, типология выступает инструментом, позволяющим целенаправленно планировать меры по стимулированию возвращения.

Литература и Интернет-Источники

1. **Воробьева, О. Д.** Основные подходы к оценке масштабов расселения русскоговорящего населения за рубежом / О.Д. Воробьева, А.А. Субботин, С.Н. Мишук // Экономические и социальные перемены: факты, тенденции, прогноз. — 2024. — Т. 17. — № 5. — С. 219–231. DOI: 10.15838 / esc.2024.5.95.12; EDN: WWMEMM
2. **Гришанова, А.Г.** Миграционный потенциал: теоретические аспекты / А.Г. Гришанова, Н.И. Кожевникова // Народонаселение. — 2016. — № 1–1(71–1). — С. 42–51. EDN: VWEUGB
3. **Трегубова, Е. А.** О проблемах реализации программы переселения соотечественников / Е.А. Трегубова // Вестник науки. — 2020. — № 9(30). — С. 37–43. EDN: QPTAVN
4. **Рязанцев, С.В.** Возвратная миграция соотечественников в Россию: существует ли миграционный потенциал / С.В. Рязанцев, Е.Е. Письменная, М.Н. Храмова // Народонаселение. — 2015. — № 2. — С. 64–73. EDN: TZFRPN
5. **Рязанцев, С.В.** Возвратная миграция: международные подходы и региональные особенности Центральной Азии / под общ. ред. С.В. Рязанцева. — Алматы: MOM, 2020. — 242 с. EDN: CXСВЕА
6. **Леденева, В.Ю.** Влияние миграционного потенциала на экономическое и демографическое развитие стран-доноров и стран-реципиентов / В.Ю. Леденева, А.Х. Рахронов // Вестник МГИМО-Университета. — 2023. — Т. 16. — № 6. — С. 250–269. DOI: 10.24833 / 2071-8160-2023-6-93-250-269; EDN: PUEKNQ
7. **Ясилевич, Ю.П.** Почему иммиграционный статус категории «носитель русского языка» не состоялся / Ю.П. Ясилевич // Постсоветский материк. — 2024. — № 4(44). — С. 53–64. DOI: 10.48137 / 23116412_2024_4_53; EDN: CVRKVB
8. **Зайка, К.В.** Диаспорические и иммигрантские сообщества / К.В. Зайка // Мировая экономика и международные отношения. — 2009. — № 10. — С. 74–80. DOI: 10.20542 / 0131-2227-2009-10-74-80; EDN: LGNITH
9. **Лошкарёв, И.Д.** Эволюция понятия «диаспора» в политической науке / И.Д. Лошкарёв // Этносциум и межнациональная культура. — 2017. — № 4(106). — С. 70–78. EDN: YUNTCL
10. **Рыбаковский, Л.Л.** Классификация миграции: основания и таксоны / Л.Л. Рыбаковский // Народонаселение. — 2016. — № 3(73). — С. 4–16. EDN: WWRJVN
11. **Рыбаковский, Л.Л.** История и теория миграции населения. Кн. 2: Миграция населения: явление, понятие, детерминанты. — Москва : Экон-Информ, 2017. — 234 с.
12. **Рязанцев, С. В.** «Наши» за границей. Русские, россияне, русскоговорящие, соотечественники: расселение, интеграция и возвратная миграция в Россию / С.В. Рязанцев, А.А. Гребенюк. — Москва : ИСПИ РАН, 2014. — 238 с. EDN: TSGBUF
13. **Ковалев, М.П.** Репатриация как вид миграции: методологические проблемы исследования / М.П. Ковалев // Вестник Томского государственного университета. — 2009. — № 327. — С. 42–44. EDN: KXXRAF
14. **Безбородова, Т. М.** К вопросу типологизации миграционных процессов / Т.М. Безбородова, И.С. Метелев // Региональные проблемы преобразования экономики. — 2010. — № 4(26). — С. 391–399. EDN: NEGPMТ
15. **Осадчая, Г.И.** Оценка потенциала диаспоры в формировании социально-экономического благополучия мигрантов из Армении в России / Г.И. Осадчая, М.Л. Варганова // Экономические и социальные перемены: факты, тенденции, прогноз. — 2023. — Т. 16. — № 6. — С. 208–222. DOI: 10.15838 / esc.2023.6.90.12; EDN: WLPUDF
16. **Cerese, F.P.** Expectations and Reality: A Case Study of Return Migration from the United States to Southern Italy / F.P. Cerese // International Migration Review. — 1974. — Vol. 8. — No. 2. — P. 245–262. DOI: 10.2307 / 3002783
17. **Cassarino, J.-P.** Theorising Return Migration: The Conceptual Approach to Return Migrants Revisited / J.-P. Cassarino // International Journal on Multicultural Societies. — 2004. — Vol. 6, No. 2. — P. 253–279. DOI: 10.1590 / S1980-85852013000200003

Сведения об авторах:

Воробьева Ольга Дмитриевна, д.э.н., проф., МГУ имени М. В. Ломоносова; главный научный сотрудник, ИСД ФНИСЦ РАН, Москва, Россия.

Контактная информация: e-mail: 89166130069@mail.ru; ORCID: 0000-0003-1304-3715; РИНЦ SPIN-код: 6059-0372.

Субботин Александр Алексеевич, к.соц.н., доцент, МГУ имени М. В. Ломоносова, Москва, Россия.

Контактная информация: e-mail: aasubbotin@yahoo.com; ORCID: 0000-0001-5016-0473; РИНЦ SPIN-код: 1124-8020.

DOI: 10.24412/1561-7785-2026-1-40-54

INTEGRAL TYPOLOGY OF THE REPATRIATION POTENTIAL OF RUSSIA

Olga D. Vorobieva^{1,2}, Alexander A. Subbotin^{1*}

¹Lomonosov Moscow State University
(1 Leninskie gory, Moscow, Russia, 119991)

²ISD FCTAS RAS
(6, bldg. 1 Fotievoy str., Moscow Russia, 119333)

*E-mail: aasubbotin@yahoo.com

Funding:

The study was funded by RSF grant (project No. 24-28-01328). URL: <https://rscf.ru/project/24-28-01328/>.

For citation:

Vorobieva O. D., Subbotin A. A. Integral typology of the repatriation potential of Russia. *Narodonaselenie [Population]*. 2026. Vol. 29. No. 1. P. 40-54. DOI: 10.24412/1561-7785-2026-1-40-54 (in Russ.)

Abstract. *The article substantiates the need to develop a new comprehensive typology of repatriates aimed at assessing and enhancing their repatriation potential. The relevance of the study is determined by the current demographic challenges confronting Russia, such as depopulation and the outflow of skilled labor. Under these conditions, repatriation is viewed as a potential source for replenishing human capital and mitigating demographic imbalances. The paper provides an overview of Russian and foreign research on repatriation and identifies the limitations of narrow classifications focused solely on specific aspects — legal status, duration of stay abroad, or motives for departure and return. The analysis reveals gaps in the existing approaches and identifies key parameters that should be considered when studying the phenomenon of repatriation. Special attention is paid to a comprehensive examination and classification of the factors influencing the willingness to return. This classification considers not only migrants' motivations but also their resources (human, social, and economic capital), legal opportunities, and living conditions abroad. The authors propose an original typology of repatriates based on 13 complementary criteria encompassing the key characteristics of potential returnees. Each criterion is substantiated in terms of its influence on the likelihood of return and successful reintegration in the home country. The findings expand theoretical understanding of the structure of repatriation processes and can serve as a foundation for developing analytical and forecasting tools in this field. The results may be applied in designing approaches to assessing and predicting Russia's repatriation potential.*

Keywords: *international migration, return migration, repatriates, repatriation potential, migrant typology, diaspora, migration policy.*

References and Internet sources

1. Vorobieva O.D., Subbotin A.A., Mishchuk S.N. Osnovnyye podkhody k otsenke masshtabov rasseleniya russkogovoryashchego naseleniya za rubezhom [Main approaches to assessing the scale of settlement of Russian-speaking population abroad]. *Ekonomicheskkiye i sotsial'nyye peremeny: fakty, tendentsii, prognoz [Economic and Social Changes: Facts, Trends, Forecast]*. 2024. Vol. 17. No. 5. P. 219–231. DOI: 10.15838/esc.2024.5.95.12 (in Russ.)
2. Grishanova A.G., Kozhevnikova N.I. Migratsionnyj potentsial: teoreticheskiye aspekty [Migration potential: theoretical aspects]. *Narodonaselenie [Population]*. 2016. No. 1–1 (71–1). P. 42–51. (in Russ.)
3. Tregubova E.A. O problemakh realizatsii programmy pereseleniya sootvetstvennikov [On the problems of implementing the Program of Resettlement of Compatriots]. *Vestnik nauki [Bulletin of Science]*. 2020. No. 9(30). P. 37–43. (in Russ.)
4. Ryazantsev S.V., Pismennaya E.E., Khramova M.N. Vozvratnaya migratsiya sootvetstvennikov v Rossiyu: sushchestvuets li migratsionnyj potentsial [Return migration of compatriots to Russia: is there a migration potential]. *Narodonaselenie [Population]*. 2015. No. 2. P. 64–73. (in Russ.)
5. Vozvratnaya migratsiya: mezhdunarodnyye podkhody i regional'nyye osobennosti Tsentral'noy Azii [Return Migration: International Approaches and Regional Features of Central Asia]. Ed. S.V. Ryazantsev. Almaty. MOM [IOM]. 2020. 242 p. (in Russ.)
6. Ledeneva V. Yu., Rakhmonov A. Kh. Vliyaniye migratsionnogo potentsiala na ekonomicheskoye i demograficheskoye razvitiye stran-donorov i stran-retsipientov [The impact of migration potential on the economic and demographic development of donor and recipient countries]. *Vestnik MGIMO-Universiteta [MGIMO Review of International Relations]*. 2023. Vol. 16. No. 6. P. 250–269. DOI: 10.24833/2071-8160-2023-6-93-250-269 (in Russ.)
7. Yasilevich Yu. P. Pochemu immigratsionnyj status kategorii «nositel' russkogo yazyka» ne sostoyalsya [Why the immigration status of the category «native speaker of the Russian language» failed]. *Postsovetskiy materik [Post-Soviet Continent]*. 2024. No. 4(44). P. 53–64. DOI: 10.48137/23116412_2024_4_53 (in Russ.)
8. Zaika K.V. Diasporicheskiye i immigrantskiye soobshchestva [Diaspora and immigrant communities]. *Mirovaya ekonomika i mezhdunarodnyye otnosheniya [World Economy and International Relations]*. 2009. No. 10. P. 74–80. DOI: 10.20542/0131-2227-2009-10-74-80 (in Russ.)
9. Loshkaryov I.D. Evolyutsiya ponyatiya «diaspora» v politicheskoy nauke [Evolution of the concept of «diaspora» in political science]. *Etnosotsium i mezhdunarodnaya kul'tura [Ethnosocium and Interethnic Culture]*. 2017. No. 4(106). P. 70–78. (in Russ.)
10. Rybakovsky L.L. Klassifikatsiya migratsii: osnovaniya i taksony [Classification of migration: base and taxons]. *Narodonaselenie [Population]*. 2016. No. 3(73). P. 4–16. (in Russ.)
11. Rybakovsky L.L. Istoriya i teoriya migratsii naseleniya. Kn. 2: Migratsiya naseleniya: yavleniye, ponyatiye, determinanty [History and Theory of Population Migration. Book. 2: Population Migration: Phenomenon, Concept, Determinants]. Moscow. Ekon-Inform [Econ-Inform]. 2017. 234 p. (in Russ.)
12. Ryazantsev S.V., Grebenyuk A.A. «Nashi» za granitsey. Russkiye, rossiyane, russkogovoryashchiye, sootvetstvenniki: rasseleniye, integratsiya i vozvratnaya migratsiya v Rossiyu [«Ours» Abroad. Russians, Russian-Speaking People, Compatriots: Settlement, Integration, and Return Migration to Russia]. Moscow. ISPI RAN [ISPR RAS]. 2014. 238 p. (in Russ.)
13. Kovalev M.P. Repatriatsiya kak vid migratsii: metodologicheskiye problemy issledovaniya [Repatriation as a type of migration: methodological issues of research]. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta [Tomsk State University Journal]*. 2009. No. 327. P. 42–44. (in Russ.)
14. Bezborodova T.M., Metelev I.S. K voprosu tipologizatsii migratsionnykh protsessov [On the issue of migration processes typologization]. *Regional'nyye problemy preobrazovaniya ekonomiki [Regional Problems of Transforming the Economy]*. 2010. No. 4(26). P. 391–399. (in Russ.)

15. Osadchaya G.I., Vartanova M.L. Otsenka potentsiala diaspory v formirovanii sotsial'no-ekonomicheskogo blagopoluchiya migrantov iz Armenii v Rossii [Assessing the potential of the diaspora in the formation of socio-economic well-being of migrants from Armenia in Russia]. *Ekonomicheskiye i sotsial'nyye peremeny: fakty, tendentsii, prognoz [Economic and Social Changes: Facts, Trends, Forecast]*. 2023. Vol. 16. No. 6. P. 208–222. DOI: 10.15838/esc.2023.6.90.12 (in Russ.)
16. Cerase F.P. Expectations and reality: a case study of return migration from the United States to Southern Italy. *International Migration Review*. 1974. Vol. 8. No. 2. P. 245–262. DOI: 10.2307/3002783
17. Cassarino J.-P. Theorizing return migration: the conceptual approach to return migrants revisited. *International Journal on Multicultural Societies*. 2004. Vol. 6. No. 2. P. 253–279. DOI: 10.1590/S1980-85852013000200003

Information about the authors:

Vorobieva Olga Dmitrievna, Doctor of Economics, Professor, Lomonosov Moscow State University; Chief Researcher, ISD FCTAS RAS, Moscow, Russia.

Contact information: e-mail: 89166130069@mail.ru; ORCID: 0000-0003-1304-3715; Elibrary SPIN-code: 6059–0372.

Subbotin Alexander Alekseevich, Candidate of Sociology, Associate Professor, Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russia.

Contact information: e-mail: aasubbotin@yahoo.com; ORCID: 0000-0001-5016-0473; Elibrary SPIN-code: 1124–8020.

Статья поступила в редакцию 22.09.2025, утверждена 16.02.2026, опубликована 31.03.2026.

DOI:10.24412/1561-7785-2026-1-55-69
EDN: PZIIEA

СЕЛЬСКОЕ НАСЕЛЕНИЕ ЮЖНОГО УРАЛА: ТЕКУЩИЕ И ПЕРСПЕКТИВНЫЕ ТЕНДЕНЦИИ ДЕМОГРАФИЧЕСКОГО РАЗВИТИЯ

Туктамышева Л.М.^{1,2}, Аралбаева Г.Г.², Чибилев А.А. (мл.)^{*}, Чернева Л.О.¹

¹Институт степи Уральского отделения РАН
(460000, Россия, Оренбург, ул. Пионерская, 11)

²Оренбургский государственный университет
(460000, Россия, Оренбург, проспект Победы, 13, корп. 3)

^{*}E-mail: econotgeo-is@mail.ru

Финансирование:

Статья подготовлена в рамках государственного задания № АААА-А21-121011190016-1 Института степи УрО РАН «Проблемы степного природопользования в условиях современных вызовов: оптимизация взаимодействия природных и социально-экономических систем».

Для цитирования:

Туктамышева Л.М., Аралбаева Г.Г., Чибилёв А.А. (мл.), Чернева Л.О. Сельское население Южного Урала: текущие и перспективные тенденции демографического развития // Народонаселение. – 2026. – Т. 29. – № 1. – С. 55-69. DOI: 10.24412 / 1561-7785-2026-1-55-69; EDN: PZIIEA

Аннотация. Степные регионы бассейна реки Урал рассматриваются как мезорегион, характеризующийся схожими условиями хозяйствования, территориальной, климатической и географической близостью, приграничным расположением. Сжатие сельского населения в степных регионах — это процесс долговременной депопуляции населения в сельских территориях, расположенных в степных зонах, вызванное сокращением обжитых, продуктивных земель, а также сопровождающееся соответствующим сжатием социальной, экономической, транспортной и другой инфраструктуры. Цель исследования заключается в характеристике перспектив процессов сжатия сельского населения степных регионов бассейна реки Урал. Наиболее благополучным по данным за 2022 г. является сельское население Республики Башкортостан, где, несмотря на низкий уровень рождаемости, наблюдается относительно высокая ожидаемая продолжительность жизни и, ниже, чем в других рассматриваемых степных регионах бассейна реки Урал, демографическая нагрузка. В Челябинской области, в которой доля сельского населения в общей численности населения и так невелика (17% в 2022 г.) продолжается процесс сжатия, что усугубляется высоким уровнем смертности населения. Анализ динамики нетто-коэффициента воспроизводства населения подтверждает это предположение: в Челябинской области суженное воспроизводство сельского населения в исследуемом периоде началось уже в 2019 г. — на три года раньше, чем в Республике Башкортостан и Оренбургской области. Изучение сжатия сельского населения в степных районах может идти по двум основным направлениям: 1) влияние сжатия сельского населения на развитие сельскохозяйственных предприятий в степных районах, изменения в использовании сельскохозяйственных угодий и пастбищ, связанных с убылью населения; 2) экономические последствия — воздействие сжатия сельского населения на экономическую активность, занятость и уровень доходов в степных районах. Исследование данных аспектов поможет выявить ключевые факторы, определяющие депопуляцию, и предоставит основу для разработки целенаправленных стратегий для устойчивого развития сельских регионов степных районов.

Ключевые слова: процесс сжатия, сельское население, естественное воспроизводство, модель LSTM, нетто-коэффициент воспроизводства населения.

© Туктамышева Л.М., Аралбаева Г.Г., Чибилев А.А. (мл.), Чернева Л.О., 2026

Введение

Демографическая ситуация в регионах России широко различается, что связано с природно-климатическими, экономико-географическими, национально-этническими и другими факторами, оказывающими значимое влияние на процессы воспроизводства населения [1; 2]. Процессы сжатия запускают колебания в структуре основных демографических групп, вызванные миграцией в системе «село-город», а это, в свою очередь, требует корректировки стратегии развития территорий, учитывающие возможное изменение социальной инфраструктуры [3; 4].

Для степных регионов России, в которых традиционно развито сельское хозяйство, в особенности на территориях, где активно осваивалась целина, процессы сжатия сельских территорий проявляются особенно заметно. Это касается и земель, расположенных в бассейне реки Урал, которые охватывают Оренбургскую и Челябинскую области, Республику Башкортостан со стороны России и Актюбинскую, Западно-Казахстанскую и Атыраускую области Республики Казахстан. Регионы объединяет природно-географическое трансграничное положение и относительно низкая плотность населения [5]. Согласно исследованиям, приграничным регионам чаще, чем внутренним, приходится испытывать трудности, что в итоге сказывается на демографическом развитии этих территорий [6]. В настоящем исследовании рассматривается население только российской территории бассейна реки Урал [7]. Это связано, во-первых, с тем, что исследование проводится с целью выработки рекомендаций по проведению демографической политики нашей страны, во-вторых, с наличием разнонаправленных тенденций в динамике численности населения приграничных регионов двух стран со значительным перекосом в религиозно-национальной структуре населения [8]. В-третьих, следует учитывать различия стран как в социально-экономическом развитии, так и в политической ситуации, что

также вносит свои коррективы в демографические процессы.

Актуальность исследования сжатия сельского населения в степных регионах может быть рассмотрена с точки зрения различных аспектов: 1) демографический контекст (сельские регионы играют важную роль в структуре населения, исследование сжатия сельского населения помогает понять демографические тенденции и их влияние на долгосрочное развитие сельских общин); 2) экономическая устойчивость (сжатие сельского населения может свидетельствовать о сложностях, с которыми сталкиваются сельские экономики, исследования в этой области могут помочь выявить причины и предложить стратегии для устойчивого развития); 3) миграция и изменения в занятости (исследование сжатия сельского населения связано с миграцией и изменениями в занятости в сельских районах, анализ этих факторов важен для определения влияния на экономическую активность и трудовые ресурсы [9]). Данное исследование фокусируется именно на «демографическом сжатии» населения и заключается в характеристике состояния и оценке перспектив процессов сжатия сельского населения степных регионов бассейна реки Урал.

Материалы и методы

Учитывая, что демографические показатели являются в определённой степени инерционными, то есть изменения здесь происходят постепенно, а влияние ряда факторов является пролонгированным, то и в основе процесса сжатия заложены многолетние устойчивые тенденции, которые следует изучить. Сжатие сельского населения в степных регионах — это процесс долговременной депопуляции населения в сельских территориях, расположенных в степных зонах, вызванное сокращением обжитых, продуктивных земель и сопровождающееся соответствующим сокращением социальной, экономической, транспортной и другой инфраструктуры. Процесс сжатия будем рассматривать в трактовке негативного процесса (интенсификацион-

ное сжатие), а именно как «сокращение обжитых, освоенных, экономически активных земель» [10]. Если рассматривать стадиальную концепцию о расселении Дж. Джибса [11], то процесс сжатия относится к четвёртой стадии, когда происходит стягивание сельского населения к городам. Здесь будет уместно отметить труды учёных, которые также придерживаются стадиальной концепции эволюции расселения [12–17]. В стадиальных подходах рассмотрения процессов расселения и урбанизации речь идёт о сжатии территории, однако, в научной среде нередко прибегают к выражению «демографическое сжатие», имея в виду устойчивое сокращение численности населения, вызванное в основном падением естественного воспроизводства всего населения, а не только сельского населения [18; 19].

Проблемы исследования сжатия сельского населения в степных регионах заключаются в следующем: 1) ограниченные данные (недостаток доступных и точных данных о демографических показателях и социально-экономических аспектах сельских районов может осложнить исследование и оценку воздействия сжатия); 2) множество факторов (влияние различных факторов, таких как экономические, социокультурные, климатические и другие, может усложнить выделение конкретных причин сжатия естественного воспроизводства); 3) взаимодействие различных факторов, таких как миграция и изменения в занятости, требует комплексного подхода и анализа; 4) недостаток единой методологии (отсутствие универсальной методологии для измерения сжатия сельского населения может затруднить сравнение результатов и обобщение выводов). Учёт этих проблем поможет сделать исследование более точным, полезным и применимым в контексте сельских регионов степных регионов.

Так как для населения рассматриваемого мезорегиона характерна высокая смертность, то для анализа воспроизводства населения использован показатель, не зависящий от возрастной структуры [20]. Речь идёт о коэффициенте Бека-Кучинского (нетто-коэффициент воспроизводства населе-

ния — НКВН), который, в отличие от брутто-коэффициента, подразумевающего отсутствие смертности женщин репродуктивного возраста, основывается на учёте женской смертности соответствующего возраста. Если НКВН меньше 1, то речь идёт о суженном воспроизводстве населения, при этом имеется в виду условное поколение [21–23]. При расчёте средних показателей возраста, суммарного коэффициента рождаемости (СКР) и ожидаемой продолжительности жизни (ОПЖ) по мезорегиону использована средняя арифметическая взвешенная:

$$\bar{x}_j = \sum_{i=1}^3 x_{ij} w_i, \quad (1)$$

где — \bar{x}_j среднее значение j -го демографического показателя; — x_{ij} значение j -го демографического показателя для населения i -го региона; — w_i доля населения i -го региона в общей численности населения рассматриваемого мезорегиона.

Росстат публикует результаты прогнозирования демографических показателей по утверждённой методике на основе метода компонент, предусматривающую сценарное определение её составляющих, которые пересматриваются учёными-демографами раз в два года. Результаты прогнозирования демографических показателей можно найти для населения РФ в целом вплоть до 2045 г., а также для отдельных субъектов РФ на страницах территориальных органов Росстата. В своём исследовании мы акцентировали внимание на демографическом положении сельского населения регионов, прогнозы по которым в известных нам открытых источниках не представляется возможным найти. Для решения задач прогнозирования демографических показателей без привлечения экспертных оценок по определению сценариев о возможных путях изменения показателей рождаемости, смертности и миграции как это делается в методике Росстата, исследователи прибегают к использованию методов прогнозирования на основе одномерных временных рядов. Эти методы дают хорошие результаты на небольших

горизонтах прогнозирования, не зависят от ошибок в прогнозах компонент, позволяя быстро корректировать прогноз при добавлении новой информации [24].

Для прогнозирования показателей естественного воспроизводства использовался метод искусственного интеллекта — Longshort-term memory neural network (LSTM). Преимущество LSTM состоит в том, что она может «найти и учесть» взаимосвязи в тенденции с неопределённым временным лагом. В классических моделях предполагается постоянство лагов как авторегрессии, так и периодичности. В сети LSTM, которая имеет обычную цепную структуру, как и любая рекуррентная нейронная сеть, используется четыре взаимодействующих нейронных слоя, где трижды сигнал передаётся через сигмоидную активационную функцию (выходной слой, слой «запоминания», слой «забывания») и один раз через гиперболический тангенс (входной слой) [25].

В качестве метрики ошибки использовалась средняя квадратичная ошибка между фактическими и предсказанными значениями (Mean Squared Error — MSE). Чем ближе к нулю значение MSE, тем точнее модель. Расчёт производится по формуле (2):

$$MSE = \frac{\sum_{i=1}^{n_T} (y_t - y_t^*)^2}{n_T}, \quad (2)$$

где y_t — фактические значения временного ряда для тренировочной выборки $y_t = 1, \dots, n_T$ (n_T — составляет около 80% всех наблюдений); y_t^* — предсказанные моделью значения временного ряда.

Для оценки качества прогнозирования использовалась средняя абсолютная процентная ошибка (Mean Absolute Percentage Error — MAPE) и медианная абсолютная процентная ошибка (Median Absolute Percentage Error — MDAPE), расчёт которых производится по формулам 3 и 4. Последние два показателя измеряются в процентах. Считается, что модель обладает высокими прогнозными свойствами, если эти показатели не превышают 10%.

$$MAPE = 100 * \frac{1}{n_T} \sum_{i=1}^{n_T} \left| \frac{y_t - y_t^*}{y_t} \right|, \quad (3)$$

$$MDAPE = \text{median} \left| \frac{y_t - y_t^*}{y_t} \right| * 100. \quad (4)$$

Для обучения нейронной сети использовался адаптивный оптимизатор Root Mean Square Propagation, в основе которого лежит метод градиентного спуска с изменяющейся в зависимости от градиента скоростью обучения [26]. Это позволяет в процессе обучения уходить от проблемы «затухания градиента» и адаптироваться к разному масштабу градиента. Для разработки и обучения сети LSTM использовался язык программирования Python и его библиотеки Tensorflow (версия 2.15.0), Pandas, Numpy, Seaborn, Matplotlib, выполнение программного кода выполнялось в Google Colab, что позволяет писать и запускать код без установки специальных программ [27].

Результаты и обсуждение

Общая численность населения изучаемого мезорегиона к концу 2022 г. составляла 9,3 млн человек, при этом более 53% всего населения проживало в Республике Башкортостан (табл. 1). Численность сельского населения мезорегиона составила 2,867 млн человек, при этом доля сельского населения в общей численности в Республике Башкортостан, Оренбургской и Челябинской областях в 2022 г. составила 37%, 40% и 17% соответственно.

Согласно представленным в табл. 1 данным, наибольший средний возраст населения среди рассматриваемых регионов — в Республике Башкортостан. Он составляет 41,31 года: для мужчин — 39,3 года, а для женщин — 43,23 года. Это значит, что в сравнении с двумя остальными рассматриваемыми регионами можно предположить, что это в большей степени негативно отразится на рождаемости в ближайшие годы. Самое «молодое» сельское население в Челябинской области, здесь средний возраст мужчин составляет 38 лет, а средний возраст женщин выше, чем у мужчин на 4,57 года. Для Республики Башкортостан такой разрыв меньше (3,93 года).

Таблица 1
Основные демографические показатели регионов бассейна реки Урал за 2022 год

Table 1

Main demographic indicators in the regions of the Ural River basin in 2022

Показатель	Республика Башкортостан	Оренбургская область	Челябинская область	Средняя взвешенная по мезорегиону
Население на конец года, тыс. человек	4077,6	1841,4	3407,1	9326,1
Сельское население, тыс. человек	1535,23	739,15	593,00	2867,38
мужчины и женщины 0-15 лет, человек	302,32	157,17	124,97	584,46
Мужчины 16-61 лет, женщины 16-56 лет, человек	830,09	386,31	310,33	1526,73
Мужчины 62 и более лет, женщины 57 и более лет, человек	402,82	195,67	157,70	756,19
Средний возраст населения, лет	41,31	40,8	40,58	41,03
Средний возраст мужчин, лет	39,3	38,51	38,19	38,87
Средний возраст женщин, лет	43,23	42,92	42,76	43,05
Число родившихся, тыс. человек	36,14	16,16	30,93	83,23
Число умерших, тыс. человек	48,79	25,55	45,35	119,70
Естественный прирост, тыс. человек	-12,65	-9,39	-14,43	-36,47
СКР сельского населения	1,583	1,809	1,791	1,68
ОПЖ сельского населения, лет	71,2	70,15	70,03	70,69
ОПЖ мужчин, лет	65,93	64,46	64,69	65,29
ОПЖ женщин, лет	77,22	76,6	75,9	76,79

Источник: составлено авторами на основе данных Росстата: Приложение к сборнику «Демографический ежегодник России. 2023» // Росстат. – URL: <https://rosstat.gov.ru/folder/210/document/13207> (дата обращения: 04.03.2024).

Средний возраст сельского населения мезорегиона на полгода выше, чем по России на 2022 год. Это связано с процессами сжатия населения, когда молодёжь предпочитает переезжать в города. Одна из причин значительного разрыва в среднем возрасте между мужским и женским сельским населением связана со средней ожидаемой продолжительностью жизни (ОПЖ), данные по которым представлены в таблице 1. В рассматриваемом мезорегионе ОПЖ в 2022 г. составила 70,7 года (это на один год ниже, чем в среднем по всему населению России), для женщин — 76,8 года, для мужчин — 65,3 года. Отметим, что для сельского населения разрыв между ОПЖ мужчин в рассматриваемом мезорегионе и России превышает 1,3 года: наиболее низкие значения продолжительности жизни для женщин в Челябинской области (ниже в среднем на 1,2 года по сравнению со среднерос-

сийским уровнем) и мужчин в Оренбургской области (ниже в среднем на 2,1 года по сравнению со среднероссийским уровнем). Рассмотрим распределение численности сельского населения по возрастным группам (рис. 1).

Для всех трёх регионов доля сельского населения пожилой возрастной группы (мужчины 62 года и более, женщины 57 лет и более) почти одинакова и немногим выше 26%. Наиболее высокая доля сельского населения трудоспособного возраста в Республике Башкортостан и составляет 54,1% от общей численности сельского населения. В Оренбургской и Челябинской областях этот показатель ниже в среднем на 2 процентных пункта (п.п.), здесь наблюдаются более высокие, чем в Республике Башкортостан, доли населения моложе трудоспособного возраста. Таким образом, наиболее благополучным среди рассматриваемых

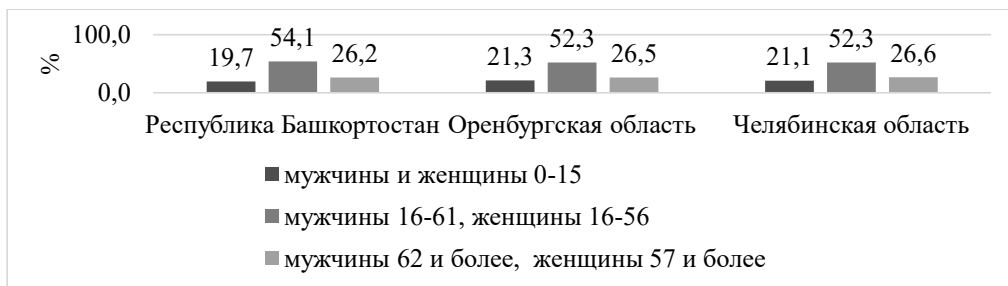

Рис. 1. Распределение сельского населения регионов мезорегиона по основным возрастным группам за 2022 год, %

Fig. 1. Distribution of rural population of the mesoregion regions by major age groups in 2022, %

Источник: составлено авторами на основе данных Росстата: Приложение к Демографическому ежегоднику России (информация в разрезе субъектов Российской Федерации) // Росстат. — URL: <https://rosstat.gov.ru/folder/210/document/13207> (дата обращения: 04.03.2024).

трёх регионов является сельское население Республики Башкортостан: здесь выше ОПЖ, меньше демографическая нагрузка. В целом это сказывается на среднем возрасте населения: средний возраст выше — это определяется структурой населения с преобладанием населения трудоспособного возраста и относительно высокой продолжительностью жизни. Высокая доля сельского населения трудоспособного возраста была достигнута, в том числе, за счёт высокой рождаемости в начале-середине первого десятилетия XXI века.

Изучим это предположение на основе анализа динамики НКВН. На рис. 2 представлена динамика этого показателя для сельского населения трёх рассматриваемых регионов. Во всех рассматриваемых регионах вплоть до 2018 г. продолжалось расширенное воспроизводство населения — НКВН > 1. В Челябинской области, где доля русского населения превышает 86%, суженное воспроизводство сельского населения началось с 2019 года. Для Республики Башкортостан и Оренбургской области этот показатель стал ниже единицы в 2022 году. Интересен факт, что в Челябинской области изначально НКВН превышал значения для Республики Башкортостан, но с 2017 г. начал ускоренно снижаться. Причиной является не только снижение рождаемости в целом, но и рост смертности населения в трудоспособном (а значит, в фертильном) воз-

расте. Смертность и женского, и мужского населения в Челябинской области значимо выше уровней среднероссийского и среднего по Уральскому ФО и продолжает расти [28]. К 2022 г. значения НКВН для всех трёх регионов почти совпали, что связано как с падением рождаемости, так и смертностью женщин репродуктивного возраста, проживающих в сельской местности.

Процессы сжатия сельского населения приводят к корректировке социальной инфраструктуры. Соответственно, для планирования таких работ необходимы прогнозы численности населения и оценки числа родившихся, умерших, продолжительности жизни населения. Прогнозирование по модели нейронной сети проведено до 2030 г. (табл. 2). Для рядов динамики числа умерших и ОПЖ сельского населения характерен структурный сдвиг в 2021 году. Например, для Оренбургской области в этот год уровень смертности превысил среднее значение в размере трёх средних квадратических отклонений. Такой скачок, обусловленный влиянием COVID-19, мог бы в незначительной степени повлиять на результаты прогнозирования.

Для всех трёх регионов ожидается рост ОПЖ как для женского, так и мужского сельского населения. Следует отметить, что ОПЖ женщин будет расти быстрее, чем ОПЖ мужчин и будет достигать 78 лет. В Челябинской области ОПЖ мужчин сельской

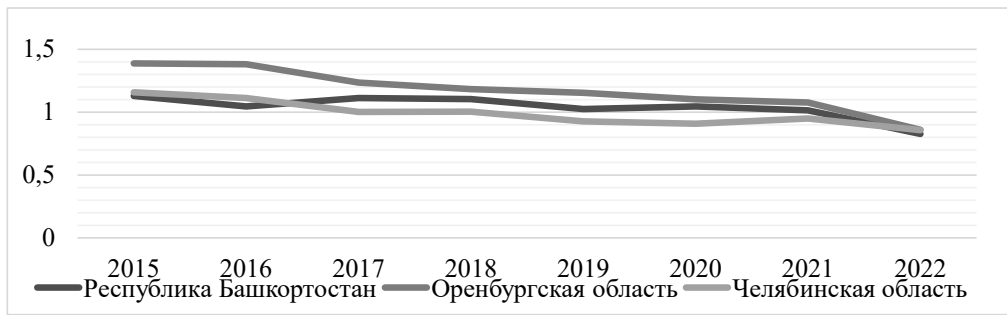

Рис. 2. Динамика нетто-коэффициента воспроизводства населения для сельского населения степных регионов бассейна реки Урал

Рис. 2. Dynamics of net reproduction rate for rural population of the steppe regions of the Ural River basin
Источник: составлено авторами на основе данных Росстата: Приложение к Демографическому ежегоднику России (информация в разрезе субъектов Российской Федерации) // Росстат. — URL: <https://rosstat.gov.ru/folder/210/document/13207> (дата обращения: 04.03.2024).

Таблица 2

Результаты прогнозирования демографических показателей сельского населения регионов бассейна реки Урал по модели LSTM

Table 2

The results of forecasting demographic indicators of rural population of the Ural River basin regions using the LSTM model

Показатель	2024	2025	2026	2027	2028	2029	2030
Сельское население Республики Башкортостан							
Численность населения, тыс. человек	1542,8	1540,3	1540,1	1539,1	1538,6	1537,9	1537,3
Число родившихся, тыс. человек	14,66	15,13	15,84	16,62	16,97	17,76	20,07
Число умерших, тыс. человек	24,34	24,70	25,52	24,94	24,79	24,59	24,42
СКР	1,66	1,84	1,92	1,91	1,85	1,82	1,85
ОПЖ мужчин, лет	65,89	65,98	66,03	66,03	66,02	66,02	66,02
ОПЖ женщин, лет	75,59	76,61	76,26	77,26	77,71	78,17	78,46
Сельское население Оренбургской области							
Численность населения, тыс. человек	754,6	751,3	750,6	751,8	753,3	753,0	753,4
Число родившихся, человек	6591	6370	6169	5959	5731	5503	5282
Число умерших, человек	11005	10971	11075	11778	12859	13236	13016
СКР	1,48	1,59	1,65	1,68	1,71	1,72	1,73
ОПЖ мужчин, лет	64,75	65,11	65,57	66,04	66,53	67,02	67,48
ОПЖ женщин, лет	76,41	76,64	77,09	77,46	77,79	78,02	78,16
Сельское население Челябинской области							
Численность населения, тыс. человек	592,0	591,4	590,8	590,3	589,8	589,3	588,8
Число родившихся, человек	5712	5637	5580	5495	5441	5387	5341
Число умерших, человек	9283	9087	8649	8529	8870	9230	9121
СКР	1,70	1,72	1,72	1,77	1,82	1,89	1,96
ОПЖ мужчин, лет	65,21	65,24	65,29	65,31	65,35	65,41	65,49
ОПЖ женщин, лет	75,78	76,51	77,04	77,73	78,33	78,83	79,22

Источник: составлено авторами.

местности, согласно прогнозу, вырастет лишь на 0,3 года до 2030 года. Ожидается, что СКР не превысит значение 2, что свидетельствует о суженном воспроизводстве населения, однако для всех трёх регионов этот показатель будет расти в сравнении с уровнем 2022 г., что будет связано с рождением детей у поколения женщин, родившихся в период пика демографической волны, который пришёлся на 2007–2014 годы.

Согласно полученным результатам, во всех трёх регионах продолжится процесс сжатия сельского населения. Наиболее существенное снижение населения ожидается в период до 2026 г., после этого падение замедлится, но позитивная тенденция сохранится недолго, и уже к 2030 г. продолжится сокращение численности сельского населения. Это будет обусловлено дальнейшими процессами урбанизации, миграцией сельского населения в центральные и южные

регионы России. И если для Оренбургской области и Республики Башкортостан снижение численности населения не приведёт к существенному оттоку рабочей силы из аграрного сектора экономики, то для Челябинской области, где доля сельского населения и так не превышает 17,5%, это может оказать значимое воздействие на производство сельскохозяйственной продукции.

Смертность сельского населения по-прежнему ожидается на высоком уровне, однако не превышающем уровень «ковидного» 2021 г. (рис. 3). В Республике Башкортостан в ближайшие годы ожидается уровень смертности сельского населения в районе 16%. Такие высокие значения можно объяснить вкладом 2020–2022 гг., на которые пришлись уровни смертности, превышающие показатели 1990-х гг. — в частности в 2021 г. смертность сельского населения в республике составила 18,8%.

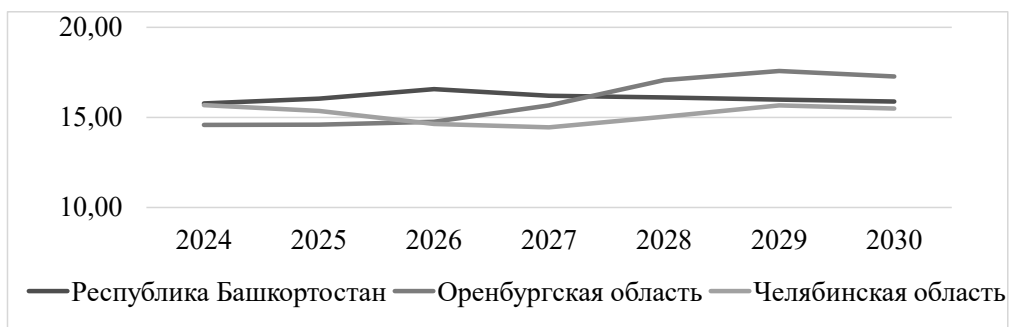

Рис. 3. Прогноз смертности сельского населения степных регионов бассейна реки Урал, %

Рис. 3. Forecast for rural population mortality in the steppe regions of the Ural River basin, %

Источник: составлено авторами.

Наиболее благоприятен прогноз для Республики Башкортостан (рис. 4), где, несмотря на низкую динамику численности сельского населения, с учётом низкого роста показателя умерших, будет благоприятная динамика рождаемости, которая и на данный момент является положительной. Нестабильная ситуация наблюдается в Челябинской области: динамика половины рассматриваемых демографических показателей находится за отрицательной чертой. Ситуация в Оренбургской области — худ-

шая среди трёх регионов: низкая динамика показателя рождаемости, и высокая — показателя смертности, который превышает динамику показателя рождаемости, указывает на быстрое сокращение сельского населения в настоящее время и в будущем. Полученные результаты не противоречат прогнозным значениям по среднему варианту демографического прогноза, опубликованному Росстатом на период до 2045 г.

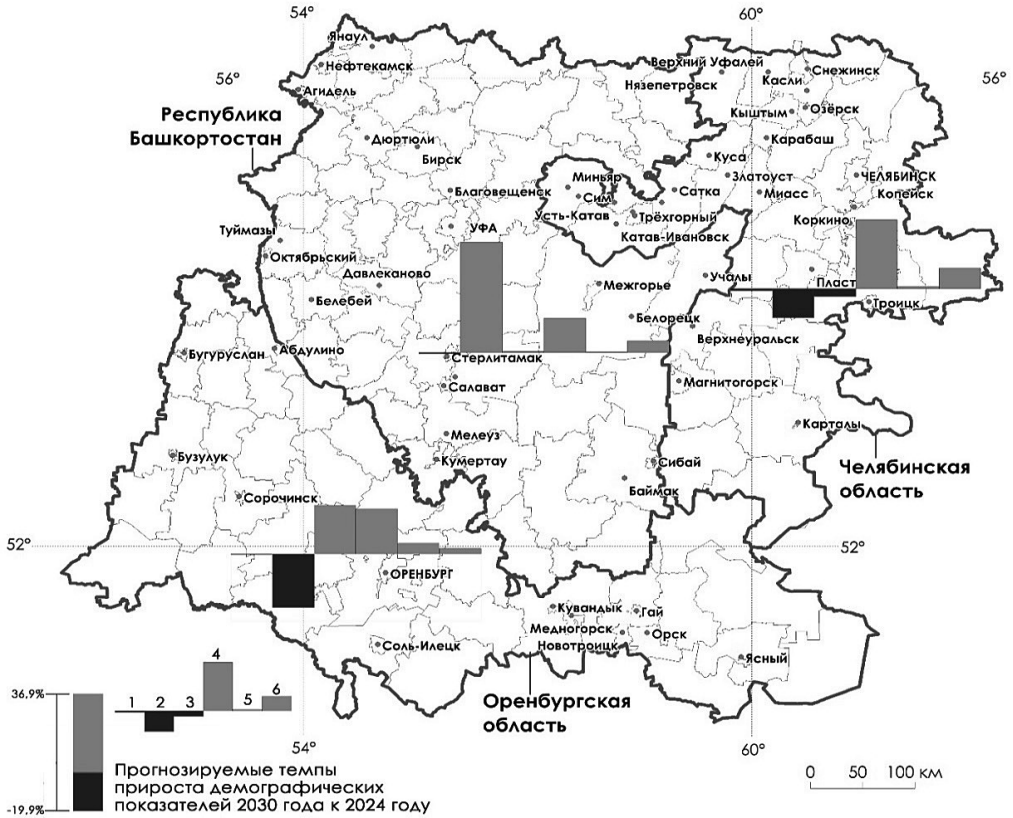

Рис. 4. Прогноз темпов прироста демографических показателей сельского населения (1 — численность населения, человек; 2 — число родившихся, человек; 3 — число умерших, человек; 4 — СКР; 5 — ОПЖ мужчин, лет; 6 — ОПЖ женщин, лет)
Pic. 4. Forecast of the growth rate of demographic indicators of the rural population (1 — population size, people; 2 — number of births, people; 3 — number of deaths, people; 4 — total fertility rate; 5 — life expectancy of men, years; 6 — life expectancy of women, years)

Источник: составлено авторами.

Выводы

Сложившаяся ситуация оттока населения в города, а также миграция в другие регионы и страны, может быть преломлена не столько за счёт дальнейшего расширения поддержки рождаемости, сколько формирования благоприятного инвестиционного климата сельских территорий. Возможности цифровизации и связанные с удалённым трудоустройством могут удерживать сельское население на местах проживания. Такое возможно при условии обеспечения

сельских поселений широкополосным Интернетом, создания и определённого уровня инфраструктуры не только аграрного сектора, но и социальной направленности.

Отметим некоторые перспективы и последствия сжатия сельского населения в степных регионах: 1) сжатие повлияет на состав трудовых ресурсов, что может стать стимулом для развития новых форм трудовой активности, включая сферы, связанные с инновациями; 2) сжатие повлияет на структуру населения, вызывая изменения в возрастных группах, что приведёт

к изменению спроса на социальные услуги, таких как здравоохранение и пенсионные программы; 3) уменьшение численности населения потребует создания новых образовательных и социальных инициатив для поддержки жителей и сохранения социокультурного капитала сельских общин.

Предложенный подход к исследованию сжатия сельского населения может быть апробирован на примере не только степных регионов России, но и других субъектов РФ, что позволит расширить представления о перспективах демографических процессов на сельских территориях страны.

Литература и Интернет-источники

1. **Короленко, А.В.** Факторы демографического развития России: опыт исследования панельных данных / А.В. Короленко // Проблемы развития территории. — 2019. — № 5(103). — С. 170–188. DOI: 10.15838 / ptd.2019.5.103.11; EDN: LCZQBP
2. **Безвербный, В.А.** Тенденции депопуляции сельских территорий Российской Федерации по данным Всероссийской переписи населения 2020 / В.А. Безвербный, А.Н. Максимов // Наука. Культура. Общество. — 2022. — Т. 28. — № 4. — С. 150–161. DOI: 10.19181/nko.2022.28.4.12; EDN: DDNZQM
3. **Калабихина, И.Е.** Демографическая волна рождений и будущие колебания численности населения в разных возрастных группах: вызовы для социальной политики / И.Е. Калабихина // Экономические стратегии. — 2015. — № 2(128). — С. 50–57. EDN: TRSOGZ
4. **Тихий, В.И.** Социально-демографическая поляризация в регионе / В.И. Тихий // Учёные записки Орловского государственного университета. Серия: Гуманитарные и социальные науки. — 2015. — № 6(69). — С. 363–365. EDN: YIDFSB
5. **Чибилёв (мл.), А.А.** Интегральная оценка современного состояния социально-экономического положения регионов трансграничного бассейна реки Урал / А.А. Чибилёв (мл.), Д.В. Григорьевский // Фундаментальные исследования. — 2017. — № 9–2. — С. 487–492. EDN: WUWZZO
6. **Глезер, О.Б.** Пространство жизнедеятельности населения и расселение как факторы и условия модернизации России / О.Б. Глезер, Э.И. Вайнберг // Регион: Экономика и Социология. — 2013. — № 3(79). — С. 21–38. EDN: QZRTUR
7. **Чибилёв (мл.), А.А.** Особенности расселения населения Оренбургской области в бассейне реки Урал / А.А. Чибилёв (мл.), Д.С. Мелешкин, Д.В. Григорьевский, А.А. Чибилёв // Народонаселение. — 2022. — Т. 25. — № 3. — С. 46–58. DOI: 10.19181 / population.2022.25.3.4; EDN: ANLJYA
8. **Калачикова, О.** Религиозная детерминанта репродуктивных намерений россиян / О. Калачикова, О. Козлова, В. Архангельский // Государство, религия, Церковь в России и за рубежом. — 2022. — № 4. — С. 105–138. EDN: KBEZCZ
9. **Васильева, Е.В.** Демографические исследования в контексте потенциала развития и экономической безопасности территории / Е.В. Васильева, А.В. Васильева // Экономика региона. — 2022. — Т. 18. — № 1. — С. 1–20. DOI: 10.17059 / ekon.reg.2022-1-1; EDN: BEKDOK
10. **Трейвиш, А. И.** «Сжатие» пространства: трактовки и модели / А.И. Трейвиш // Материалы XXVII ежегодной сессии экономико-географической секции МАРС (Мышкин, 3–7 июня 2010 г.). — 2010. — Вып. 27. — С. 16–31. EDN: UYHWUV
11. **Gibbs, J.** The evolution of population concentration / J. Gibbs // Economic Geography. — 1963. — Vol. 39. — No. 2. — P. 119–129. DOI: 10.2307 / 142505
12. **Зайончковская, Ж.А.** Демографическая ситуация и расселение / Ж.А. Зайончковская — Москва : Наука, 1991. — 130 с. EDN: VXSVHT
13. **Трейвиш, А.И.** Город, район, страна и мир. Развитие России глазами страноведа / А.И. Трейвиш — Москва : Новый хронограф, 2009. — 376 с.
14. **Фукс, Л.П.** Расселение в Западной Сибири: самоорганизация и управление, итоги и проблемы / Л.П. Фукс — Новосибирск : ИПО, 2003. — 214 с. EDN: QQLVQT

15. **Нефёдова, Т.Г.** Сельская Россия на перепутье / Т.Г. Нефёдова — Москва : Новое издательство, 2003. — 405 с. EDN: SUQARN
16. **Зимин, Б.Н.** Размещение производства в рыночной среде / Б.Н. Зимин — Москва : Альфа-М, 2003. — 176 с. EDN: QQDNOH
17. **Hall, P.** Growth Centres in the European Urban System / P. Hall, D. Hay — London : Heinemann, 1980. — 278 p.
18. **Ростовский, Р. В.** «Демографическое сжатие» России: тенденции и последствия / Р.В. Ростовский // Вестник Ярославского государственного университета имени П.Г. Демидова. Серия Гуманитарные науки. — 2012. — № 2(20). — С. 219–222. EDN: OZNFGB
19. **Фомин, М.В.** Пространственный каркас Сибири и Дальнего Востока России в условиях демографического сжатия: «вторые» и «третьи» города / М.В. Фомин, В.А. Безвербный // Научное обозрение. Серия 2: Гуманитарные науки. — 2018. — № 6. — С. 33–53. EDN: KBWMDX
20. **Кузьмин, А.И.** Воспроизводство населения в регионах России / А.И. Кузьмин, Т.В. Примак, А.А. Кузьмина // Экономика региона. — 2011. — № 1(25). — С. 32–41. EDN: NHZBNF
21. **Боева, А.В.** Современные тенденции воспроизводства населения Иркутской области / А.В. Боева, Я.А. Лещенко // Проблемы социальной гигиены, здравоохранения и истории медицины. — 2015. — Т. 23. — № 4. — С. 9–13. EDN: UMQGBJ
22. **Туктамышева, Л.М.** Оценка социо-эколого-экономических особенностей современного состояния степных регионов Зауралья и юга Западной Сибири / Л.М. Туктамышева, А.А. Чибилёв (мл.), Т.В. Лебедева // Народонаселение. — 2024. — Т. 27. — № 4. — С. 86–100. DOI: 10.24412 / 1561-7785-2024-4-86-100; EDN: LKVGNY
23. **Туктамышева, Л.М.** Оценка репродуктивного поведения и рождаемости на примере степных регионов России / Л.М. Туктамышева, А.А. Чибилёв (мл.), Д.В. Григорьевский, Д.С. Мелешкин // Народонаселение. — 2023. — Т. 26. — № 1. — С. 39–54. DOI: 10.19181 / population.2023.26.1.4; EDN: MECYJU
24. **Ростовская, Т.К.** Моделирование прогноза рождаемости на примере Республики Тыва / Т.К. Ростовская, О.А. Золотарёва // Экономика региона. — 2023. — Т. 19. — № 3. — С. 801–812. DOI: 10.17059 / ekon.reg.2023-3-14; EDN: WCALQS
25. **Mukhtar, H.** Forecasting Covid-19 Time Series Data using the Long Short-Term Memory (LSTM) / H. Mukhtar, R.M. Taufiq, I. Herwinanda [и др.] // International Journal of Advanced Computer Science and Applications. — 2022. — Vol. 13. — No. 10. — P. 211–217. DOI: 10.14569 / ijacs.2022.0131026; EDN: JJBADD
26. **Бритов, В.С.** Обзор и сравнение методов оптимизации, применяемых в машинном обучении / В.С. Бритов, А.И. Мартышкин, Е.А. Данилов // Тенденции развития науки и образования. — 2023. — № 97–12. — С. 45–49. DOI: 10.18411 / trnio-05-2023-655; EDN: WPBHBM
27. **Abbasimehr, H.** Improving time series forecasting using LSTM and attention models / H. Abbasimehr, R. Paki // Journal of Ambient Intelligence and Humanized Computing. — 2022. — Vol. 13. — No. 1. — P. 673–691. DOI: 10.1007 / s12652-020-02761-x; EDN: ZJXMCC
28. **Москвичёва, М.Г.** Анализ смертности населения трудоспособного возраста Челябинской области / М.Г. Москвичёва, К.Т. Оздоева, О.В. Гронда // Непрерывное медицинское образование и наука. — 2022. — Т. 17. — № 4. — С. 3–9. EDN: CLFIZC

Сведения об авторах:

Туктамышева Лилия Мухаммадиевна, к.э.н., научный сотрудник Института степи Уральского отделения РАН; доцент Оренбургского государственного университета, Оренбург, Россия.

Контактная информация: e-mail: lmtuktamishева@mail.ru; ORCID: 0000-0002-0633-6766; РИНЦ SPIN-код: 9585-0967.

Аралбаева Галия Галаутдиновна, д.э.н., проф. Оренбургского государственного университета, Оренбург, Россия.

Контактная информация: e-mail: galia55@mail.ru; ORCID: 0000-0001-7364-3128; РИНЦ SPIN-код: 3522-9789.

Чибилёв Александр Александрович, к.э.н., ведущий научный сотрудник, зав. отделом Института степи Уральского отделения РАН, Оренбург, Россия.

Контактная информация: e-mail: economgeo-is@mail.ru; ORCID: 0000-0003-1109-6231; РИНЦ SPIN-код: 5365-3460.

Чернева Лилия Олеговна, инженер Института степи Уральского отделения РАН, Оренбург, Россия.

Контактная информация: e-mail: lilya_cherneva@mail.ru; ORCID: 0009-0004-0708-681X; РИНЦ SPIN-код: 7683-9313.

DOI:10.24412/1561-7785-2026-1-55-69

RURAL POPULATION OF SOUTHERN URALS: CURRENT AND PROSPECTIVE TRENDS IN DEMOGRAPHIC DEVELOPMENT

Lilia M. Tuktamysheva^{1,2}, Galiya G. Aralbaeva²,
Alexander A. Chibilyov (Jr.)^{1*}, Lilia O. Cherneva¹

¹Institute of Steppe of the Ural Branch RAS
(11 Pionerskaya str., Orenburg, Russia, 460000)

²Orenburg State University
(13 build. 3 Victory prospect, Orenburg, Russia, 460000)

*E-mail: economgeo-is@mail.ru

Funding:

The article was prepared within the framework of the state assignment No. AAAA-A21-12101190016-1 of the Institute of Steppe of the Ural Branch RAS «Problems of steppe nature management in the context of modern challenges: optimization of the interaction of natural and socio-economic systems».

For citation:

Tuktamysheva L. M., Aralbaeva G. G., Chibilyov A. A. (Jr.), Cherneva L. O. Rural population of Southern Urals: current and prospective trends in demographic development. *Narodonaselenie [Population]*. 2026. Vol. 29. No. 1. P. 55-69. DOI: 10.24412/1561-7785-2026-1-55-69 (in Russ.)

Abstract. *The steppe regions of the Ural River basin are considered as a mesoregion characterized by similar economic conditions, territorial, climatic and geographical proximity, border location. Rural population contraction in the steppe regions is a process of long-term depopulation of the population in rural areas located in the steppe zones, caused by reduction of inhabited, productive lands, and accompanied by a corresponding shrinkage of social, economic, transport and other infrastructure. The purpose of the study is to characterize the prospects for the processes of rural population compression in the steppe regions of the Ural River basin. According to data for 2022, the most prosperous is the rural population of the Republic of Bashkortostan, where, despite the low birth rate, is a relatively high average life expectancy, lower than in other considered steppe regions of the Ural River basin, demographic burden. In Chelyabinsk oblast, where the share of rural population in the total population is already small (17% in 2022), the process of contraction continues, that is compounded by high mortality rate of the population. Analysis of the dynamics of the net reproduction rate confirms this assumption: in Chelyabinsk oblast, the decline in rural population reproduction during the study period began as early as 2019 that is three years earlier than in the Republic of Bashkortostan and Orenburg oblast. Study of the contraction of the rural population in the steppe regions may be in two main directions 1) impact of the rural population contraction on development of agricultural enterprises in the steppe regions, changes in the use of agricultural land and pastures due to population decline; 2) economic consequences — impact of the rural population contraction*

on economic activity, employment and income levels in the steppe regions. Study of these aspects will help to identify the key factors determining the depopulation and will provide a basis for developing targeted strategies for sustainable development of rural regions of the steppe regions.

Keywords: compression process, rural population, natural reproduction, LSTM model, net reproduction rate.

References and Internet sources

1. Korolenko A. V. Faktory demograficheskogo razvitiya Rossii: opyt issledovaniya panel'nykh dannykh [Factors contributing to Russia's demographic development: panel data research experience]. Problemy razvitiya territorii [Problems of Territory's Development]. 2019. No. 5(103). P. 170–188. DOI: 10.15838/ptd.2019.5.103.11 (in Russ.)
2. Bezverbnyy V. A., Maximov A. N. Tendentsii depopulyatsii sel'skikh territorij Rossijskoj Federatsii po dannym Vserossijskoj perepisi naseleniya 2020 [Depopulation trends of rural areas of the Russian Federation according to the Russian Census 2020]. Nauka. Kul'tura. Obschestvo [Science. Culture. Society]. 2022. Vol. 28. No. 4. P. 150–161. DOI: 10.19181/nko.2022.28.4.12 (in Russ.)
3. Kalabikhina I. E. Demograficheskaya volna rozhdenij i budushchiye kolebaniya chislennosti naseleniya v raznykh vozrastnykh gruppakh: vyzovy dlya sotsial'noj politiki [Demographic wave of births and future fluctuations in population size in different age groups: challenges for social policy]. Ekonomicheskiye strategii [Economic Strategists]. 2015. No. 2(128). P. 50–57. (in Russ.)
4. Tikhy V. I. Sotsial'no-demograficheskaya polarizatsiya v regione [Social demographic polarization in the region]. Uchonyye zapiski Orlovskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Gumanitarnyye i sotsial'nyye nauki [Scientific Notes of Orel State University. Series: Humanities and Social Sciences]. 2015. No. 6(69). P. 363–365. (in Russ.)
5. Chibilyov A. A. (Jr.), Grigorevsky D. V. Integral'naya otsenka sovremennogo sostoyaniya sotsial'no-ekonomicheskogo polozheniya regionov transgranichnogo bassejna reki Ural [Integral estimation of the trans-border river Ural river basin region's socioeconomic modern status]. Fundamental'nyye issledovaniya [Fundamental Research]. 2017. No. 9–2. P. 487–492. (in Russ.)
6. Glezer O. B., Vainberg E. I. Prostranstvo zhiznedeyatel'nosti naseleniya i rasseleniye kak factory i usloviya modernizatsii Rossii [The population's living space and settlement patterns the as factors and conditions of modernization in Russia]. Region: Ekonomika i Sotsiologiya [Region: Economics and Sociology]. 2013. No. 3 (79). P. 21–38. (in Russ.)
7. Chibilyov (Jr.) A. A., Meleshkin D. S., Grigorevsky D. V., Chibilyov A. A. Osobennosti rasseleniya naseleniya Orenburgskoj oblasti v bassejne reki Ural [Features of population settlement in Orenburg oblast in the Ural River basin]. Narodonaselenie [Population]. 2022. Vol. 25. No. 3. P. 46–58. DOI: 10.19181/population.2022.25.3.4. (in Russ.)
8. Kalachikova O., Kozlova O., Arkhangelsky V. Religioznaya determinanta reproduktivnykh namerenij rossiyan [Religious determinant of reproductive intentions of Russians]. Gosudarstvo, religiya, Tserkov' v Rossii i za rubezhom [State, Religion, Church in Russia and Worldwide]. 2022. No. 4. P. 105–138. DOI: 10.22394/2073-7203-2022-40-4-105-138 (in Russ.)
9. Vasilyeva E. V., Vasileva A. V. Demograficheskiye issledovaniya v kontekste potentsiala razvitiya i ekonomicheskoy bezopasnosti [Demographic research in the context of economic development and security of regions]. Ekonomika regiona [Economy of Regions]. 2022. Vol. No. 1. P. 1–20. DOI: 10.17059/ekon.reg.2022-1-1 (in Russ.)
10. Treyvish A. I. «Szhatiye» prostranstva: traktovki i modeli [«Compression» of space: interpretations and models]. Materialy 27 ezhegodnoj sessii ekonomiko-geograficheskoy sekcii Mars (Myshkin, 03–07 iyunya 2010 goda) [Proceedings of XXVII Annual Session of the Economic and Geographical Section MARS (Myshkin, June 3–7, 2010)]. 2010. Vol. 27. P. 16–31. (in Russ.)
11. Gibbs J. The evolution of population concentration. *Economic Geography*. 1963. Vol. 39. No. 2. P. 119–129.
12. Zajonchkovskaya Zh. A. Demograficheskaya situatsiya i rasseleniye [Demographic Situation and Settlement]. Moscow. Nauka [Science]. 1991. 130 p. (in Russ.)

13. Treyvish A. I. Gorod, rajon, strana i mir. Razvitiye Rossii glazami stranoveda [City, Region, Country and World. Development of Russia through the Eyes of a Regional Studies Expert]. Moscow. Novyj khronograf [New Chronograph]. 2009. 376 p. (in Russ.)
14. Fuks L. P. Rasseleniye v Zapadnoj Sibiri: samoorganizatsiya i upravleniye, itogi i problemy [Settlement in Western Siberia: Self-Organization and Management, Results and Problems]. Novosibirsk. PRO [Publishing House PRO]. 2003. 214 p. (in Russ.)
15. Nefedova T. G. Sel'skaya Rossiya na pereput'ye [Rural Russia at the Crossroads]. Moscow. Novoye izdatel'stvo [New Publishing House]. 2003. 405 p. (in Russ.)
16. Zimin B. N. Razmeshcheniye proizvodstva v rynochnoj srede [Production Placement in a Market Environment]. Al'fa-M [Alfa-M]. 2003. 176 p. (in Russ.)
17. Hall P., Hay D. Growth Centres in the European Urban System. Heinemann. 1980. 278 p.
18. Rostovsky R. V. «Demograficheskoe szhatie» Rossii: tendentsy i posledstviya [«Demographic shrink» in Russia: trends and impacts]. Vestnik Yaroslavskogo gosudarstvennogo universiteta im. P. G. Demidova. Seriya Gumanitarnyye nauki [Bulletin of Demidov Yaroslavl State University. Series: the Humanities]. 2012. No. 2(20). P. 219–222. (in Russ.)
19. Fomin M. V., Bezverbny V. A. Prostranstvennyj karkas Sibiri i Dal'nego Vostoka Rossii v usloviyakh demograficheskogo szhatiya: «vtoryye» i «tret'i» goroda [The spatial framework of Siberia and Far East of Russia in conditions of demographic shrinking: «second» and «third» cities]. Nauchnoye obozreniye. Seriya 2: Gumanitarnyye nauki [Scientific Review. Series 2: Human Sciences]. 2018. No. 6. P. 33–53. (in Russ.)
20. Kuzmin A. I., Primak T. V., Kuzmina A. A. Vosproizvodstvo naseleniya v regionakh Rossii [Population reproduction in the regions of Russia]. Ekonomika regiona [Economy of Regions]. 2011. Vol. 25. No. 1. P. 32–41. (in Russ.)
21. Boeva A. V., Leschenko Ya. A. Sovremennyye tendentsii vosproizvodstva naseleniya Irkutskoj oblasti [The modern tendencies of reproduction of population of the Irkutsk oblast]. Problemy sotsial'noj gigieny, zdoravookhraneniya i istorii meditsiny [Problems of Social Hygiene, Public Health and History of Medicine]. 2015. Vol. 23. No. 4. P. 9–13. (in Russ.)
22. Tuktamysheva L. M., Chibilyov A. A. (Jr.), Lebedeva T. V. Otsenka sotsio-ekologo-ekonomicheskikh osobennostej sovremennoy sostoyaniya stepnykh regionov Zaural'ya i yuga Zapadnoj Sibiri [Assessment of socio-ecological-economic features of the current state of the steppe areas of the Trans-Urals and the south of Western Siberia]. Narodonaselenie [Population]. 2024. Vol. 27. No. 4. P. 86–100. (in Russ.)
23. Tuktamysheva L. M., Chibilyov A. A. (Jr.), Grigorevsky D. V., Meleshkin D. S. Otsenka reproduktivnogo povedeniya i rozhdamosti na primere stepnykh regionov Rossii [Assessment of reproductive behavior and fertility on the example of the steppe regions of Russia]. Narodonaselenie [Population]. 2023. Vol. 26. No. 1. P. 39–54. (in Russ.)
24. Rostovskaya T. K., Zolotareva O. A. Modelirovaniye prognoza rozhdamosti na primere Respubliki Tyva [Fertility prediction models: example of the Republic of Tuva]. Ekonomika regiona [Economy of Regions]. 2023. Vol. 19. No. 3. P. 801–812. DOI: 10.17059/ekon.reg.2023-3-14 (in Russ.)
25. Mukhtar H., Taufiq R. M., Herwinanda I., et al. Forecasting Covid-19 time series data using the Long Short-Term Memory (LSTM). International Journal of Advanced Computer Science and Applications. 2022. Vol. 13. No. 10. P. 211–217. DOI: 10.14569/ijacsa.2022.0131026
26. Britov V. S., Martyshkin A. I., Danilov E. A. Obzor i sravneniye metodov optimizatsii, primenyaemykh v mashinnom obuchenii [Review and comparison of optimization methods used in machine learning]. Tendentsii razvitiya nauki i obrazovaniya [Trends in Development of Science and Education]. 2023. No. 97–12. P. 45–49. DOI: 10.18411/trnio-05-2023-655 (in Russ.)
27. Abbasimehr H., Paki R. Improving time series forecasting using LSTM and attention models. Journal of Ambient Intelligence and Humanized Computing. 2022. Vol. 13. No. 1. P. 673–691. DOI: 10.1007/s12652-020-02761-x
28. Moskvicheva M. G., Ozdoeva K. T., Gronda O. V. Analiz smertnosti naseleniya trudosposobnogo vozrasta Chelyabinskoy oblasti [Analysis of mortality in the working age population of the Chelyabinsk region]. Nepreryvnoye meditsinskoye obrazovaniye i nauka [Continuous Medical Education and Science]. 2022. Vol. 17. No. 4. P. 3–9. (in Russ.)

Information about the authors:

Tuktamysheva Lilia Mukhammadiyevna, Candidate of Economics, Researcher, Institute of Steppe of the Ural Branch RAS; Associate Professor, Orenburg State University, Orenburg, Russia.

Contact information: e-mail: lmtuktamisheva@mail.ru; ORCID: 0000-0002-0633-6766; Elibrary SPIN-code: 9585-0967.

Aralbaeva Galiya Galautdinovna, Doctor of Economics, Professor, Orenburg State University, Orenburg, Russia.

Contact information: e-mail: galia55@mail.ru; ORCID: 0000-0001-7364-3128; Elibrary SPIN-code: 3522-9789.

Chibilyov Alexander Alexandrovich (Jr.), Candidate of Economics, Leading Researcher, Head of Department, Institute of Steppe of the Ural Branch RAS, Orenburg, Russia.

Contact information: e-mail: economgeo-is@mail.ru; ORCID: 0000-0003-1109-6231; Elibrary SPIN-code: 5365-3460.

Cherneva Lilia Olegovna, Engineer, Institute of Steppe of the Ural Branch RAS, Orenburg, Russia.

Contact information: e-mail: lilya_cherneva@mail.ru; ORCID: 0009-0004-0708-681X; Elibrary SPIN code: 7683-9313.

Статья поступила в редакцию 24.04.2025, утверждена 16.02.2026, опубликована 31.03.2026.

DOI: 10.24412/1561-7785-2026-1-70-79
EDN: FZDSEU

СОВРЕМЕННЫЕ АСПЕКТЫ СОЦИАЛЬНО-ДЕМОГРАФИЧЕСКОЙ СИТУАЦИИ В РЕГИОНАХ УРАЛЬСКОГО ФЕДЕРАЛЬНОГО ОКРУГА

Шарапова В. М.¹, Шарапова Н. В.^{1*}, Фарвазова Э. А.², Шарапов Ю. В.¹

¹Уральский государственный экономический университет
(620144, Россия, Екатеринбург, ул. 8 Марта, 62)

²Курганский государственный университет
(640002, Россия, Курган, ул. Советская, 63, стр. 4)

*E-mail: Sharapov.66@mail.ru

Для цитирования:

Шарапова В.М., Шарапова Н.В., Фарвазова Э.А., Шарапов Ю.В. Современные аспекты социально-демографической ситуации в регионах Уральского Федерального округа // Народонаселение. – 2026. – Т. 29. – № 1. – С. 70-79. DOI: 10.24412 / 1561-7785-2026-1-70-79; EDN: FZDSEU

Аннотация. За последние годы демографические процессы, происходящие в России, имеют ярко выраженный негативный характер, а демографическая ситуация в стране стала одной из самых злободневных социально-экономических проблем современного российского общества. В статье проведена оценка демографической ситуации на территории Уральского федерального округа (УФО), рассмотрена и проанализирована динамика численности населения регионов УрФО. Изучено состояние коэффициента естественного прироста населения в областях округа, а также проанализирована возрастная структура населения регионов Урала и уровень занятости. На основе статистических данных было проведено сравнение основных демографических показателей в областях УФО со среднероссийскими показателями в 2024 г., проведена дифференциация регионов по отдельным показателям качества жизни. Отмечено, что наиболее благоприятная демографическая ситуация среди областей УФО наблюдается в настоящее время в Тюменской области, в том числе за счёт входящих в ее состав автономных округов. Проведён анализ нормативно-правовой базы, регламентирующих демографическую политику в регионах УрФО, определены главные цели и задачи, изложенные в рамках реализации мероприятий по улучшению демографической ситуации в стране. В результате проведённого анализа демографической ситуации, сложившейся на территории регионов УФО, обозначены основные проблемы, препятствующие эффективной реализации региональной демографической политики, сформулированы рекомендации по их преодолению.

Ключевые слова: население, рождаемость, смертность, естественный прирост населения, уровень занятости населения, трудовой потенциал, демографическая политика.

Изучение и анализ демографической ситуации как на уровне всей страны, так и в региональном аспекте предполагает комплексную оценку количественных и качественных показателей, отражающих такие демографические процессы среди населения, как рождаемость, смертность, миграция, происходящие на конкретной территории и в определённое время [1–4]. Только комплексный анализ демографической обстановки в том или ином регионе поможет сделать определённые выводы, на основе которых в дальнейшем будут разрабатываться мероприятия, направленные на улучшение демографической ситуации в России. При этом следует отметить, что только при системном мониторинге и усовершенствовании реализуемых как на федеральном, так и региональном уровнях мероприятий по улучшению демографической ситуации в стране, во многом зависят позитивные изменения в демографии населения.

Результаты исследования современных аспектов социально-демографической ситуации в регионах Уральского федерального округа

Уральский федеральный округ (УФО) является важным макрорегионом РФ, обладающим богатым природно-ресурсным потенциалом. По площади занимаемой территории УФО находится на третьем месте среди федеральных округов РФ. По данным Росстата РФ, на 1 января 2025 г. в УФО проживало 12,3 млн человек, что составляет 8,39% от общей численности населения России, при этом плотность населения — 6,76

человек на км². Численность рабочей силы была равна 6,3 млн человек, то есть 51,4% от численности населения округа. На долю городского населения приходится более 81% населения. Общая численность населения в отдельных областях и регионах, входящих в состав УФО и её динамика за 2020–2024 гг. представлена в табл. 1. Отметим, что во всех регионах, кроме Тюменской области, произошло снижение численности населения. На сегодняшний день демографическая ситуация в УФО определяется, прежде всего, сложившимися социальными факторами. Кроме этого, важное значение приобретают разрабатываемые Правительством РФ меры по социальной поддержке населения, в частности особое внимание должно быть уделено финансовой поддержке семей [5–7].

В течение 2020–2024 гг. в Свердловской, Челябинской и Курганской областях коэффициент естественного прироста населения был отрицательным. Такая неблагоприятная ситуация связана с отрицательной динамикой показателей рождаемости в регионе. В Тюменской области коэффициенты естественного прироста населения на протяжении исследуемого периода являются положительными, что свидетельствует о приросте населения в данном регионе за счет более высокой рождаемости и большей продолжительности жизни населения. Динамика коэффициента естественного прироста населения на 1000 человек населения в регионах УФО за 2020–2024 гг., показана на рис. 1. Одним из значимых факторов на пути к устойчивому и планомерному демографическому развитию каждого ре-

Таблица 1
Динамика численности населения в регионах УФО за 2020–2024 гг., тыс. человек

Table 1
Dynamics of the population in the regions of the Urals Federal District for 2019–2023, thousand people

Субъект РФ	2020 г.	2021 г.	2022 г.	2023 г.	2024 г.	Изменение в 2024 г. к 2020 г., в %
Курганская область	788,4	772,3	761,6	753,0	744,5	94,4
Свердловская область	4289,4	4263,7	4239,1	4222,7	4221,5	98,4
Челябинская область	3445,5	3421,6	3407,1	3395,8	3385,1	98,2
Тюменская область	3796,4	3827,7	3851,3	3890,8	3931,7	103,6

Источник: рассчитано авторами по данным Росстата.

гиона выступает сложившаяся в настоящий момент возрастная структура населения, поскольку значительное снижение в перспективе численности населения в трудо-

способном и репродуктивном возрасте негативно отражается на полной и необходимой обеспеченности различных отраслей экономики трудовыми ресурсами [8].

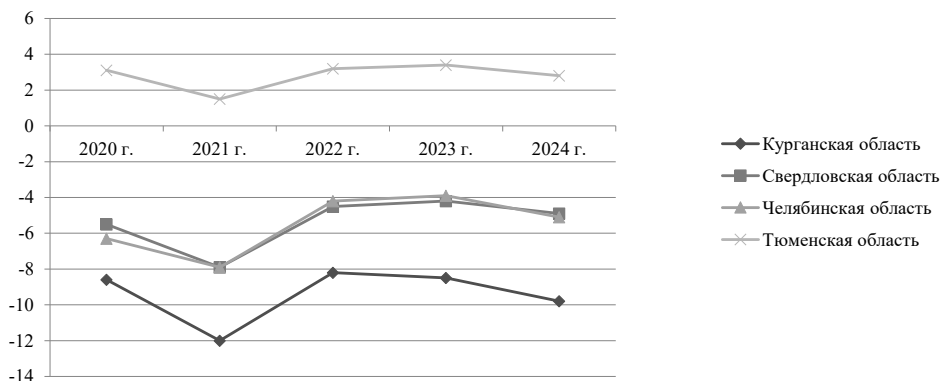

Рис. 1. Динамика коэффициента естественного прироста населения в регионах УФО за 2020–2024 гг., ‰

Fig. 1. Dynamics of the natural population growth rate per 1000 people in the regions of the Ural Federal District for 2020–2024, ‰

Источник: рассчитано авторами по данным Росстата.

Что касается возрастной структуры населения УФО (табл. 2), почти во всех регионах, за исключением Курганской области, доля лиц в трудоспособном возрасте более чем в 2 раза превышает численность населения пенсионного возраста. А наибольший удельный вес населения моложе трудоспособного возраста в 2024 г. был отмечен в Тюменской области. На положительный результат сложившейся в настоящее время в этой области демографической ситуации оказали влияние несколько факторов, одними из которых являются разрабаты-

ваемые местными властями региональные программы по поддержке молодых семей.

Уровень занятости населения УФО на протяжении исследуемого периода находился выше, чем в среднем по России, за исключением Курганской и Свердловской областей. В Тюменской области наблюдались самые высокие показатели занятости населения за период 2020–2024 гг. (рис. 2). В Курганской области даже несмотря на то, что численность безработных снизилась, уровень развития рынка труда остаётся низким, что связано, в том числе, с мигра-

Таблица 2

Возрастная структура населения регионов УФО в 2024 г., %

Table 2

Age structure of the population of the Ural Federal District regions in 2024, %

Субъект РФ	Моложе трудоспособного возраста	В трудоспособном возрасте	Старше трудоспособного возраста	Коэффициент демографической нагрузки, человек
Курганская область	19,5	52,5	28,3	905
Свердловская область	19,6	56,9	23,5	758
Челябинская область	19,4	56,9	23,7	757
Тюменская область	22,1	59,9	18,0	670

Источник: рассчитано авторами по данным Росстата.

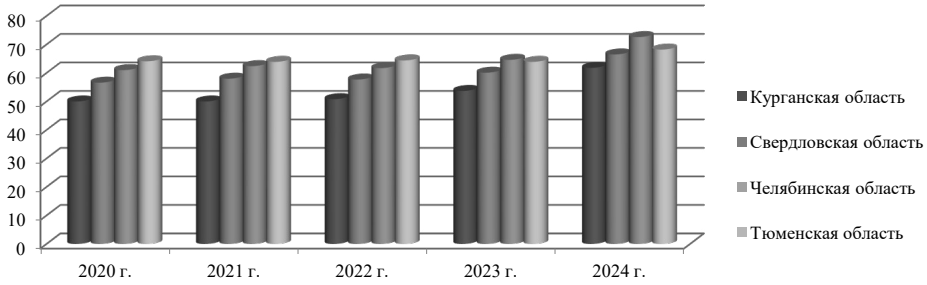

Рис. 2. Динамика уровня занятости населения в регионах УФО, %

Fig. 2. Dynamics of the employment level in the regions of the Ural Federal District, %

Источник: рассчитано авторами по данным Росстата.

цией молодого населения региона в другие субъекты РФ.

За последние пять лет общая численность населения УФО снизилась на 75,2 тыс. человек, или на 0,6%. Неоднозначно и неравномерно в регионах УФО складывается картина с показателями смертности и рождаемости (табл. 3). Так, суммарный коэффициент рождаемости в округе выше среднероссийского, а коэффициент смертности трудоспособного населения ниже, чем

в среднем по России. Однако, в Курганской, Челябинской и Свердловской областях детерминанты, характеризующие рождаемость и смертность населения, уступают среднероссийским величинам.

Что касается миграционных процессов, происходящих в регионах УФО, то именно сложившиеся диспропорции в экономическом развитии территорий создали предпосылки для переселения жителей региона с одних территорий в другие. При этом на-

Таблица 3

Демографические показатели в регионах УФО в 2024 году

Table 3

Demographic indicators in the regions of the Ural Federal District in 2024

Показатель	Курганская область	Свердловская область	Челябинская область	Тюменская область	УФО	РФ
Женщин на 1000 мужчин, человек	1204	1162	1185	1115	1155	1152
Доля городского населения, %	64,4	85,9	82,5	81,2	82,1	74,9
Доля сельского населения, %	35,6	14,1	17,5	18,8	17,9	25,1
Коэффициент демографической нагрузки, человек	905	758	757	670	737	725
Общий коэффициент рождаемости, ‰	7,9	9,1	8,9	11,0	9,6	8,6
Общий коэффициент смертности, ‰	16,4	13,3	12,8	7,6	11,5	12,1
Общий коэффициент естественного прироста населения, ‰	-8,5	-4,2	-3,9	3,4	+1,9	-3,5
Коэффициент миграционного прироста, ‰	-29	3	6	69	22	14
Темпы прироста численности населения, %	-1,1	-0,4	-0,3	1,0	0,03	-0,2

Источник: рассчитано авторами по данным Росстата.

ряду с внешними миграционными процессами в последние годы усилилась внутренняя миграция населения УФО. Так, Свердловская и Челябинская области исторически являлись промышленными регионами, они занимают высокие позиции и показывают высокие успехи на рынке труда. Ханты-Мансийский АО — Югра (ХМАО) и Ямало-Ненецкий АО (ЯНАО), входящие в состав Тюменской области, являются лидерами по уровню доходов населения: в 2024 г. среднемесячная номинальная начисленная заработная плата одного работника организаций в ХМАО составляла 119716 рублей, а в ЯНАО — 106429 рублей. Данные АО, наряду с Ненецким АО, Чукотским АО и Магаданской областью, относятся к числу регионов-лидеров, в которых более половины работников получают зарплату выше среднероссийской. Вместе с тем, Курганская область, где значительную долю в экономике имеет сельскохозяйственное производство, на протяжении уже многих лет относится к депрессивным регионам с низким уровнем доходов.

Одним из главных рычагов по укреплению трудового потенциала субъектов РФ

является проводимая государством демографическая политика [9–11]. На сегодняшний день в связи со сложившейся неравномерностью социально-экономического развития субъектов РФ демографическая политика приобрела дифференцированный характер. Для каждого субъекта создаются и реализовываются демографические программы, целью которых является улучшение демографической ситуации, учитывающие специфику каждого региона. Так, в областях УФО проводились мероприятия, разработанные в рамках Национального проекта «Демография», в состав которого входили пять федеральных проектов: финансовая поддержка семей, содействие занятости, поддержка старшего поколения, укрепление общественного здоровья и развитие массового спорта (табл. 4).

Рассмотрев законодательную базу, направленную на реализацию демографической политики в регионах УФО, следует отметить, что в целом принятые программные документы непосредственно связаны с федеральными проектами, действующими и проводимыми на всей территории РФ. К примеру, в 2025 г. Правительством РФ

Таблица 4

Основная региональная нормативно-правовая база демографической политики УФО в 2025 году

Table 4

Regulatory framework for the demographic policy of the Ural Federal District regions in 2025

Субъект РФ	Программный документ
Курганская область	Закон Курганской области «О стратегии социально-экономического развития Курганской области на период до 2030 года»; Целевая программа демографического развития Курганской области; Муниципальная адресная программа «Переселение граждан из аварийного жилищного фонда в городе кургане на 2025 - 2026 годы»
Свердловская область	Региональная программа «Уральская семья»; Региональная программа Свердловской области по повышению рождаемости на период до 2030 года; Закон Свердловской области «Об установлении на 2026 год коэффициента, отражающего региональные особенности рынка труда на территории Свердловской области»
Челябинская область	Постановление Правительства Челябинской области «Об установлении величины прожиточного минимума на душу населения и по основным социально-демографическим группам населения в Челябинской области на 2026 год»; Закон Челябинской области «О некоторых вопросах правового регулирования непосредственного осуществления населением местного самоуправления и участия населения в осуществлении местного самоуправления на территории Челябинской области»
Тюменская область	Постановление Правительства Тюменской области «Об утверждении Прогноза социально-экономического развития Тюменской области на долгосрочный период до 2034 года»; Закон Тюменской области «Об организации медицинской помощи населению Тюменской области»

Источник: составлено авторами по данным официального сайта Правительства РФ

была разработана и утверждена «Стратегия действий по реализации семейной и демографической политики, поддержке многодетности в РФ до 2036 года» (утверждена распоряжением № 615-р от 15.03.2025), задачами которой являются повышение рождаемости, сохранение населения и поддержка семей на основе традиционных ценностей. Центральным звеном данного документа является национальный проект «Семья», охватывающий повышение благосостояния, улучшение репродуктивного здоровья и создание инфраструктуры. С другой стороны, имеет место региональная специфика, связанная с ориентированием проводимых мероприятий по улучшению демографической ситуации каждого отдельного субъекта РФ [12]. Так, в Курганской области при разработке и реализации демографической политики необходимо для начала проанализировать причины экономической отсталости данного субъекта, провести эффективные мероприятия по их устранению.

Изучив демографическую ситуацию в областях УФО, можно сформулировать следующие рекомендации. 1) Демографическая политика в Курганской области требует комплексного подхода для преодоления высокой естественной и миграционной убыли населения. Для этого региональным властям особое внимание следует обратить на развитие инфраструктуры именно для детей, поддержку молодых и многодетных семей (субсидии на жильё и льготная ипотека), улучшение системы здравоохранения (доступность и качество медицинской помощи, диспансеризация и профилактические осмотры населения), а также экономическую и миграционную политику (достойный уровень оплаты труда, привлечение квалифицированных специалистов). 2) В Свердловской области мероприятия по улучшению демографической ситуации в регионе должны объединить экономические рычаги и социальные, а также культурные изменения. К примеру, экономические меры включают в себя поддержку семей с детьми через материнский капитал, региональные выплаты, льготную ипотеку. В качестве социальных мероприятий мож-

но выделить совершенствование качества медицинской помощи, в частности, в сфере репродуктивного здоровья жителей региона. Культурные рычаги воздействия включают в себя продвижение семейных ценностей, многодетности через культуру и средства массовой информации. 3) В Челябинской области проводимые мероприятия в рамках государственной демографической политики создают фундамент для благополучия семей в регионе. Тем не менее, является необходимым создание эффективных мер поддержки населения не только в крупных агломерациях, но и в малых городах и сельских местностях. Важна также поддержка молодых семей именно на этапе их становления, когда наиболее важными являются вопросы с жильём, детским садом и достойной работой. 4) Тюменская область в настоящее время входит в число российских регионов-лидеров по качеству жизни населения. Регион характеризуется низким уровнем безработицы, высокой оплатой труда, развитостью различных видов инфраструктуры, что, несомненно, создаёт стимул для дальнейшего социально-экономического развития данного субъекта и совершенствования демографической политики. В Тюменской области за последние годы наметился положительный прирост населения, превышающий смертность. Тем не менее, если оценивать рождаемость населения региона, то за последнее время наметилось её снижение.

В целом же, для всех входящих в состав УФО областей меры по проведению эффективной демографической политики должны включать доступные программы ипотечного кредитования, подкреплённые развитой социальной инфраструктурой для населения. Именно на создание такой комфортной среды для жизни населения округа должны быть направлены усилия органов власти. Кроме этого, все области УФО являются промышленными регионами, что свидетельствует об особой актуальности вопросов экологической обстановки в регионах, поскольку данный факт напрямую влияет на здоровье и качество жизни уральцев.

В настоящее время вопросам демографии в РФ уделяют особо пристальное внимание [13]. При разработке и дальнейшем проведении мероприятий эффективной демографической политики должны быть учтены региональные демографические особенности. Проведённый анализ демографических данных на примере регионов УФО показал, что в целом демографиче-

ская обстановка округа остаётся непростой и требует совершенствования. Следовательно, в целях дальнейшего эффективного выполнения поручений Правительства РФ по улучшению демографической ситуации в округе требуется, несомненно, комплексная работа всех уровней государственной власти, общественных организаций, систем здравоохранения, образования, культуры и спорта, а также каждого жителя страны.

Литература и Интернет-источники

1. **Karshibayeva, L.** Demographic situation of Sirdarya region and its geographical aspects / L. Karshibayeva, H. Egamqulov // Scientific Journal of the Fergana State University. — 2023. — Vol. 29. — No. 4. DOI: 10.56292/sjfsu/vol29_iss4/a98; EDN: WUVJBI
2. **Аракчеева, О. В.** Современная демографическая ситуация в Российской Федерации: региональный аспект / О. В. Аракчеева, И. Ю. Кривдина // Успехи современного естествознания. — 2020. — № 11. — С. 39–44. DOI: 10.17513/use.37512; EDN: XBAPLM
3. **Шарапова, В. М.** Экономическая оценка трудового потенциала сельского хозяйства региона / В. М. Шарапова, Н. В. Шарапова, Ю. В. Шарапов // Образование и право. — 2022. — № 12. — С. 116–122. DOI: 10.24412/2076-1503-2022-12-116-122; EDN: FIGVFC
4. **Тей, Д. О.** Исследование рынка труда и демографии в ХМАО-ЮГРЕ / Д. О. Тей, В. М. Татьянкин, В. М. Татьянкин // Региональные проблемы преобразования экономики. — 2017. — № 10(84). — С. 69–79. EDN: ZWQMPТ
5. **Чернова, О. А.** Социально-демографические аспекты миграции и их влияние на устойчивость развития южнороссийских регионов / О. А. Чернова // Регионоведение. — 2023. — Т. 31. — № 4(125). — С. 634–649. DOI: 10.15507/2413-1407.125.031.202304.634-649; EDN: LMVBNI
6. **Резер, Т. М.** Государственное управление демографической ситуацией в Уральском федеральном округе / Т. М. Резер, Я. А. Григоренко // Вопросы управления. — 2023. — № 1(80). — С. 75–89. DOI: 10.22394/2304-3369-2023-1-75-89; EDN QTGAKS
7. **Сёмин, А. Н.** Теоретический и практический аспекты обеспечения жильем населения как перспектива развития сельских территорий / А. Н. Сёмин, Л. Е. Намятова // Экономика сельскохозяйственных и перерабатывающих предприятий. — 2022. — № 11. — С. 61–65. DOI: 10.31442/0235-2494-2022-0-11-61-65; EDN: QECWMV
8. **Рубаева, О. Д.** Факторы повышения социально-экономической устойчивости сельских территорий / О. Д. Рубаева, Т. И. Никитина // Сельскохозяйственные технологии. — 2019. — Т. 1. — № 2. — С. 1–10. DOI: 10.35599/agritech/01.02.01; EDN: LHGOWU
9. **Гатин, А. Д.** Демографическая политика как инструмент накопления трудового потенциала региона / А. Д. Гатин // Экономика и бизнес: теория и практика. — 2019. — № 1. — С. 54–57. DOI: 10.24411/2411-0450-2018-10300; EDN VUBCEQ
10. **Бухтиярова, Т. И.** Основные тенденции развития демографической ситуации в регионе (на примере Курганской области) / Т. И. Бухтиярова, О. Н. Михайлюк, И. Н. Батурина, И. А. Артамонова // Информационные технологии в управлении и экономике. — 2021. — № 2(23). — С. 11–16. EDN: JRCCVP
11. **Фарвазова, Э. А.** Формирование и основные направления государственной поддержки кадрового потенциала в АПК Курганской области / Э. А. Фарвазова, В. М. Шарапова, Н. В. Шарапова, Ю. В. Шарапов // АПК: экономика, управление. — 2024. — № 8. — С. 114–120. DOI: 10.33305/248-114; EDN: JXDJNX

12. **Андропова, Л. Н.** Демографические тенденции и государственная демографическая политика: Россия и зарубежный опыт / Л. Н. Андропова, Н. М. Ланцова // Научные труды: Институт народнохозяйственного прогнозирования РАН. — 2022. — Т. 20. — С. 320–341. DOI: 10.47711/2076-318-2022-320-341; EDN: PBNHDD
13. **Разумова, М. А.** О реализации демографической политики в регионе / М. А. Разумова, А. А. Зайченко // Вестник Курской государственной сельскохозяйственной академии. — 2021. — № 8. — С. 154–161. EDN: DWVXXE

Сведения об авторах:

Шарапова Валентина Михайловна, д.э.н., проф., проф. Уральского государственного экономического университета, Екатеринбург, Россия.

Контактная информация: e-mail: agroprom23@mail.ru; ORCID: 0000-0003-1272-827X; РИНЦ SPIN-код: 2611–9368.

Шарапова Наталья Владимировна, д.э.н., доцент, зав. кафедрой Уральского государственного экономического университета, Екатеринбург, Россия.

Контактная информация: e-mail: sharapov.66@mail.ru; ORCID: 0000-0002-5247-0683; РИНЦ SPIN-код: 8466–9639.

Фарвазова Эвелина Азатовна, к.э.н., преподаватель Курганского государственного университета, Курган, Россия.

Контактная информация: e-mail: linulya07@mail.ru; ORCID: 0000-0003-1134-9294; РИНЦ SPIN-код: 2117–0681.

Шарапов Юрий Владимирович, к.э.н., доцент Уральского государственного экономического университета, Екатеринбург, Россия.

Контактная информация: e-mail: scharapov_yv@usue.ru; ORCID: 0000-0002-5240-9292; РИНЦ SPIN-код: 1969–4720.

DOI: 10.24412/1561-7785-2026-1-70-79

MODERN ASPECTS OF THE SOCIO-DEMOGRAPHIC SITUATION IN REGIONS OF THE URAL FEDERAL DISTRICT

**Valentina M. Sharapova¹, Natalia V. Sharapova^{1*},
Evelina A. Farvazova², Yuri V. Sharapov¹**

¹*Ural State University of Economics
(62 8 Marta str., Ekaterinburg, Russia, 620144)*

²*Kurgan State University
(63, build. 4 Sovetskaya str., Kurgan, Russia, 640002)*

**E-mail: sharapov.66@mail.ru*

For citation:

Sharapova V. M., Sharapova N. V., Farvazova E. A., Sharapov Yu. V. Modern aspects of the socio-demographic situation in regions of the Ural Federal District. *Narodonaselenie [Population]*. 2026. Vol. 29. No. 1. P. 70–79. DOI: 10.24412/1561-7785-2026-1-70-79 (in Russ.)

Abstract. *Successful development of Russian society is closely related to demographic processes, the state of which affects all aspects of life. Unfortunately, in recent years, demographic processes in Russia have taken a pronounced negative turn, and the demographic situation in the country has become one of the most pressing socio-economic issues facing modern Russian society. This article assesses the demographic situation in the Ural Federal District (UFD) and examines and analyzes population dynamics in the UFD regions. The natural population growth rate in the district's regions is examined, as well as the age structure of the Ural region's population and employment rates. Using statistical data, key demographic indicators in the UFD regions are compared with the Russian average for 2024,*

and the UFD regions are differentiated by separate quality of life indicators. It is noted that the most favorable demographic situation among the UFD regions is currently observed in Tyumen Oblast, particularly due to its autonomous okrugs. There was conducted analysis of the legal framework governing demographic policy in the UFD regions, and set the main goals and tasks within the frames of measures to improve the demographic situation in the country. As a result of this analysis of the demographic situation in the UFD regions, the main problems impeding effective implementation of the regional demographic policy were identified, and recommendations for overcoming them were formulated.

Keywords: population, birth rate, death rate, natural population growth, employment rate, labor potential, demographic policy.

References and Internet sources

1. Karshibayeva L., Egamqulov H. Demographic situation of Sirdarya region and its geographical aspects. *Scientific Journal of the Fergana State University*. 2023. Vol. 29. No. 4. DOI: 10.56292/sjfsu/vol29_iss4/a98
2. Arakcheeva O. V., Krivdina I. Yu. Sovremennaya demograficheskaya situatsiya v Rossiyskoy Federatsii: regional'nyy aspekt [Current demographic situation in the Russian Federation: regional aspect]. *Uspekhi sovremennogo yestestvoznaniya. [Successes of Modern Natural Sciences]*. 2020. No. 11. P. 39–44. (in Russ.)
3. Sharapova V. M., Sharapova N. V., Sharapov Yu. V. Ekonomicheskaya otsenka trudovogo potentsiala sel'skogo khozyaystva regiona [Economic estimation of agricultural labor potential of region]. *Obrazovaniye i pravo [Education and Law]*. 2022. No. 12. P. 116–122. (in Russ.)
4. Tey D. O., Tatiyankin V. M., Tatiyankin V. M. Issledovaniye rynka truda i demografii v KhMAO-YuGRE [The study of the labor market and demographics in the Khanty-Mansi Autonomous Okrug — Ugra]. *Regional'nyye problemy preobrazovaniya ekonomiki [Regional Problems of Transforming the Economy]*. 2017. No. 10(84). P. 69–79. (in Russ.)
5. Chernova O. A. Sotsial'no-demograficheskiye aspekty migratsii i ikh vliyaniye na ustoychivost' razvitiya yuzhnorossiyskikh regionov [Socio-demographic aspects of migration and their impact on the sustainability of the development of Southern Russian Regions]. *Regionologiya [Russian Journal of Regional Studies]*. 2023. Vol. 31. No. 4(125). P. 634–649. (in Russ.)
6. Rezer T. M., Grigorenko Ya. A. Gosudarstvennoye upravleniye demograficheskoy situatsiyey v Ural'skom federal'nom okruge [Public administration of demographics in the Ural Federal District] *Voprosy upravleniya [Management Issues]*. 2023. No. 1(80). P. 75–89 (in Russ.)
7. Semin A. N., Namyatova L. E. Teoreticheskiy i prakticheskiy aspekty obespecheniya zhil'yem naseleniya kak perspektiva razvitiya sel'skikh territoriy [Theoretical and practical aspects of housing provision of the population as a perspective for the development of rural territories]. *Ekonomika sel'skokhozyaystvennykh i pererabatyvayushchikh predpriyatiy [Economy of Agricultural and Processing Enterprises]*. 2022. No. 11. P. 61–65 (in Russ.)
8. Rubaeva O. D., Nikitina T. I. Faktory povysheniya sotsial'no-ekonomicheskoy ustoychivosti sel'skikh territoriy [Factors of increasing the socio-economic sustainability of rural areas]. *Sel'skokhozyaystvennyye tekhnologii [Agricultural Technologies]*. 2019. Vol. 1. No. 2. P. 1–10 (in Russ.)
9. Gatin A. D. Demograficheskaya politika kak instrument nakopleniya trudovogo potentsiala regiona [Demographic policy as a tool for accumulating the labor potential of a region]. *Ekonomika i biznes: teoriya i praktika [Economy and Business: Theory and Practice]*. 2019. No. 1. P. 54–57 (in Russ.)
10. Bukhtiyarova T. I., Mikhailyuk O. N., Baturina I. N., Artamonova I. A. Osnovnyye tendentsii razvitiya demograficheskoy situatsii v regione (na primere Kurganskoy oblasti) [The main trends in the development of the demographic situation in the region (on the example of the Kurgan region)]. *Informatsionnyye tekhnologii v upravlenii i ekonomike [Information Technologies in Management and Economy]*. 2021. No. 2(23). P. 11–16. (in Russ.)
11. Farvazova E. A., Sharapova V. M., Sharapova N. V., Sharapov Yu. V. Formirovaniye i osnovnyye napravleniya gosudarstvennoy podderzhki kadrovogo potentsiala v APK Kurganskoy oblasti

- [Formation and main directions of state support of personnel potential in the agricultural industry of the Kurgan region]. APK: ekonomika, upravleniye [AIC: Economics, Management]. 2024. No. 8. P. 114–120. (in Russ.)
12. Andronova L. N., Lantsova L. N. Demograficheskiye tendentsii i gosudarstvennaya demograficheskaya politika: Rossiya i zarubezhnyy opyt [Demographic trends and state demographic policy: Russia and foreign experience]. Nauchnyye trudy: Institut narodnokhozyaystvennogo prognozirovaniya RAN [Scientific Works: Institute of Economic Forecasting of the Russian Academy of Sciences]. 2022. No. 20. P. 320–341. (in Russ.)
 13. Razumova M. A., Zaichenko A. A. O realizatsii demograficheskoy politiki v regione [On implementation of demographic policy in the region]. Vestnik Kurskoy gosudarstvennoy sel'skokhozyaystvennoy akademii [Vestnik of Kursk State Agricultural Academy]. 2021. No. 8. P. 154–161. (in Russ.)

Information about the authors:

Sharapova Valentina Mikhailovna, Doctor of Economics, Professor, Ural State University of Economics, Ekaterinburg, Russia.

Contact information: e-mail: agroprom23@mail.ru; ORCID: 0000-0003-1272-827X; Elibrary SPIN-code: 2611–9368.

Sharapova Natalia Vladimirovna, Doctor of Economics, Associate Professor, Head of Department, Ural State University of Economics, Ekaterinburg, Russia.

Contact information: e-mail: sharapov.66@mail.ru; ORCID: 0000-0002-5247-0683; Elibrary SPIN-code: 8466–9639.

Farvazova Evelina Azatovna, Candidate of Economics, Lecturer, Kurgan State University, Kurgan, Russia.

Contact information: e-mail: linulya07@mail.ru; ORCID: 0000-0003-1134-9294; Elibrary SPIN-code: 2117–0681.

Sharapov Yuri Vladimirovich, Candidate of Economics, Associate Professor, Ural State University of Economics, Ekaterinburg, Russia.

Contact information: e-mail: scharapov_yv@usue.ru; ORCID: 0000-0002-5240-9292; Elibrary SPIN-code: 1969–4720.

Статья поступила в редакцию 05.06.2025, утверждена 16.02.2026, опубликована 31.03.2026.

КАЧЕСТВО И УСЛОВИЯ ЖИЗНИ НАСЕЛЕНИЯ

DOI: 10.24412/1561-7785-2026-1-80-94
EDN: GCULHZ

ПОТЕРИ ПЕНСИОННЫХ ПРАВ ГРАЖДАН В РЕЗУЛЬТАТЕ РЕАЛИЗАЦИИ ПЕНСИОННЫХ РЕФОРМ

Дмитриева О. Г.

Государственная Дума Федерального Собрания Российской Федерации
(103265, Россия, Москва, ул. Охотный ряд, 1)

E-mail: dmitrieva@duma.gov.ru

Для цитирования:

Дмитриева О. Г. Потери пенсионных прав граждан в результате реализации пенсионных реформ // Народонаселение. – 2026 – Т. 29. – № 1. – С. 80-94. DOI: 10.24412 / 1561-7785-2026-1-80-94; EDN: GCULHZ

Аннотация. В статье исследуется динамика коэффициента замещения зарплаты пенсиями с 2002 по 2024 годы. Показано, что на снижение коэффициента замещения оказывают влияние не только отставание темпов индексации пенсий от роста заработной платы, но и системные недостатки реализованных пенсионных реформ, которые приводят к потере пенсионных прав. Дается расчёт потери пенсионных прав в солидарной пенсионной системе: за счёт отставания индексации расчётного пенсионного капитала от индексации страховой пенсии в период 2002–2014 гг.; ограничений на учёт индивидуального пенсионного коэффициента (ИПК) в первые 6 лет действия реформы; ограничений на учёт ИПК работающих пенсионеров при ежегодном перерасчёте; отсутствия индексации пенсий работающих пенсионеров с 2016 по 2024 годы. Установлено, что индексация расчётного пенсионного капитала с 2002 по 2024 годы (накопление пенсионных прав в солидарной системе) составило 9,76 раз, что существенно отстаёт от роста средней заработной платы (20,43 раз), ВВП (18,6 раз), размера средних назначенных пенсий (15,2 раз), а также от индексации страховой части пенсии за тот же период (11,6 раз). Однако наиболее существенная потеря пенсионных прав имеет место в накопительной пенсионной системе, у граждан 1967 г. рождения и младше из-за разницы в доходности обязательных пенсионных накоплений и индексации страхового капитала. Индексация расчётного пенсионного капитала за указанный период в 2,46 раза превышает доходность по сформированным пенсионным накоплениям. По всей совокупности застрахованных лиц потери пенсионных прав как разница между сформированными пенсионными накоплениями за счёт взносов на накопительную часть пенсии и потенциальным объёмом расчётного страхового пенсионного капитала составляет 2,98 трлн рублей. Оценены потери пенсионных прав в зависимости от уровня заработной платы.

Ключевые слова: пенсии, пенсионная система, индексация пенсий, работающие пенсионеры, коэффициент замещения, доходность пенсионных накоплений, потери пенсионных прав.

Сегодняшнее состояние пенсионной системы характеризуется снижением коэффициента замещения, что является следствием как существенного отставания индексации пенсий от роста средней заработной платы по стране, так и результатом сочетанного действия ряда пенсионных реформ, которые в отличие от заявленных целей повышения уровня пенсионного обеспечения приводили к его снижению.

В статье анализируются периоды роста и снижения коэффициента замещения, связь этих периодов с реализованными пенсионными реформами. В 2002 г., когда был дан старт реформе перехода к частично накопительной пенсионной системе, коэффициент замещения был равен 31,8%. Затем он достиг исторического минимума в 2007 г. — 22,8%. По итогам 2024 г. коэффициент замещения был ниже 24%, и вероятно, он продолжит снижение в 2025 году. Переход к частично накопительной пенсионной системе являлся одной из причин дефицита пенсионного фонда, поскольку взносы на накопительную часть пенсии, нарушая принцип «договора поколений», изымали средства из пенсионной системы, тем самым уменьшая возможности для увеличения пенсий посредством индексации. Об этой особенности перехода от распределительной пенсионной системы к частично накопительной и «эффекте двойного бремени» неоднократно обращалось внимание как до старта реформ, так и после начала её реализации [1; 2].

Особо внимание уделено потере пенсионных прав вследствие реализации реформы перехода к частично накопительной пенсионной системе, которое происходит вследствие меньшей доходности пенсионных накоплений по сравнению с индексацией пенсий и расчётного пенсионного капитала [3; 4]. Также дана оценка реформы 2019 г. по повышению пенсионного возраста, целью которой было улучшение пенсионного обеспечения за счёт сокращения количества пенсионеров. Однако, при фактическом уменьшении числа пенсионеров, имело место стабильное снижение относительного размера пенсий.

Динамика коэффициента замещения

Коэффициент замещения за анализируемые двадцать три года (2002–2024) имел разнонаправленную динамику. Под коэффициентом замещения для целей данного исследования понимается отношение среднего размера назначенных пенсий к средней заработной плате, измеряемое в процентах в среднегодовом значении либо на определённую дату по формуле:

$$R_i = \frac{\Pi(\text{ср})_i}{3\Pi(\text{ср})_i} \times 100,$$

где R_i — коэффициент замещения в i -ом году; $\Pi(\text{ср})_i$ — средний размер назначенных пенсий в i -ом году; $3\Pi(\text{ср})_i$ — средняя начисленная заработная плата в i -ом году.

Следует выделить 3 периода разнонаправленных тенденций в динамике коэффициента замещения (рис. 1): период снижения коэффициента замещения с 2002 по 2007 гг. с 31,6% по 22,8%; период роста коэффициента замещения с 2008 по 2014 гг. с 25,1% до 34,2%; период снижения коэффициента замещения с 2015 до 2024 гг. с 35,2% до 23,8%. В целом за рассматриваемый период рост средней заработной платы опережал рост средней назначенной пенсии. За двадцать три года средняя заработная плата выросла в 20,4 раза, в то время как средний размер назначенных страховых пенсий вырос в 15,2 раза.

При этом индексация пенсий отставала как от роста средней заработной платы, так и от роста средних назначенных пенсий. Динамика этих показателей была неодинаковой — так, с 2002 по 2007 гг. при том, что коэффициент замещения снизился, темп роста средней назначенной пенсии опережал индексацию пенсий, что связано с расширением круга лиц, имеющих право на получение двух пенсий: пенсии по старости и пенсии по инвалидности, введением надбавок к пенсии инвалидам первой группы и гражданам, достигшим 80 лет, восстановление права работающих пенсионеров на получение пенсий и ежегодный перерасчёт пенсий работающих пенсионеров в соответствии с уплаченными взносами.

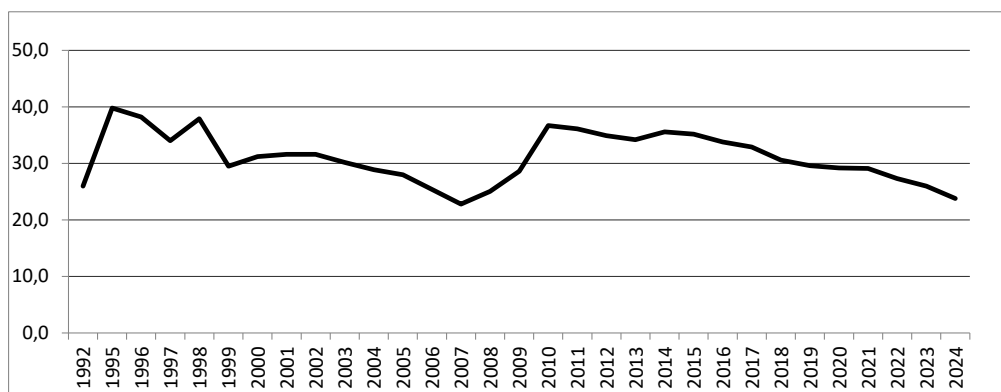

Рис. 1. Динамика коэффициента замещения (отношение среднего размера назначенной пенсии к средней заработной плате)

Fig. 1. Dynamics of the replacement rate (the ratio of average pension to average wage)

Источник: рассчитано на основе данных Росстата.

Однако самым главным фактором превышения роста среднего размера назначенных пенсий над темпом индексации страховых пенсий являлся опережающий рост базовой части пенсии, которая утверждалась в фиксированном размере. Базовая часть пенсии выросла с 450 рублей в 2002 г. до 1560 рублей к концу 2007 г., то есть в 3,46 раз. Таким образом, системные недостатки формулы индексации страховой пенсии заставили принимать разовые решения по повышению базовой части пенсии, что увеличило её долю в общем размере средней пенсии и явилось одним из факторов ослабления размера пенсии и её связи с размером заработной платы и стажем. Так, если в 2002 г. базовая часть пенсии составляла 32% от среднего размера назначенных пенсий, то в 2007 г. она уже стала равной 49%. Кроме того, в подобной динамике страховой и базовых частей пенсий имелась ещё одна цель.

Когда обнаружился весь негативный эффект от «двойного бремени», началось притормаживание роста пенсионных прав будущих пенсионеров через снижение индексации расчётного пенсионного капитала, а подтягивание уровня текущих пенсий до приемлемого уровня предпочитали осуществлять за счёт опережающего роста базовой части пенсии, которая вплоть

до 2010 г. индексировалась в иное время и в ином размере нежели страховая часть. Это имело следствие для лиц, получающих пенсии: уравнительность, что обесценивало их фактические пенсионные права, а для будущих пенсионеров частично обесценило взносы на страховую часть пенсии, что уже сказывается на размерах вновь назначенных пенсий более молодым пенсионерам и скажется в будущем. На снижение размера вновь назначенных пенсий было обращено внимание А. К. Соловьевым [5].

Период с 2008 по 2014 гг. характеризуется ростом коэффициента замещения. В этот период индексация страховых пенсий опережала рост средней заработной платы. Если рост средней заработной платы за указанный период составил 1,97 раза, то индексация страховых пенсий составила 2,5 раза. Однако самым главным фактором роста коэффициента замещения явились предпринятые отдельные меры по повышению пенсий как в целом, так и по отдельным категориям. Рост пенсий выше темпов индексации в это период был обусловлен проведением «валоризации» всех страховых периодов до 1991 г., что повысило стоимостной эквивалент советского стажа и заработка. Были также предприняты решения по повышению пенсионного обеспечения отдельных категорий пенсионеров, в частности «севе-

рян» за счёт увеличения размера как их базовой с 2008 г., так и страховой пенсии.

Период с 2015 по 2024 г. характеризуется последовательным снижением коэффициента замещения. Кроме того, он отличается от иных периодов тем, что размер и индексация пенсий, будучи существенно ниже темпов роста заработной платы, оказывается все же выше, чем рост средних назначенных пенсий. Так, за указанный период темп роста средней заработной платы составил 2,6 раза, индексация пенсий — 2,1 раза, а средний размер назначенных пенсий вырос в 1,75 раза. Такая динамика объясняется заморозкой пенсий работающих пенсионеров и дискриминацией их при перерасчёте пенсий. Существенное снижение коэффициента замещения в период с 2015 по 2024 г. связано и с тем, что в это десятилетие не принималось ни одного решения по разовому подтягиванию пенсий к уровню заработной платы как в целом, так и по отдельным значительным категориям пенсионеров.

Индексация страховых пенсий и индексация страхового пенсионного капитала в солидарной системе

Под потерей пенсионных прав понимаются сокращение размеров пенсии в настоящем или будущем в случаях, когда страховые взносы на индивидуальную часть пенсии уплачивались, а пенсионные права в эквивалентном размере не формировались. В разные периоды это происходило в отношении разных категорий работающих и вследствие задействования разных инструментов.

В период с 2002 по 2014 г., несмотря на заявленную концепцию реформы о том, что индексация расчётного пенсионного капитала должна быть такой же, как и индексация страховых пенсий, фактически этого не происходило. Так за период с 2002 по 2012 г. индексация страховых пенсий составила 4,7 раза, а индексация расчётного пенсионного капитала 4,3 раза. Однако наибольший вклад в потерю пенсионных прав при индексации расчётного пенсионного капитала внесло отсутствие индексации

расчётного пенсионного капитала в 2013–2014 гг., когда индексации расчётного пенсионного капитала не происходило, а индексация страховых пенсий в 2013 г. была на 10%, а в 2014 г. — на 8%.

Индексация расчётного пенсионного капитала осуществлялась в соответствии с постановлениями Правительства РФ после окончания финансового года, следующего за годом осуществления взносов в страховую часть. Так, с 1 апреля 2013 г. был проиндексирован расчётный пенсионный капитал на 1 января 2012 г., то есть за 2011 год. Соответственно, индексация расчётного пенсионного капитала за 2013 г. (по состоянию на 1.01.2014) по закону должна была осуществляться с 1 апреля 2015 г., а за 2014 г. — с 1 апреля 2016 года. Однако в 2013 г. был принят закон об ином порядке формирования пенсионных прав граждан и расчёта пенсий в системе обязательного пенсионного страхования № 400-ФЗ «О страховых пенсиях» от 28.12.2013, в соответствии с которым исчисление пенсий и учёт пенсионных прав осуществлялись на основе индивидуального пенсионного коэффициента (ИПК). При осуществлении этого перехода пенсионерам, которые уже на 1 января 2015 г. были начислены пенсии, перерасчёт пенсионного капитала в ИПК осуществлялся исходя из их размера на 31.12.2014 с учётом индексации 2013 и 2014 годов. При этом сформированный расчётный пенсионный капитал на 01.01.2013 не был проиндексирован в 2013 и в 2014 гг., также как и страховые взносы, осуществлённые в 2013 и в 2014 годах. Подобные ситуации, когда при одинаковой трудовой биографии (стаже и зарплате), в зависимости от времени выхода на пенсию её размер может меняться вследствие изменения пенсионного законодательства, отмечались ранее и были исследованы в [6].

Потеря пенсионных прав в переходный период 2015–2021 гг. при ограничении верхнего предела учёта ИПК

Потеря пенсионных прав после перехода к ИПК имела место вследствие ограничений, которые, во-первых, действовали первые

6 лет по учёту максимального значения ИПК, а, во-вторых, вплоть до настоящего времени действует ограничение по максимальному значению ИПК для работающих пенсионеров. С 2015 г. учёт пенсионных прав осуществляется на основе расчёта ИПК в соответствии с суммой уплаченных за год страховых взносов, которые соотносятся с суммой страховых взносов с предельного размера базы для исчисления страховых взносов.

Предельный размер базы для исчисления страховых взносов — значение фонда оплаты труда, с которого работодатели уплачивают страховые взносы по тарифу 22%, в дальнейшем определим как максимальная «взносооблагаемая заработная плата» (ВЗП). Таким образом, если страховые взносы уплачивались с максимальной ВЗП, то за год гражданин должен приобрести дополнительно 10 ИПК (баллов). Однако при исчислении ИПК применительно к уплаченным взносам предельного размера ИПК в течение первых 6 лет не достигал, поскольку до 2021 г. действовали ограничения. Например, в 2015 г. если при расчёте согласно уплаченным взносам ИПК оказывался равным 10, то учитывалось только 7,39, в 2018 г. — 8,7. Таким образом, гражданин, который уплачивал страховые взносы с предельной величины оплаты труда за счёт ограничений не сформирует пенсионные права в объёме 9,22 ИПК.

Самые большие потери в результате того, что не на весь объём уплаченных взносов на страховую часть пенсии сформированы эквивалентные пенсионные права, имеют работающие пенсионеры. При пенсионной реформе с 2015 г. ежегодный перерасчёт страховой пенсии по старости работающим пенсионерам производится на неполную сумму уплаченных страховых взносов на индивидуальную часть пенсии. Максимальный предел увеличения размера страховой пенсии работающего пенсионера при перерасчёте равен 3 ИПК (3 баллам). При этом начисление и уплата страховых взносов на индивидуальную часть страховой пенсии производится за работающими пенсионерами по тому же тарифу страховых взносов и в тех же максимальных пределах

ВЗП, что и для работников, находящихся в трудоспособном возрасте.

Так, при перерасчёте пенсий работающим пенсионерам в 2015 г., уплачивавших взносы с максимального размера взносооблагаемой базы в 2014 г., страховые взносы начислялись с заработной платы до 52000 рублей в месяц, а учитывались при перерасчёте страховых пенсий работающим пенсионерам лишь взносы, уплаченные с заработной платы до 15600 рублей в месяц; потеря, таким образом, составляла 4,39 ИПК. В 2025 г. при перерасчёте страховых пенсий работающим пенсионерам по взносам 2024 г. учитываются взносы с заработной платы до 55625 рублей в месяц, в то время как максимальная взносооблагаемая база составляла 185417 рублей в месяц. В табл. 1 показано, с какого уровня заработной платы в соотношении со средней, происходила потеря пенсионных прав. В 2015 г. потеря пенсионных прав имела место у всех работающих пенсионеров с заработной платой выше 48% от средней заработной платы; в 2025 г. уплачивающих страховые взносы с заработной платы выше 63% от средней заработной платы.

Встаёт вопрос: какого количества работающих пенсионеров коснулось неэквивалентное формирование пенсионных прав по отношению к уплаченным страховым взносам? Если предположить, что распределение работающих пенсионеров по 20% группам по уровню заработной платы соответствует общему распределению работающего населения (на самом деле уровень заработной платы работающих пенсионеров выше среднего), то третья, четвертая и пятая зарплатные группы оказываются за зоной отсечения по предельному уровню заработной платы работающих пенсионеров, с которой ИПК формируются в эквиваленте уплаченных взносов. При этом верхняя (пятая 20% зарплатная группа) находится выше предельного уровня заработной платы, с которой уплачиваются страховые взносы. Таким образом, 20% работающих пенсионеров будут иметь максимальные потери ИПК при ежегодном перерасчёте. Пенсионеры, находящиеся в пятой (наибо-

Таблица 1

Предельные размеры учёта страховых взносов для формирования пенсионных прав работающих пенсионеров, 2015–2024 гг.

Table 1

Upper limit of the insurance contributions for accumulation of the pension rights of working pensioners, 2015–2024

Год	Максимальная взнособлагаемая заработная плата, тыс. рублей в год	Размер взноса на индивидуальную часть пенсии, дающий право на 1 ИПК, рублей в год	Предельный размер взносов на индивидуальную часть пенсии, учитываемый для работающих пенсионеров, рублей в год	Средняя заработная плата рублей в месяц	Предельный размер заработной платы, с которой страховые взносы полностью учитываются	Отношение предельного размера заработной платы, с которой полностью учитываются страховые взносы, к средней заработной плате
2014	624	9984	29952	32495	15600	48,0
2015	711	11376	34128	33800	17775	52,6
2016	796	12736	38208	36709	19900	54,2
2017	876	14016	42048	39167	21900	55,9
2018	1021	16336	49008	43724	25525	58,4
2019	1150	18400	55200	47867	28750	60,1
2020	1292	20672	62016	51344	32300	62,9
2021	1465	23440	70320	57244	36625	64,0
2022	1565	25040	75120	65338	39125	59,9
2023	1917	30672	92016	74854	47925	64,0
2024	2225	35600	106800	87952	55625	63,2

Источник: рассчитано на основе данных Росстата и постановлений Правительства РФ об утверждении предельной величины базы для исчисления страховых взносов в 2014–2024 годах.

более высокооплачиваемой группе) за период 2015–2024 гг. не сформируют пенсионные права на 60,88 ИПК; работающие пенсионеры, находящиеся в 4 зарплатной группе в среднем потеряют 22,3 ИПК; наконец, работающие пенсионеры, находящиеся в 3 зарплатной группе не сформируют пенсионные права, эквивалентные 6,22 ИПК.

В условиях 2025 г. с учётом стоимости одного ИПК, равном 145,69 рублей, потери наиболее высокооплачиваемой группы работающих пенсионеров при условии, что они весь период были работающими пенсионерами и находились в 5 зарплатной группе составят 8869 рублей ежемесячной пенсии. Те, кто все время находился в 4 зарплатной группе, потеряют 3248 рублей. И, наконец, потери работающих пенсионеров третьей зарплатной группы составят 906 рублей. Совокупный объем уплаченных страховых взносов на индивидуаль-

ную часть пенсии, на которые из-за ограничения в 3 ИПК не сформированы пенсионные права, составили к 1 августа 2025 г. 2371 млрд рублей. Такой порядок формирования пенсионных прав противоречит всем принципам страховой пенсионной системы, так как уплата страховых взносов не влечёт за собой формирование пенсионных прав. Подобный порядок также дискриминирует работодателя (страховщика), создавая избыточную налоговую нагрузку, не обеспечивая при этом эквивалентный размер пенсионного обеспечения.

Потеря пенсионных прав вследствие заморозки индексации пенсий работающих пенсионеров

До 2022 г. имело место постоянное нарастание разницы между пенсией работающих и неработающих пенсионеров вслед-

ствии заморозки индексации пенсий. Так, если на 1 октября 2021 г. разница между пенсией по старости работающих и неработающих пенсионеров составляла 3097 рублей, то к 1 июля 2022 г. она достигла 5949 рублей (табл. 2). Отсутствие роста разницы связано с самонастройкой системы за счёт периодически увольнявшихся работающих пенсионеров, фиксации ими размера пенсий как неработающих пенсионеров и устройство на работу вновь. Понижающее влияние заморозки индексации пенсий работающих пенсионеров на средний размер пенсий следует за динамикой разницы между пенсией работающих и неработающих пенсионеров, которая увеличилась с 644 рублей в месяц в октябре 2021 г. до 1261 рубля в июле 2022 года.

После принятия решения о восстановлении индексации пенсий работающих

пенсионеров разница между пенсией работающих и неработающих пенсионеров уменьшилась до 3700–3800 рублей, что обусловлено как возобновлением индексации с 01.01.2025 г., так и тем, что часть работающих пенсионеров решили уволиться и самостоятельно зафиксировать размер пенсии с учётом индексации. В то же время сохраняющийся разрыв в размере пенсий работающих и неработающих пенсионеров показывает, что только возобновление индексации пенсий работающих пенсионеров, без восстановления всех пропущенных индексаций не даёт желаемого эффекта. В то же время отсутствие восстановления пропущенных индексаций пенсий работающих пенсионеров продолжает оказывать понижающий эффект на средний размер пенсий по старости в размере 761 рубля в месяц.

Таблица 2

Разница в размере пенсий работающих и неработающих пенсионеров, рублей в месяц

Table 2

Difference in the pension of working and not-working pensioners, rubles per month

Показатель	2021	2022		2023		2024		2025	
	01.10	01.01.	01.07	01.01	01.07	01.01	01.07	01.01	01.03
Работающие и неработающие пенсионеры	16908	18085	19603	20679	20822	22353	22461	24979	25072
Работающие пенсионеры	14454	14620	14915	15948	16736	17890	18574	21903	22055
Неработающие пенсионеры	17552	19017	20864	21838	21818	23451	23411	25778	25833
Разница в размерах пенсий работающих и неработающих пенсионеров	3098	4397	5949	5890	5082	5561	4837	3875	3778
Понижающее влияние заморозки пенсий работающих пенсионеров на средний уровень пенсий	644	932	1261	1159	996	1098	951	799	761

Источник: Росстат. – URL: <https://www.fedstat.ru/indicator/62164> (дата обращения: 01.10.2025).

Потери пенсионных прав за счёт реализации отчислений на накопительную часть пенсии

Начиная с 2002 г. в РФ была реализована реформа перехода от распределительной к частично накопительной пенсионной системе. Необходимость перехода к такой пенсионной системе обосновывалась старением населения и уменьшением количества граждан трудоспособного возраста,

приходящегося на одного пенсионера. Поэтому, декларировалось, «чтобы дальше не зависеть в солидарной пенсионной системе от будущих поколений необходимо самим накапливать себе на будущую пенсию». Кроме того, также утверждалось, что накопительная пенсионная система создаст возможность формирования т.н. «длинных денег», которые послужат основой для долгосрочных инвестиций. Идеологами накопительной пенсионной системы выступили

М. Э. Дмитриев, А. П. Починок, М. Ю. Зуратов [7; 8]. Исследователи обращали внимание на такую проблему переходного периода от распределительной (солидарной) системы к накопительной как «эффект двойного бремени» [1]. С 2014 г. было прекращено отчисление взносов на накопительную часть пенсии, которое сопровождалось активной кампанией по переводу пенсионных накоплений в частные негосударственные пенсионные фонды (НПФ). Внимание общества было отвлечено на понятие «заморозка пенсионных накоплений». Тем самым не оценивалось реальное состояние сформированных пенсионных накоплений

и темпы их прироста в соответствии с фактической доходностью. Как видно из табл. 3, индексация страховых пенсий опережает индексацию расчётного пенсионного капитала по страховой части по причинам, описанным выше. Однако доходность по накопительной части пенсии в 2 раза ниже, чем индексация расчётного пенсионного капитала. Кроме того, обращает на себя внимание, что рост среднего размера пенсий составляет 15,2 раз, что выше индексации страховой части пенсии, однако меньше, чем темп роста ВВП (18,6 раз) и рост средней заработной платы (20,4 раз).

Таблица 3

Индексация страховой части пенсии, расчётного пенсионного капитала, доходность пенсионного капитала по накопительной части пенсии накопленным итогом по периодам 2002-2024 годов

Table 3

Indexation of the insurance part of pension, estimated pension capital and profitability of pension savings, cumulative data over the period 2002-2024

Показатель	2002-2014	2015-2024	2002-2024
Индексация страховой части пенсии	5,6	2,21*	11,6
Индексация расчётного пенсионного капитала (ИПК после 2015 года)	4,3	2,27**	9,76
Доходность капитала по накопительной части пенсии	1,76	2,25	3,96
Рост номинального объёма ВВП	7,7	2,42	18,6

Примечания: * при расчёте индексации страховой части пенсии не учтена индексация 01.01.2025 года, чтобы обеспечить сопоставимость с ростом назначенных пенсий, средней заработной платы и номинального ВВП за 2024 г.; ** при условном расчёте индексации расчётного пенсионного капитала учтено изменение значение ИПК на 01.01.2025 года, поскольку доходность по накопительному компоненту и стоимость чистых активов по формируемым пенсионным накоплениям определена на 01.01.2025 года.

Источник: Росстат, данные Минтруда и Минфина по доходности сформированных пенсионных накоплений.

Таким образом, рост и средней пенсии, и индексация страховой пенсии в солидарной системе оказывается меньше, чем возможности финансирования пенсий вследствие роста ВВП. Однако, доходность по накопительной части пенсии оказалась существенно ниже индексации расчётного пенсионного капитала (индексации ИПК) (более чем в два раза) и более, чем в 4 раза отставала от роста ВВП.

Важно оценить результаты инвестирования пенсионных накоплений с учётом взносов каждого года и доходности пенсионных накоплений, начиная от года, в которых

были осуществлены взносы, до 2024 года. В дальнейшем эту операцию определим как доходность, приведённую к 2024 году. При умножении уплаченных взносов на накопительную часть пенсии на коэффициенты доходности, приведённые к 2024 г., заявленные ВЭБом по расширенному портфелю, с последующим суммированием, получаем оценку, как должны были прирасти уплаченные взносы на накопительные пенсии к 2024 г., если бы все средства на накопительную часть пенсии прирастали согласно заявленной доходности.

Пенсионный капитал на накопительную пенсию в ВЭБе и НПФ при условии индексации на объявленную доходность рассчитывается следующим образом:

$$ПН(ид) = \sum_{i=2002}^{2013} УВН_i \prod_{j=i}^{2024} g_j,$$

где $ПН(ид)$ — пенсионный капитал на накопительную пенсию в ВЭБе и НПФ при условии индексации на объявленную доходность; g_j — доходность формируемых пенсионных накоплений в j -ом году по расширенному портфелю ВЭБ УК; $УВН_i$ — уплаченные взносы на накопительную часть пенсии в i -ом году в РФ. Для сравнительной оценки двух систем (солидарной и накопительной) следует к взносам на накопительную часть пенсии применить коэффициенты индексации расчётного пенсионного капитала, приведённые к 2024 г. (по состоянию на 01.01.2025 г.).

Индексация расчётного пенсионного капитала, приведённая к 2024 г., показывает, насколько взносы, уплаченные в i -ом году, вырастут к концу 2024 г., то есть на 01.01.2025 года. При этом до 2014 г. учитываются официально заявленные коэффициенты индексации расчётного пенсионного капитала в соответствии с постановлениями Правительства РФ, далее умножаются на рост ИПК с 01.01.2015 по 01.01.2025 годы. Тогда пенсионный капитал на накопительную пенсию при условии индексации в размерах индексации расчётного пенсионного капитала рассчитывается следующим образом:

$$ПН(урс) = \sum_{i=2002}^{2013} УВН_i \prod_{j=i}^{2014} урс_j \times \frac{ИПК_{2025}}{ИПК_{2015}},$$

где $ПН(урс)$ — пенсионный капитал на накопительную пенсию при условии индексации в размерах индексации расчётного пенсионного капитала в 2002–2014 гг. и индексации размера ИПК 2015–2025; $урс_j$ — индексация расчётного пенсионного капитала в j -ом году; $ИПК_{2025}$ — значение ИПК на 01.01.2025 года, равного 145,69 рублей; $ИПК_{2015}$ — значение ИПК на 01.01.2015 года, равного 64,1 рубля.

Если бы доходность формируемых пенсионных накоплений соответствовала бы росту ВВП, то результаты инвестирования формируемых пенсионных накоплений выглядели бы следующим образом:

$$ПН(ввп) = \sum_{i=2002}^{2013} УВН_i \prod_{j=i}^{2024} p_j,$$

где $ПН(ввп)$ — результат инвестирования пенсионных накоплений в случае, если бы доходность соответствовала бы темпам роста ВВП (в текущих ценах); p_j — рост ВВП в текущих ценах в j -ом году.

Расчёт оценки накопленного капитала по накопительной части пенсии в соответствии с заявленными коэффициентами доходности по ВЭБу можно сравнить с официальными данными по размерам накопленного пенсионного капитала в ВЭБе и НПФ. За период с 2002–2013 гг. на накопительную часть пенсии было направлено 2594 млрд рублей. При этом, по данным Минтруда и Минфина, пенсионный капитал на накопительную часть пенсии составлял на 01.01.2025 г. 5870 млрд рублей (табл. 4). Однако, если к уплаченным взносам каждого года применить заявленные показатели доходности по пенсионному капиталу по накопительной части пенсии, то к концу 2024 г. стоимость активов по сформированным пенсионным накоплениям должна была бы составить 7670 млрд рублей.

Если бы взносы на накопительную часть пенсии индексировались также, как и взносы на страховую часть пенсии, то пенсионный капитал с учётом уплаченных взносов к 2025 г. должен был бы составить 8848,15 млрд рублей. При этом, если бы результат инвестирования пенсионных накоплений соответствовал бы росту ВВП в текущих ценах, то сформированный капитал по накопительной части пенсии должен был бы составить 12259 млрд рублей. Таким образом, потери пенсионной системы от реформы перехода к накопительной пенсионной системы составляют 2978 млрд рублей (разница между $ПН$ (факт) и $ПН(урс)$).

Надо отметить, что более корректный расчёт требует учёта размера выплат за счёт

Таблица 4
Финансовые итоги реформы перехода к частично накопительной пенсионной системе

Table 4

Financial results of the reform transition towards partially funded pension system

Показатель	Обозначение	Сумма, млн рублей
Взносы на накопительную часть пенсии 2002-2013 гг	$\Sigma i УВН_i$	2593791,6
Пенсионный капитал на накопительную пенсию в ВЭБе и НПФ (по данным Минтруда и Минфина) на 01.01.2025	ПН (факт)	5870025,62
Пенсионный капитал на накопительную пенсию в ВЭБе и НПФ при условии индексации на объявленную доходность	ПН (ид)	7670146,6
Пенсионный капитал на накопительную пенсию при условии индексации в размерах индексации расчётного пенсионного капитала в 2002-2014 гг. и индексации размера ИПК 2015-2025	ПН (ирс)	8848152,4
Пенсионный капитал на накопительную пенсию при условии роста равном росту ВВП	ПН (ввп)	12259006

Источник: рассчитано по данным, представленным Минтруда по взносам на накопительную часть пенсии и доходности сформированного пенсионного капитала на накопительную часть пенсии.

средств пенсионных накоплений. Единоразовную выплату получили 14,3 млн человек при среднем размере 24 тыс. рублей, что составляет около 350 млрд рублей за весь период. Выплаты накопительных пенсий в последние годы составляют в среднем 2–2,5 млрд рублей, а выплаты правопреемникам умерших — 6–7 млрд рублей ежегодно. Для точных расчётов необходимо знать распределение этих выплат по годам в соотношении с уплаченными взносами. Можно предположить, что с учётом осуществлённых выплат потери пенсионной системы могут быть меньше на 550–600 млрд рублей, что, однако, не меняет выявленный факт обесценения пенсионных накоплений на обязательную накопительную часть.

В ходе дискуссии при введении частично накопительной пенсионной системы в 2002 году автором было математически доказано, что капитал, сформированный из взносов на накопительную часть пенсии, не может расти большими темпами, чем ВВП страны [1; 3]. Это значит, что со временем при выплате накопительных пенсий через определённый срок нельзя получить эквивалентный размер средств как доли от ВВП, она будет заведомо меньше с учётом ошибок инвестирования и расходов на инвестирование средств пенсионных накоплений. Было доказано, что солидарная система, основанная на договоре поколений,

более эффективна в национальном масштабе, чем накопительная пенсионная система [3; 4]. Фактический результат инвестирования накопительных пенсий полностью подтвердил вывод модельных расчётов.

Потери от реформы перехода к накопительной пенсионной системе следует оценить не только применительно ко всей пенсионной системе в масштабе страны, но и применительно к каждому гражданину, на кого распространялась обязательность отчисления взносов на накопительную часть пенсии. В первые три года реализации пенсионной реформы (2002–2004 гг.) взносы на накопительную часть пенсии отчисляли мужчины 1953 г. и моложе и женщины 1957 г. рождения и моложе. При этом граждане 1966 г. рождения и старше отчисляли на накопительную часть пенсии 2%, а граждане 1967 г. рождения и моложе в первые 2 года — 3%, а с 2005 по 2007 гг. — 4%. С 2005 г. за граждан 1966 г. рождения и старше прекратили производить отчисления на накопительную часть пенсии, поэтому их потери от реформы, хотя и имеют место, однако не столь значительные, как следующих поколений, за граждан 1967 г. рождения и младше с 2008 г. на обязательную накопительную часть стали отчислять 6%, а на страховую в разные годы 8%, 14%, а с 2011 г. — 10%. С 2014 г. были прекращены обязательные отчисления на накопи-

тельную часть пенсии и все взносы (16%) стали переводиться в страховую часть.

В этой связи следует рассмотреть ситуацию, которая складывается с женщинами 1967 г. рождения, которые в массовом порядке будут выходить на пенсию в 2026 г., и будут первой возрастной когортой, за которых отчислялись обязательные взносы на накопительную часть пенсии все 12 лет. При переходе к частично накопительной пенсионной системе реклама строилась на том, что у граждан, на которых распространяется обязательность взносов на накопительную часть пенсии, будет накопительная пенсия, которую заработали самостоятельно. При этом не разъяснялось, что накопительная пенсия будет не в дополнение к страховой, а вместо страховой, в той части, в которой взносы не отчислялись на страховую, а отчислялись на накопи-

тельную. Кроме того, на женщин 1967 г. рождения в полном объёме будут распространяться условия выхода на пенсию реформы 2015 г., а именно требования по ИПК и стажу: 30 баллов и 15 лет стажа.

Рассчитаем индивидуальные потери для женщин 1967 г. рождения при разных гипотезах относительно заработной платы и продолжительности стажа. Просчитаны следующие варианты заработной платы: средняя заработная плата; 50% средней заработной платы; медианная заработная плата; заработная плата, равная МРОТ; заработная плата, равная 2 МРОТ. При этом оценивались потери ИПК при минимальном размере стажа в 15 лет для выхода на пенсию с 2002 по 2016 гг., 23 года с 2002 по 2024 гг. (табл. 5).

Таблица 5

Потери граждан от реформы перехода к накопительной пенсионной системе

Table 5

Individual losses due to the transition reform towards funded pension system

Показатель	ИПК, начисленные за 2002-2013 гг.	Потерянные ИПК за 2002-2013 гг.	ИПК при стаже 23 года, 2002-2024 гг.	ИПК при стаже 15 лет, 2002-2016 гг.
Средняя заработная плата	30,1	12,63	80,7	41,3
½ средней заработной платы	15,05	6,32	40,35	20,7
Медианная заработная плата	18,27	7,6	48,4	24,8
МРОТ	2,7	1,31	14,2	5,49
2 МРОТ	5,44	2,74	28,4	10,9

Источник: рассчитано на основе данных Росстата и ПФР

Конвертация накопленных взносов на страховую часть пенсии в баллы (ИПК) осуществлялась при реализации очередной пенсионной реформы, по состоянию на 01.01.2015 (колонка 2 табл. 5). При средней заработной плате на индивидуальную часть страховых взносов за 2002–2013 гг. при конвертации будет начислено 30,1 ИПК. При заработной плате, равной МРОТ, — 2,7 ИПК. Далее, в колонке 3 представлен расчёт ИПК, которые могли бы быть начислены, если бы взносы были сделаны не на накопительную, а на страховую часть пенсии. Так, при средней заработной плате за период с 2002 по 2013 гг. за счёт отчислений

на накопительную часть пенсии при средней заработной плате могло быть начислено, а фактически будет потеряно 12,63 ИПК, при заработной плате, равной половине средней, будет недоначислено 6,3 ИПК.

Соответственно, при оформлении страховой пенсии граждан, получавший среднюю заработную плату с 2002 по 2013 гг., потеряет в размере страховой пенсии:

$$\Delta \text{СП} = \Delta \text{ИПК} \times \text{ИПК}_j,$$

где $\Delta \text{СП}$ — потери в страховой пенсии из-за отчислений на обязательную накопительную часть; $\Delta \text{ИПК}$ — потерянные

(недоначисленные) ИПК вследствие отчислений на обязательную накопительную часть пенсии; $ИПК_j$ — значение ИПК в j -ом году. Потери в размере страховой пенсии применительно к условиям 2025 г. при средней заработной плате составят 1840 рублей, при медианной заработной плате — 1107,24 рублей, при заработной плате, равной МРОТ, 191 рубль. Чем выше была заработная плата, тем больше потери в размере страховой пенсии в условиях обязательных отчислений на накопительную часть.

Насколько пенсия по накопительной части может компенсировать потери в размере страховой пенсии? При сопоставлении фактически сформированного пенсионного капитала и расчётного пенсионного капитала, можно оценить в среднем потенциальные потери по всему массиву. Уже есть выборочные данные по женщинам 1967 г. рождения обратившихся за накопительной пенсией: из 793971 женщин 1967 г. рождения, за которых отчислялись взносы на накопительную часть пенсии, накопительная пенсия назначена 13664, единовременная выплата 134828, то есть у 90% обратившихся потенциальный размер накопительной пенсии составляет менее 16% минимальной пенсии, что явилось причиной назначения единовременной выплаты вместо накопительной пенсии. При этом средний размер назначенной накопительной пенсии 1665 рублей, средний размер единовременной выплаты 102022,8 рублей, что в пересчёте на ежемесячную пенсию составило бы 448 рублей¹ (данные Минтруда). Именно этот показатель следует сопоставить с потерями в страховой части пенсии. По имеющимся данным можно оценить примерные потери граждан, отчислявших взносы со средней заработной платы. При средней заработной плате потери составят 1393 рубля ежемесячно. С годами эти потери будут постоянно расти, поскольку индексация по страховой части будет заведомо больше, чем доходность по накопительной. В случае же назначения единовременной выпла-

ты индексации этой части пенсии не будет, а потери страховой будут расти каждый год вследствие ежегодной индексации ИПК.

Кроме того, есть опасность, что из-за потерь взносов по страховой части при стаже 15 лет не наберётся минимального размера ИПК, равного 30 баллам. Для некоторого количества пенсионеров обязательные отчисления на накопительную часть пенсии могут стать причиной отказа в назначении пенсии при наличии стажа 15 лет. Таких граждан, по данным СФР, 2–3%. Однако юридическая и математическая возможность получить отказ от назначения страховой пенсии при достижении пенсионного возраста по вине государства вследствие введённых обязательных отчислений на накопительную часть существует.

Снижение коэффициента замещения пенсий до критического низкого уровня объясняется не только существенным отставанием индексации пенсий от роста средней заработной платы, но и реализацией ряда пенсионных реформ, которые сопровождались потерей пенсионных прав застрахованных лиц вследствие того, что пенсионные права не были сформированы в объёме, эквивалентном уплаченным страховым взносам. Установлено, что потеря пенсионных прав имела место вследствие отставания индексации расчётного пенсионного капитала от индексации страховой пенсии в период 2002–2014 гг., ограниченный на учет ИПК в первые 6 лет действия реформы расчёта пенсий по ИПК, ограничения на учёт ИПК работающих пенсионеров при ежегодном перерасчёте, равном 3 ИПК, отсутствия индексации пенсий работающих пенсионеров с 2016 по 2024 годы. Наиболее существенная потеря пенсионных прав имеет место у граждан 1967 года рождения и младше, отчислявших обязательные взносы на накопительную часть пенсии с 2002 по 2014 гг. вследствие разницы в доходности обязательных пенсионных накоплений и индексации страховых пенсий. Поэтому в целях повышения уровня

¹ Ожидаемый период выплаты накопительной пенсии, учтённый в расчёте, — 228 месяцев.

пенсионного обеспечения необходимо в будущем не только увеличить темпы индексации пенсий, но и реализовать отдельные мероприятия по валоризации (переоценки) отдельных периодов формирования пенсионных прав. При этом главным вопросом остаётся потеря пенсионных прав за счёт

обязательных отчислений на накопительную часть пенсии, поскольку накопительная пенсия (либо эквивалент в форме единовременной выплаты) не компенсирует потери страховой пенсии.

Литература и Интернет-источники

1. **Дмитриева, О.Г.** Переход от распределительной пенсионной системы к накопительной: результаты и критерии эффективности / О.Г. Дмитриева, Н.Р. Петухова, Д.В. Ушаков // Вопросы экономики. — 2010. — № 4. — С. 43–60. EDN: JYKRQL
2. **Дмитриева, О.Г.** Социальная политика. Законодательные инициативы фракции Справедливая Россия / О.Г. Дмитриева, С.П. Горячева. — Москва : Издание Государственной Думы, 2010. — 60 с.
3. **Дмитриева, О.Г.** Пенсионные системы и пенсионные реформы / О.Г. Дмитриева, Н.Р. Петухова, В.П. Чернов [и др.]. — Москва : Наука, 2015. — 302 с. EDN: CJSAVS
4. **Дмитриева, О.Г.** Пенсионные реформы в России: цели и результаты / О.Г. Дмитриева, М.И. Трибельский, С.А. Некрасов [и др.]. — Москва : Издание Государственной Думы, 2015. — 302 с.
5. **Соловьев, А.К.** Задачи повышения эффективности пенсионной системы в РФ для преодоления бедности пенсионеров / А.К. Соловьев // Проблемы прогнозирования. — 2021. — № 2. — С. 98–112. EDN: KAQVKV
6. **Дмитриева, О.Г.** Монотонность и стационарность пенсионных функций и их нарушение в действующих и предлагаемых формулах расчёта пенсий / О.Г. Дмитриева, В.П. Чернов // Вопросы экономики. — 2014. — № 6. — С. 112–140. EDN: SETZAX
7. Пенсионная реформа в России: причины, содержание, перспективы / ред. М.Э. Дмитриев и Д.Я. Травин. — Санкт-Петербург : Норма, 1998. — 253 с.
8. **Дмитриев, М.Э.** Ход реализации и итоги реформ социальной сферы начала 2000-х гг. в России: переосмысление в ретроспективе / М.Э. Дмитриев // Вопросы теоретической экономики. — 2024. — № 3. — С. 7–30. EDN: CSXBCT

Сведения об авторе:

Дмитриева Оксана Генриховна, д.э.н., проф., депутат Государственной Думы Федерального Собрания Российской Федерации, Москва, Россия.

Контактная информация: e-mail: dmitrieva@duma.gov.ru; ПИНЦ SPIN-код: 9606–3820.

DOI: 10.24412/1561-7785-2026-1-80-94

THE PENSION RIGHTS LOSS AS A RESULT OF PENSION REFORMS

Oksana G. Dmitrieva

*State Duma of the Federal Assembly of the Russian Federation
(1 Okhotny Ryad, Moscow, Russia, 103265)*

E-mail: dmitrieva@duma.gov.ru

For citation:

Dmitrieva O.G. The pension rights loss as a result of pension reforms. *Narodonaselenie [Population]*. 2026. Vol. 29. No. 1. P. 80-94. DOI: 10.24412/1561-7785-2026-1-80-94 (in Russ.)

Abstract. The paper examines dynamics of the replacement ratio over the period 2002–2024. It is shown that the decrease in the replacement ratio is affected not only by the lag between the growth rate of pension indexation and the growth rate of average wages, but also due to the systemic shortcomings of the implemented pension reforms that results in loss of pension rights. The paper develops methods of calculating the losses in pension rights in the PAYG pension system. The loss of pension rights occurs for the following reasons: the lag between the indexation of the estimated pension capital and the indexation of the insurance pensions from 2002 to 2014; accounting restrictions on the individual pension coefficient in the first 6 years of the reform; accounting restrictions on the individual pension coefficient for working pensioners during the annual recalculation; providing no pension indexation to working pensioners in 2016–2024. As a result of the calculations performed it was found out that indexation of the estimated pension capital increased by 9.76 times over the period 2002–2024 (accumulation of pension rights in the PAYG system), that significantly lagged behind the increase in average wages (20.43 times), in GDP (18.6 times), and average pension (15.2 times), as well as indexation of insurance part of pensions (11.6 times) for the same period. However, the most significant loss of pension rights is in the funded pension system, for citizens born in 1967 and younger, due to the difference in the profitability of mandatory pension savings and the indexation of estimated pension capital. The indexation within PAYG pension system for the specified period is 2.46 times higher than the profitability of the pension savings. For the entire group of insured persons, loss of pension rights as the difference between the pension savings formed by contributions to the funded part of pension and the potential amount of estimated insurance pension capital is 2.98 trillion rubles. The paper provides for the estimation of the loss of pension rights for certain categories of pensioners, depending on their level of wages, due to implementation of the pension reforms.

Keywords: pensions, pension system, pension indexation, working pensioners, replacement coefficient, profitability of pension savings, loss of pension rights.

References and Internet sources

1. Dmitrieva O. G., Petukhova N. R., Ushakov D. V. Prekhod ot rasperelitel'noy pensionnoy sistemy k nakopitel'noy: rezultaty i kriterii [The transition from distributive pension system to accumulative type: The results and efficiency forecast]. *Voprosy Ekonomiki [Issues of Economics]*. 2010. No. 4. P. 43–60. (in Russ.)
2. Dmitrieva O. G., Goryacheva S. P. Sotsialnaya politika. Zakonodatel'nyye initsiativy fraktsii Sptavedlivaya Rossiya [Social Policy. Legislative Initiatives of the Just Russia Fraction]. Moscow. Izdaniye Gosudarstvennoy Dumy [State Duma publishing]. 2010. 60 p. (in Russ.)
3. Dmitrieva O. G., Petukhova N. R., Chernov V. P., et. al. Pensionnyye sistemy i pensionnyye reformy [Pension Systems and Pension Reforms]. Moscow. Nauka [Science]. 2015. 302 p. (in Russ.)
4. Dmitrieva O. G., Tribelsky M. I., Nekrasov S. A., et. al. Pensionnyye reformy v Rossii: tseli i rezultaty [Pension Reforms in Russia: Goals and Results]. Moscow. Izdaniye Gosudarstvennoy Dumy [State Duma publishing]. 2010. 302 p. (in Russ.)
5. Soloviev A. K. Zadachi povisheniya effektivnosti pensionnoy sistemy v RF dlya preodoleniya bednosti pensionerov [Tasks of increasing the efficiency of the pension system in the Russian Federation to overcome poverty of pensioners]. *Problemy Prognozirovaniya [Studies on Russian Economic Development]*. 2021. No. 2. P. 98–112. (in Russ.)
6. Dmitrieva O. G., Chernov V. P. Monotonnost' i statsionarnost' pensionnykh funktsiy i ikh narusheniye v deistviyushikh i predlagaemykh formulakh rasschota pensiy [Monotony and stationarity of pension functions and their violation in pension's calculations procedures envisaged in the legislation of Russian Federation]. *Voprosy Ekonomiki [Issues of Economics]*. 2014. No. 6. P. 112–140. (in Russ.)
7. Pensionnaya reforma v Rossii: prichiny, soderzhaniye, perspektivy [Pension Reform in Russia: Reasons, Essence, Prospects]. Eds. M. E. Dmitriev, D. Ya. Travin. St. Petersburg. Norma [Norm]. 1998. 253 p. (in Russ.)

8. Dmitriev M. E. Khod realizatsii i itogi reform sotsialnoy sfery nachala 2000-h v Rossii: pereosmisleniye v retrospective [Implementation and outcomes of social policy reforms of early 2000s in Russia: reassessment in hindsight]. *Voprosy teoreticheskoy ekonomiki [Issues of Economic Theory]*. 2024. No. 3. P. 7–30. (in Russ.)

Information about the author:

Dmitrieva Oksana Genrikhovna, Doctor of Economics, Professor, Deputy, State Duma of the Federal Assembly of the Russian Federation, Moscow, Russia.

Contact information: e-mail: dmitrieva@duma.gov.ru; Elibrary SPIN-code: 9606–3820.

Статья поступила в редакцию 10.09.2025, утверждена 16.02.2026, опубликована 31.03.2026.

DOI: 10.24412/1561-7785-2026-1-95-109
EDN: GSSXQE

ИНДЕКС БЛАГОПОЛУЧНОЙ СТАРОСТИ ПОЖИЛОГО НАСЕЛЕНИЯ В РЕГИОНАХ РОССИИ: ОБЪЕКТИВНАЯ, СУБЪЕКТИВНАЯ И ИНТЕГРАЛЬНАЯ ОЦЕНКА

Попов А. В.

Вологодский научный центр РАН
(160014, Россия, Вологда, ул. Горького, 56А)

E-mail: ai.popov@yahoo.com

Финансирование:

Исследование выполнено за счёт гранта РФФ (проект № 23-78-10128). – URL: <https://rscf.ru/project/23-78-10128/>.

Для цитирования:

Попов А.В. Индекс благополучной старости пожилого населения в регионах России: объективная, субъективная и интегральная оценка // Народонаселение. – 2026. – Т. 29. – № 1. – С. 95-109. DOI: 10.24412 / 1561-7785-2026-1-95-109; EDN: GSSXQE

Аннотация. В условиях старения населения на первый план выходят мероприятия, направленные на опережающий рост ожидаемой продолжительности здоровой жизни, что позволит пожилым людям дольше оставаться активными. В настоящее время реализация их ресурсного потенциала осложняется многими факторами, которые напрямую связаны с вопросами общественного благополучия. В этом контексте важную роль играет не только качество жизни (состояние здоровья, материальная обеспеченность), но и его субъективное восприятие, оказывающее влияние на мотивацию к участию в общественно полезной деятельности. Цель статьи заключается в разработке индекса благополучной старости пожилого населения на региональном уровне. В качестве информационной базы использованы материалы официальной статистики за 2019–2023 гг., в том числе микроданные выборочных обследований Росстата. В ходе апробации методики на материалах по всем субъектам РФ были выявлены лидеры и аутсайдеры рейтинга объективного и субъективного благополучия, определён вклад отдельных компонентов в формирование интегрального показателя и обозначены его ключевые тренды. В целом наиболее привлекательными для людей старшего возраста стали республики Татарстан и Мордовия, а наименее — Еврейская АО и Республика Хакасия. Позитивным моментом является повсеместное улучшение основных индексов, несмотря на последствия пандемии коронавируса COVID-19 и сложную геополитическую обстановку. Особое внимание уделено анализу согласованности между объективными и субъективными индикаторами, которые нередко демонстрируют полярность, что может указывать на наличие скрытых факторов, ограничивающих благополучие старшего поколения. Сделан вывод о возможности учёта результатов для развития системы мониторинга благополучия пожилого населения на региональном уровне.

Ключевые слова: благополучная старость, старшее поколение, старение, качество жизни, объективное благополучие, субъективное благополучие.

Введение

Демографическое старение является неоспоримым достижением современного общества, что выражается в увеличении средней продолжительности человеческой жизни в мире (с 51 года в 1960 г. до 72 лет в 2022 г.)¹, и одновременно с этим выступает серьёзным вызовом для социально-экономического развития в долгосрочной перспективе. Это касается не только нагрузки на трудоспособное население и эффективности системы пенсионного обеспечения [1; 2], но и создания условий для достойной старости. Все больше людей нуждаются в доступе к качественным медицинским и социальным услугам, гериатрической помощи; возможностях для активной жизнедеятельности, в том числе посредством сети Интернет; инклюзивной городской среде, адаптированной к возрастным особенностям. Благополучие пожилых людей имеет свою специфическую окраску, учёт которой критически важен при определении приоритетов государственной и корпоративной политики, поскольку впоследствии это позволит извлечь выгоду от более продолжительной и здоровой человеческой жизни [3].

В глобальной повестке вопросы благополучной старости находятся на острие внимания². Не является исключением и РФ, где с 2025 г. реализуется национальный проект «Продолжительная и активная жизнь»³, пришедший на смену нацпроекта «Старшее поколение»⁴ (2019–2024 гг.) и направленный на опережающий рост ожидаемого продолжительности здоровой жизни посредством проведения комплекса мероприятий: от строительства и ремонта учреждений

здравоохранения до решения проблемы дефицита врачей и профилактики неинфекционных заболеваний. В основе проводимой политики — стратегические ориентиры в отношении действий в интересах граждан старшего поколения⁵. На этом фоне растёт востребованность частных инициатив, которым отводится важное место в обновлении системы социального обслуживания пожилых и улучшении качества их жизни в целом [4]. Деятельность некоммерческих организаций, социальных предпринимателей, волонтерских объединений способствует восполнению институциональных пробелов и разработке инновационных подходов к осуществлению социального сопровождения.

В исследованиях делается акцент на том, что среди лиц старшего возраста достаточно много тех, кто может быть включён в общественно полезную деятельность [5; 6]. Причём речь идёт далеко не только о сохранении трудовой занятости, которая зачастую носит вынужденный характер [7; 8], а о куда более широком спектре форм социальной активности. Однако этому препятствует много барьеров, связанных с неудовлетворительным состоянием здоровья, социальной эксклюзией, неразвитостью инфраструктуры, эйджизмом, патерналистскими установками и так далее. Полный перечень факторов может быть весьма вариативен в зависимости от конкретных обстоятельств и условий внешней среды.

Для формирования общего представления о возможностях использования ресурсного потенциала пожилых людей необходимо понимание того, насколько благополучной является их жизнь. Попытки осуществить такую оценку в субъектах РФ не раз предпринимались как в академических, так и деловых кругах. Наиболее актуальные данные представлены платформой «Если быть точным», на которой опубликован рейтинг регионов за 2023 г. отно-

¹ Life expectancy at birth, total (years) // WorldBank. – URL: <https://data.worldbank.org/indicator/SP.DYN.LE00.IN> (дата обращения: 04.04.2025).

² UN Decade of Healthy Ageing: Plan of Action (2021–2030) // WHO. – URL: <https://cdn.who.int/media/docs/default-source/decade-of-healthy-ageing/decade-proposal-final-apr2020-en.pdf> (дата обращения: 04.04.2025).

³ Продолжительная и активная жизнь. – URL: <https://национальныепроекты.рф/new-projects/prodolzhitel'naya-i-aktivnaya-zhizn/> (дата обращения: 04.04.2025).

⁴ Старшее поколение. – URL: https://национальныепроекты.рф/projects/demografiya/starstee_pokolenie/ (дата обращения: 04.04.2025).

⁵ Распоряжение Правительства РФ от 05.02.2016 № 164-р «Об утверждении Стратегии действий в интересах граждан старшего поколения в Российской Федерации до 2025 года» // КонсультантПлюс. – URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_193464/ (дата обращения: 04.04.2025).

сительно того, где лучше всего живёт старшее поколение⁶. В научной литературе одни из последних опубликованных расчётов посвящены индексу активного долголетия за 2020 г. [9]. Эти и другие методики, несмотря на различия в формулировках и наборе индикаторов, имеют сходное смысловое наполнение. При этом полученные результаты могут существенно отличаться⁷, что обостряет вопрос обоснованности применения того или иного инструментария для отражения реальной ситуации с благополучием пожилого населения. Вопрос не столько дискуссионный, сколько риторический, поскольку в этой области сложно дать однозначный ответ, в том числе из-за субъективной природы затрагиваемых категорий.

Тем не менее, значимость развития подобных начинаний видится очевидной для выработки более точных, адресных и социально ориентированных управленческих решений. Цель настоящей статьи заключается в разработке индекса благополучной старости пожилого населения на региональном уровне. В ходе исследования мы намеренно оперируем к понятию «благополучие», которое характеризует многогранность условий и аспектов жизни, выходящих за рамки объективных показателей и отражающих субъективное восприятие реальности, что подчёркивает комплексность предложенного решения. Апробация методики осуществлялась на данных официальной статистики за 2019–2023 гг. по всем регионам России.

Материалы и методы

При построении интегрального индекса благополучной старости пожилого населения мы опирались на сложившийся академический дискурс в этой области. Отправ-

ной точкой в нашем исследовании стало обращение к категории «благополучие», которая характеризуется совокупностью объективных и субъективных показателей [10, с. 19; 11]. В первом случае они в основном отражают качество жизни (состояние здоровья, материальный достаток и другое) [12], а во втором — его субъективное восприятие (удовлетворённость, счастье и др.) [13, с. 61]. Учёт этих граней крайне важен при измерении благополучия, поскольку личностные оценки могут заметно отличаться от фактического положения вещей. В этой связи оно имеет яркую психологическую окраску и определяется индивидуальными и средовыми факторами [14]. При этом в зависимости от объекта исследования содержательное наполнение благополучной старости будет существенно меняться, что необходимо принимать во внимание. Так, например, для старшего поколения она описывает текущие условия жизнедеятельности, а для молодёжи — представления о далеком будущем и включает идеализированные ожидания и страхи.

Научная новизна авторского инструментария оценки благополучной старости пожилого населения заключается в обособленном рассмотрении её объективных и субъективных показателей, которые формируют интегральный индекс. Как правило, в признанных отечественных (в частности, российский индекс благополучия старшего поколения⁸) и зарубежных (Active Ageing Index⁹ или Global AgeWatch Index¹⁰) методиках происходит смешение признаков, имеющих неодинаковую природу, что затрудняет понимание различий между реальными условиями жизни и внутренним отношением к ней. Похожим образом обстоят дела в случае с фокусом на какой-либо одной группе индикаторов, чаще всего объективных, так как они дают возможность вы-

⁶ Как живёт старшее поколение в России // Если быть точным. — URL: <https://tochno.st/materials/kak-zivet-starseepokolenie-v-rossii-reiting-regionov-ot-esli-byt-tochnym> (дата обращения: 04.04.2025).

⁷ При сравнении обозначенных методик на данных за 2020 г. можно увидеть, что в расчётах платформы «Если быть точным» Чукотский АО занимает первую позицию, в то время как в работе Е.В.Васильевой — 82 место. Абсолютно зеркальным образом обстоят дела с Республикой Ингушетия.

⁸ Российский индекс благополучия старшего поколения. — URL: <https://dev.rewi.tpu.ru/> (дата обращения: 04.04.2025).

⁹ Active Ageing Index // European Commission. — URL: <https://composite-indicators.jrc.ec.europa.eu/explorer/indices/aai/active-ageing-index> (дата обращения: 04.04.2025).

¹⁰ Global AgeWatch // Global AgeWatch. — URL: <http://globalagewatch.org/> (дата обращения: 04.04.2025).

являть территориальные особенности из-за доступности информационной базы [9; 15].

Предлагаемый в работе подход позволяет отдельно оценить объективное и субъективное благополучие пожилого населения (рис. 1). Для этого используются показатели, представленные в официальной статистике и рассчитываемые на уровне субъектов, что являлось принципиальным моментом для обеспечения межрегиональных сопоставлений. Объективное благополучие состоит из компонентов здоровья, материального положения и равных возможностей. И если первые два относятся к числу общепотребимых и практически всегда присутствуют

в других методиках, то последний не получил широкого распространения. Однако в нашем понимании он занимает важное место в благополучной старости и отражает доступ к рынку труда (уровень безработицы среди людей старше 60 лет), Интернету (доля людей старше 60 лет, имеющих доступ к Интернету) и системе здравоохранения (доля людей старше 60 лет, которые проходили диспансеризацию в течение последних двух лет).

Обозначенные аспекты не являются исчерпывающимися и в условиях ограниченности данных затрагивают стороны жизнедеятельности, чувствительные для лиц

Объективное благополучие	Компонента здоровья
	- ожидаемая продолжительность жизни людей в возрасте 55 лет (<i>ЕМИСС</i>) - доля пенсионеров с пенсией по инвалидности (<i>Сборник «Социальное положение и уровень жизни населения России»</i>)
	Компонента материального положения
	- соотношение среднего размера назначенных пенсий с величиной прожиточного минимума пенсионера - доля пенсионеров с социальной пенсией (<i>Сборник «Социальное положение и уровень жизни населения России»</i>)
	Компонента равных возможностей
	- уровень безработицы среди людей старше 60 лет (<i>обследование рабочей силы</i>) - доля людей старше 60 лет, имеющих доступ к Интернету (<i>обследование ИКТ</i>) - доля людей старше 60 лет, которые проходили диспансеризацию в течение последних двух лет (<i>выборочное наблюдение состояния здоровья населения</i>)
Субъективное благополучие	Материальная компонента
	- оценка людьми старше 60 лет своего материального положения (<i>выборочное наблюдение состояния здоровья населения</i>)
	Физиологическая компонента
	- оценка людьми старше 60 лет состояния своего здоровья по пятибалльной шкале (<i>выборочное наблюдение состояния здоровья населения</i>)
	Эмоциональная компонента
- доля людей старше 60 лет, которые испытывают тревогу неопределённости будущего (<i>выборочное наблюдение состояния здоровья населения</i>)	
	Активная компонента
	- доля людей старше 60 лет, которые в основном бездельничают и «убивают» свободное время во время отдыха в повседневной жизни (<i>выборочное наблюдение состояния здоровья населения</i>)
	Социальная компонента
	- доля людей старше 60 лет, которые не испытывают трудности общения, понимания (<i>выборочное наблюдение состояния здоровья населения</i>)

Рис. 1. Компоненты индекса благополучной старости пожилого населения

Fig. 1. Components of the index of the elderly well-being

Источник: составлено автором.

старшего возраста. В исследовании он определён 60 годами и старше, согласно рекомендациям Всемирной организации здравоохранения¹¹. В свою очередь для измерения компонентов здоровья и материального положения применялся привычный для академической науки набор индикаторов. Сложнее обстоят дела с субъективным благополучием, включающим материальную, физиологическую, эмоциональную, активностную и социальную компоненты, выделение которых необходимо для оценки пожилым населением различных граней собственной жизни (от финансовой обеспеченности до возможности беспрепятственно взаимодействовать с окружающими людьми) [14]. Их вариативность связана с доступностью информационной базы, хотя может иметь под собой концептуальное обоснование, в частности, когда делается акцент на каком-то одном или нескольких обобщающих показателях по типу удовлетворённости жизнью или ощущении счастья [16; 17]. В рамках нашего исследования мы придерживаемся более широкого подхода, который предполагает учёт отдельных структурных элементов [18; 19], характеризующих относительно устойчивые аспекты субъективного благополучия. Оценка каждого из компонентов осуществлялась посредством одного индикатора, отобранного на основании расчёта на пожилое население, что фактически означало наличие микроданных, и ежегодной представленности в региональной статистике не позднее 2020 г. для проведения замеров до / после нарастания глобальной нестабильности.

Все показатели прошли проверку на мультиколлинеарность и нормализовались методом мин-макс с использованием данных за весь период наблюдения (2019–2023 гг.). Индекс объективного благополучия формировался путём нахождения среднего арифметического из трёх предложенных компонентов, расчёт которых происходил аналогичным образом, а индекс субъективного благополучия — напрямую из частных характеристик (поскольку все

пять компонентов включают по одному показателю дополнительная свёртка не требуется). В свою очередь интегральный индекс благополучной старости пожилого населения рассчитывался как среднее арифметическое из индексов объективного и субъективного благополучия.

Результаты исследования

Индекс объективного благополучия старшего поколения. Согласно полученным результатам, наибольшие значения показателя объективного благополучия старшего поколения отмечаются в Республике Татарстан, Ханты-Мансийском и Ямало-Ненецком автономных округах (табл. 1). Весьма ощутимый отрыв первого места подчёркивает выигрышное положение татарстанских пожилых перед жителями других субъектов все последние годы. Среди десяти регионов-лидеров большинство (4) относятся к Приволжскому федеральному округу (ФО). В этом списке не оказалось представителей ФО Северо-Кавказского, Сибирского и Дальневосточного. В разрезе отдельных компонентов благополучия лучше всего обстояли дела в Москве (здоровье), Белгородской области (материальное положение) и Чукотском АО (равные возможности).

В число аутсайдеров рейтинга объективного благополучия старшего поколения вошли, прежде всего, республики Северного Кавказа (Ингушетия, Чеченская, Дагестан и Карачаево-Черкесская) и регионы Дальнего Востока (Еврейская АО, Забайкальский край и Амурская область). В основном это обусловлено относительно низкими значениями частных индексов здоровья¹² и материального положения, хотя общее отставание от группы-лидеров более чем существенное. В ракурсе отдельных компонентов благополучия в худшую сторону заметнее всего отличаются республики Чеченская (здоровье)

¹² При этом более детальное изучение компоненты здоровья показывает, что в республиках Северного Кавказа наименее благоприятная ситуация связана с инвалидизацией пожилого населения, тогда как в регионах Дальнего Востока — с ожидаемой продолжительностью жизни. Подобные различия подчёркивают важность углублённого анализа индексов благополучия старшего поколения при рассмотрении данных на уровне отдельных субъектов РФ.

¹¹ Всемирный доклад о старении и здоровье // WHO. — URL: https://iris.who.int/bitstream/handle/10665/186468/WHO_FWC_ALC_15.01_rus.pdf (дата обращения: 04.04.2025).

Таблица 1

Регионы с высоким и низким индексом объективного благополучия старшего поколения, 2023 год

Table 1

Regions with high and low objective index of the elderly well-being, 2023

Регион	Индекс объективного благополучия старшего поколения	Ранг региона по отдельным компонентам индекса объективного благополучия старшего поколения		
		компонент здоровья	компонент материального положения	компонент равных возможностей
Регионы-лидеры				
Республика Татарстан	0,829	9	2	2
Ханты-Мансийский АО – Югра	0,798	2	14	7
Ямало-Ненецкий АО	0,788	3	51	3
Волгоградская область	0,771	20	3	9
Республика Мордовия	0,764	16	16	5
Санкт-Петербург	0,763	4	17	32
Белгородская область	0,750	53	1	33
Чувашская Республика	0,746	15	10	25
Республика Башкортостан	0,736	11	48	8
Рязанская область	0,735	46	7	16
Регионы-аутсайдеры				
Карачаево-Черкесская Республика	0,582	79	73	52
Амурская область	0,576	80	75	43
Республика Алтай	0,572	73	80	18
Забайкальский край	0,569	82	78	13
Ненецкий АО	0,533	45	74	85
Республика Дагестан	0,522	81	81	50
Республика Тыва	0,520	83	83	11
Еврейская АО	0,508	78	82	73
Чеченская Республика	0,428	85	84	4
Республика Ингушетия	0,395	84	85	72

Источник: рассчитано автором на основе данных Росстата.

и Ингушетия (материальное положение), а также Ненецкий АО (равные возможности).

Динамика индекса объективного благополучия в 2019–2023 гг. свидетельствует о позитивных изменениях во всех ФО, за исключением Северо-Кавказского, где некоторое снижение значений показателя произошло из-за ухудшения материального положения пожилых людей (табл. 2). Такая тенденция наблюдается практически повсеместно, что подчёркивает сложность нынешней обстановки в России, однако в других макрорегионах определяющую роль сыграло ярко выраженное улучшение компоненты равных возможностей

при куда более умеренном росте компоненты здоровья. В результате в лидерах по абсолютному отклонению индекса объективного благополучия старшего поколения оказались Дальневосточный и Уральский ФО, что, в том числе, объясняется эффектом низкой базы.

Индекс субъективного благополучия старшего поколения. Личностное восприятие пожилыми людьми собственного благополучия коренным образом отличается от того, что было получено при оценке объективных показателей. Так, лидерами текущего рейтинга являются регионы, которые одновременно с этим находятся на по-

Таблица 2

Изменение индекса объективного благополучия старшего поколения в разрезе федеральных округов, 2019-2023 годы

Table 2

Changes in the objective index of the elderly well-being by Federal district, 2019-2023

Федеральный округ	Изменение индекса объективного благополучия старшего поколения	Изменение компонентов индекса объективного благополучия старшего поколения		
		компонент здоровья	компонент материального положения	компонент равных возможностей
Дальневосточный	+0,032	+0,034	-0,101	+0,163
Уральский	+0,032	+0,037	-0,094	+0,154
Приволжский	+0,023	+0,016	-0,088	+0,140
Южный	+0,023	+0,023	-0,102	+0,147
Центральный	+0,021	+0,017	-0,079	+0,124
Сибирский	+0,019	+0,020	-0,095	+0,132
Северо-Западный	+0,016	+0,015	-0,063	+0,096
Северо-Кавказский	-0,005	+0,017	-0,129	+0,096

Примечание: расчёт средних значений по федеральным округам осуществлялся без учёта весовых коэффициентов.

Источник: рассчитано автором на основе данных Росстата.

следних строчках по индексу объективного благополучия старшего поколения — это республики Ингушетия и Чеченская, а также Ненецкий АО (табл. 3). Причём за рядом исключений в динамике с 2019 г. ситуация не претерпевает серьёзных изменений. Более того, на конец рассматриваемого периода ингушские жители демонстрируют уникальный оптимизм, что находит отражение в самых высоких значениях индексов материальной, физиологической, эмоциональной и активностной составляющих субъективного благополучия. Последняя, социальная компонента сильнее всего развита в Чукотском АО, где отмечается наименьшая доля лиц старше 60 лет, испытывающих трудности общения и понимания.

Несмотря на то, что Сахалинская область занимает худшие позиции по индексу субъективного благополучия старшего поколения, наиболее проблемная ситуация наблюдается в Центральном ФО, включающем пять регионов-аутсайдеров: Орловская, Липецкая, Тульская, Калужская и Ивановская области. Выделить один или несколько компонентов здесь не выйдет, поскольку в большинстве своём они имеют схожие ранговые значения. К числу антилидеров по частным индексам можно отнести Ка-

бардино-Балкарскую Республику (материальная компонента), Калужскую область (физиологическая), Севастополь (эмоциональная), Республику Хакасию (активностная) и Москву (социальная).

В период 2019–2023 гг. индекс субъективного благополучия пожилого населения демонстрировал положительную динамику во всех федеральных округах, однако характер и масштабы изменений заметно варьировались (табл. 4). Лидирующие позиции занял Северо-Кавказский ФО, где зафиксирован наиболее выраженный прирост показателя, обусловленный значительным вкладом физиологической и материальной составляющих. Существенный рост индекса субъективного благополучия наблюдался также в Приволжском и Сибирском ФО. При этом, помимо улучшения названных компонентов, ситуация с оставшимися выглядит менее определён-но, что характерно и для других федеральных округов. Так, оценки старшего поколения своего эмоционального состояния и активности являются основными факторами, сдерживающими общий рост благополучия. В этом отношении наименьшие позитивные изменения отмечались в Центральном и Южном ФО.

Таблица 3

Регионы с высоким и низким индексом субъективного благополучия старшего поколения, 2023 год

Table 3

Regions with high and low subjective index of the elderly well-being, 2023

Регион	Индекс субъективного благополучия старшего поколения	Ранг региона по отдельным компонентам индекса субъективного благополучия старшего поколения				
		материальная компонента	физиологическая компонента	эмоциональная компонента	активная компонента	социальная компонента
Регионы-лидеры						
Республика Ингушетия	0,907	1	1	1	1	43
Чеченская Республика	0,822	2	2	15	10	6
Ненецкий АО	0,802	8	6	н/д	2	4
Чукотский АО	0,778	4	9	н/д	н/д	1
Магаданская область	0,715	10	20	2	59	2
Республика Мордовия	0,714	5	3	43	3	37
Республика Татарстан	0,664	7	8	9	37	23
Смоленская область	0,651	47	20	4	13	3
Республика Саха	0,647	12	16	5	13	36
Удмуртская Республика	0,620	6	10	48	25	29
Регионы-аутсайдеры						
Вологодская область	0,429	31	80	62	73	63
Еврейская АО	0,419	51	77	21	79	75
Иркутская область	0,415	74	56	52	66	78
Орловская область	0,411	67	70	81	70	38
Липецкая область	0,407	69	81	30	83	53
Тульская область	0,379	70	81	66	71	74
Республика Хакасия	0,370	81	70	79	84	16
Калужская область	0,365	84	85	82	71	30
Ивановская область	0,344	65	73	68	80	83
Сахалинская область	0,326	82	77	64	82	81

Источник: рассчитано автором на основе данных Росстата.

Интегральный индекс благополучной старости пожилого населения. В конечном счёте получается так, что обобщающая характеристика благополучия формируется из объективных и субъективных показателей, которые нередко имеют полярные значения (табл. 5). Такая рассогласованность представляет простор для дальнейших исследований, поскольку даёт возможность выявить неочевидные взаимосвязи между фактическими условиями жизни и их личностным восприятием (в частности, это позволяет анализировать механизмы адаптации и компенсации, посредством кото-

рых индивиды оценивают своё благополучие в условиях ограниченных ресурсов, где немаловажная роль отводится социокультурным факторам и индивидуальным ожиданиям). При первом приближении можно увидеть, что среди регионов-лидеров по интегральному индексу благополучной старости пожилого населения преобладают случаи, когда обе стороны уравниваются друг друга. В частности, это касается первых двух мест в рейтинге — республики Татарстан и Мордовия. Далее идут Чукотский АО и Магаданская область, где объективные оценки заметно уступают субъективным.

Таблица 4

Изменение индекса субъективного благополучия старшего поколения в разрезе федеральных округов, 2019–2023 гг.

Table 4

Changes in the subjective index of the elderly well-being by Federal district, 2019–2023

Федеральный округ	Изменение индекса субъективного благополучия старшего поколения	Изменение компонентов индекса субъективного благополучия старшего поколения				
		материальная компонента	физиологическая компонента	эмоциональная компонента	активная компонента	социальная компонента
Северо-Кавказский	+0,156	+0,247	+0,280	+0,002	+0,081	+0,171
Приволжский	+0,099	+0,277	+0,182	-0,062	-0,003	+0,104
Сибирский	+0,092	+0,245	+0,110	-0,060	+0,041	+0,123
Дальневосточный	+0,075	+0,190	+0,103	-0,002	-0,125	+0,157
Уральский	+0,058	+0,218	+0,179	-0,107	+0,017	-0,017
Северо-Западный	+0,057	+0,170	+0,125	-0,121	-0,020	+0,059
Центральный	+0,054	+0,097	+0,134	-0,073	-0,007	+0,118
Южный	+0,052	+0,071	+0,177	-0,135	+0,029	+0,118

Примечание: расчёт средних значений по федеральным округам осуществлялся без учёта весовых коэффициентов.

Источник: рассчитано автором на основе данных Росстата.

Самым ярким примером здесь является Ненецкий АО, который занимает 9-е итоговое место при 80-м и 3-м промежуточных соответственно. В целом верхние позиции рейтинга в большей степени представлены субъектами Приволжского ФО.

Наименее благоприятная ситуация с пожилыми людьми наблюдается в Еврейской АО и Республике Хакасия. При этом их отставание от регионов-лидеров не настолько велико, как в предыдущих примерах, что внушает оптимизм относительно возможности улучшения ситуации в будущем. В этом плане повышенное внимание следует уделять территориям Дальнего Востока, находящимся в особенно уязвимом положении (за рядом исключений). В общей сложности в 2019–2023 гг. только 14 субъектов РФ продемонстрировали отрицательную динамику интегрального индекса благополучной старости пожилого населения (рис. 2). Тройка антилидеров — Калужская и Ивановская области, Камчатский край. 59 регионов отличаются умеренным ростом значений показателя, а в 12 — отмечаются наибольшие позитивные изменения. Прежде всего, это Чеченская Республика и Магаданская область, которые ранее занима-

ли аутсайдерские позиции. Выделяется Республика Мордовия, удерживающая высокие места с момента начала измерений.

Разделение субъектов РФ по уровню развития интегрального индекса благополучной старости пожилого населения свидетельствует о том, что в 2023 г. большинство из них (51) занимало срединные позиции. В полярных группах с низкими и высокими значениями показателя расположились 22 и 12 регионов соответственно. И если к первой группе в основном относятся территории Центральной и Южной частей Европейской России, а также Южной Сибири и Дальнего Востока, то вторая группа — это Приволжский и Дальневосточный ФО, хотя и не только они. Подобная широта и специфика пространственного распределения регионов усиливает актуальность проблемы обеспечения достойной старости.

Заключение

Проведённое исследование представляет собой шаги на пути к комплексному анализу благополучия пожилых людей и выявлению его ключевых детерминант, что в дальнейшем послужит фундаментом для

Таблица 5

**Регионы с высоким и низким интегральным индексом
благополучной старости пожилого населения, 2023 год**

Table 5

Regions with high and low integral index of the elderly well-being, 2023

Регион	Интегральный индекс благополучной старости	Ранги региона по индексу	
		объективного благополучия	субъективного благополучия
Регионы-лидеры			
Республика Татарстан	0,747	1	7
Республика Мордовия	0,739	5	6
Чукотский автономный округ	0,719	50	4
Магаданская область	0,684	54	5
Ханты-Мансийский АО – Югра	0,681	2	22
Тюменская область	0,675	11	11
Удмуртская Республика	0,675	13	10
Оренбургская область	0,670	12	13
Ненецкий АО	0,668	80	3
Рязанская область	0,656	10	19
Регионы-аутсайдеры			
Приморский край	0,537	71	72
Республика Калмыкия	0,532	69	75
Иркутская область	0,530	63	78
Карачаево-Черкесская Республика	0,522	76	67
Амурская область	0,519	77	66
Сахалинская область	0,517	25	85
Ивановская область	0,509	45	84
Калужская область	0,505	62	83
Республика Хакасия	0,501	68	82
Еврейская АО	0,463	83	77

Источник: рассчитано автором на основе данных Росстата.

обоснования перспективных направлений корректировки государственной политики. На сегодняшний день в этой области существует немало решений, которые вышли за рамки академического дискурса и являются предметом обсуждения в обществе. Всё это не отменяет важности продолжения научных изысканий по совершенствованию имеющихся методических разработок, в том числе с учётом возникновения новых источников информации, расширяющих возможности для более детального раскрытия особенностей положения старшего поколения. Кроме того, необходимо принимать во внимание и быстро меняющиеся средовые условия. В частности, отсутствие досту-

па к сети Интернет может служить серьёзным барьером, препятствующим полноценной жизнедеятельности.

Таким образом, нами предложен оригинальный подход к оценке благополучной старости пожилого населения, предполагающий обособленное рассмотрение качества жизни (объективное благополучие) и его субъективное восприятие (субъективное благополучие) на основе расчёта соответствующих индексов, которые затем формируют интегральный показатель. Апробация инструментария осуществлялась на материалах официальной статистики за 2019–2023 гг. по всем субъектам РФ. Полученные данные позволили выявить

Изменение (Δ) интегрального индекса в разрезе субъектов РФ, 2019-2023 гг.

Группировка субъектов РФ по значению интегрального индекса, 2023 г.

Рис. 2. Изменение и уровни развития интегрального индекса благополучной старости пожилого населения в разрезе субъектов РФ

Fig. 2. Changes and development levels of the integral index the of elderly well-being across the regions of Russia

Источник: составлено автором.

лидеров и аутсайдеров рейтинга, определить вклад отдельных компонентов в общее благополучие, проследить за динамикой его изменения.

В работе сделан акцент на согласованности объективных и субъективных компонен-

тов, которые нередко демонстрируют полярные значения, что может указывать на наличие скрытых факторов, оказывающих влияние на благополучие старшего поколения. Именно это обстоятельство подтверждает принципиальную значимость субъективных

индикаторов в структуре оценки благополучной старости и обосновывает необходимость их включения в интегральный показатель. Проведённое сопоставление на данных за 2023 г. с одной из наиболее релевантных прикладных методик, реализуемых на платформе «Если быть точным», показало, что интегральные оценки демонстрируют слабую корреляционную связь (0,17), тогда как

объективная составляющая предложенного нами индекса характеризуется существенно более высокой степенью согласованности (0,51), несмотря на существенные различия в расчётах. Исходя из этого, результаты исследования подчёркивают актуальность авторского подхода для развития системы мониторинга благополучия пожилых людей на региональном уровне.

Литература и Интернет-источники

1. **Доброхлеб, В.Г.** Когда общество становится старше / В.Г. Доброхлеб // Вестник РАН. — 2021. — Т. 91. — № 9. — С. 889–895. DOI: 10.31857/S0869587321090036; EDN: CJK1HK
2. **Попова, Л.А.** Демографические аспекты постарения населения России в соответствии с новым экономическим порогом старости / Л.А. Попова, Е.Н. Зорина // Регион: Экономика и Социология. — 2024. — № 2(122). — С. 81–104. DOI: 10.15372/REG20240204; EDN: UXEMTD
3. **Bloom, D.E.** Global Population Aging: Facts, Challenges, Solutions & Perspectives / D.E. Bloom, D. Canning, A. Lubet // Daedalus. — 2015. — Vol. 144. — No. 2. — P. 80–92. DOI: 10.1162/DAED_a_00532
4. **Григорьева, И.А.** Социальное обслуживание пожилых: реализация Федерального закона № 442 и дальнейшие перспективы / И.А. Григорьева, И.Л. Сизова, А.Ю. Москвина // Мониторинг общественного мнения: Экономические и социальные перемены. — 2019. — № 4. — С. 153–172. DOI: 10.14515/monitoring.2019.4.08; EDN: QXJ0VU
5. **Григорьева, И.А.** Трансформация социальной политики в России в контексте старения населения / И.А. Григорьева, Ю.В. Уханова, Е.О. Смолева // Экономические и социальные перемены: факты, тенденции, прогноз. — 2019. — Т. 12. — № 5. — С. 124–140. DOI: 10.15838/esc.2019.5.65.8; EDN: PYIKCN
6. **Барсуков, В.Н.** Последствия демографического старения и ресурсный потенциал населения «третьего» возраста / В.Н. Барсуков, Е.А. Россошанская // Проблемы развития территории. — 2017. — № 3 (89). — С. 92–108. EDN: YPATKB
7. **Шахматова, Н.В.** Работающие пенсионеры в России и регионе: тенденции и проблемы / Н.В. Шахматова // Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: Социология. Политология. — 2021. — Т. 21. — № 4. — С. 413–420. DOI: 10.18500/1818-9601-2021-21-4-413-420; EDN: SFFOKO
8. **Маркеева, А.В.** Продолжение работы на пенсии: взгляд российских пенсионеров / А.В. Маркеева // Общество: социология, психология, педагогика. — 2022. — № 4. — С. 32–38. DOI: 10.24158/spp.2022.4.4; EDN: APRUZJ
9. **Васильева, Е.В.** Индекс активного долголетия в регионах России: альтернативный подход / Е.В. Васильева // Народонаселение. — 2022. — Т. 25. — № 3. — С. 128–143. DOI: 10.19181/population.2022.25.3.10; EDN: UMOKEF
10. **Павлова, И.А.** Интегральные индексы как комплексные способы оценки благополучия старшего поколения / И.А. Павлова, И.В. Гуменников, Е.А. Монастырный, [и др.]. — Томск : СТТ, 2017. — 286 с. EDN: YRKYAB
11. **Voukelatou, V.** Measuring objective and subjective well-being: dimensions and data sources / V. Voukelatou, L. Gabrielli, I. Miliou, [et al.] // International Journal of Data Science and Analytics. — 2021. — Vol. 11. — P. 279–309. DOI: 10.1007/s41060-020-00224-2
12. **Леонтьев, Д.А.** Качество жизни и благополучие: объективные, субъективные и субъектные аспекты / Д.А. Леонтьев // Психологический журнал. — 2020. — Т. 41. — № 6. — С. 86–95. DOI: 10.31857/S020595920012592-7; EDN: MCILBM

13. **Зеликова, Ю.А.** Субъективное благополучие пожилых людей (кросс-национальный анализ) / Ю.А. Зеликова // Социологические исследования. — 2014. — № 11. — С. 60–69. EDN: TCWERP
14. **Белехова, Г.В.** Благополучная старость: от научных теорий к основам ее программирования / Г.В. Белехова, Л.Н. Нацун, Т.С. Соловьева // Экономические и социальные перемены: факты, тенденции, прогноз. — 2024. — Т. 17. — № 2. — С. 220–238. DOI: 10.15838 / esc.2024.2.92.12; EDN: WTHBLB
15. **Липатова, Л.Н.** Методологические подходы к оценке качества жизни пожилых людей в России / Л.Н. Липатова // Вопросы статистики. — 2024. — Т. 31. — № 1. — С. 55–71. DOI: 10.34023 / 2313-6383-2024-31-1-55-71; EDN: SGRSKN
16. **Veenhoven, R.** Subjective Measures of Well-being / R. Veenhoven // Human Well-Being. Studies in Development Economics and Policy / ed. M. McGillivray. — London : Palgrave Macmillan, 2007. — P. 214–239. DOI: 10.1057 / 9780230625600_9
17. **Скачкова, Л.С.** Индексы субъективного благополучия в оценке уровня счастья россиян / Л.С. Скачкова, О.Я. Герасимова, Д.Д. Кривошеева-Медянцева // Управленец. — 2024. — Т. 15. — № 5. — С. 2–21. DOI: 10.29141 / 2218-5003-2024-15-5-1; EDN: EHXJRI
18. **Cummins, R.A.** Developing a National Index of Subjective Wellbeing: The Australian Unity Wellbeing Index / R.A. Cummins, R. Eckersley, J. Pallant, [и др.] // Social Indicators Research. — 2003. — Vol. 64. — P. 159–190. DOI: 10.1023 / A:1024704320683
19. **Татарова, Г.Г.** Показатели субъективного благополучия как типобразующие признаки / Г.Г. Татарова, А.В. Кученкова // Социологические исследования. — 2016. — № 10. — С. 21–32. EDN: NSAODB

Информация об авторе:

Попов Андрей Васильевич, к.э.н., ведущий научный сотрудник, Вологодский научный центр РАН, Вологда, Россия.

Контактная информация: e-mail: ai.popov@yahoo.com; ORCID: 0000-0002-4803-1354; РИНЦ SPIN-код: 7650-7779.

DOI: 10.24412/1561-7785-2026-1-95-109

INDEX OF THE ELDERLY WELL-BEING IN THE REGIONS OF RUSSIA: OBJECTIVE, SUBJECTIVE AND INTEGRAL ASSESSMENT

Andrei V. Popov

*Vologda Research Center RAS
(56A Gorky Str., Vologda, Russia, 160014)*

E-mail: ai.popov@yahoo.com

Funding:

The reported study was funded by RSF within the scientific project No. 23-78-10128, URL: <https://rscf.ru/project/23-78-10128/>.

For citation:

Popov A. V. Index of the elderly well-being in the regions of Russia: subjective, objective and integral assessment. *Narodonaselenie [Population]*. 2026. Vol. 29. No. 1. P. 95-109. DOI: 10.24412/1561-7785-2026-1-95-109 (in Russ.)

Abstract. *In the context of population aging, increasing attention is being paid to initiatives aimed at the proactive growth of healthy life expectancy, which would enable older people to remain active for longer. At present, realization of their resource potential is complicated by a range of factors*

directly linked to the issues of societal well-being. In this connection, not only the quality of life (health state, material security, etc.) plays a crucial role, but also its subjective perception, which influences motivation for participation in socially useful activities. The aim of this article is to develop a regional-level index of the elderly population well-being. The study is based on official statistical data for 2019–2023, including micro-data from Rosstat's sample surveys. During the approbation of the methodology using data from all regions of the Russian Federation, the research identified leading and lagging regions in terms of both objective and subjective well-being, assessed contribution of separate components to the integrated indicator, and outlined key trends. In general, the Republics of Tatarstan and Mordovia are the most favorable regions for the elderly, while the Jewish Autonomous Oblast and the Khakassia Republic showed the lowest scores. Positive finding is a widespread improvement of main indices, despite the destructive effects of the COVID-19 pandemic and the complex geopolitical situation. Particular attention is given to the consistency between objective and subjective indicators, which often shows a high degree of divergence, potentially pointing to hidden factors limiting the well-being of older people. The study is concluded with recommendations on how the findings can contribute to development of regional systems of the elderly well-being monitoring.

Keywords: prosperous old age, older generation, aging, quality of life, objective well-being, subjective well-being.

References and Internet sources

1. Dobrokhleb V.G. Kogda obshchestvo stanovitsya starshe [When society becomes older]. Vestnik Rossiiskoj Akademii Nauk [*Herald of the Russian Academy of Sciences*]. 2021. Vol. 91. No. 9. P. 889–895. DOI: 10.31857/S0869587321090036 (in Russ.)
2. Popova L. A., Zorina Ye. N. Demograficheskiye aspekty postareniya naseleniya Rossii v sootvetstvii s novym ekonomicheskim porogom starosti [Demographic aspects of population aging in Russia according to the new economic criterion of old age]. Region: Ekonomika i Sotsiologiya [Region: Economics and Sociology]. 2024. No. 2(122). P. 81–104. DOI: 10.15372/REG20240204 (in Russ.)
3. Bloom D. E., Canning D., Lubet A. Global population aging: facts, challenges, solutions and perspectives. *Daedalus*. 2015. Vol. 144. No. 2. P. 80–92. DOI: 10.1162/DAED_a_00332
4. Grigoryeva I. A., Sizova I. L., Moskvina A. Yu. Sotsial'noye obsluzhivaniye pozhilykh: realizatsiya Federal'nogo zakona № 442 i dal'neyshiyey perspektivy [Social services for the elderly: implementation of the Federal Law No. 442 and future prospects]. Monitoring obshchestvennogo mneniya: Ekonomicheskije i sotsial'nyje peremeny [Monitoring of Public Opinion: Economic and Social Changes]. 2019. No. 4. P. 153–172. DOI: 10.14515/monitoring.2019.4.08 (in Russ.)
5. Grigoryeva I. A., Ukhanova Yu. V., Smoleva E. O. Transformatsiya sotsial'noy politiki v Rossii v kontekste stareniya naseleniya [Transformation of social policy in Russia in the context of population ageing]. Ekonomicheskije i sotsial'nyje peremeny: fakty, tendentsii, prognoz [Economic and Social Changes: Facts, Trends, Forecast]. 2019. Vol. 12. No. 5. P. 124–140. DOI: 10.15838/esc.2019.5.65.8 (in Russ.)
6. Barsukov V. N., Rossoshanskaya E. A. Posledstviya demograficheskogo stareniya i resursnyy potentsial naseleniya «tret'yego» vozrasta [The consequences of demographic ageing and the resource potential of the population of the «third» age]. Problemy razvitiya territorii [Problems of Territory's Development]. 2017. No. 3(89). P. 92–108. (in Russ.)
7. Shakhmatova N. V. Rabotayushchiye pensionery v Rossii i regione: tendentsii i problemy [Working pensioners in Russia and the region: trends and problems]. Izvestiya Saratovskogo universiteta. Novaya seriya. Seriya: Sotsiologiya. Politologiya [Izvestiya of Saratov University. Sociology. Politology]. 2021. Vol. 21. No. 4. P. 413–420. DOI: 10.18500/1818-9601-2021-21-4-413-420 (in Russ.)
8. Markeeva A. V. Prodolzheniye raboty na pensii: vzglyad rossiyskikh pensionerov [Continuation of work on retirement: the view of Russian pensioners]. Obshchestvo: sotsiologiya, psikhologiya, pedagogika [Society: Sociology, Psychology, Pedagogics]. 2022. No. 4. P. 32–38. DOI: 10.24158/spp.2022.4.4 (in Russ.)

9. Vasilyeva E. V. Integral'nyye indeksy kak kompleksnyye sposoby otsenki blagopoluchiya starshego pokoleniya [Active Ageing Index of Russian regions: alternative approach]. *Narodonaselenie [Population]*. 2022. Vol. 25. No. 3. P. 128–143. DOI: 10.19181/population.2022.25.3.10 (in Russ.)
10. Integral'nyye indeksy kak kompleksnyye sposoby otsenki blagopoluchija starshego pokolenija [*Integral Indices as Complex Methods for Assessing the Well-Being of the Older Generation*]. Ed. G. A. Barysheva. Tomsk. 2017. 286 p. (in Russ.)
11. Voukelatou V., Gabrielli I., Miliou I., et al. Measuring objective and subjective well-being: dimensions and data sources. *International Journal of Data Science and Analytics*. 2021. No. 11. P. 279–309. DOI: 10.1007/s41060-020-00224-2
12. Leontiev D. A. Kachestvo zhizni i blagopoluchiye: ob'yektivnyye, sub'yektivnyye i sub'yektnyye aspekty [Quality of life and well-being: objective, subjective and agentic aspects]. *Psikhologicheskij zhurnal [Psychological Journal]*. 2020. Vol. 41. No. 6. P. 86–95. DOI: 10.31857/S020595920012592-7 (in Russ.)
13. Zelikova Yu. A. Sub'yektivnoye blagopoluchiye pozhilykh lyudey (kross-natsional'nyy analiz) [Successful ageing or when age is joy. Subjective well-being of seniors: a crossnational analysis]. *Sotsiologicheskije issledovaniya [Sociological Studies]*. 2014. No. 11. P. 60–69. (in Russ.)
14. Belekova G.V., Natsun L.N., Solov'eva T.S. Blagopoluchnaya starost': ot nauchnykh teoriy k osnovam yeye programmirovaniya [Prosperous old age: From scientific theories to the fundamentals of its programming]. *Ekonomicheskije i sotsial'nyye peremeny: fakty, tendentsii, prognoz [Economic and Social Changes: Facts, Trends, Forecast]*. 2024. Vol. 17. No. 2. P. 220–238. DOI: 10.15838/esc.2024.2.92.12 (in Russ.)
15. Lipatova L.N. Metodologicheskije podkhody k otsenke kachestva zhizni pozhilykh lyudey v Rossii [Methodological approaches to assessing the quality of life of older people in Russia]. *Voprosy statistiki [Statistical Issues]*. 2024. Vol. 31. No. 1. P. 55–71. DOI: 10.34023/2313-6383-2024-31-1-55-71 (in Russ.)
16. Veenhoven R. Subjective measures of well-being. *Human Well-Being. Studies in Development Economics and Policy*. Ed. M. McGillivray. London. Palgrave MacMillan. 2007. P. 214–239. DOI: 10.1057/9780230625600_9
17. Skachkova L.S., Gerasimova O.Ya., Krivosheeva-Medyantseva D. D. Indeksy sub'yektivnogo blagopoluchiya v otsenke urovnya schast'ya rossiyan [Subjective well-being indices in assessing happiness in Russia]. *Upravlenets [The Manager]*. 2024. Vol. 15. No. 5. P. 2–21. DOI: 10.29141/2218-5003-2024-15-5-1 (in Russ.)
18. Cummins R.A., Eckersley R., Pallant J., et al. Developing a national index of subjective wellbeing: the Australian Unity Wellbeing Index. *Social Indicators Research*. 2003. No. 64. P. 159–190. DOI: 10.1023/A:1024704320683
19. Tatarova G.G., Kuchenkova A.V. Pokazateli sub'yektivnogo blagopoluchiya kak tipobrazuyushchiye priznaki [Indicators of subjective well-being as characteristics for typology building]. *Sotsiologicheskije issledovaniya [Sociological Studies]*. 2016. No. 10. P. 21–32. (in Russ.)

Information about the authors:

Popov Andrei Vasilevich, Candidate of Economics, Leading Researcher, Vologda Research Center RAS, Vologda, Russia.

Contact information: e-mail: ai.popov@yahoo.com; ORCID: 0000-0002-4803-1354; Elibrary SPIN-code: 7650-7779.

Статья получена редакцией 16.04.2025, утверждена 16.02.2026, опубликована 31.03.2026.

DOI: 10.24412/1561-7785-2026-1-110-123
EDN: FMZTFN

ПРАКТИКИ И ИНСТРУМЕНТЫ ЗАБОТЫ О ПОЖИЛЫХ СО СТОРОНЫ НКО И ЧАСТНОГО БИЗНЕСА В КОНТЕКСТЕ ОБЕСПЕЧЕНИЯ БЛАГОПОЛУЧНОЙ СТАРОСТИ

Белехова Г. В.*, Соловьева Т. С., Нацун Л. Н.

Вологодский научный центр РАН
(160014, Россия, Вологда, ул. Горького, 56А)

*E-mail: belek-galina@yandex.ru

Финансирование:

Исследование выполнено за счёт гранта РФФИ (проект № 23-78-10128). – URL: <https://rscf.ru/project/23-78-10128/>.

Для цитирования:

Белехова Г.В., Соловьева Т.С., Нацун Л.Н. Практики и инструменты заботы о пожилых со стороны НКО и частного бизнеса в контексте обеспечения благополучной старости // Народонаселение. – 2026. – Т. 29. – № 1. – С. 110-123. DOI: 10.24412 / 1561-7785-2026-1-110-123; EDN: FMZTFN

Аннотация. Вопросы ухода за пожилыми людьми, их интеграции в социальную жизнь и обеспечения достойного качества жизни требуют комплексного подхода. Важную роль в этом процессе играют некоммерческие организации (НКО) и частный бизнес, разрабатывающие и реализующие различные практики и инструменты улучшения условий жизни пожилых людей. Исследование направлено на систематизацию успешных практик заботы о людях старшего возраста и выявление ключевых барьеров эффективной реализации инициатив НКО и частного бизнеса в интересах пожилых. Проведён сравнительный анализ проектов некоммерческих организаций, социально ответственных предприятий и частных компаний, разрабатывающих продукты «серебряной экономики». Результаты исследования показали, что практики НКО и частного бизнеса в России играют комплементарную роль в обеспечении благополучной старости населения. Среди них выделяются такие направления, как оказание социальных услуг и медицинского ухода, использование технологий для обеспечения комфорта и безопасности проживания, организация досуга, обучение навыкам цифровой грамотности, поддержание психического здоровья. Показано, что некоммерческий сектор, обладая гибкостью и ориентацией на уязвимые группы населения, восполняет пробелы государственной системы, тогда как бизнес привносит инновации и рыночные механизмы. Обосновано, что успешная реализация инициатив зачастую требует межсекторального сотрудничества и государственной поддержки. Представленные практики могут служить основой для разработки и совершенствования программ, направленных на повышение качества жизни старшего поколения. Дальнейшее исследование позволит углубить понимание механизмов взаимодействия различных секторов общества в решении проблем старения населения.

Ключевые слова: пожилое население, активное долголетие, некоммерческие организации, частный бизнес, благополучная старость.

Введение

Внимание исследователей к практикам и инструментам поддержки пожилых со стороны некоммерческих организаций (НКО) и частного бизнеса обусловлено несколькими причинами. Во-первых, это демографическое старение, охватившее в том числе и Россию. Согласно данным Росстата, на 01.01.2023 г. доля населения старше трудоспособного возраста в стране составила 24,5% (35,8 млн человек), а число людей в возрасте 65+ достигло 24,1 млн человек или 16,5%. Прогнозируемый рост продолжительности жизни до 77,8 лет к 2036 г.¹ усилит нагрузку на системы здравоохранения, социальной защиты и пенсионного обеспечения, что требует разработки новых практик и механизмов поддержки пожилых людей. Во-вторых, ограниченность государственной системы социальной защиты, проявляющаяся в дефиците бюджетных средств, неравномерном качестве услуг в регионах и бюрократизации процессов, создаёт предпосылки для активизации негосударственных акторов: НКО и частный бизнес, обладая гибкостью, способны восполнять пробелы, предлагая адресные решения. В-третьих, противоречие между ростом числа социальных инициатив и сохранением у пожилых базовых проблем — одиночество, бедность, ухудшение здоровья — актуализирует поиск более эффективных способов поддержки пожилых, сочетающих масштабность и персонализацию. В-четвёртых, развитие корпоративной социальной ответственности (КСО) и филантропии в частном секторе создаёт основу для межсекторного партнёрства, позволяющего интегрировать НКО и рыночные инструменты частного сектора.

Учитывая обозначенные обстоятельства, целью данного исследования стало обобщение опыта поддержки пожилых людей, накопленного некоммерческим сектором и частным бизнесом. Исследовательские задачи заключались в выявлении ключевых особенностей и проблем реализации

современных практик и инструментов поддержки людей старшего возраста, а также определения возможностей, ограничений и перспектив межсекторного партнёрства для обеспечения благополучной старости. Теоретико-методологической основой исследования выступил акторный подход, позволяющий выделить и сопоставить роль ключевых субъектов в реализации практик поддержки лиц старшего возраста. Анализ был сосредоточен на деятельности негосударственных акторов — некоммерческих организаций и частного бизнеса, что обусловлено их растущей ролью в обеспечении благополучной старости в условиях социально-демографических вызовов и ограниченных возможностей государственной поддержки.

Информационная база исследования сформирована на основе данных, собранных с открытых специализированных платформ, агрегирующих опыт социально ориентированных некоммерческих организаций, а также из открытых данных частных компаний. В неё вошли проекты некоммерческих организаций, размещённые на ресурсе «Смартека» Агентства стратегических инициатив; проекты-финалисты Программы «Лучшие социальные проекты России» (за 2020–2024 гг.); проекты, участвовавшие во Всероссийском отборе лучших практик активного долголетия (за 2020–2024 гг.); база практик портала «НКО + старшие», координируемого Альянсом «Серебряный возраст» и Коалицией НКО «Забота рядом»; описания проектов и инициатив частных компаний и социально ответственных предприятий, представленные на корпоративных сайтах, в отчётности и медиа. Отбор проектов для анализа проводился по критериям релевантности тематике поддержки лиц старшего возраста, наличия развернутого описания практик и достигнутых результатов, географического и тематического разнообразия. Всего было проанализировано 90 проектов, из которых для детального разбора в рамках данной статьи были выбраны наиболее показательные кейсы, отражающие спектр существующих подходов.

¹ Демографический прогноз до 2035 года // Росстат. — URL: <https://rosstat.gov.ru/folder/12781> (дата обращения: 28.03.2025).

Методы исследования включали сбор и систематизацию данных (для выявления и структурирования информации о практиках каждого актора), сравнительный анализ (для сопоставления практик НКО и частного бизнеса по масштабу, целевым группам, направлениям и барьерам и выявления общих тенденций и различий), классификацию и обобщение (для выделения повторяющихся, наиболее значимых направлений деятельности и типов предоставляемых услуг и формулировки обобщающих выводов о ключевых особенностях и проблемах реализации практик НКО и бизнеса по поддержке людей старшего возраста).

Представленный анализ не претендует на всеобъемлющий охват практик и инструментов поддержки пожилых, реализуемых НКО и частным бизнесом. Многообразие локальных инициатив, региональная специфика и динамичное появление новых проектов делают задачу их полной систематизации невыполнимой в рамках одного исследования. Тем не менее, проведённая работа имеет научную и практическую значимость: она выявляет ключевые тенденции и проблемы, характерные для деятельности различных акторов в сфере поддержки старшего поколения; сравнительный анализ позволяет выделить знаковые проекты заботы о пожилых; даже частичное освещение существующих практик вносит вклад в понимание механизмов обеспечения благополучной старости как отдельными акторами, так и в рамках межсекторного взаимодействия, а также создаёт основу для дальнейших исследований в этой области.

Результаты исследования

Анализ проектов некоммерческих организаций позволил выделить несколько основных типов практик, которые реализуются в регионах России. К первому типу можно отнести краткосрочные не повторяющиеся проекты, направленные на решение одной или нескольких конкретных проблем, оказание точечной поддержки пожилым и инвалидам. Второй тип составляют долгосрочные проекты, но затрагивающие

также лишь одну из сфер жизни пожилых. Третий тип — комплексные программы, направленные на достижение устойчивого положительного эффекта для максимального числа представителей целевой аудитории. Эти проекты, как правило, рассчитаны на длительную реализацию и требуют больших вложений средств, более высокой квалификации исполнителей и широкой партнёрской сети.

Среди направлений поддержки старшего поколения доминирует забота о нуждающихся в долговременном уходе, а также поддержка лиц, которые осуществляют такой уход (табл. 1). Важным направлением становятся проекты по профилактике деменции среди пожилых, ориентированные на поддержку когнитивных функций. Ограничением для их масштабирования является необходимость наличия в команде квалифицированного нейропсихолога. Расширение потребностей населения в долговременном уходе актуализирует проблему дефицита ресурсов в системах здравоохранения и социального обслуживания. Постепенно здесь формируется тренд на использование цифровых технологий для облегчения процесса ухода и повышения его результативности («Цифровая среда социального обслуживания», «Человек рядом»). Цифровые технологии успешно применяются и в практиках вовлечения пожилых в добровольческую деятельность («SMART-волонтёр»).

В числе перспективных решений — цифровизация процессов на основе развития Интернета вещей, интеграции сервисов по уходу за пожилыми в технологии «умного дома», «умного города». В здравоохранении активно развивающимся направлением стало m-health (развитие мобильных медицинских сервисов) и e-health (внедрение цифровых медицинских технологий) [1]. Например, мобильные приложения для мониторинга состояния больных с неинфекционными хроническими заболеваниями [2]. Наряду с положительными сторонами данных технологий обсуждаются риски их применения на уровне систем здравоохранения [3] и на уровне семей при осуществлении родственного ухода [4].

Таблица 1

Примеры проектов общественных организаций, благотворительных фондов, общественных учреждений, общественных движений по поддержке лиц старшего возраста

Table 1

Examples of projects by public organizations, charitable foundations, government agencies, and social movements that support older people

Проект	Организатор	Охват / Период реализации	Цель проекта	Партнёры
Деменция.net	Благотворительный фонд «Память поколений»	15 регионов России / с 2021 года	Профилактика когнитивных расстройств, помощь людям с деменцией и их семьям, осуществляющим родственный уход	Всероссийское общественное движение «Волонтеры-медики»
SMART-волонтер	Челябинская региональная просветительская общественная организация «Общество "Знание"»	Челябинская область / с 2019 года; Кемеровская область / с 2023 года	Интеграция лиц старшего возраста в цифровую среду: обучение работе с компьютером, смартфонами, мессенджерами, социальными сетями, порталом «Госуслуги» и рядом приложений	Министерство социальных отношений Челябинской области; Ассоциация волонтерских центров
Бабушкин Workout	Региональный центр активного долголетия, геронтологии и реабилитации	Тюменская область	Содействие здоровому образу жизни пожилых людей. Обучение лиц в возрасте от 55 лет современным спортивным технологиям; проведение для всех жителей города (региона) еженедельных благотворительных воркаут-тренировок, зарядок по адаптированным программам	Газета «Тюменская область сегодня»; Департамент физической культуры, спорта и дополнительного образования Тюменской области, Департамент социальной развития Тюменской области, МАУ ДО ЦРТДиЮ «Грант», МАУ ДО ЦРТДиЮ «Контакт» города Тюмени, студия йоги «Йога Room»
Третий возраст – жизнь только начинается!	НГСООО «Здоровый Город»	Краснодарский край / с 2023 года; Республика Крым / с 2024 года	Социальная защита и оздоровление людей старшего поколения: создание возможностей бесплатно посещать занятия по оздоровлению и просвещению	Администрация города, действующие НКО
Среда поддержки ухода за людьми старшего поколения «Человек рядом»	АНБО «СГЦ «ОПЕКА»	Санкт-Петербург, Ленинградская область, Свердловская область, Челябинская область	Улучшение психоэмоционального состояния семей и сиделок, ухаживающих за пожилыми людьми на дому	РЭУ имени Г. В. Плеханова, ООО «СГЦ «ОПЕКА Комфорт», ООО «Медицинский центр «ОПЕКА ПЛЮС», Фонд «Виктория», Онлайн школа REforma.LIFE
Новая модель патронажных услуг «Забота по соседству»	АНО «Забота по соседству»	Московская область, Республика Алтай, Ульяновская область	Повышение качества жизни на дому пожилых людей и людей с ограничениями жизнедеятельности. Получатели услуг обеспечиваются санитарно-гигиеническим уходом, помощью при восстановлении после инсульта, травм и операций, в хозяйственно-бытовой адаптации, а также сопровождением во время прогулок	Отделения социальной защиты населения
Цифровая среда социального обслуживания	Ассоциация социально ориентированных НКО Свердловской области	Свердловская область, Республика Башкортостан	Повышение уровня удовлетворённости населения оказанием мер поддержки	ACC - Бизнес Софт

Источники: АСИ «Смартека» // АСИ – URL: <https://smarteka.com/practices?tab=catalog&categories%5B0%5D=4&subcategories%5B0%5D=30>; Программа «Лучшие социальные проекты России». – URL: <https://socprojects.org/index.php?id=1#catalog> (дата обращения: 17.03.2025).

Общественные организации, реализующие проекты для пожилых, демонстрируют более высокую оперативность в реагировании на актуальные запросы целевой аудитории по сравнению с государственными системами здравоохранения и социальной защиты. Это обусловлено их способностями предоставлять медицинские и социальные услуги, направленные на удовлетворение более специфических потребностей пожилых, выходящих за рамки государственных «стандартных пакетов», и компенсировать системные пробелы через точечные решения. Фактором эффективности НКО выступает развитая сеть горизонтальных взаимодействий, позволяющая оперативно внедрять лучшие решения с последующим тиражированием успешного опыта.

Примером «провала» с точки зрения принципа максимального охвата целевой аудитории и соблюдения гендерного равенства можно назвать практики организации клубов по интересам, досуговых центров для пожилых в городах. Такие решения, как правило, привлекают женскую аудиторию, тогда как для мужчин не представляют особого интереса. В ходе ознакомления с социальными проектами для пожилых нам встретился лишь один пример подобного решения, адресованный мужской аудитории². Неравенство наблюдается и в отношении пожилых, которые утратили мобильность — для них проблема социальной эксклюзии не решается [5].

Деятельность НКО по поддержке старшего поколения сталкивается с рядом трудностей и вызовов. В последние годы для российских НКО и общественных организаций за рубежом всё более обсуждаемой становится проблема профессионализации их деятельности, которая зачастую сопровождается возникновением противоречий между интересами потенциальных получателей помощи и логикой проектного мышления [6–8]. Следствием этого становится бюрократизация алгоритма оказания социальной помощи и «объективация» её полу-

чателей [9; 10]. Таким образом, намечается разрыв между интересами НКО и потребностями их целевой аудитории [11]. Сохранение данных процессов может повлиять на способность общественных организаций эффективно дополнять функционал государственных систем здравоохранения и социального обслуживания, а также на восприятие их вклада в поддержание качества жизни пожилых людей.

Другой серьёзной преградой для НКО является ограниченное количество ресурсов, особенно финансовых. Основным источником финансирования проектов НКО служат гранты федерального и регионального уровней. Однако высокая конкуренция и усложнение требований к конкурсным заявкам могут приводить к сокращению или полному прекращению реализации некоторых программ для пожилых. Прежде всего, это касается локальных инициатив с небольшим охватом целевой группы населения и длительными сроками окупаемости.

Значимым препятствием является проблема привлечения волонтеров, основания которой имеют комплексный характер — низкая медийная заметность проблем пожилых, стереотипы и психологические барьеры включения в работу с возрастными людьми, организационные сложности (негибкий график, отсутствие понятных инструкций и сопровождения волонтеров со стороны НКО). Это создаёт дополнительную нагрузку на НКО, которым приходится тратить дополнительные ресурсы на привлечение внимания к своим инициативам. Ещё одной системной проблемой выступает слабая координация акторов — между самими НКО, между государством, некоммерческим сектором и бизнес-сообществом. Это ведёт к дублированию функций и нерациональному использованию ресурсов. Решением могло бы стать создание единой платформы для обмена опытом и ресурсами между акторами.

Частный сектор, осознавая потенциал «серебряной экономики», активно развивает направления, сочетающие коммерческую эффективность и социальную значимость (табл. 2). Его деятельность охватывает финансовое, технологическое, медицинское,

² Центр технического творчества для ветеранов // АСИ Смарттека. — URL: <https://smarteka.com/practices/centr-tehnicheskogo-tvorcestva-dla-veteranov> (дата обращения: 28.03.2025).

Таблица 2

Примеры проектов частного сектора по поддержке лиц старшего возраста

Table 2

Examples of private sector initiatives to support older adults

Проект	Компания, реализующая проект	Охват / Период реализации	Цель проекта	Партнёры
Цифровая забота	ООО «ПрофСофт-ВН», ООО «ПК-Сервис», ООО «Техносити»	Россия, Нижегородская и Самарская области, Республика Крым / с 2022 года	Улучшение условий проживания маломобильных пожилых людей в социальных учреждениях	Министерство цифрового развития и информационно-коммуникационных технологий Новгородской области, Министерство социально-демографической и семейной политики Самарской области, ГБУ РК «Красногвардейский ПНИ»
Робот телеприсутствия Webot	ООО «Викрон»	Россия / с 2012 года	Основная цель – реализация удалённых консультаций. Может использоваться для преодоления социальной изоляции и решения проблемы одиночества пожилых людей	ИЦ «Сколково»
Помогите мне вернуться домой	Фонд знаний и технологий для малого и среднего бизнеса «Виктория»	Калининградская, Волгоградская, Брянская области / с 2018 года	Предупреждение пропавших людей с потерей памяти, повышение степени безопасности людей с когнитивными нарушениями и их близких	Фонд президентских грантов, Министерство социальной политики Калининградской области, Фонд «Альцрус» и др.
Система Забота	ООО «Система Забота»	Санкт-Петербург, Ленинградская, Новгородская, Псковская области / с 1999 года	Активное долголетие для старшего поколения	Комитет по социальной политике г. Санкт-Петербурга, Министерством труда и социальной защиты РФ, НП «Мир старшего поколения» и др.
Проект	Компания, реализующая проект	Охват / Период реализации	Цель проекта	Партнёры
Опека	СГЦ «Опека»	Санкт-Петербург, Москва, Ленинградская, Челябинская области / с 2008 года	Создание новой модели оказания медико-социальных услуг для граждан пожилого возраста	ФСИ «Наше будущее», Геронтологическое общество РАН, ООО «Российская Ассоциация паллиативной медицины» и др.
Социальная парикмахерская «Вишнёвый город»	ООО «Вишнёвый город»	Кемеровская обл. / с 2013 года	Обслуживание ветеранов и льготных категорий граждан по низким ценам	Центр инноваций социальной сферы Кемеровской области
Азбука интернета	ПАО «Ростелеком»	Россия / с 2014 года	Обучение граждан старшего поколения и людей с ограниченными возможностями основам работы с компьютером и интернетом	Социальный фонд России
«От ба»	ИП Леднева Дарья Владимировна	Россия / с 2018 года	Реализация вязаной продукции пенсионеров и получение ими дополнительного дохода	ФК «Зенит», «Яндекс Маркет», KION и др.

Источники: составлено на основе обзора Интернет-ресурсов проектов (ссылки приведены по тексту в сносках).

образовательное и инфраструктурное направления. Ключевым направлением остаётся финансовая поддержка. Здесь значимой инициативой является предоставление корпоративных пенсионных программ. В основном это касается крупных предприятий, чаще финансовых и транспортных³. В России такие программы реализуют только 4 из 100 компаний⁴ (в т.ч. ОАО «РЖД», ПАО «Газпром», Группа «Аэрофлот»). Крупные организации также предоставляют своим работникам, вышедшим на пенсию, полис ДМС, оплачивают санаторно-курортное лечение им и членам их семей, оказывают материальную помощь своим ветеранам, осуществляют выплаты и подарки к праздникам.

Другим форматом финансовой поддержки являются специальные льготы и социальные акции для пенсионеров — например, льготные тарифы на внутренние перелёты от компании «Аэрофлот» (Россия)⁵, скидки в магазинах на постоянной основе или в определённые часы (так, в магазинах компании «X5 Group» скидки для людей пенсионного возраста действуют до 13–00⁶), программы поддержки (например, акция «Корзина доброты» от компании «X5 Group» — все желающие могут передать продукты питания, в том числе и для пенсионеров, а компания и её партнёры добавляют недостающие товары⁷).

В рамках технологического направления ведётся разработка и внедрение инновационных продуктов и услуг, ориентированных на повышение качества жизни старшего поколения. Предлагаемые решения предоставляют для пожилых людей возможности для более самостоятельной и безопасной

жизни [12]. Например, проект «Цифровая забота» (Россия) в виде системы «умного дома» на голосовом управлении⁸, облегчающий повседневные задачи; система бесконтактных 3D-датчиков Fearless (Австрия)⁹, позволяющая минимизировать риски падений; системы непрерывного мониторинга основных показателей здоровья (артериального давления, уровня сахара) [13] и активности (например, система CarePredict (США)¹⁰), при обнаружении проблем отправляющие сигнал тревоги родственникам или специалистам, что позволяет быстро реагировать в экстренной ситуации. Всё более популярными становятся роботы-помощники, такие как робот телеприсутствия Webot (Россия)¹¹, решающие проблему социальной изоляции, обеспечивая виртуальное присутствие родственников через видеосвязь. Тем не менее использование многих подобных устройств сдерживается не только низкой технологической грамотностью старшего поколения, но и неготовностью принятия таких новшеств [14].

Учитывая, что здоровье является ключевым фактором благополучия, бизнес уделяет большое внимание развитию практик и инструментов оказания медицинской помощи и укрепления здоровья. Например, ООО «Система Забота» (Россия)¹² и аналогичные зарубежные компании (Senior Helpers (США)¹³, ASB (Германия)¹⁴) предлагают услуги по уходу за пожилыми людьми

⁸ «Цифровая забота» — «умный» дом престарелых // АСИ «Смартека». — URL: <https://smarteka.com/practices/cifrova-zabota-umnyj-dom-prestarelyh> (дата обращения: 28.03.2025).

⁹ Main // Fearless. — URL: <https://smartcity.wien.gv.at/en/fearless-the-intelligent-fall-sensor/> (дата обращения: 19.12.2024).

¹⁰ CarePredict // CarePredict. — URL: <https://www.carepredict.com/> (дата обращения: 28.03.2025).

¹¹ Роботы-телеприсутствия Webot // Nanojam. — URL: <https://nanojam.ru/products/robot-webot>; <https://social-tech.ru/support/members/tex-obr/robot-teleprisutstviya-webot.html> (дата обращения: 28.03.2025).

¹² Главная // Система Забота. — URL: <https://zabota365.ru/> (дата обращения: 28.03.2025).

¹³ Лидер на рынке США по предоставлению профессиональных услуг по оказанию помощи пожилым людям на дому. См.: Main // Senior Helpers. — URL: <https://www.seniorhelpers.com/> (дата обращения: 28.03.2025).

¹⁴ Main // ASB. — URL: <https://www.asb.de/en/relief-and-welfare/care-elderly> (дата обращения: 28.03.2025).

³ Россияне рассказали, о какой корпоративной пенсии мечтают // СберНПФ. — URL: <https://npsfberbanka.ru/news/61009/> (дата обращения: 28.03.2025).

⁴ В корпоративной пенсионной программе участвуют только 4 из 100 российских компаний // SuperJob. — URL: <https://www.superjob.ru/research/articles/114880/v-korporativnoj-pensionnoj-programme-uchastvuyut-tolko-4-iz-100-rossijskih-kompanij/> (дата обращения: 28.03.2025).

⁵ Отчёты // Аэрофлот. — URL: <https://ir.aeroflot.ru/ru/reporting/annual-reports/> (дата обращения: 28.03.2025).

⁶ Правила проведения акции «Пенсионерам скидки» // Пятёрочка с заботой. — URL: https://zabota.5ka.ru/docs/pensionery_06p2_22.pdf (дата обращения: 28.03.2025).

⁷ Социальный проект «корзина доброты». — URL: <https://корзинадоброты.рф/> (дата обращения: 28.03.2025).

ми на дому, включая реабилитацию и социальный уход. Активно развивается частный сектор в сфере пансионатов и домов престарелых, обеспечивающих комплексный уход. Так, в пансионатах ООО «СПЦ «Опека»» (Россия)¹⁵ созданы комфортные условия для проживания и проведения досуга с лечением и реабилитацией. Эти решения компенсируют дефицит государственных услуг, но зачастую оказываются недоступными для низкодоходных групп. Некоторые крупные компании продолжают оказывать медицинскую помощь работникам после их выхода на пенсию (например, ПАО «Северсталь»¹⁶).

Социально значимые практики заботы о пожилых зачастую реализуются на стыке направлений. Например, социальный проект «Помогите мне вернуться домой»¹⁷ (Россия), направленный на предупреждение пропаж и поиск людей, страдающих возрастными когнитивными нарушениями, предусматривает, что пожилые люди с признаками деменции по заявке родственников обеспечиваются термонаклейками с QR-кодом и контактным телефоном, при звонке на который оператор системы связывается с родственниками потерявшегося. Другой проект для предотвращения пропаж — «Островок безопасности» от компании «X5 Group» — представляет собой безопасное пространство в магазинах торговых сетей «Перекрёсток» и «Пятёрочка», оборудованное оранжевым знаком (геолокационный пин), куда может прийти потерявшийся или заблудившийся пожилой человек и ему окажут необходимую помощь¹⁸.

Образовательное направление работы частного бизнеса, реализуемое в формате специально разработанных для старшего поколения программ, курсов и мастер-

классов, покрывает потребность пожилых в обучении новым навыкам и развитии своих интересов. В частности, компания Ростелеком (Россия) совместно с Социальным фондом России реализует проект «Азбука Интернета»¹⁹, в рамках которого пенсионеры учатся получать различные услуги онлайн, работать на смартфоне и в интернете. Кроме того, подобные программы способствуют социальной интеграции и улучшению психоэмоционального состояния пожилых «студентов».

Содействием продолжению трудовой деятельности также является одним из направлений участия частного бизнеса в повышении благополучия старшего поколения. Например, проект «От ба»²⁰ помогает творческим пенсионерам со всей России реализовывать свою вязаную продукцию и получать дополнительный доход, а предприятие «Cocco Bello»²¹ (Россия), производящее крем-мёд и натуральную косметику и продукты, способствует трудоустройству пожилых сельских женщин.

Важным направлением являются социально-инфраструктурные проекты, предполагающие создание доступной бытовой инфраструктуры. В качестве примеров можно назвать социальные парикмахерские, где пожилые люди обслуживаются по низким ценам («Вишнёвый город»²²), или целые специализированные жилые комплексы, включающие обустроенное в соответствии с потребностями пожилых людей жильё, комплекс различных бытовых услуг, площадки для досуговых мероприятий и социальной активности (например, жилищные программы компании BC Housing²³ (Кана-

¹⁹ Главная // Азбука интернета. — URL: <https://azbukainterneta.ru/> (дата обращения: 28.03.2025).

²⁰ Вязаные аксессуары от бабушек России // От ба. — URL: <https://ot-ba.ru/> (дата обращения: 28.03.2025).

²¹ Главная // Cocco Bello. — URL: <https://cocco-bello.com/?srsltid=AfmBOoruXjOP0OC4-7mVU1Nf2ezp-lWJapAdAK4aVl6aa8BZW-a-wu9a> (дата обращения: 28.03.2025).

²² Социальная парикмахерская «Вишневый город» // Социальное предпринимательство России. — URL: <https://solindex.ru/companies/view/413> (дата обращения: 28.03.2025).

²³ Seniors' Supportive Housing Program // BC Housing. URL: <https://www.bchousing.org/housing-assistance/housing-with-support/seniors-supportive-housing> (дата обращения: 28.03.2025).

¹⁵ Главная // Опека. — URL: <https://sgc-opeca.ru/mask/> (дата обращения: 28.03.2025).

¹⁶ Годовые отчеты // ПАО «Северсталь». — URL: <https://severstal.com/rus/ir/indicators-reporting/annual-reports/> (дата обращения: 28.03.2025).

¹⁷ Проект «Помогите мне вернуться домой». — URL: <https://помогитевернутьсядомой.рф/> (дата обращения: 28.03.2025).

¹⁸ Устойчивое развитие в стратегии российского бизнеса. Сб. корпоративных практик. — Москва : РСПП, 2023. — 224 с.

да)). К данному направлению можно отнести и развитие «серебряного туризма» [15], то есть проведение выездных экскурсий, адаптированных под физические возможности пожилых — короткие пешие маршруты, медицинское сопровождение, питание с учётом возрастных ограничений (например, ООО «Туроператор «Невские сезоны»»²⁴). Подобные программы не только расширяют кругозор, но и помогают поддерживать физическую активность и психологическое здоровье, повышать общее самочувствие лиц старшего возраста [16].

Проблемы и барьеры в разработке бизнес-инициатив по поддержке старшего поколения во многом схожи с системными барьерами для НКО (экономические, социальные, нормативно-правовые), но имеют свою специфику проявления. В первую очередь, это дефицит финансирования. Если для крупного бизнеса, тем более реализующего программы корпоративной социальной ответственности, эта проблема стоит менее остро, то малый бизнес сталкивается со сложностями в получении инвестиций, зачастую из-за неготовности банков кредитовать проекты с отсроченной окупаемостью, особенно стартапы. Другими ресурсными ограничениями являются недостаток данных о потребностях целевой аудитории и дефицит квалифицированных специалистов, что в комплексе может сказаться на уровне предоставляемого сервиса ухода за пожилыми. Значимым вызовом можно назвать наличие конкуренции, не только с НКО, но и с государственными организациями, к которым иногда уровень доверия выше, чем к частным. Препятствовать реализации бизнес-проектов могут имеющиеся стереотипы о работе со старшим поколением (например, о слабой коммерциализуемости таких инициатив). Решение обозначенных проблем лежит в плоскости объединения усилий различных сторон (органов власти, частного и некоммерческого сектора, образовательных организа-

ций и других) по созданию благоприятных условий для развития проектов, направленных на обеспечение благополучия пожилых людей.

Заключение

Современное общество переосмысливает роль старшего поколения: пожилые люди всё чаще воспринимаются не только как объекты поддержки, но и как носители уникального человеческого капитала и активные участники социально-экономических процессов. Вслед за сменой представлений происходит и переориентация практик общественных организаций и бизнеса, адресованных пожилым людям: среди них более заметную роль начинают играть инициативы, направленные на вовлечение пожилых в добровольческие движения, стимулирование их гражданской активности, реализацию трудового и творческого потенциала. Однако, как ответ на базовые потребности пожилых, преобладающими остаются практики социального обслуживания, медицинской помощи, в том числе организации присмотра и долговременного ухода.

Проведённый анализ практик НКО и частного бизнеса в сфере обеспечения благополучной старости выявил их значительный, но неравномерный вклад в решение ключевых проблем людей старшего возраста. НКО демонстрируют гибкость и адресность, восполняя пробелы государственной системы. Их работа основывается на сотрудничестве с различными секторами общества, что позволяет расширять масштабы деятельности и повышать её эффективность. Однако их деятельность ограничена ресурсной зависимостью от грантов, бюрократизацией процессов и гендерным дисбалансом в охвате аудитории. Основной фокус практик заботы НКО сосредоточен на базовых потребностях — медицинских и социальных услугах. В последние годы импульс развития получили программы психологической помощи и социальной адаптации, в качестве ключевого тренда можно назвать цифровизацию

28.03.2025).

²⁴ Туры для пенсионеров // Компания «Невские Сезоны». — URL: <https://nevaseasons.ru/offers/туры-для-пенсионеров/> (дата обращения: 28.03.2025).

услуг долговременного ухода и медицинских услуг.

Частный бизнес трансформирует социальную ответственность в рыночные ниши, предлагая технологические решения («умные дома», телемедицина) и специализированные сервисы (образовательные программы, мобильные приложения). Реализуемые проекты способствуют формированию более инклюзивного общества, поскольку сочетание прикладных разработок с социально-эмоциональной поддержкой способствует интеграции пожилых в общественную жизнь. Основные факторы успеха включают ориентацию на индивидуальные потребности, доступность услуг и использование современных технологий.

Важной перспективой развития социальных практик заботы и поддержки пожилых людей в России является укрепление межсекторного сотрудничества, что в перспективе позволит перейти от разрозненных услуг к персонализированным решениям, учитывающим индивидуальные потребности пожилых. Институциональная основа для консолидации усилий разных секторов формально заложена в национальных проектах и стратегических документах, касающихся вопросов демографии и семьи. Они формируют соответствующую повестку, вокруг которой может осуществляться взаимодействие через определённые механизмы: государство задаёт приоритеты и играет координирующую роль, частный сектор и НКО находят для себя рыночные ниши (к примеру, в рамках нацпроекта «Продолжительная и активная жизнь»: система долговременного ухода, реабилитация, телемедицина, адаптированное жильё и др.) и участвуют в реализации отдельных направлений через инструменты государственно-частного партнёрства, социальные заказы, гранты и так далее. В то же время развитие межсекторного партнёрства затрудняется рядом системных барьеров: доминированием государства и восприятием НКО и бизнеса как подрядчиков-исполнителей, а не равноправных участников; неравенством ресурсов и возможно-

стей (крупный бизнес заинтересован чаще в участии в больших инфраструктурных проектах (например, строительстве пансионатов) и его не привлекают локальные, но жизненно важные инициативы на периферии; малый бизнес и социальные предприниматели сталкиваются с административными барьерами и дефицитом стартового капитала; НКО также финансово ограничены и испытывают сложности в связи с бюрократизацией получения поддержки и необходимостью конкуренции с государственными поставщиками социальных услуг [17; 18]).

Самое важное и сложное в реализации данной цели — скоординировать усилия, чтобы все участники процесса могли учитывать ресурсы друг друга и грамотно их распределять, выстраивая адресное взаимодействие с пожилыми людьми. В частности, фактором успеха может стать разработка специализированных информационных порталов и платформ для обмена опытом между НКО и частным бизнесом, что поможет улучшить координацию их деятельности и сократить затраты на администрирование. Наконец, необходимо усилить общественную кампанию по информированию и просвещению граждан относительно проблем пожилых людей и важности их поддержки. Только совместными усилиями государства, бизнеса и гражданского общества можно создать условия для повышения качества жизни и обеспечения благополучия старшего поколения.

Литература и Интернет-источники

1. **Li, A.** KGSCS — a smart care system for elderly with geriatric chronic diseases: a knowledge graph approach / A. Li, C. Han, X. Xing, [at al.] // *BMC Medical Informatics and Decision Making*. — 2024. — Vol. 24. — Art. 73. DOI: 10.1186/s12911-024-02472-9
2. **De Souza Ferreira, E.** Mobile solution and chronic diseases: development and implementation of a mobile application and digital platform for collecting, analyzing data, monitoring and managing health care / E. de Souza Ferreira, A. H. M. de Oliveira, M.A. Dias, [at al.] // *BMC Health Services Research*. — 2024. — Vol. 24. — Art. 1009. DOI: 10.1186/s12913-024-11505-y
3. **Sinha, R.** The role and impact of new technologies on healthcare systems / R. Sinha // *Discover Health Systems*. — 2024. — Vol. 3. — Art. 96. DOI: 10.1007/s44250-024-00163-w
4. **Tian, Y.J.** Benefits and barriers associated with the use of smart home health technologies in the care of older persons: a systematic review / Y.J. Tian, N.A. Felber, F. Pageau, [at al.] // *BMC Geriatrics*. — 2024. — Vol. 24. — Art. 152. DOI: 10.1186/s12877-024-04702-1
5. **Парфенова, О.А.** Вовлечение пожилых в волонтерскую и гражданскую активность как инструмент преодоления социального исключения / О.А. Парфенова // *Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены*. — 2020. — № 4. — С. 119–135. DOI: 10.14515/monitoring.2020.4.1580; EDN: QNGGEN
6. **Banks, N.** NGOs, States, and Donors Revisited: Still Too Close for Comfort? / N. Banks, D. Hulme, M. Edwards // *World Development*. — 2015. — Vol. 66. — P. 707–718. DOI: 10.1016/j.worlddev.2014.09.028
7. **Brière, S.** Competencies of Project Managers in International NGOs: Perceptions of Practitioners / S. Brière, D. Proulx, O.N. Flores, M. Laporte // *International Journal of Project Management*. — 2015. — Vol. 33. — No. 1. — P. 116–125. DOI: 10.1016/j.ijproman.2014.04.010
8. **Golini, R.** Adoption of Project Management Practices: The Impact on International Development Projects of Non-governmental Organizations / R. Golini, M. Kalchschmidt, P. Landoni // *International Journal of Project Management*. — 2015. — Vol. 33. — No. 3. — P. 650–663. DOI: 10.1016/j.ijproman.2014.09.006
9. **Hsu, J. Y.** A Maturing Civil Society in China? The Role of Knowledge and Professionalization in the Development of NGOs / J.Y. Hsu, R. Hasmath // *China Information*. — 2017. — Vol. 31. — No. 1. — P. 22–42. DOI: 10.1177/0920203X16676995
10. **Bayalievа-Jailobaeva, K.** A New Look: Professionalization of NGOs in Kyrgyzstan / K. Bayalievа-Jailobaeva // *Central Asian Survey*. — 2014. — Vol. 33. — No. 3. — P. 360–374. DOI: 10.1080/02634937.2014.953813
11. **Холявин, А.** «Пирожки для бабушки»: критический взгляд на проектное мышление НКО / А. Холявин // *Журнал исследований социальной политики*. — 2020. — Т. 18. — № 3. — С. 461–474. DOI: 10.17323/727-0634-2020-18-3-4; EDN: DHKKYZ
12. **Facchinetti, G.** Can Smart Home Technologies Help Older Adults Manage Their Chronic Condition? A Systematic Literature Review / G. Facchinetti, G. Petrucci, B. Albanesi, [at al.] // *International Journal of Environmental Research and Public Health*. — 2023. — Vol. 20. — No. 2. — P. 1205. DOI: 10.3390/ijerph20021205.61-474
13. **Celler, B.G.** Design of a multi-site multi-state clinical trial of home monitoring of chronic disease in the community in Australia / B.G. Celler, R. Sparks, S. Nepal, [at al.] // *BMC Public Health*. — 2014. — Vol. 14. — Art. 1270. DOI: 10.1186/1471-2458-14-1270
14. **Jeng, M.Y.** Antecedents for older adults' intention to use smart health wearable devices-technology anxiety as a moderator / M.Y. Jeng, F.Y. Pai, T.M. Yeh // *Behavioral Sciences*. — 2022. — Vol. 12. — No. 4. — P. 114. DOI: 10.3390/bs12040114
15. **Rentzi, K.** Silver Tourism in Greece. Basic Elements of Marketing and Branding / K. Rentzi, M. Constantoglou // *Tourism, Travel, and Hospitality in a Smart and Sustainable World*. Springer, 2023. DOI: 10.1007/978-3-031-29426-6_13

16. **Кап, Т.** Wellness tourism enhances elderly life satisfaction / Т. Kan, E. C.S. Ku, W. C.W. Sun, [at al.] // Journal of Quality Assurance in Hospitality and Tourism. — 2022. — Vol. 24. — No. 4. — P. 402–428. DOI: 10.1080 / 1528008X.2022.2052394
17. **Григорьева, И.А.** Социальное обслуживание пожилых: реализация Федерального закона № 442 и дальнейшие перспективы / И.А. Григорьева, И.Л. Сизова, А.Ю. Москвина // Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены. — 2019. — № 4(152). — С. 153–172. DOI: 10.14515 / monitoring.2019.4.08; EDN: QXJOVU
18. **Соловьева, Т.С.** Регионы Северо-Запада России: анализ условий для реализации социальных инноваций / Т.С. Соловьева // Регионоведение. — 2021. — Т. 29. — № 4 (117). — С. 768–793. DOI: 10.15507 / 2413-1407.117.029.202104.768-793; EDN: BEFKSD

Информация об авторах:

Белехова Галина Вадимовна, к.э.н., старший научный сотрудник, Вологодский научный центр РАН, Вологда, Россия.

Контактная информация: e-mail: belek-galina@yandex.ru; ORCID: 0000-0003-6373-9043; РИНЦ SPIN-код: 7115-1939.

Соловьева Татьяна Сергеевна, к.э.н., старший научный сотрудник, Вологодский научный центр РАН, Вологда, Россия.

Контактная информация: e-mail: solo_86@list.ru; ORCID: 0000-0003-1770-7566; РИНЦ SPIN-код: 9101-5219.

Нацун Лейла Натиговна, к.э.н., старший научный сотрудник, Вологодский научный центр РАН, Вологда, Россия.

Контактная информация: e-mail: leyla.natsun@yandex.ru; ORCID: 0000-0002-9829-8866; РИНЦ SPIN-код: 2771-7874.

DOI: 10.24412/1561-7785-2026-1-110-123

PRACTICES AND TOOLS OF CARING FOR THE ELDERLY BY NGOS AND PRIVATE BUSINESSES IN THE CONTEXT OF ENSURING A PROSPEROUS OLD AGE

Galina V. Belekhova*, Tatiana S. Soloveva, Leila N. Natsun

*Vologda Research Center RAS
(56A, Gorky str., Vologda, Russia, 160014)*

**E-mail: belek-galina@yandex.ru*

Funding:

The reported study was funded by RSF within the scientific project No. 23-78-10128. URL: <https://rscf.ru/project/23-78-10128/>.

For citation:

Belekhova G. V., Soloveva T. S., Natsun L. N. Practices and tools of caring for the elderly by NGOs and private businesses in the context of ensuring a prosperous old age. *Narodonaselenie [Population]*. 2026. Vol. 29. No. 1. P. 110-123. DOI: 10.24412/1561-7785-2026-1-110-123 (in Russ.)

Abstract. *The issue of population aging is becoming increasingly significant in today's society. Issues such as caring for the elderly and integrating them into social life, as well as ensuring a high quality of life, all require a comprehensive approach. Nonprofit organizations (NPOs) and private businesses play a crucial role in this process by developing and implementing various strategies and tools to enhance the living conditions for older people. The research aims to systematize successful*

practices in caring for older people and identify key barriers to effective implementation of NPOs' and private businesses' initiatives in the interests of the elderly. A comparative analysis is carried out of projects by non-profit organizations, socially responsible enterprises, and private companies that develop products of the «silver economy». The study found that NPOs and private businesses play a complementary role in ensuring a prosperous older age. This includes providing social services and medical care, using technology to enhance living comfort and safety, organizing leisure activities, teaching digital literacy and promoting mental health. It has been shown that the nonprofit sector, with its flexibility and focus on vulnerable groups, fills the gaps left by the state system. Business, on the other hand, brings innovation and market-based solutions. Successful implementation of initiatives often requires intersectoral collaboration and government support. The presented practices can serve as a foundation for development and enhancement of programs and projects designed to improve the quality of life for older adults. Further research in this field will allow us to gain a deeper understanding of the interactions between various sectors of society in addressing the challenges of population aging.

Keywords: elderly population, active longevity, non-profit organizations, private business, prosperous old age.

References and Internet sources

1. Li A., Han C., Xing X., et al. KGSCS — a smart care system for elderly with geriatric chronic diseases: a knowledge graph approach. *BMC Medical Informatics and Decision Making*. 2024. Vol. 24. Art. 73. DOI: 10.1186/s12911-024-02472-9
2. De Souza Ferreira E., De Oliveira A. H. M., Dias M. A., et al. Mobile solution and chronic diseases: development and implementation of a mobile application and digital platform for collecting, analyzing data, monitoring and managing health care. *BMC Health Services Research*. 2024. Vol. 24. Art. 1009. DOI: 10.1186/s12913-024-11505-y
3. Sinha R. The role and impact of new technologies on healthcare systems. *Discover Health Systems*. 2024. Vol. 3. Art. 96. DOI: 10.1007/s44250-024-00163-w
4. Tian Y. J., Felber N. A., Pageau F., et al. Benefits and barriers associated with the use of smart home health technologies in the care of older persons: a systematic review. *BMC Geriatrics*. 2024. Vol. 24. Art. 152. DOI: 10.1186/s12877-024-04702-1
5. Parfenova O. A. Vovlechenije pozhilyh v volonterskuju i grazhdanskiju aktivnost' kak instrument preodolenija sotsial'nogo iskljuchenija [Engaging older people in volunteering and civic activities as a tool to overcome social exclusion]. Monitoring obshchestvennogo mnenija: ekonomicheskije i sotsial'nyje peremeny [Monitoring of Public Opinion: Economic and Social Changes]. 2020. No. 4. P. 119–135. DOI: 10.14515/monitoring.2020.4.1580 (in Russ.)
6. Banks N., Hulme D., Edwards M. NGOs, states, and donors revisited: Still too close for comfort? *World Development*. 2015. Vol. 66. P. 707–718. DOI: 10.1016/j.worlddev.2014.09.028
7. Brière S., Proulx D., Flores O. N., Laporte M. Competencies of project managers in international NGOs: Perceptions of practitioners. *International Journal of Project Management*. 2015. Vol. 33. No. 1. P. 116–125. DOI: 10.1016/j.ijproman.2014.04.010
8. Golini R., Kalchschmidt M., Landoni P. Adoption of project management practices: The impact on international development projects of non-governmental organizations. *International Journal of Project Management*. 2015. Vol. 33. No. 3. P. 650–663. DOI: 10.1016/j.ijproman.2014.09.006
9. Hsu J. Y., Hasmath R. A Maturing civil society in China? The role of knowledge and professionalization in the development of NGOs. *China Information*. 2017. Vol. 31. No. 1. P. 22–42. DOI: 10.1177/0920203X16676995
10. Bayalievna-Jailobaeva K. A New Look: Professionalization of NGOs in Kyrgyzstan. *Central Asian Survey*. 2014. Vol. 33. No. 3. P. 360–374. DOI: 10.1080/02634937.2014.953813
11. Holavins A. «Pirozhki dlja babushki»: kriticheskij vzgljad na proektoje myshlenije NKO [Little red riding hood and a critique of 'Project thinking' among NGOs]. *Zhurnal issledovanij sotsial'noj*

- politiki [*The Journal of Social Policy Studies*]. 2020. Vol. 18. No. 3. P. 461–474. DOI: 10.17323/727-0634-2020-18-3-41580 (in Russ.)
12. Facchinetti G., Petrucci G., Albanesi B., et al. Can smart home technologies help older adults manage their chronic condition? A systematic literature review. *International Journal of Environmental Research and Public Health*. 2023. Vol. 20. No. 2. P. 1205. DOI: 10.3390/ijerph20021205.61-474
 13. Celler B. G., Sparks R., Nepal S., et al. Design of a multi-site multi-state clinical trial of home monitoring of chronic disease in the community in Australia. *BMC Public Health*. 2014. Vol. 14. Art. 1270. DOI: 10.1186/1471-2458-14-1270
 14. Jeng M. Y., Pai F. Y., Yeh T. M. Antecedents for older adults' intention to use smart health wearable devices-technology anxiety as a moderator. *Behavioral Sciences*. 2022. Vol. 12. No. 4. P. 114. DOI: 10.3390/bs12040114
 15. Rentzi K., Constantoglou M. Silver tourism in Greece. Basic elements of marketing and branding. *Tourism, Travel, and Hospitality in a Smart and Sustainable World*. Springer. 2023. DOI: 10.1007/978-3-031-29426-6_13
 16. Kan T., Ku E. C. S., Sun W. C. W., et al. Wellness tourism enhances elderly life satisfaction. *Journal of Quality Assurance in Hospitality and Tourism*. 2022. Vol. 24 No. 4. P. 402–428. DOI: 10.1080/1528008X.2022.2052394
 17. Grigoryeva I. A., Sizova I. L., Moskvina A. Yu. Sotsial'noye obsluzhivaniye pozhilykh: realizatsiya Federal'nogo zakona № 442 i dal'neyshiye perspektivy [Social services for the elderly: implementation of the Federal Law No. 442 and future prospects]. Monitoring obshchestvennogo mneniya: ekonomicheskiye i sotsial'nyye peremeny [*Monitoring of Public Opinion: Economic and Social Changes*]. 2019. No. 4(152). P. 153–172. DOI: 10.14515/monitoring.2019.4.08 (in Russ.)
 18. Soloveva T. S. Regiony Severo-Zapada Rossii: analiz usloviy dlya realizatsii sotsial'nykh innovatsiy [Regions of the North-West of Russia: Analysis of the conditions for the implementation of social innovation]. *Regionologiya [Regionology = Russian Journal of Regional Studies]*. 2021. Vol. 29. No. 4. P. 768–793. DOI: 10.15507/2413-1407.117.029.202104.768-793 (in Russ.)

Information about the authors:

Belekhova Galina Vadimovna, Candidate of Economics, Senior Researcher, Vologda Research Center RAS, Vologda, Russia.

Contact information: e-mail: belek-galina@yandex.ru; ORCID: 0000-0003-6373-9043; Elibrary SPIN-code: 7115–1939.

Soloveva Tatiana Sergeevna, Candidate of Economics, Senior Researcher, Vologda Research Center RAS, Vologda, Russia.

Contact information: e-mail: solo_86@list.ru; ORCID: 0000-0003-1770-7566; Elibrary SPIN-code: 9101–5219.

Natsun Leila Natigovna, Candidate of Economics, Senior Researcher, Vologda Research Center RAS, Vologda, Russia.

Contact information: e-mail: leyla.natsun@yandex.ru; ORCID: 0000-0002-9829-8866; Elibrary SPIN-code: 2771–7874.

Статья поступила в редакцию 16.04.2025, утверждена 16.02.2026, опубликована 31.03.2026.

DOI: 10.24412/1561-7785-2026-1-124-135
EDN: ALJORB

УЧАСТИЕ НАСЕЛЕНИЯ В ПОТРЕБИТЕЛЬСКОЙ КООПЕРАЦИИ: РЕСУРСЫ И ОЖИДАНИЯ

Рогач О. В., Фролова Е. В.*

Финансовый университет при Правительстве Российской Федерации
(125167, Россия, Москва, Ленинградский проспект, 49)

*E-mail: EVFrolova@fa.ru

Для цитирования:

Рогач О.В., Фролова Е.В. Участие населения в потребительской кооперации: ресурсы и ожидания // Народонаселение. – 2025. – Т. 29. – № 1. – С. 124-135. DOI: 10.24412 / 1561-7785-2026-1-124-135; EDN: ALJORB

Аннотация *Российские традиции развития кооперации иллюстрируют её социальные функции в повышении качества жизни, снабжении населения необходимыми товарами и услугами, создании условий для объединения граждан, заинтересованных в кооперативном предпринимательстве. Материалы статьи раскрывают специфику развития кооперации в современных российских условиях, восприятие населением её потенциала в решении социальных вопросов, оценку ресурсных возможностей и готовности россиян к участию в кооперативных формах хозяйствования. Метод исследования — онлайн опрос 4022 респондентов по репрезентативной выборке. Результаты исследования показали, что горожане в большей мере заинтересованы в появлении кооперативных магазинов, связывая свои запросы с появлением качественных продуктов от местных производителей, снижением цен, расширением ассортимента товаров. Почти половина опрошенных респондентов высказали заинтересованность в личном участии в кооперативном предпринимательстве. Потенциал участия иллюстрируется не только декларацией намерений, но и наличием ресурсной базы: более высокий уровень экономических, юридических знаний, компетенций в области продаж и маркетинга. Также для респондентов, мотивированных к участию в кооперативном предпринимательстве, характерны более высокие оценки материально-технической и финансовой обеспеченности ресурсами, которые необходимы для организации или вступления в потребительский кооператив. В ходе исследования были установлены приоритетные формы поддержки потребительских кооперативов: организационные (предоставление на льготной основе помещений/площадей, возможность пользоваться складскими помещениями, центрами логистики), финансовые (гранты, субсидии, налоговые льготы) и информационно-образовательные (повышение квалификации, мониторинг рынка, предоставление информации). Образовательные потребности населения, позволяющие реализовать предпринимательский потенциал в кооперации, центрируются в области юриспруденции, маркетинговых технологий, экономики, финансов, бухгалтерского учёта, ведения деловых переговоров.*

Ключевые слова *потребительская кооперация, кооперативные магазины, качество жизни, местные сообщества.*

Введение

Негативные последствия финансового кризиса и геополитической нестабильности в мире, увеличение масштабов социальной поляризации и распространение бедности актуализируют научный поиск альтернативных форм хозяйствования, которые могут взять на себя роль драйвера в повышении качества жизни населения, и позволят сформировать инновационные механизмы социально-экономического развития [1]. Новые вызовы реанимируют ценности сотрудничества, солидарности и взаимопомощи, которые являются смысловым ядром кооперации, ориентированной не только на достижение краткосрочных результатов, но и стратегических целей повышения уровня и качества жизни населения [2].

Исторический опыт развития кооперации свидетельствует о её роли в сбережении народонаселения, решении таких задач, как преодоление бедности и социального неравенства, создание рабочих мест, снабжение местных сообществ товарами и услугами по приемлемым ценам, установление социальной справедливости [3]. В современных условиях развитие кооперации учёные связывают с концепцией солидарной экономики, интегрирующей в себе традиционные ценности труда, акцентуализацию интересов социальных групп, заинтересованных в реализации своего предпринимательского потенциала, сотрудничества с другими представителями местных сообществ [4]. О. А. Чистякова отмечает, что кооперация представляет собой социально ориентированную модель воплощения в жизнь общественных интересов. Стратегии развития кооперативов могут быть репрезентированы в двух плоскостях. Во-первых, как объединения взаимопомощи, которые поддерживают интересы своих членов и обеспечивают достижение целей социально-экономического благополучия местных сообществ. Во-вторых, как альтернативный хозяйственный механизм преодоления дисфункций капиталоцентричных моделей производства, ресурс реализации предпринимательства, основанного

на ценностях солидарности и единства [5]. В новых условиях актуализации геополитических, техногенных и экологических вызовов кооперативные формы хозяйствования получают новый импульс своего развития. Ренессанс кооперации связан с её антропоцентричным характером, где в противовес коммерческим задачам приоритизируются интересы человека и гармоничное взаимодействие с природой [6].

В контексте развития сельских территорий кооперация играет особую роль, предоставляя возможность фермерам объединять свои ресурсы для повышения рентабельности сельскохозяйственного производства. Кооперация рассматривается как социальный механизм включения малых форм хозяйствования в систему агропродовольственных цепочек [7]. Учитывая вклад кооперации в развитие экономики, повышение уровня и качества жизни населения, российские учёные делают вывод о необходимости развития институтов организационно-административной и финансово-экономической поддержки кооперативных форм хозяйствования [8].

Таким образом, кооперация в современных условиях выступает важным фактором обеспечения устойчивости экономики, условием сохранения стабильности повседневной жизни российских территорий. При этом, как отмечается в научных исследованиях, она динамично развивается, модернизируют свои практики управления, приближая используемые модели хозяйствования к конкретным потребностям и интересам жителей [9]. Зачастую данные изменения носят локальный характер, успешный опыт деятельности кооперативов не получает публичного признания, что может выступать фактором, снижающим привлекательность потребительской кооперации в глазах населения. Российские учёные подчёркивают, с одной стороны, уникальность и многогранность исторического пути развития кооперации в России, а с другой — наличие существенных барьеров, дефицит опыта, утрату кооперативных традиций, что снижает потенциал участия

населения в данных формах хозяйствования [10].

Авторами ставилась цель — изучить роль кооперации в повышении качества жизни населения регионов РФ. В частности, поднимались вопросы восприятия кооперации населением, готовности к участию в данных формах хозяйствования, приоритетных форм поддержки кооперативных инициатив, оценки ресурсного потенциала местных жителей. Ключевым методом исследования является онлайн-опрос населения. Выбор данного метода обусловлен организационными особенностями дизайна исследования (массовый охват жителей различных регионов РФ)¹. Объём выборки после её ремонта составил 4022 респондентов. Исследование было проведено в 2022 году. В исследовании принимали участие как кооператоры, занимающиеся данным видом предпринимательской деятельности, так и жители исследуемых территорий, которые оценивали достоинства и недостатки кооперативных практик, уровень своей готовности к включению в них.

Результаты

Кооперация как фактор повышения качества жизни. В ходе исследования было установлено, что респонденты положительно оценивают потребительскую кооперацию, видя в ней фактор повышения качества жизни, расширения диапазона возможностей, как для приобретения качественных товаров по релевантным ценам, так и для осуществления коммерческой деятельности в роли субъекта кооперативного предпринимательства. В частности, большинство опрошенных (67,9%) позитивно воспринимают появление кооперативных магазинов в месте своего проживания, демонстри-

руют готовность приобретать у них товары. Отметим высокий уровень хозяйственно-экономической активности среди россиян, их готовность заниматься кооперативным предпринимательством (44,8%).

Субъективное восприятие роли кооперации в повышении качества жизни в большей мере иллюстрируется социальными ожиданиями россиян. Так, большинство опрошенных респондентов ждут, что кооперативные магазины будут поставлять качественные товары от местных производителей, обеспечат расширение ассортимента продуктов и снижение цен. Насущность потребительских запросов более характерна для городских жителей, у которых максимизированы позитивные оценки социально-экономических функций кооперативных магазинов. Вариационные различия характерны для позиции «снизятся цены на продукты» (отметили 68,3% городских жителей и 60,8% — сельских), «расширится ассортимент продуктов» (68,3% и 60,8% соответственно), «появится качественный продукт от местного производителя» (80,2% и 75%), «будет конкуренция крупным торговым сетям» (59,3% и 53,9%). Можно предположить, что в условиях жизни больших городов, унификации потребительского ассортимента торговых сетей, актуализации трендов на здоровое питание, кооперативы ассоциируются с традициями фермерского хозяйствования. Аналогичные выводы присутствуют в работах российских учёных, которые подчёркивают социальные функции кооперативов, их роль в снабжении городов органической, экологичной продукцией [11]. Положительные ожидания в связи с открытием кооперативных магазинов в большей мере демонстрируют высокодоходные группы респондентов (рис 1). Почти по всем позициям среди респондентов с хорошим материальным положением, выше доля тех, кто видит преимущества развития системы потребительской кооперации, её роль в снабжении населения качественными товарами и услугами.

Вторую строку рейтинга занимают ожидания, связанные с социально-экономическим развитием российских тер-

¹ Выборка многоступенчатая, квотная: на первом этапе был осуществлён отбор регионов в каждом федеральном округе, далее для обеспечения репрезентативности данных производился расчёт выборки по таким параметрам, как пол, возраст, респондентов, принадлежность к сельскому/городскому поселению. Определение численных параметров квот осуществлялось на основе данных Росстата по социально-демографическим показателям регионов РФ на 1 января 2022 года. Анкета распространялась при организационной поддержке Российского университета кооперации.

риторий. Вариант ответа «мой город/село будет развиваться» выбрали 71% респондентов. При этом молодёжь в большей мере демонстрирует позитивные экономические ожидания (77,6%, что выше средних значений по выборке на 6,6 процентных пунктов — далее п.п.). Можно предположить, что россияне видят в системе потребительской кооперации драйвер развития территории, связывают повышение качества жизни

с появлением кооперативных объединений. Среди жителей Южного ФО доля респондентов, считающих, что кооперативные магазины будут способствовать развитию города/села, составляет наиболее значительную часть — 77,4%. Скептицизм в данном вопросе более свойственен респондентам Центрального ФО, где согласие с данным утверждением высказали 63,0%, что ниже средних значений по выборке на 8 п.п.

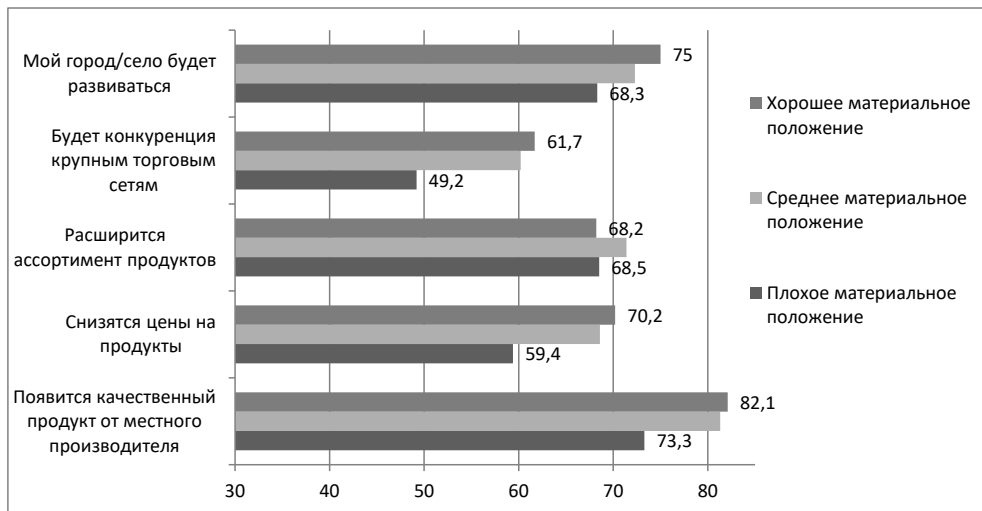

Рис. 1. Распределение ответов на вопрос: «Что лично Вы ждете от открытия таких кооперативных магазинов в вашем городе/селе?» среди респондентов с различной оценкой своего материального положения, %

Fig. 1. Distribution of answers to the question: «What do you personally expect from the opening of such cooperative stores in your city/village?» among respondents with different assessments of their financial situation, %

Источник: расчёты авторов по данным исследования.

Потенциал участия местного населения в кооперативных практиках. В современных исследованиях доказывается значимость коллективных форм хозяйственных взаимодействий в повышении личного благополучия представителей местного сообщества и решении социально значимых проблем территории [12]. Учитывая наличие широкого спектра потребностей россиян, запроса на высокое качество жизни, интерес представляет готовность и ресурсный потенциал населения к реализации кооперативных практик. Респонден-

там, прежде всего, было предложено оценить уровень развития соответствующих компетенций, которые позволили бы им стать участниками потребительской кооперации. Для удобства оценки было выделено четыре блока: 1) знание соответствующих нормативно-правовых актов, юридическая компетентность оценивается респондентами в средневысоком диапазоне. Только 22,5% опрошенных полагают, что обладают низким уровнем юридических знаний в части организации потребительских кооперативов; 2) экономическая компетент-

ность (знание основ финансовой отчетности, бухгалтерского учёта и пр.) оцениваются большинством респондентов на среднем уровне (42,2%), при этом сохраняется доля в 19,1%, кто говорит о низком уровне сформированности знаний в сфере экономики; 3) в схожем оценочном диапазоне респонденты рассматривают свои навыки в сфере продвижения товаров потребительской кооперации (маркетинг, реклама и пр.). Менее трети опрошенных (31,0%) оценивают свой уровень как высокий, тогда как для большинства свойственна определённая степень нехватки знаний в сфере продаж; 4) четвёртый блок связан с коммуникативными навыками респондентов. Стоит отметить, что навыки общения, уровень их сформированности оценивается респондентами наиболее высоко (35,9%). При этом только 17,2% ощущают некоторые дефициты в своих коммуникативных умениях.

Потенциал участия местного населения в кооперативных практиках может быть инкорпорирован не только в соответствующих компетенциях. Связь субъективного восприятия качества своей жизни и ресурсной базы территории/местного сообщества, также определяет готовность населения включиться в коллективные формы хозяйствования. Условно ресурсная база может быть разделена на два блока: финансовые активы (Б1) и материально-техническая база (Б2), при этом в ответах респондентов отсутствует вариационный размах оценочных суждений. Лишь четверть опрошенных полагает, что обладают достаточным ресурсом для организации кооператива (Б1=24,9%, Б2=25,9%). Для трети респондентов свойственны дефициты ресурсной базы: низкий уровень отметило 32,5% (Б1) и 32,9% (Б2) опрошенных, соответственно. Можно сделать вывод, что недостаточно высокий уровень материального благополучия населения не только оказывает негативное влияние на качественные показатели жизни в регионе, но и становится барьером в развитии альтернативных (коллективных) форм хозяйствования. Положение усугубляется низкой информационной открытостью кооперативных практик: 26,4%

респондентов отметили, что не обладают необходимой информацией. Материалы исследования вместе с тем позволили установить некоторую закономерность. Если в среднем по выборке только 28,0% респондентов имеют высокий уровень информированности, то среди тех, кто собирается самостоятельно организовать или вступить в кооператив, доля таких респондентов существенно выше — 50,2%.

На рис. 2 представлен сравнительный анализ долевого распределения респондентов с высоким уровнем знаний и ресурсов между теми, кто ориентирован на организацию или вступление в кооператив и средними значениями по выборке. По каждому из показателей иллюстрируется превышение значений ресурсной обеспеченности и компетентности граждан, желающих заняться кооперативным предпринимательством. Косвенным образом данные рисунка 2 свидетельствуют об устойчивой мотивации и ресурсной обеспеченности намерений тех россиян, которые решили заняться потребительской кооперацией. Для данной группы характерен более высокий уровень экономических, юридических знаний (превышает средние значения в 1,8 раза), компетенций в области продаж и маркетинга (превышает средние значения в 1,6 раза). Аналогичное превышение иллюстрируется также в области оценки материально-технической и финансовой обеспеченности ресурсами, необходимыми для организации или вступления в потребительский кооператив.

Анализ ресурсной обеспеченности кооперативных инициатив россиян в разрезе федеральных округов (ФО) показал высокий уровень региональной дифференциации. Согласно полученным данным, максимально высокий уровень обеспеченности ресурсами характерен для Северо-Кавказского ФО, частично по ряду позиций также для Южного ФО, минимальный — для Сибирского ФО. Особенно высокий вариационный размах между ФО прослеживается в оценке респондентами своих материально-технических и финансовых ресурсов — почти в 10 раз.

Рис. 2. Распределение ответов на вопрос «Оцените у себя наличие знаний и ресурсов, необходимых для организации или вступления в потребительский кооператив» (на рисунке отражен процент респондентов, выбравших вариант ответа «высокий» при ответе на данный вопрос), %

Fig. 2. Distribution of responses to the question «Assess your availability of knowledge and resources necessary for organizing or joining a consumer cooperative» (the figure shows the percentage of respondents who chose the «high» answer option when answering this question), %

Источник: расчёты авторов по данным исследования.

Приоритетные формы поддержки кооперативных инициатив населения. Результаты исследования показали поляризованность мнений респондентов в ответах на вопрос: «Если Вам интересна идея кооперации, то хотели ли бы Вы вступить в Союз, обеспечивающий поддержку кооперативному движению?». Мнения разделились примерно поровну: 46,5% респондентов ответили утвердительно, 53,5% — отрицательно. Наибольшую заинтересованность в объединённых формах взаимодействия в системе потребительской кооперации высказали респонденты с хорошим материальным положением (59,1%, что выше средних значений на 12,6 п.п.). При ответе на вопрос: «Какую помощь, прежде всего, Вы бы хотели получать от союзов потребительских обществ, поддерживающих кооперативы?», большинство респондентов

(25,5%) выбрали вариант ответа «предоставление на льготной основе помещений/площадей для продажи товара/услуг» (рис. 3). Вторую строку рейтинга приоритетных форм поддержки занял вариант ответа «возможность пользоваться складскими помещениями, центрами логистики» (12,5%). Для сельчан данная позиция более актуальна, чем для городских жителей (14,4% и 11,6% соответственно).

У респондентов была также возможность указать другие варианты помощи, которые они хотели бы получать от союзов потребительских обществ, поддерживающих кооперативы. В их числе были названы: информация, финансовая поддержка, налоговые льготы. Полученные результаты созвучны выводам российских учёных, акцентирующих внимание на необходимости расширения доступа кооперативов к грантовой под-

Рис. 3. Распределение ответов на вопрос «Какую помощь, прежде всего, Вы бы хотели получать от союзов потребительских обществ, поддерживающих кооперативы?», %

Fig. 3. Distribution of responses to the question «What kind of assistance would you primarily like to receive from consumer society unions that support cooperatives?», %

Источник: расчёты авторов по данным исследования.

держке, льготному кредитованию. Высокие издержки получения заёмных средств, финансовые дефициты провоцируют рост задолженности современных кооперативов, существенным образом ограничивая продуктивность их функционирования, формирование рентабельности [13]. Анализ зарубежного опыта свидетельствует, что внешняя поддержка и эффективный менеджмент относятся к ключевым факторам экономического успеха кооперативов [14].

Респондентам также был задан конкретизирующий вопрос о востребованности образования, позволяющего организовать свой кооператив. Почти половина опрошенных выразили своё согласие (вариант ответа «да» и «скорее да, чем нет» — 18,0% и 28,8%, соответственно), при этом 1 из 10 опрошенных (10,1%) затруднился с ответом. Подобное распределение ответов свидетельствует о перспективности дополнительного образования в сфере кооперации. Аналогичные выводы получены в других российских и зарубежных исследованиях. По мнению О.Н. Мороз, особая роль в развитии кооперативного бизнеса принадлежит образовательным программам, которые обеспечивают повышение информи-

рованности, формирование знаний о преимуществах и специфике функционирования кооперативов [15]. Обучение и обмен знаниями, по мнению зарубежных учёных, относятся к ключевым принципам повышения эффективности деятельности кооперативов, внедрения инноваций в кооперативные практики [16]. Динамично изменяющаяся рыночная среда предъявляет новые требования к уровню конкурентоспособности кооперативов, их предпринимательскому потенциалу, что обуславливает необходимость инвестиций в эффективные механизмы обмена знаниями [17].

Установлена зависимость между желанием респондентов получить дополнительное образование в сфере потребительской кооперации и готовностью участвовать в потребительской кооперации. Для анализа взаимосвязей между данными переменными использовались таблицы сопряжённости, по которым сравнивались доли положительных ответов на вопрос о готовности к участию в потребительской кооперации в двух группах респондентов (первая группа представлена теми, кто мотивирован на получение дополнительного образования, вторая — теми, у кого отсутствует

данное желание). Среди тех респондентов, кто выразил желание пойти на курсы и получить дополнительное образование (вариант ответа «да») на 10,8 п.п. выше доля желающих участвовать в коллективных формах хозяйствования. Тогда как среди тех опрошенных, кто дал отрицательный ответ (вариант ответа «нет») выше доля тех, кто не хотел бы участвовать в потребительских кооперативах ни в роли организатора, ни в роли его члена (35,2%, что выше средних значений по выборке на 14,2 п.п.).

Среди знаний/навыков в области потребительской кооперации, которые респонденты хотели бы получить, приоритет отдаётся юридической компетентности (39,7%) и маркетинговым технологиям (38,2%). Также высокую востребованность демонстрируют «знания в сфере экономики, финансов, бухгалтерского учёта» — 37,3% и «деловые переговоры» — 31,6%. Так как респондентам был предложен множественный выбор, то обычно в своих ответах опрошенные использовали следующие связи: экономика/юриспруденция, продажи/деловые переговоры, маркетинг/информационные технологии.

Заключение

Анализ научной литературы и эмпирических данных иллюстрирует потенциал кооперации в реализации социально-ориентированной модели экономики, повышения качества жизни населения за счёт снижения цен и соответственно оптимизации семейных бюджетов, гарантированного доступа к натуральным продуктам, создания условий для развития предпринимательства. Так, большинство опрошенных респондентов позитивно воспринимают функционал кооперативных магазинов в части насыщения рынка качественными товарами от местных производителей, расширения ассортимента продуктов. Кооперативные магазины рассматриваются как жизнеспособная альтернатива крупным торговым сетям, позволяющей снизить цены и представить более качественный товар. В наибольшей мере данный за-

прос характерен для городских жителей, а также для социальных групп, имеющих доход выше среднего. Помимо удовлетворения потребительских ожиданий, кооперативная форма хозяйствования показала свою привлекательность для респондентов, ориентированных на реализацию бизнес-инициатив. Так, почти половина опрошенных респондентов демонстрирует готовность организовать/вступить в кооператив. Однако, результаты исследования показывают недостаточность материально-технических и финансовых ресурсов, необходимых для организации кооператива.

В ходе опроса респонденты высоко оценили значимость различных форм помощи, которую они хотели бы получать от организаций, поддерживающих систему потребительской кооперации. Анализ приоритетных форм поддержки потребительских кооперативов показал, что интерес россиян центрируется в финансовой плоскости (гранты, субсидии, налоговые льготы), а также в информационно-образовательной (повышение квалификации, мониторинг рынка, предоставление информации). Почти по всем формам поддержки, городские жители показали более высокий уровень заинтересованности, чем сельчане.

Проведённый анализ свидетельствует о необходимости интеграции усилий региональных властей, осуществляющих поддержку потребительских кооперативов на институциональном уровне (гранты, налоговые льготы), а также образовательных организаций, общественных объединений, которые могут эффективно осуществлять повышение квалификации участников потребительской кооперации, формировать базовые компетенции населения в области права, маркетинга, обеспечивать информационную поддержку деятельности кооперативов.

Результаты исследования подтверждают, что повышение уровня информированности российских граждан, формирование их базовых знаний в области предпринимательства может рассматриваться как драйвер развития потребительской кооперации. Подтверждением данного тезиса стали эм-

пирические данные, свидетельствующие, что наиболее значимым фактором роста уровня личной готовности стать членом потребительского кооператива является повышение знаний и квалификации в сфере кооперации.

Литература и Интернет-источники

1. **Развадовская, Ю.В.** Институт кооперации: эволюция и современные перспективы / Ю.В. Развадовская, Е.В. Каплюк, К.С. Руднева, М.Э. Черняк // Вестник Томского государственного университета. Экономика. — 2022. — № 57. — С. 6–21. DOI: 10.17223 / 19988648 / 57 / 1; EDN: VUCRJI
2. **Фролова, Е.В.** Ренессанс кооперации: поиск экономической рациональности и социально-духовных смыслов / Е.В. Фролова, О.В. Рогач // Вопросы философии. — 2024. — № 6. — С. 55–64. DOI: 10.21146 / 0042-8744-2024-6-55-64; EDN: SXUPLK
3. **Путинцев, В.В.** Исторические корни и институциональные особенности сельскохозяйственной потребительской кооперации / В.В. Путинцев // Социально-экономические явления и процессы. — 2015. — Т. 10 — № 11. — С. 105–115. DOI: 10.20310 / 1819-8813-2015-10-11-105-115; EDN: VLEYHR
4. **Егоров, В.Г.** Кооперация и социальная солидарная экономика / В.Г. Егоров, А.А. Иншаков // Постсоветский материк. — 2021. — № 4(32). — С. 68–91. DOI: 10.48137 / 2311-6412_2021_4_68; EDN: HPCXFE
5. **Чистякова, О.А.** Концептуальные основы устойчивости потребительской кооперации / О.А. Чистякова // Вестник Волгоградского государственного университета. Экономика. — 2024. — Т. 26. — № 21. — С. 16–30. DOI: 10.15688 / ek.jvolsu.2024.1.2; EDN: AUWXDP
6. **Сушенцова, С.С.** Социальная ответственность и рыночная эффективность системы сельскохозяйственной кооперации / С.С. Сушенцова // Вестник экономики, права и социологии. — 2024. — № 3. — С. 322–326. DOI: 10.24412 / 1998-5533-2024-3-322-326; EDN: PMYJQE
7. **Гатаулина, Е.А.** Изменение подходов к поддержке потребительской кооперации: от организационной формы к процессу кооперации / Е.А. Гатаулина, М.П. Антонова, А.А. Потапова // Известия Тимирязевской сельскохозяйственной академии. — 2020. — № 5. — С. 95–110. DOI: 10.26897 / 0021-342X-2020-5-95-110; EDN: UDAEYV
8. **Усенко, Л.Н.** Исследование приоритетных форм развития кооперации в сельском хозяйстве Российской Федерации / Л.Н. Усенко, А.С. Биджиева // Научные труды Вольного экономического общества России. — 2023. — Т. 242 — № 4. — С. 105–118. DOI: 10.38197 / 2072-2060-2023-242-4-105-118; EDN: WJHVNL
9. **Трясцин, М.М.** Стратегия развития потребительской кооперации в социализации экономики Пермского края / М.М. Трясцин, М.В. Трошева // Аграрный вестник Урала. — 2012. — № 11–2. (106). — С. 67–69. EDN: RBHZIB
10. **Абилова, Е.В.** Социальные мотивы развития сельскохозяйственной кооперации / Е.В. Абилова, С.Г. Головина // Вестник Челябинского государственного университета. — 2023. — № 8(478). — С. 219–229. DOI: 10.47475 / 1994-2796-2023-478-8-219-229; EDN: TCDGBM
11. **Овчинцева, Л.А.** Новейшие формы и модели кооперативного движения / Л.А. Овчинцева // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Социология. — 2023. — Т. 23 — № 3. — С. 661–667. DOI: 10.22363 / 2313-2272-2023-23-3-661-667; EDN: YEOGRL
12. **Фролова, Е.В.** Новые контуры развития кооперации в России / Е.В. Фролова, О.В. Рогач // Социологические исследования. — 2025. — № 4. — С. 35–45. DOI: 10.31857 / S0132162525040032; EDN: BVKZEC
13. **Шурина, С.В.** Возможности государства по продвижению фермерства и сельской кооперации в России / С.В. Шурина // Экономика. Налоги. Право. — 2024. — Т. 17 — № 5. — С. 50–66. DOI: 10.26794 / 1999-849X-2024-17-5-50-66; EDN: XQCDYN

14. **Bhowmik, M.R.** Economic Growth and Rural Crisis in India: Imagining Cooperatives as a Viable Solution. / M.R. Bhowmik, S.G. Thakurata, D. Biswas // *Agrarian South: Journal of Political Economy*. — 2020. — Vol. 17. — No. 2. — P. 228–254. DOI: 10.1177 / 2277976020935408; EDN: UOITWU
15. **Мороз, О.Н.** Тенденции и механизмы развития потребительской кооперации в России / О.Н. Мороз, В.О. Андриевский // *Вестник Академии знаний*. — 2024. — № 2(61). — С. 311–316. EDN: WIZCCX
16. **Siedlok, F.** Strategy performance to avoid degeneration: How producer cooperatives can achieve social and economic goals / F. Siedlok, L. Callagher, Z. Elsahn, S. Korber // *Organization Studies*. 2023. — Vol. 45. — No. 1 — P. 31–57. DOI: 10.1177 / 01708406231193255; EDN: TGUTY
17. **Siedlok, F.** Collective entrepreneurship and cooperatives principles: Configurations for achieving social and economic goals in cooperatives / F. Siedlok, L. Callagher, V. van de Vrande // *International Small Business Journal: Researching Entrepreneurship*. — 2025. — Vol. 43. — No. 6. — P. 657–678. DOI: 10.1177 / 02662426251335593; EDN: EBDVCE

Сведения об авторах:

Рогач Ольга Владимировна, д.социол.н., доцент, проф. кафедры социологии, Финансовый университет при Правительстве Российской Федерации, Москва, Российская Федерация.

Контактная информация: e-mail: OVRogach@fa.ru; ORCID: 0000-0002-3031-4575; РИНЦ SPIN-код: 2618–6681.

Фролова Елена Викторовна, д.социол.н., проф., проф. кафедры социологии, Финансовый университет при Правительстве Российской Федерации, Москва, Российская Федерация.

Контактная информация: e-mail: EVFrolova@fa.ru; ORCID: 0000-0002-8958-4561; РИНЦ SPIN-код: 4098–3475.

DOI: 10.24412/1561-7785-2026-1-124-135

PARTICIPATION OF THE POPULATION IN CONSUMER COOPERATION: RESOURCES AND EXPECTATIONS

*Olga V. Rogach, Elena V. Frolova**

*Financial University under the Government of the Russian Federation
(49 Leningradsky prospect, Moscow, Russia, 125993)*

**E-mail: EVFrolova@fa.ru*

For citation:

Rogach O. V., Frolova E. V. Participation of the population in consumer cooperation: resources and expectations. *Narodonaselenie [Population]*. 2026. Vol. 29. No. 1. P. 124–135. DOI: 10.24412/1561-7785-2026-1-124-135 (in Russ.)

Abstract. *Russian traditions of cooperation development illustrate its social functions in improving the quality of life, supplying the population with necessary goods and services, creating conditions for uniting citizens interested in cooperative entrepreneurship. The article examines specifics of the cooperation development in modern Russian conditions, population's perception of its potential in solving social issues, assessment of resource capabilities and readiness of Russians to participate in cooperative forms of business. The research method is an online survey of 4022 respondents based on a representative sample. The results of the study showed that city residents are more interested in emergence of cooperative stores, linking their requests with supply of high-quality products from local producers, lower prices, and an expanded range of goods. Almost half of the respondents expressed their interest in personal participation in cooperative entrepreneurship. The potential for participation is*

illustrated not only by the declaration of intent, but also by the availability of a resource base: a higher level of economic, legal knowledge, competencies in the field of sales and marketing. Also, respondents motivated to participate in cooperative entrepreneurship are characterized by higher assessments of the material and technical and financial availability of resources necessary for organizing or joining a consumer cooperative. During the study, there were identified the priority forms of support for consumer cooperatives: organizational (provision of premises/spaces on a preferential basis, opportunity to use warehouses, logistics centers), financial (grants, subsidies, tax incentives), and informational and educational (advanced training, market monitoring, provision of information). The educational needs of the population, allowing realization of entrepreneurial potential in cooperation, are centered in the field of jurisprudence, marketing technologies, economics, finance, accounting, business negotiations.

Keywords: consumer cooperation, cooperative stores, quality of life, local communities.

References and Internet sources

1. Razvadovskaya Yu. V., Kaplyuk E. V., Rudneva K. S., Chernyak M. E. Institut kooperatsii: evolyutsiya i sovremennyye perspektivy [Institute of cooperation: evolution and modern perspectives]. Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Ekonomika [Tomsk State University Journal of Economics]. 2022. No. 57. P. 6–21. DOI: 10.17223/19988648/57/1 (in Russ.)
2. Frolova E. V., Rogach O. V. Renessans kooperatsii: poisk ekonomicheskoy ratsional'nosti i sotsial'no-duhovnykh smyslov [The renaissance of cooperation: the search for economic rationality and socio-spiritual meanings]. Voprosy filosofii [Russian Studies in Philosophy]. 2024. No. 6. P. 55–64. DOI: 10.21146/0042-8744-2024-6-55-64 (in Russ.)
3. Putintsev V. V. Istoricheskiye korni i institutsional'nyye osobennosti sel'skohozyajstvennoj potrebitel'skoj kooperatsii [Historical roots and institutional features of agricultural consumer cooperation]. Sotsial'no-ekonomicheskiye yavleniya i protsessy [Social Economic Phenomena and Processes]. 2015. Vol. 10. No. 11. P. 105–115. DOI: 10.20310/1819-8813-2015-10-11-105-115 (in Russ.)
4. Egorov V. G., Inshakov A. A. Kooperatsiya i sotsial'naya solidarnaya ekonomika [Cooperation and social solidarity economy]. Postsovetskij materik [Post-Soviet Continent]. 2021. No. 4(32). P. 68–91. DOI: 10.48137/2311-6412_2021_4_68 (in Russ.)
5. Chistyakova O. A. Kontseptual'nyye osnovy ustojchivosti potrebitel'skoj kooperatsii [Conceptual foundations of consumer cooperation sustainability]. Vestnik Volgogradskogo gosudarstvennogo universiteta. Ekonomika [Journal of Volgograd State University. Economics]. 2024. Vol. 26. No. 21. P. 16–30. DOI: 10.15688/ek.jvolsu.2024.1.2 (in Russ.)
6. Sushentsova S. S. Sotsial'naya otvetstvennost' i rynochnaya effektivnost' sistemy sel'skohozyajstvennoj kooperatsii [Social responsibility and market efficiency of the agricultural cooperation system]. Vestnik ekonomiki, prava i sotsiologii [Bulletin of Economics, Law and Sociology]. 2024. No. 3. P. 322–326. DOI: 10.24412/1998-5533-2024-3-322-326 (in Russ.)
7. Gataulina E. A., Antonova M. P., Potapova A. A. Izmeneniye podkhodov k podderzhke potrebitel'skoj kooperatsii: ot organizatsionnoj formy k protsessu kooperatsii [Changing approaches to supporting consumer cooperation: from organizational form to the process of cooperation]. Izvestiya Timiryazevskoj sel'skohozyajstvennoj akademii [Izvestiya of Timiryazev Agricultural Academy]. 2020. No. 5. P. 95–110. DOI: 10.26897/0021-342X-2020-5-95-110 (in Russ.)
8. Usenko L. N., Bidzhieva A. S. Issledovaniye prioritetnykh form razvitiya kooperatsii v sel'skom hozyajstve Rossijskoj Federatsii [Priority forms of development of cooperation in agriculture of the Russian Federation]. Nauchnyye trudy Vol'nogo ekonomicheskogo obshchestva Rossii [Scientific Works of the Free Economic Society of Russia]. 2023. Vol. 242. No. 4. P. 105–118. DOI: 10.38197/2072-2060-2023-242-4-105-118 (in Russ.)
9. Tryastin M. M., Trosheva M. V. Strategiya razvitiya potrebitel'skoj kooperatsii v sotsializatsii ekonomiki Permskogo kraja [The consumer cooperation development strategy in the socialization of the economy of the Perm region]. Agrarnyj vestnik Urala [Agrarian Bulletin of the Urals]. 2012. No. 11–2. (106). P. 67–69. (in Russ.)

10. Abilova E. V., Golovina S. G. Sotsial'nye motivy razvitiya sel'skohozyajstvennoj kooperatsii [Social motives for the development of agricultural cooperation]. Vestnik Chelyabinskogo gosudarstvennogo universiteta [Bulletin of Chelyabinsk State University]. 2023. No. 8(478). P. 219–229. DOI: 10.47475/1994-2796-2023-478-8-219-229 (in Russ.)
11. Ovchintseva L. A. Novejshije formy i modeli kooperativnogo dvizheniya [The latest forms and models of the cooperative movement]. Vestnik Rossijskogo universiteta družby narodov. Seriya: Sotsiologiya [RUDN Journal of Sociology]. 2023. Vol. 23. No. 3. P. 661–667. DOI: 10.22363/2313-2272-2023-23-3-661-667 (in Russ.)
12. Frolova E. V., Rogach O. V. Novye kontury razvitiya kooperatsii v Rossii [New contours of cooperation development in Russia]. Sotsiologicheskie issledovaniya [Sociological Studies]. 2025. No. 4. P. 35–45. DOI: 10.31857/S0132162525040032 (in Russ.)
13. Shchurina S. V. Vozmozhnosti gosudarstva po prodvizheniyu fermerstva i sel'skoj kooperatsii v Rossii [The possibilities of the State to promote farming and rural cooperation in Russia]. Ekonomika. Nalogi. Pravo [Economics, Taxes and Law]. 2024. Vol. 17. No. 5. P. 50–66. DOI: 10.26794/1999-849X-2024-17-5-50-66 (in Russ.)
14. Bhowmik M. R., Thakurata S. G., Biswas D. Economic growth and rural crisis in India: imagining cooperatives as a viable solution. *Agrarian South: Journal of Political Economy*. 2020. Vol. 9. No. 2. P. 228–254. DOI:10.1177/2277976020935408
15. Moroz O. N., Andrievsky V. O. Tendentsii i mekhanizmy razvitiya potrebitel'skoj kooperatsii v Rossii [Trends and mechanisms of development of consumer cooperation in Russia]. Vestnik Akademii znaniy [Bulletin of the Academy of Knowledge]. 2024. No. 2(61). P. 311–316. (in Russ.)
16. Siedlok F., Callagher L., Elshahn Z., Korber, S. Strategy performance to avoid degeneration: How producer cooperatives can achieve social and economic goals. *Organization Studies*. 2023. Vol. 45. No. 1 P. 31–57. DOI: 10.1177/01708406231193255
17. Siedlok F., Callagher L., van de Vrande, V. Collective entrepreneurship and cooperatives principles: Configurations for achieving social and economic goals in cooperatives. *International Small Business Journal: Researching Entrepreneurship*. 2025. No. 43(6). P. 657–678. DOI: 10.1177/02662426251335593

Information about authors:

Rogach Olga Vladimirovna, Doctor of Sociology, Associate Professor, Financial University under the Government of the Russian Federation, Moscow, Russia.

Contact information: e-mail: OVRogach@fa.ru ORCID: 0000-0002-3031-4575; Elibrary SPIN-code: 2618-6681.

Frolova Elena Viktorovna, Doctor of Sociology, Professor, Financial University under the Government of the Russian Federation, Moscow, Russia.

Contact information: e-mail: EVFrolova@fa.ru; ORCID: 0000-0002-8958-4561; Elibrary SPIN-code: 4098-3475.

Статья поступила в редакцию 14.06.2025, утверждена 16.02.2026, опубликована 31.03.2026.

DOI: 10.24412/1561-7785-2026-1-136-149
EDN: DFJZHR

ТРИ МЕТОДИЧЕСКИХ ПОДХОДА К СРАВНЕНИЮ ДИНАМИКИ ЗАРАБОТНЫХ ПЛАТ В 15 РЕСПУБЛИКАХ СССР И ПОСТСОВЕТСКИХ ГОСУДАРСТВАХ В 1960-Х – 2020-Х ГОДАХ (ЧАСТЬ II)¹

Пилипенко И. В.^{1,2}

¹Санкт-Петербургский государственный университет
(199034, Россия, Санкт-Петербург, Менделеевская линия, 5)

²ИСЭПН ФНИСЦ РАН
(117218, Россия, Москва, Нахимовский проспект, 32)

E-mail: i-pilipenko@yandex.ru

Финансирование:

Исследование выполнено за счёт гранта РНФ (проект № 23–18–00249) «Жизненный уровень населения России в XX – начале XXI в. по традиционным и альтернативным показателям». – URL: <https://rscf.ru/project/23-18-00249/>.

Для цитирования:

Пилипенко И.В. Три методических подхода к сравнению динамики заработных плат в 15 республиках СССР и постсоветских государствах в 1960-х – 2020-х годах (часть II) // Народонаселение. – 2026. – Т. 29. – № 1. – С. 136-149. DOI: 10.24412 / 1561-7785-2026-1-136-149; EDN: DFJZHR

Аннотация. Цель статьи — сопоставление уровня жизни в союзных республиках и на постсоветском пространстве через призму уровня и покупательной способности заработных плат населения в рамках как плановой, так и рыночной экономик. На основе статистических данных ЦСУ СССР и союзных республик, Межгосударственного статистического комитета Содружества Независимых Государств, Всемирного банка, Международного валютного фонда, Европейской экономической комиссии ООН и национальных правительств, нами составлены динамические ряды данных по 15 республикам СССР и постсоветским государствам в период с 1960 по 2023 гг., конвертированные для возможности сопоставления в советские рубли. В первой и второй частях статьи представлены три методических подхода к расчётам динамики реальных зарплат в течение рассматриваемых 64 лет: 1) с учётом индекса потребительских цен (инфляции) в рассматриваемых странах; 2) с использованием официальных курсов национальных валют к доллару США как основной резервной валюте в мировой экономике в течение рассматриваемого периода; 3) впервые в российской научной литературе — с рассчитанными переводными коэффициентами в доллары США по паритету покупательной способности (ППС) в текущих и постоянных ценах. Проанализированы особенности каждого из используемых подходов и причины получения различных результатов по значениям зарплат для 15 республик. Предложено использовать инструментарий ППС валют в рамках третьего методического подхода, представленного в статье, в качестве основной методики при исследованиях динамики реального уровня жизни на постсоветском пространстве и межстрановых сопоставлениях во времени. Во второй части статьи также рассмотрены дополнительные факторы, оказывающие влияние на сопоставление динамики и уровня зарплат в рамках плановой и рыночной экономик, которые в дальнейшем позволят улучшить проводимые по данной тематике расчёты.

Ключевые слова: заработная плата, паритет покупательной способности, временные ряды, доходы, расходы, плановая экономика, рыночная экономика, СССР, постсоветское государство.

© Пилипенко И. В., 2026

¹ Первая часть статьи — см. № 4 журнала «Народонаселение» за 2025 год.

Результаты расчётов по методическому подходу № 1

Динамика номинальных зарплат по сравнению с зарплатами в 1990 г. с использованием для 1991–2023 гг. данных Всемирного банка по инфляции приведена в табл. 3, а по сравнению с зарплатами в 2023 г. с данными Статкомитета СНГ по инфляции для 11 стран в период 1991–2023 гг. — в табл. 4. В период плановой экономики с учётом минимальной накопленной инфляции в 1960–1990 гг. (19,8%) в государственной и кооперативной торговле покупательная способность зарплат рабочих и служащих увеличилась в среднем по СССР в 2,84 раза. Максимальное увеличение было достигнуто в Белорусской (3,49 раза), Эстонской (3,47), Литовской (3,27) и Латвийской (3,09 раза) ССР. РСФСР находилась на пятом месте (2,98 раза), тогда как замыкали список Киргизская (2,44 раза), Туркменская (2,40), Грузинская (2,38), Таджикская (2,21) и Азербайджанская ССР (рост в 2,10 раза). Отметим, что значительный прирост номинальных зарплат в СССР в период 1985–1990 гг. (на 44,5%) был смягчён повышением инфляции во второй половине 1980-х гг. (11% в 1986–1990 гг.) из-за нарастающей несбалансированности спроса и предложения в период «перестройки».

После распада СССР траектории изменения зарплат в экономике новых независимых государств разошлись, и на итоговые результаты серьёзно повлиял период гиперинфляции в первой половине 1990-х гг., а также некоторые различия в расчётах уровня индекса потребительских цен (ИПЦ) по странам в зависимости от источников. Так, наши расчёты с использованием данных Всемирного банка и МВФ показали, что в Армении и Таджикистане к 2023 г. размер номинальных зарплат пока ещё не достиг уровня зарплат в этих республиках по состоянию на 1990 г. (см. табл. 3). В то же время в девяти других государствах размер но-

минальных зарплат пока ещё не достиг уровня зарплат в этих республиках по состоянию на 1990 г. (см. табл. 3). В то же время в девяти других государствах размер но-

Таблица 3

Соотношение зарплат в 1960–2023 гг. и зарплата 1990 г. с учётом уровня инфляции в союзных и постсоветских республиках (1-ый вариант расчётов), 1990 г.=100

Table 3

Wage levels in 1960–2023 in comparison to the level of 1990 taking into account inflation in the Union Republics and post-Soviet states (1st alternative way of calculations), the year of 1990 =100

Государство	1960	1965	1970	1975	1980	1985	1990	1995	2000	2005	2010	2015	2020	2023
Азербайджан	48	55	67	77	89	93	100	14	43	96	157	188	208	208
Армения	38	46	61	69	79	83	100	6	12	24	36	48	50	60
Беларусь	29	36	48	57	66	73	100	60	102	210	339	484	652	752
Грузия	42	48	59	67	79	87	100	27	75	167	341	448	483	600
Казахстан	37	44	56	67	73	78	100	40	56	94	132	156	180	215
Киргизия	41	49	62	73	79	82	100	40	46	80	131	168	209	247
Латвия	32	39	52	60	69	75	100	71	70	119	155	187	240	244
Литва	31	38	51	60	68	74	100	38	53	65	78	90	162	167
Молдова	35	42	53	60	69	75	100	42	44	87	128	144	198	199
Россия	34	40	51	62	70	75	100	34	39	80	120	128	159	178
Таджикистан	45	55	68	79	82	85	100	2	1	4	9	16	18	22
Туркменистан	42	50	64	80	84	87	100	20	50	139	309	389	459	--
Узбекистан	39	49	64	76	84	85	100	76	154	489	1689	2290	2793	2922
Украина	38	45	56	64	73	78	100	52	45	106	151	157	270	274
Эстония	29	35	48	56	64	70	100	53	72	99	121	146	181	168

Примечания: 1) в таблице приведены современные названия государств; 2) по Туркменистану последние данные – данные за 2019 год.

Источник: рассчитано и составлено автором по данным: см. список источников в сносках 5, 6, 7, 15, 17, 18 в части I статьи.

минальных зарплат в 2023 г. оказался выше уровня 1990 г. (от 1,7 раза в Эстонии и Литве и 1,8 раза в РФ до 2,4 раза в Киргизии, 2,5 раза в Литве и 2,7 раза на Украине). Ещё в четырёх республиках превышение зарплат составило 4,6 раза для Туркменистана (данные на 2019 г.), 6,0 раз для Грузии, 7,5 раз для Беларуси и 29,2 раза для Узбекистана.

Использование данных Статкомитета СНГ по инфляции для 11 республик (см. табл. 4) даёт похожие результаты для большинства республик — увеличение зарплат к 2023 г. по сравнению с 1990 г. в 1,0 раз в Молдове, 1,6 раза в Казахстане, в 1,7 раза в Литве, Эстонии и на Украине, в 1,8 раза в России, в 2,1 раза в Азербайджане, в 2,4 раза в Латвии, в 2,6 раза в Киргизии. В то же время, уровень зарплат в Туркменистане, Грузии, Беларуси и Узбекистане также сильно отличается, показав рост, соответственно, в 4,5 раза (данные на 2019 г.), в 6,0 раз, в 7,3 раза и в 79,7 раз. В этой связи, рассматривая динамику средней зарплаты в Уз-

бекистане, можно отметить её увеличение в период 2004–2010 гг. в номинальном выражении в 9,5 раза, тогда как зарегистрированные потребительские цены выросли накопленным итогом в 2,1 раза за эти годы.

Результаты расчётов по методическому подходу № 2

Второй подход с использованием официального курса советского рубля и национальных валют, выраженных через рубль СССР, показывает стабильное увеличение зарплат во всех 15 республиках в рамках плановой экономики за счёт двух составляющих (см. табл. 5): (1) укрепления официального курса советского рубля против доллара США с 4 рублей за доллар в 1960 г. (этим объясняются низкие значения зарплат в 1960 г.) до 90 копеек за доллар в период 1961–1970 гг. и до 58 копеек за доллар к 1990 г., а также (2) за счёт роста зарплат в номинальном выражении. Наоборот,

Таблица 4

Соотношение зарплат в 1960–2023 гг. и зарплата 2023 г. с учётом уровня инфляции в союзных и постсоветских республиках (2-ой вариант расчётов), 2023 г.=100

Table 4

Wage levels in 1960–2023 in comparison to the level of 2023 taking into account inflation in the Union Republics and post-Soviet states (2nd alternative way of calculations), the year of 2023=100

Государство	1960	1965	1970	1975	1980	1985	1990	1995	2000	2005	2010	2015	2020	2023
Азербайджан	23	27	33	37	43	45	48	6	20	45	72	87	99	100
Армения	57	70	93	105	120	126	152	8	20	39	57	79	81	100
Беларусь	4	5	7	8	9	10	14	6	11	28	44	63	86	100
Грузия	7	8	10	11	13	14	17	5	13	28	57	75	81	100
Казахстан	23	27	34	41	45	48	61	16	26	44	61	69	84	100
Киргизия	16	19	24	28	31	32	39	15	18	32	49	68	82	100
Латвия	13	16	21	25	28	31	41	29	29	49	64	76	98	100
Литва	18	23	30	36	41	45	60	23	32	39	47	54	97	100
Молдова	33	40	51	58	67	72	96	19	21	42	63	69	101	100
Россия	19	22	29	35	39	42	56	19	22	45	67	72	89	100
Таджикистан	133	161	200	232	239	248	292	2	5	16	40	72	81	100
Туркменистан	9	11	14	18	19	19	22	4	11	31	68	89	100	--
Узбекистан	0,5	0,6	0,8	1,0	1,1	1,1	1,3	1,0	3	10	43	73	94	100
Украина	22	26	32	38	42	45	58	15	16	41	58	58	104	100
Эстония	17	21	28	33	38	42	59	32	43	59	72	86	108	100

Примечания: 1) в таблице приведены современные названия государств; 2) по Туркменской ССР / Туркменистану данные за период 1960–2019 гг.; зарплата в 2019 г. = 100.

Источник: рассчитано и составлено автором по данным: см. список источников в сносках 11, 12, 13, 23, 24, 26, 27 в части I статьи.

в первой половине 1990-х гг. за счёт обесценения национальных валют уровень зарплат, выраженный в долларах США, упал в 4–5 раз в Эстонии, Литве и Казахстане, в 8 раз в России и Латвии, 10 раз в Узбекистане и на Украине, в 14–19 раз в Молдове, Киргизии и Туркменистане, более чем в 30 раз в Армении, Беларуси, Таджикистане, Азербайджане и Грузии. Такие двузначные цифры падения уровня зарплат объясняются тем, что гиперинфляция в моменте опережала индексацию оплаты труда, и обычно уже на следующий год после ускорения инфляции наблюдалась обратная картина — превышение темпов роста зарплат по сравнению с инфляцией.

В итоге к 2023 г. среди постсоветских республик сложилось три группы стран по уровню зарплат, конвертированных в доллары США: 1) три прибалтийские республики — члены Европейского союза, вступившие в еврозону в 2011–2015 гг. с номиналь-

но наиболее высокими зарплатами (от 1662 до 2173 долларов США на душу населения); 2) наиболее многочисленная группа из девяти государств со средним уровнем зарплат (от 477 до 879 долларов США на душу населения²); 3) группа в составе Таджикистана, Узбекистана и Киргизии с наиболее низкой оплатой труда (от 186 до 360 долларов США на душу населения).

Наши расчёты эквивалентов зарплат за 1990 г. (см. табл. 6) и 2023 г. для периода 1960–1990 гг. свидетельствуют о том, что уровень зарплат во многих республиках за исключением Прибалтики, РСФСР, Белорусской и Молдавской ССР во второй половине 1960-х — в 1970-х гг. в долларовом выражении был выше, чем в 1990 году. Этот феномен, помимо укрепления официального курса советского рубля, объясняется

² В Туркменистане по состоянию на 2019 г. средняя заработная плата была эквивалентна 967 долларам США.

Таблица 5

Динамика уровня зарплат по официальному курсу в союзных и постсоветских республиках в 1960–2023 гг., в долларах США

Table 5

Dynamics of wage levels according to official exchange rates in the Union Republics and post-Soviet states in 1960–2023, in US dollars

Государство	1960	1965	1970	1975	1980	1985	1990	1995	2000	2005	2010	2015	2020	2023
Азербайджан	19	100	122	173	228	195	333	14	50	131	413	456	416	549
Армения	19	103	137	193	250	216	413	20	42	114	275	359	388	688
Беларусь	16	90	118	174	230	208	452	87	82	215	409	422	514	637
Грузия	19	97	118	165	223	201	366	15	37	113	335	397	383	707
Казахстан	20	109	137	204	256	223	454	96	101	256	527	568	516	790
Киргизия	19	100	125	186	227	195	375	38	26	64	156	209	245	360
Латвия	20	106	140	203	263	235	498	181	247	436	838	908	1306	1662
Литва	18	101	133	197	255	227	485	146	251	460	763	792	1632	2173
Молдова	17	91	114	162	212	189	398	39	33	105	240	241	459	672
Россия	21	110	140	212	273	241	508	131	79	302	690	558	712	879
Таджикистан	20	107	131	189	223	189	354	16	8	27	81	150	135	186
Туркменистан	21	114	144	225	270	229	417	29	39	134	338	587	967	--
Узбекистан	18	99	128	189	239	197	368	47	50	73	318	456	266	324
Украина	20	104	128	185	238	208	425	65	42	157	282	192	430	477
Эстония	20	111	150	221	290	258	583	239	289	640	1049	1182	1654	1981

Примечания: 1) в таблице приведены современные названия государств; 2) по Туркменистану — последние данные за 2019 год.

Источник: рассчитано и составлено автором по данным: см. список источников в сносках 11, 12, 13, 24, 29, 30, 33 в части I статьи.

значительным обесценением доллара, так как средний уровень инфляции в США в период 1970–1985 гг. достигал 6,9% в год (накопленным итогом потребительские цены выросли за эти годы в 2,93 раза). По факту снижение покупательной способности доллара США обогнало в этот период темпы роста зарплат в СССР в 1970–1980-х гг. Та-

ким образом, действительно, как подчёркивали публикации 1970-х гг. по тематике сопоставления уровня жизни в СССР и США [1–4], получение зарплат в советских рублях в этот период гарантировало большее увеличение покупательной способности населения СССР, чем зарплата в долларах при прочих равных условиях для жителей США.

Таблица 6

Соотношение уровня зарплат 1990 г. и зарплат в 1960–2023 гг., рассчитанных через курс к доллару США, в союзных / постсоветских республиках, 1990 г.=100

Table 6

The level of wages in 1990 and wages in 1960–2023 in the Union Republics and post-Soviet states calculated using exchange rates against the US dollar, the year of 1990=100

Государство	1960	1965	1970	1975	1980	1985	1990	1995	2000	2005	2010	2015	2020	2023
Азербайджан	26	125	123	126	108	71	100	4	11	26	74	75	63	71
Армения	20	103	111	113	96	64	100	4	8	18	40	48	47	71
Беларусь	15	82	88	93	81	56	100	16	14	32	54	51	57	60
Грузия	23	110	108	109	97	67	100	4	8	21	55	60	53	83
Казахстан	20	99	102	109	90	60	100	18	17	38	70	69	57	75
Киргизия	22	110	112	120	96	63	100	9	5	11	25	31	33	41
Латвия	17	88	94	99	84	57	100	31	38	59	101	101	132	143
Литва	17	87	92	99	83	57	100	26	39	63	94	90	170	192
Молдова	19	95	96	99	84	58	100	8	6	18	36	33	58	72
Россия	18	90	93	102	85	58	100	22	12	40	81	61	71	74
Таджикистан	24	125	125	130	100	65	100	4	2	5	14	23	19	22
Туркменистан	22	113	117	131	103	67	100	6	7	22	49	78	119	--
Узбекистан	21	112	117	125	103	65	100	11	10	13	52	68	36	38
Украина	20	102	101	106	89	60	100	13	8	25	40	25	51	48
Эстония	16	79	87	92	79	54	100	35	38	73	108	112	143	146

Примечания: 1) в таблице приведены современные названия государств; 2) по Туркменистану данные за 2019 год.

Источник: рассчитано и составлено автором по данным: см. список источников в сносках 11, 12, 13, 24, 29, 30, 33 в части I статьи.

В свою очередь, расчёты динамики зарплат, выраженных через доллар США для 1990–2020-х гг., показывают, что 11 из 15 постсоветских республик в части средней оплаты труда пока не достигли уровня 1990 г. (табл. 6). Более чем в 2 раза текущий уровень зарплат меньше уровня 1990 г. в Таджикистане, Узбекистане, Киргизии и на Украине; в 1,2–1,7 раза — в Грузии, Казахстане, России, Молдове, Армении, Азербайджане и Беларуси. На зарплаты в этих государствах при международных сопоставлениях уровня жизни в рамках рассматриваемого мето-

дического подхода серьёзное влияние оказывают девальвации национальных валют, являющиеся, в том числе, следствием более высокого уровня инфляции по сравнению с развитыми странами [5]. Наиболее высокий уровень оплаты труда, выраженный в долларах США, был характерен для Туркменистана (выше в 1,2 раза уровня 1990 г.), по которому статистический ряд оканчивается 2019 г., а также, как и в случае с зарплатами в номинальном выражении — для трёх прибалтийских республик (средние зарплаты выше уровня 1990 г. в 1,4–1,9 раза).

Результаты расчётов по методическому подходу № 3

В рамках третьего подхода наша оценка уровня зарплат в республиках СССР в 1960–1980-х гг. в долларах США по ППС с использованием цен 1990 г. подтверждает выводы, сделанные выше по результатам расчётов по второму подходу, относительно значительного увеличения покупательной способности зарплат населения союзных республик (табл. 7). Так, средние зарпла-

ты в сопоставимых долларах США по ППС увеличились за рассматриваемый период в 31 год в Азербайджанской ССР в 9,3 раза, в Таджикской ССР в 9,8 раза, в Туркменской и Грузинской ССР в 10,6 раза, в Киргизской ССР в 10,8 раза, в Узбекской ССР в 11,4 раза, Армянской и Украинской ССР в 11,8 раза, в Казахской ССР в 12,1 раза, в Молдавской ССР в 12,8 раза, в РСФСР в 13,2 раза, в Латвийской ССР в 13,7 раза, в Литовской ССР в 14,5 раза, в Эстонской ССР в 15,4 раза, в Белорусской ССР в 15,5 раза.

Таблица 7

Оценка уровня зарплат в союзных республиках в 1960–1990 гг. (1990 г. – базовый год), в долларах США по ППС

Table 7

Estimation of the level of wages in the Union Republics in 1960–1990 (1990 as a base year), in US dollars adjusted for PPP

Государство	1960	1965	1970	1975	1980	1985	1990
Азербайджанская ССР	46	57	85	135	239	326	427
Армянская ССР	45	58	96	150	262	361	530
Белорусская ССР	37	51	83	135	241	348	581
Грузинская ССР	44	55	82	128	233	336	470
Казахская ССР	48	61	96	159	269	374	583
Киргизская ССР	44	56	88	145	238	326	481
Латвийская ССР	47	60	98	158	276	393	639
Литовская ССР	43	57	93	153	267	381	622
Молдавская ССР	40	51	80	126	222	316	512
РСФСР	49	62	98	165	286	404	652
Таджикская ССР	46	60	92	147	234	316	454
Туркменская ССР	50	64	101	175	283	383	535
Узбекская ССР	42	56	89	147	250	329	473
Украинская ССР	46	59	90	144	249	349	546
Эстонская ССР	49	63	105	172	303	431	748

Примечание: в таблице приведены названия государств в 1990 году.

Источник: рассчитано и составлено автором по данным: см. список источников в сносках 11, 12, 13, 24, 33 в части I статьи.

Следует отметить, что официальный курс Госбанка СССР (около 60 копеек за 1 доллар США в 1987–1990 гг.) был весьма близок к соотношению реальной покупательной способности советского рубля и доллара США в тот момент [6, с. 39–40]. Средневзвешенный курс по 15 республикам СССР, курсы которых использовались Всемирным банком для предоставления официальной статистики по ВВП за 1990 г., равнял-

ся 1,4768 рублей за доллар. В свою очередь, средневзвешенный переводной коэффициент из долларов США по номиналу в доллары США по ППС составлял 3,2431, что давало курс по ППС, равный 0,4554 рубля СССР за доллар США. В связи со значительной девальвацией доллара США по сравнению с советским рублём в течение 1960–1980-х гг. соотношение рубля и доллара по ППС в 1960 г. находилось, по нашей оценке,

на уровне 1,6878 рубля за доллар США без учёта изменений в ценах производителей³.

Результаты расчётов для периода 1990–2020-х гг. по зарплатам в постсоветских республиках в долларах США по ППС в текущих ценах, что позволяет сравнивать уровень жизни между республиками по отдельным годам, и по ППС в постоянных ценах для сопоставления динамики реальной покупательной способности во времени, представлены в табл. 8. Использование показателей по ППС в текущих ценах, во-первых, привело к значительному увеличению уровня зарплат, выраженных в долларах США по ППС, во всех 15 государствах. Так, переводные коэффициенты из долларов США по номинальному курсу в доллары США по ППС находились по состоянию на 2023 г. для прибалтийских республик — в пределах 1,64–1,91; для Туркменистана (на 2019 г.), Молдовы, Армении и Казахстана — от 2,33 до 2,99; для Грузии, России, Азербайджана — от 3,04 до 3,31; для Украины, Киргизии, Беларуси, Узбекистана и Таджикистана — от 3,48 до 4,27.

Во-вторых, задействование инструментария ППС логичным образом привело к сглаживанию диспаритетов в уровне зарплат между республиками. Например, коэффициент вариации для данных 2023 г. по ППС составил 0,38, тогда как коэффициент вариации для зарплат в том же году, выраженных в долларах США по номинальному обменному курсу, достигал 0,77 (см. табл. 5). Разрыв значений между республикой с наиболее высоким уровнем оплаты труда в долларах США по ППС (Литва) и наиболее низкими зарплатами (Таджикистан) равнялся 5,2 раза, а в номинальном выражении составлял 11,7 раза.

Динамика изменений покупательной способности средних зарплат в 15 республиках, выраженная с помощью показателя по ППС в постоянных ценах 2023 г. (табл. 8), свидетельствует о значительном падении уровня зарплат в 1990-х гг. (от 1,6 раза в Казахстане до 29,8 раз в Грузии) и их

восстановлении в большинстве государств в 2000-х годах. Так, если использовать первый вариант расчётов (разные курсы советского рубля к долл. США и переводные коэффициенты в долл. по ППС по состоянию на 1990 г., согласно данным Всемирного банка), то Латвия достигла уровня зарплат 1990 г. в 1993 г., далее этого показателя в 1997 г. достигла Эстония, в 2001 г. — Беларусь, в 2004 г. — Армения, в 2006 г. — Литва, Молдова и Узбекистан, в 2007 г. — Азербайджан и Грузия, в 2008 г. — Россия (и далее еще раз в 2013 г.) и Киргизия, в 2013 г. — Украина, в 2014 г. и в 2019 г. — Казахстан, в 2022 г. — Таджикистан (по Туркменистану данные отсутствовали). В свою очередь, за период 1990–2023 гг. уровень зарплат по ППС в сопоставимых ценах увеличился в Таджикистане — в 1,12 раза, России — в 1,24 раза, Казахстане — в 1,29 раза, Азербайджане — в 1,62 раза, Киргизии — в 1,71 раза, Молдове — в 1,85 раза, Грузии и Узбекистане — в 2,19 раза, Эстонии — в 2,24 раза, Литве — в 2,41 раза, Беларуси — в 2,93 раза, Армении — в 3,14 раза, Латвии — в 3,74 раза, в то время как на Украине по итогам 2023 г. средняя зарплата была на 15,4% ниже уровня 1990 года.

Согласно второму варианту вычислений (для 1990 г. используется рассчитанный нами единый для всех республик средневзвешенный курс советского рубля к долл. США и переводной коэффициент в долл. по ППС в 1990 г.) Казахстан по итогам 2002 г. первым достиг и превысил показатель 1990 г. Далее в 2006 г. это сделали Азербайджан, Литва, Эстония и Узбекистан, в 2007 г. — Беларусь и Латвия, в 2008 г. — Грузия, в 2012 г. — Армения и Украина (и далее в 2017 г.), в 2018 г. — Молдова, в 2019 г. и 2023 г. — Россия. По состоянию на 2023 г. только в Таджикистане средние зарплаты еще не достигали уровня 1990 года. В целом за период 1990–2023 гг. уровень оплаты труда по ППС в сопоставимых ценах увеличился в Киргизии — в 1,01 раза, России в 1,04 раза, Молдове — в 1,34 раза, Армении — в 1,39 раза, Эстонии — в 1,45 раза, Беларуси — в 1,64 раза, Узбекистане — в 1,68 раза, Казахстане — в 1,71 раза, Латвии — в 1,80

³ Согласно результатам работ [7–9] индекс цен производителей систематически был выше уровня инфляции в сфере потребления, преимущественно за счёт повышения цен на продукцию отрасли машиностроения.

раза, Грузии — в 1,86 раза, Азербайджане — на Украине средняя зарплата в 2023 г. состав-
в 1,90 раза, Литве — в 2,50 раза, тогда как ляла 91% от 1990 г., а в Таджикистане — 97%.

Таблица 8

Динамика уровня зарплат в текущих ценах и ценах 2023 г. в постсоветских республиках в 1990-2023 гг. (1990 г. – первый и второй варианты), в долларах США по ППС

Table 8

The dynamics of wage levels in current and constant 2023 prices in the post-Soviet republics in 1990-2023 (for the year of 1990 – two alternative ways of calculations), in US dollars adjusted for PPP

	1990*	1990**	1995	2000	2005	2010	2015	2020	2023
ППС в текущих ценах, долларов США									
Азербайджан	500	427	104	256	558	1038	1249	1492	1819
Армения	235	530	79	179	378	641	997	1337	1819
Беларусь	325	581	244	374	665	1041	1281	1955	2502
Грузия	400	470	50	154	362	788	1191	1495	2149
Казахстан	773	583	442	636	948	1117	1253	1706	2365
Киргизия	286	481	146	171	319	549	786	1031	1297
Латвия	307	639	429	590	798	1300	1644	2434	3047
Литва	645	622	399	643	849	1278	1600	3296	4159
Молдова	372	512	205	227	492	623	807	1418	1757
Россия	547	652	275	305	672	1324	1444	2218	2806
Таджикистан	396	454	79	57	134	251	467	591	793
Туркменистан	650	535	165	261	460	748	1295	2252	--
Узбекистан	362	473	176	239	488	999	1107	1136	1261
Украина	588	546	287	274	599	785	910	1801	1657
Эстония	482	748	493	669	1022	1546	1981	2811	3254
ППС в постоянных ценах, 2023 г. = 100									
Азербайджан	62	53	11	26	50	85	105	115	100
Армения	32	72	9	20	37	58	82	83	100
Беларусь	34	61	23	32	51	72	80	93	100
Грузия	46	54	5	14	30	60	75	78	100
Казахстан	78	58	39	52	69	74	81	88	100
Киргизия	59	99	26	29	48	74	91	94	100
Латвия	27	56	32	41	50	66	75	91	100
Литва	42	40	23	33	39	48	54	95	100
Молдова	54	75	26	27	52	60	65	90	100
Россия	81	96	36	36	63	85	84	102	100
Таджикистан	89	103	16	10	22	38	67	84	100
Узбекистан	46	60	20	25	45	83	98	103	100
Украина	118	110	51	45	88	104	95	133	100
Эстония	45	69	40	53	67	78	88	105	100

Примечания: 1) в таблице приведены современные названия государств; 2) *расчёты с отдельными для каждой республики (согласно расчётам автора на основе данных Всемирного банка) курсами советского рубля к доллару США в 1990 г. и переводными коэффициентами из долларов США по номиналу в доллары по ППС в текущих ценах; 3) **расчёты со средневзвешенным значением курса советского рубля к доллару США в 1990 г. и переводным коэффициентом из долларов США по номиналу в доллары по ППС в текущих ценах (согласно расчётам автора на основе данных Всемирного банка) для всех республик; 4) по Туркменистану данные за 2019 г.; данные по ППС в постоянных ценах по Туркменистану отсутствуют.

Источник: рассчитано и составлено автором по данным: см. список источников в сносках 11, 12, 13, 24, 33 в части I статьи.

Заклучение

Результаты проведённых нами расчётов в соответствии с первым методическим подходом с использованием официальной статистики по инфляции в экономике 15 республик дали результаты, схожие с исследованиями [10–12] относительно повышения уровня жизни в России и большинстве других постсоветских государств и превышения уровня 1990 г. во второй половине 2000-х гг. Итоги вычислений в рамках второго методического подхода, согласно которому большинство республик, наоборот, еще не достигли уровня зарплат по состоянию на 1990 г., больше созвучны с работами, которые указывали на чрезмерное неравенство в современной российской экономике и устойчивую бедность значительной части населения [13–17]. Третий подход с использованием данных по ППС предлагает более сбалансированную картину, и наши расчёты для рассмотренного периода в 64 года, включающего 32 года развития 15-ти республик в рамках плановой экономики СССР и 32 года рыночных преобразований впервые позволяют оценить эволюцию покупательной способности зарплат в рамках двух систем. С учётом имеющегося опыта ОЭСР по расчёту зарплат по ППС в странах — членах организации и результатов данной работы третий подход может использоваться как основной при проведении дальнейших международных сопоставлений на постсоветском пространстве. В дополнение к этому необходимо отметить, что при анализе уровня и динамики оплаты труда в союзных / постсоветских республиках следует также учитывать ряд качественных / институциональных характеристик, присущих плановой и рыночной экономике, и некоторые дополнительные технические моменты, оказывающие влияние на итоговые результаты.

Во-первых, при сравнении уровня жизни населения в рыночной и плановой экономике к заработной плате в СССР следует также прибавить выплаты и льготы, которые население получало из общественных фондов потребления, включая бесплатное образо-

вание и стипендии, расходы на повышение квалификации, бесплатную медицинскую помощь и отдых, на содержание детских учреждений и т.д., достигавшие во второй половине 1940-х гг. 38% от средней зарплаты рабочих [18, с. 118–119; 19, с. 146–147], а в конце 1980-х гг. — 42% от средней зарплаты рабочих и служащих⁴. Для сельских жителей также необходимо учитывать доходы от личного подсобного хозяйства, которые дополняли оплату труда колхозников, достигая 25% и более от их годового дохода⁵, и работников совхозов. Использованию этих двух дополнительных показателей в наших расчётах помешало отсутствие соответствующих данных по многим союзным республикам в течение рассматриваемого периода 1960–1990 гг. Соответственно, в рамках рыночной экономики ряд важных услуг, ставших частично платными, таких как высшее образование, здравоохранение⁶, санаторно-курортное лечение, спортивные секции для детей и молодёжи и подобное повысили при прочих равных условиях расходы граждан / семей по сравнению с периодом 1960–1990 годов.

Во-вторых, для рыночной экономики характерен в среднем гораздо больший ассортимент и в большинстве своём более высокое качество предлагаемых для населения товаров и услуг, особенно товаров длительного пользования⁷. Исключением является сегмент товаров повседневного спроса (в первую очередь, продукты питания) и отрасль общественного питания, где вопрос о соотношении цены и качества продуктов является более дискуссионным. В целом закрытость

⁴ Народное хозяйство СССР в 1990 г. С. 36, 45–47.

⁵ Там же. С. 112.

⁶ По состоянию на 2010-х гг. доля частных расходов в России достигала 39% от общих расходов на здравоохранение // [Health at a Glance 2021: OECD Indicators. Paris: OECD, 2021. P. 195. — URL: https://www.oecd.org/content/dam/oecd/en/publications/reports/2021/11/health-at-a-glance-2021_cc38aa56/ae3016b9-en.pdf (дата обращения: 25.05.2025)]. По итогам 2024 г. объём платных медицинских услуг населению составил 1,57 трлн рублей // [Здоровье в частном порядке / Коммерсантъ, 21.02.2025. — URL: <https://www.kommersant.ru/doc/7517392?ysclid=mdpofdyua789905742> (дата обращения: 25.05.2025)].

⁷ A comparison of Soviet and US gross national products, 1960–1983: a research paper. — Washington, DC: CIA's Directorate of Intelligence (CIA DI), August 1984. — 25 p.

и самодостаточность плановой экономики, с одной стороны, обеспечивала её устойчивость в условиях нестабильности на мировых рынках, а, с другой, объективно снижала качество производимых для внутреннего рынка товаров и услуг (поэтому характеристика «импортный» стала почти синонимом качественного товара), что вкупе с определённым дефицитом товаров в розничной торговле, особенно в категории непродовольственных товаров, негативно влияло на реальную покупательную способность зарплат населения в 1960–1980-х годах.

В-третьих, при переходе от плановой к рыночной экономике значительно увеличилась дифференциация населения по зарплатам и неравенство по доходам домохозяйств в целом (см. исследования по России: [12; 15; 20; 21]). Соответственно, если для периода с 1960 г. по 1990 г. оплата труда большей части населения союзных республик действительно была близка к указанным средним зарплатам, то в 1990–2020-х гг. из-за расслоения населения по доходам более репрезентативным показателем является медианная зарплата, которая должна была бы скорректировать показатели оплаты труда большинства занятых в течение последних трёх десятилетий в сторону уменьшения.

В-четвертых, на примере России необходимо отметить повышенную динамику цен в группе продуктов питания, которые занимают значительную долю в расходах большей части населения, по сравнению с общим показателем инфляции в стране. Так, согласно данным Росстата, в течение 2010–2020 гг. цены на продукты питания и безалкогольные напитки увеличились в 2,18 раза, а общий ИПЦ — в 2,02 раза; для периода 2021–2023 гг. данные показатели увеличились в 1,34 раза и 1,29 раза соответственно. Превышение инфляции в сегменте товаров повседневного спроса над значениями ИПЦ также были неоднократно зафиксированы, например, в исследованиях холдинга «Ромир»⁸. Поэтому покупательная способность

зарплат менее обеспеченных слоёв населения росла в 2010–2022 гг. меньшими темпами, чем получается при расчётах с использованием ИПЦ.

В-пятых, если при сравнении уровня зарплат между союзными республиками в рамках плановой экономики СССР фактор подоходного налога, который включён в используемый нами показатель «среднемесячная номинальная заработная плата одного работника» не играл роли, то при проведении сопоставлений между постсоветскими республиками следует учитывать различия в ставках подоходного налога после 1991 года. Так, например, в странах Прибалтики максимальная ставка подоходного налога при наличии прогрессивной шкалы налогообложения достигает 32% в Литве, 31% в Латвии, а в Эстонии подоходный налог взимается по единой ставке в 20%. В России до 2023 г. также существовала плоская шкала налогообложения в 13%, в Узбекистане и Таджикистане ставка установлена на уровне 12%, в Казахстане — на уровне 10%⁹. В результате средняя заработная плата, получаемая работниками «на руки», должны быть скорректирована соответствующим образом в сторону уменьшения.

В-шестых, все более важным фактором для проведения сопоставлений между уровнем жизни в плановой и рыночной экономике становятся расходы на ипотеку и оплату жилищно-коммунальных услуг как в многоквартирных, так и в индивидуальных домах, тогда как в плановой экономике в рамках обобществлённого жилищного фонда государство бесплатно в порядке очереди предоставляло квартиры большинству нуждающихся в улучшении жилищных условий [22]. При этом в западных странах в настоящее время от двух третей до трёх четвертей всех жителей, которые не являются собственниками жилья без обременения, тратят до 30% и более от своей зарплаты на обеспечение своих жилищных условий [22; 23]. С учётом значимости (05.05.2025).

⁸ Проценко С. Инфляцию рассчитали по-разному: в чем причина серьёзного разрыва между показателями холдинга «Ромир» и Росстата // Коммерсантъ, 17.08.2020. — URL: <https://www.kommersant.ru/doc/4458281> (дата обращения: 05.05.2025).

⁹ List of Countries by Personal Income Tax Rate // Trading Economics, 2025. — URL: <https://tradingeconomics.com/country-list/personal-income-tax-rate> (дата обращения: 08.05.2025).

тельных сроков кредитования по ипотечным жилищным кредитам (обычно от 15 до 30 лет) и высокой стоимости квартир в городах в настоящее время данная статья расходов будет оказывать все большее влияние на покупательную способность зарплат населения как в РФ, так и в других республиках.

Полноценный учёт представленных шести факторов позволит в дальнейшем уточнить рассмотренные в нашей работе методики сопоставления динамики уровня жизни и покупательной способности зарплат жителей 15 постсоветских государств и делает расчёты в рамках трёх подходов ещё более точными.

Литература и Интернет-источники

1. **Майер, В.Ф.** Уровень жизни населения СССР / В.Ф. Майер. — Москва : Мысль, 1977. — 263 с.
2. **Социализм и народное благосостояние** / Под ред. К.И. Микульского. — Москва : Мысль, 1976. — 446 с.
3. **Davidow, M.** Cities without Crisis / M. Davidow. — New York : International Publishers, 1976. — 240 p.
4. **Perlo, V.** Dynamic stability: the Soviet economy today / V. Perlo, E. Perlo. — New York : International Publishers, 1980. — 344 p.
5. **Пилипенко, И.В.** Проблемы перехода к расчетам в национальных валютах в рамках БРИКС и новая расчетная единица uniclear-БРИКС-9 / И.В. Пилипенко // ЭКО. — 2024. — Т. 54. — № 3. — С. 52–79. DOI: 10.30680/ECO0131-7652-2024-3-52-79; EDN: ARFDU
6. **Ершов, М.В.** Экономический суверенитет России в глобальной экономике / М.В. Ершов. — Москва : Экономика, 2005. — 281 с. EDN: QQLIWW
7. **Пономаренко, А.Н.** Ретроспективные национальные счета России: 1961–1990 / А.Н. Пономаренко. — Москва : Финансы и статистика, 2002. — 256 с.
8. **Ханин, Г.И.** Экономика и общество России: ретроспектива и перспектива: избр. тр. в двух томах. Т. 1. / Г.И. Ханин. — Новосибирск : Изд-во СибАГС, 2015. — 384 с. EDN: VNHXAP
9. **Эйдельман, М.Р.** Пересмотр динамических рядов основных макроэкономических показателей / М.Р. Эйдельман // Вестник статистики. — 1992. — № 4. — С. 19–26.
10. **Ясин, Е.Г.** Социальные итоги трансформации, или Двадцать лет спустя / Е.Г. Ясин., Г.В. Андрущак, А.Е. Ивантер, [и др.] // Вопросы экономики. — 2011. — № 8. — С. 77–96. DOI: 10.32609/0042-8736-2011-8-77-96; EDN: NYBAPB
11. **Дмитриев, М.Э.** Прощай, нищета! / М.Э. Дмитриев, С.Г. Мисихина // Вестник Европы — XXI век. Журнал европейской культуры. — 2012. — № 34–35. — URL : [https://www.vestnik-evropy.ru / issues / goodbye-poverty.html?ysclid=m1xqh2y9wk159320030](https://www.vestnik-evropy.ru/issues/goodbye-poverty.html?ysclid=m1xqh2y9wk159320030) (дата обращения: 28.05.2025).
12. **Овчарова, Л.Н.** Доходы и расходы российских домашних хозяйств: что изменилось в массовом стандарте потребления / Л.Н. Овчарова, Д.О. Попова // Мир России. Социология. Этнология. — 2013. — Т. 22 — № 3. — С. 3–34. EDN: QCCUAI
13. **Сбережение народа** / ред. Н.М. Римашевская; ИСЭПН РАН. — Москва : Наука, 2007. — 325 с.
14. **Губанов, С.С.** Системный выбор России и уровень жизни / С.С. Губанов // Экономист. — 2011. — № 11. — С. 3–55.
15. **Шевяков, А.Ю.** Неравенство, экономический рост и демография: неисследованные взаимосвязи / А.Ю. Шевяков, А.Я. Кирута. — Москва : М–Студио, 2009. — 187 с. EDN: QUPDXR
16. **Бобков, В. Н.** 20 лет капиталистических трансформаций в России: влияние на уровень и качество жизни / В.Н. Бобков // Мир России. Социология. Этнология. — 2012. — № 2. — С. 3–26. EDN: PBNLOF
17. **Римашевская, Н.М.** Социально-экономическое неравенство в России / Н.М. Римашевская, Л.А. Мигранова // Народонаселение. — 2016. — № 3(73). — С. 17–33. EDN: WWRJVX

18. **Вознесенский, Н.А.** Военная экономика СССР в период Отечественной войны / Н.А. Вознесенский. — Москва : Госполитиздат, 1948. — 192 с.
19. **Струмилин, С.Г.** Статистико-экономические очерки / С.Г. Струмилин. — Москва : Госстатиздат, 1958. — 738 с.
20. Заработная плата в России: эволюция и дифференциация / ред. В.Е. Гимпельсон, Р.И. Капелюшников. — Москва : Изд. дом ГУ-ВШЭ, 2007. — 575 с.
21. **Лукьянова, А.Л.** Дифференциация заработных плат в России (1991–2008 гг.): факты и объяснения / А.Л. Лукьянова // Журнал Новой экономической ассоциации. — 2011. — № 12(12). — С. 124–147. EDN: OKXRUP
22. **Пилипенко, И.В.** Жилищное строительство в республиках СССР за 70 лет: макроанализ / И.В. Пилипенко. — Москва : Научная библиотека, 2023. — 600 с. EDN: MPZVJJ
23. **Пилипенко, И.В.** Переходный процесс и институты: к вопросу об уровне жизни в странах Центрально-Восточной Европы — членах Европейского союза / И.В. Пилипенко // Балтийский регион. — 2021. — Т. 13. — № 1. — С. 153–179. DOI: 10.5922 / 2079-8555-2021-1-9; EDN: OKZCJP

Сведения об авторе:

Пилипенко Игорь Валерьевич, к. геогр. н., МРА, ведущий научный сотрудник, Институт истории, СПбГУ, Санкт-Петербург; зав. лабораторией, ИСЭПН ФНИСЦ РАН, Москва, Россия.

Контактная информация: e-mail: i-pilipenko@yandex.ru; ORCID: 0000-0002-8108-7253; РИНЦ SPIN-код: 1304–8386.

DOI: 10.24412/1561-7785-2026-1-136-149

THREE METHODOLOGICAL APPROACHES TO COMPARING THE DYNAMICS OF WAGES IN 15 REPUBLICS OF THE USSR AND POST-SOVIET STATES IN THE 1960S – 2020S (PART II)

Igor V. Pilipenko

Saint Petersburg State University

(5, Mendeleevskaya Line, Saint Petersburg, Russia, 199034)

ISESP FCTAS RAS

(32, Nakhimovsky prospect, Moscow, Russia, 117218)

E-mail: i-pilipenko@yandex.ru

Funding:

The research was supported by a grant from the Russian Science Foundation (project No. 23–18–00249) «The standard of living of the population of Russia in the 20th – early 21st centuries according to traditional and alternative indicators». URL: <https://rscf.ru/project/23-18-00249/>.

For citation:

Pilipenko I. V. Three methodical approaches to comparing the dynamics of wages in 15 Republics of the USSR and post-Soviet states in the 1960s – 2020s (Part II). *Narodonaselenie [Population]*. 2026. Vol. 29. No. 1. P. 136–149. DOI: 10.24412/1561-7785-2026-1-136-149 (in Russ.)

Abstract. *The main goal of the article is to compare the standards of living in the Union Republics and the post-Soviet states by estimating the dynamics of levels and purchasing power of wages within the planned and the market economy. Making use of the statistical data of the Central Statistical Administrations of the USSR and the Union Republics, the Interstate Statistical Committee of the Commonwealth of Independent States, the World Bank, the International Monetary Fund, the United*

Nations Economic Commission for Europe as well as the national governments, we composed time series for all the 15 Republics of the USSR and the post-Soviet states for the period from 1960 to 2023 that were converted into the Soviet rubles for cross-country comparisons. Three methodical approaches to calculations of the dynamics of real wages during the 64-year period are presented in Part I and Part II of the article. The first approach takes into account the consumer price index (inflation) in 15 states. Under the second approach, we used official exchange rates of national currencies against the US dollar as the major reserve currency in the world economy during the period considered. Within the third approach, for the first time in the Russian-language literature, we calculated coefficients for converting wages into their purchasing power equivalents in the US dollars at current and constant prices. The main characteristics of each methodical approach are examined, and different results of calculations of wage levels for 15 Republics are discussed. The article suggests using the tool of the purchasing power parity of currencies within the third approach as the main method for studies of real standards of living dynamics in the post-Soviet republics and for cross-country comparisons over time. In Part II of the article, we also identify six additional factors that affect comparing the dynamics and the level of wages in the planned and the market economy and allow improving further calculations in studies on this topic.

Keywords: wage, purchasing power parity, time series, earnings, expenditures, planned economy, market economy, USSR, post-Soviet state.

References and Internet sources

1. Mayer V.F. Uroven' zhizni naseleniya SSSR [*The Standards of Living of the Population of the USSR*]. Moscow. Mysl. [Thought]. 1977. 263 p. (in Russ.)
2. Sotsializm i narodnoje blagosostoyaniye [*Socialism and the People's Well-Being*]. Ed. K. I. Mikulsky. Moscow. Mysl. [Thought]. 1976. 446 p. (in Russ.)
3. Davidow M. *Cities without Crisis*. New York. International Publishers. 1976. 240 p.
4. Perlo V., Perlo E. *Dynamic Stability: the Soviet Economy Today*. New York. International Publishers. 1980. 344 p.
5. Pilipenko I.V. Problemy perekhoda k raschotam v natsional'nykh valyutakh v ramkakh BRIKS i novaya raschotnaya jedinita unicular-BRIKS-9 [Problems of transition to settlements in national currencies within BRICS and the project of a new unit of account, the unicular-BRICS-9]. EKO [ECO]. 2024. Vol. 54. No. 3. P. 52–79. DOI: 10.30680/ECO0131-7652-2024-3-52-79 (in Russ.)
6. Ershov M. V. Ekonomicheskiy suverenitet Rossii v global'noy ekonomike [*The Economic Sovereignty of Russia in the Global Economy*]. Moscow. Ekonomika [Economics]. 2005. 281 p. (in Russ.)
7. Ponomarenko A. N. Retrospektivnyje natsional'nyje scheta Rossii: 1961–1990 [*The Retrospective National Accounts of Russia: 1961–1990*]. Moscow. Finansy i statistika [Finance and Statistics]. 2002. 256 p. (in Russ.)
8. Khanin G. I. Ekonomika i obshchestvo Rossii: retrospektiva i perspektiva [*The Economy and Society of Russia: a Retrospective and Perspective*]. In two volumes. Vol. 1. Novosibirsk. Izd-vo SibAGS [SAPS Publishing House]. 2015. 384 p. (in Russ.)
9. Eidelman M. R. Peresmotr dinamicheskikh ryadov osnovnykh makroekonomicheskikh pokazateley [Revising time series of main macroeconomic indicators]. Vestnik Statistiki [Bulletin of Statistics]. 1992. No. 4. P. 19–26 (in Russ.)
10. Yasin E. G., Andrushchak G. V., Ivanter A. E., et.al. Sotsial'nyjeitogi transformatsii, ili Dvadtsat' let spustya [Social results of transformation, or twenty years after]. Voprosy Ekonomiki. 2011. No. 8. P. 77–96. DOI: 10.32609/0042-8736-2011-8-77-96 (in Russ.)
11. Dmitriev M. E., Misikhina S. G. Proshchay, nishcheta! [Good bye, poverty!]. Vestnik Evropy — 21 vek. Zhurnal yevropeyskoy kul'tury [*Herald of Europe — the 21st Century. Journal of European Culture*]. 2012. No. 34–35. (in Russ.)

12. Ovcharova L. N., Popova D. O. Dohody i raskhody rossiyskikh domashnikh khozyaystv: chto izmenilos' v massovom standarte potrebleniya [Cash income and expenditure of the Russian population: what are the changes in consumer's standard]. Mir Rossii. Sotsiologiya. Etnologiya [Universe of Russia. Sociology. Ethnology]. 2013. Vol. 22. No. 3. P. 3–34. (in Russ.)
13. Sberezheniye naroda [Saving Population]. Ed. N. M. Rimashevskaya. Moscow. Nauka [Science]. 2007. 325 p. (in Russ.)
14. Gubanov S. S. Sistemnyy vybor Rossii i uroven' zhizni [Systemic choice of Russia and standards of living]. Ekonomist [Economist]. 2011. No. 11. P. 3–55. (in Russ.)
15. Shevyakov A. Yu., Kiruta A. Ya. Neravenstvo, ekonomicheskiy rost i demografiya: neissledovannyye vzaimosvyazi [Inequality, Economic Growth and Demography: Unstudied Interrelations]. Moscow. M-Studio. 2009. 187 p. (in Russ.)
16. Bobkov V. N. 20 let kapitalisticheskikh transformatsiy v Rossii: vliyaniye na uroven' i kachestvo zhizni [20 year of capitalist transformations in Russia: effects on living standards]. Mir Rossii. Sotsiologiya. Etnologiya [Universe of Russia. Sociology. Ethnology]. 2012. No. 2. P. 3–26. (in Russ.)
17. Rimashevskaya N. M., Migranova L. A. Sotsial'no-ekonomicheskoye neravenstvo v Rossii [Socio-Economic Inequality in Russia]. Narodonaselenie [Population]. 2016. No. 3. P. 17–33. (in Russ.)
18. Voznesenskiy N. A. Vojennaya ekonomika SSSR v period Otechestvennoy voyny [Military Economy of the USSR in the Period of the Patriotic War]. Moscow. Gospolitizdat [State Political Publishing House]. 1948. 738 p. (in Russ.)
19. Strumilin S. G. Statistiko-ekonomicheskije ocherki [Statistical-Economic Essays]. Moscow. Gosstatizdat [State Statistical Publishing House]. 1958. 738 p. (in Russ.)
20. Zarabotnaya plata v Rossii: evolyutsiya i differentsiatsiya [Wages in Russia: Evolution and Differentiation]. Eds. V. E. Gimpelson, R. I. Kapelyushnikov. Moscow. Izd. dom GU-VShE [HSE Publishing House]. 2007. 575 p. (in Russ.)
21. Lukyanova A. L. Differentsiatsiya zarabotnykh plat v Rossii (1991–2008 gg.): fakty i ob'yasneniya [Wage inequality in Russian economic transition (1991–2008): stylized facts and explanations]. Zhurnal Novoy ekonomicheskoy assotsiatsii [Journal of the New Economic Association]. 2011. No. 12(12). P. 124–147. (in Russ.)
22. Pilipenko I. V. Zhilishchnoye stroitel'stvo v respublikah SSSR za 70 let: makroanaliz [Housing Construction in the Republics of the USSR During the 70-Year Period: a Macroanalysis]. Moscow. Nauchnaya biblioteka [Scientific Library Publishing House]. 2023. 600 p. (in Russ.)
23. Pilipenko I. V. Perekhodnyy protsess i instituty: k voprosu ob urovne zhizni v stranakh Tsentral'no-Vostochnoy Yevropy — chlenakh Yevropeyskogo soyuza [The transition process and institutions: on the issue of the standard of living in the countries of Central and Eastern Europe — members of the European Union]. Baltiyskiy region [Baltic Region]. 2021. Vol. 13. No. 1. P. 153–179. DOI: 10.5922/2079-8555-2021-1-9 (in Russ.)

Information about the author:

Pilipenko Igor Valeryevich, Candidate of Geography, MPA, Leading Researcher, Saint Petersburg State University, Saint Petersburg; Head of Laboratory, ISESP FCTAS RAS, Moscow, Russia.

Contact information: e-mail: i-pilipenko@yandex.ru; ORCID: 0000-0002-8108-7253; Elibrary SPIN-code: 1304–8386.

Статья поступила в редакцию 13.08.2025, утверждена 16.02.2026, опубликована 31.03.2026.

DOI: 10.24412/1561-7785-2026-1-150-161
EDN: GYUERU

ЗДОРОВЫЕ ПРИВЫЧКИ КАК ФАКТОР НЕМАТЕРИАЛЬНОГО БЛАГОПОЛУЧИЯ НАСЕЛЕНИЯ (НА ПРИМЕРЕ МЕДИЦИНСКИХ РАБОТНИКОВ)

Ярашева А. В.^{1*}, Александрова О. А.^{1,2}, Марков Д. И.²

¹ИСЭПН ФНИСЦ РАН

(117218, Россия, Москва, Нахимовский проспект, 32)

²Финансовый университет при Правительстве Российской Федерации

(125167, Россия, Москва, Ленинградский проспект, 49/2)

*E-mail: baktriana@rambler.ru

Для цитирования:

Ярашева А.В., Александрова О.А., Марков Д.И. Здоровые привычки как фактор нематериального благополучия населения (на примере медицинских работников) // Народонаселение. – 2026. – Т. 29. – № 1. – С. 150-161. DOI: 10.24412 / 1561-7785-2026-1-150-161; EDN: GYUERU

Аннотация. Благополучие населения, рост уровня которого обозначен среди Национальных целей развития России, имеет материальные и нематериальные аспекты. К последним относится физическое и психологическое здоровье, важным механизмом поддержания которого является здоровый образ жизни (ЗОЖ), представляющий собой регулярное следование здоровым привычкам. Формированию приверженности ЗОЖ призваны содействовать медицинские специалисты, причём не только путём консультирования, но и личным примером. В статье представлен анализ результатов массового опроса медицинских работников, занятых в первичном звене столичного здравоохранения. Цель опроса заключалась в выяснении того, в какой мере сами сотрудники медицинских организаций, причём тех, где часто бывает население, привержены здоровым привычкам. Анкета состояла из блоков вопросов, касающихся различных показателей приверженности ЗОЖ, представляющих собой набор повседневных практик. Затем на основе авторской методики рассчитывался индекс, количественно характеризующий уровень приверженности той или иной составляющей ЗОЖ (в статье представлены результаты, касающиеся трёх ключевых сфер — рационального питания, физической активности и психологической устойчивости). Половина опрошенных характеризует состояние своего здоровья как удовлетворительное или плохое; всегда придерживается ЗОЖ треть респондентов. Расчёт индексов позволяет оценить уровень приверженности медицинских работников здоровым привычкам в части питания и устойчивости к стрессу как умеренный, а физической активности — как низкий. Это вызывает сомнения в их способности эффективно формировать установку на ЗОЖ у населения и содействовать росту нематериальной составляющей его благополучия.

Ключевые слова: нематериальное благополучие, здоровые привычки, рациональное питание, физическая активность, стрессоустойчивость, здоровый образ жизни, медицинские работники.

Постановка проблемы

В число Национальных целей развития РФ на период до 2030 г. и перспективу до 2036 г.¹ входит рост уровня благополучия населения, важной частью нематериальной составляющей которого выступает здоровье россиян. Значимым ресурсом сбережения физического и психологического здоровья населения признан здоровый образ жизни (ЗОЖ), как правило, формируемый с детства. Воспитание (и самовоспитание) здоровых привычек и регулярное следование им могут обеспечить накопление и сохранение высокого уровня нематериального благополучия населения. В данной статье выделены три основополагающие здоровые привычки — правильное (рациональное) питание, физическая активность и устойчивость к стрессу, а в фокус внимания поставлены медицинские работники, не только как часть населения, но и как профессиональная группа, находящаяся на «передовой борьбы» за здоровье граждан и призванная выступать образцом для подражания.

Благополучие населения рассматривается российскими учёными как сложный комплекс элементов (детерминированных разнообразными монетарными и немонетарными факторами [1]), условно разделяемых на группы: экономическое, социальное и экологическое благополучие; объективное и субъективное благополучие; физическое и ментальное [2]; материальное и нематериальное. Возникающие при этом дискуссии, чаще всего, связаны с целями исследования, обусловлены междисциплинарным подходом и направлены на решение конкретных задач. Так, в рамках изучения аспектов нематериального благополучия выделяют здоровье индивида (группы людей/населения), как показатель общественного развития [3], как источник формирования человеческого капитала [4], как способ инвестирования «для минимизации экономических потерь» [5]. Основы сбережения здоровья [6] исследу-

ются вместе с вопросами ответственности за него со стороны государства, системы здравоохранения, отдельного человека, «исповедующего» те или иные модели поведения в отношении собственного здоровья [7]. Как элемент личного нематериального благополучия, здоровье анализируется на основе ежедневных практик — ЗОЖ и биохакинг [8]. При изучении здоровых и нездоровых привычек внимание учёных сосредоточено на проблемах, связанных с принципами правильного [9; 10] питания, с избыточным потреблением соли [11] и сахара, курением и злоупотреблением алкоголем [12], а также рисками приобретения избыточной массы тела, особенно опасного у детей и подростков [13]. Важными здоровыми привычками, напрямую связанными с нематериальным благополучием [14], по мнению учёных, становятся: умение человека совладать со стрессом и регулярная физическая активность [15–17].

Авторами в 2025 г. реализован опрос столичных медицинских работников методом массового анкетирования. Инструментарий исследования включал в себя 8 блоков вопросов, касающихся не только различных показателей ЗОЖ, но и возможностей для формирования здоровых привычек. Для каждого из показателей ЗОЖ, под которыми понималась определённая группа повседневных практик, по авторской методике рассчитывался соответствующий индекс — количественное выражение уровня приверженности респондентов. В опросе приняли участие 479 работников первичного звена системы здравоохранения города Москвы²: 52% — врачи, 44% — представители среднего медицинского персонала и 4% — немедицинский персонал.

Результаты исследования

В ходе опроса было выявлено, что половина респондентов оценивает состояние своего здоровья как «очень хорошее» (6%) или «хорошее» (42%), примерно столько же —

¹ Указ «О национальных целях развития Российской Федерации на период до 2030 года и на перспективу до 2036 года» от 07.05.2024 № 309// Президент России: [сайт]. — URL: <http://www.kremlin.ru/events/president/news/73986> (дата обращения: 01.07.2024).

² Структура выборки: соотношение мужчин и женщин — 17% и 83% соответственно; 23% в возрасте до 35 лет, 32% — от 36 до 50 лет, 37% — от 51 до 65 лет и ещё 8% — в возрасте 66 лет и старше.

как «удовлетворительное» (44%) и 6% — как «слабое или очень слабое». При этом треть (34%) декларирует в целом следование здоровым привычкам, и всегда придерживаются ЗОЖ; каждый второй (51%) делает это иногда, а 12% — редко или вообще никогда (3%).

Рассмотрим три ключевые здоровые привычки: рациональное питание, физическая активность и стрессоустойчивость в качестве значимых факторов формирования нематериального благополучия представителей данной профессиональной группы. Как показали результаты исследования, уровень приверженности медицинских работников к тестируемым группам практик можно оценить как умеренный (стрессоустойчивость — 0,60 индексных пунктов³ (далее — и.п.); рациональное пи-

тание — 0,55 и.п.) или низкий (физическая активность — 0,48 и.п.).

Показатели тесно, но не функционально связаны между собой, о чём свидетельствуют значения коэффициента корреляции Пирсона (рис. 1). С одной стороны, это ограничивает возможности для применения регрессионного анализа с целью оценки их влияние на самооценку здоровья опрошенных (ввиду эффекта мультиколлинеарности), с другой стороны — подчёркивает, что каждый из выбранных показателей отражает определённую область здорового образа жизни. Рассмотрим их в разрезе конкретных индикаторов и половозрастных особенностей респондентов.

Рациональное питание. Приверженность респондентов практикам рационального питания можно охарактеризовать как умеренную (табл. 1). С одной стороны, следует отметить заинтересованность участников исследования в рациональном питании: абсолютное большинство или соблюдают диету (23%) или «стараются есть здоровую пищу» (57%), «стараются пить суточную нормы воды» (71%), «не переедать» (72%) и «не злоупотреблять сладким» (85%). С другой стороны, наиболее уязвимым зо-

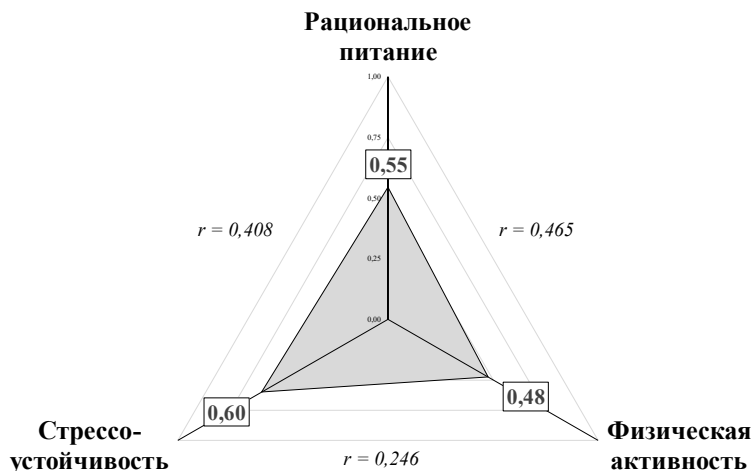

Рис. 1. Значения и взаимосвязь показателей рационального питания, физической активности и стрессоустойчивости, в индексных пунктах и значениях коэффициента корреляции Пирсона (при уровне значимости $p = 0,000$).

Fig. 1. Values and interrelation of the indicators of rational nutrition, physical activity, and stress resistance, in index points and Pearson correlation coefficient values (at a significance level of $p = 0.000$).
Источник: составлено авторами.

Таблица 1

Индикаторы показателя «Рациональное питание» и их взаимосвязь с полом и возрастом опрошенных, %

Table 1

Indicators of “Rational Nutrition” and their relationship with gender and age of the respondents, %

Индикаторы «Рационального питания»	В целом	Мужчины	Женщины	До 35 лет	35-50 лет	51-65 лет	66 лет и старше
1* Соблюдают диету, которую выбрали сами или назначил врач	23	35	21	19	23	23	38
1.1 Стараются есть здоровую пищу	57	49	58	59	55	62	38
2** Обычно питаются регулярно (3-4 раза в день в одинаковое время)	32	29	32	30	30	33	38
3*** Стараются пить не меньше 1,5 литра воды в день	71	73	71	77	68	70	75
4*** Стараются НЕ переедать/НЕ есть больше нужного	72	65	74	74	69	71	85
5*** Стараются ежедневно есть не менее 400 грамм овощей и фруктов	54	49	56	49	55	56	60
6*** Обычно НЕ едят перед сном	50	48	50	48	49	53	43
7*** Следят за тем, сколько едят соли и стараются ограничивать её потребление	62	58	63	59	60	63	70
8**** Редко или вообще никогда НЕ едят сладкое	47	55	45	42	55	45	38
8.1 Едят сладкое НЕ чаще чем в один из основных приёмов пищи	38	31	39	39	31	42	45
Индекс, в индексных пунктах	0,55	0,54	0,55	0,53	0,54	0,56	0,58

Примечания: *Респонденты могли выбрать один из пяти вариантов ответа. За ответы «Соблюдаю диету, которую рекомендовал врач» и «Соблюдаю самостоятельно выбранную диету» начислялся 1 балл, «Стараюсь есть здоровую пищу» - 0,5 балла, и за варианты «Ем, что хочу, здоровье меня не беспокоит» и «Думать о качестве пищи нет возможности, ем, что могу себе позволить» - 0,0 баллов; **Респонденты могли выбрать один из двух вариантов ответа. За ответ «Обычно питаюсь регулярно (3-4 раза в день примерно в одинаковое время)» начислялся 1 балл, а за ответ «Чаще питаюсь нерегулярно (1-2 раза в день с большими перерывами между ними)» - 0,0 баллов; ***Индикаторы с 3-го по 7-й формулировались в виде позитивных суждений, с которыми респондент мог согласиться или не согласиться. При выборе варианта ответа «Определённо да» назначался 1,0 балл, «Скорее да» - 0,67 балла, «Скорее нет» - 0,33 балла, а «Определённо нет» - 0,00 баллов; ****Респонденты могли выбрать один из пяти вариантов ответа. За ответ «Вообще не ем сладкое» начислялся 1 балл, «Редко ем сладкое, в течение дня могу и вовсе к нему не притронуться» - 0,75 балла, «Обычно ем сладкое в один из основных приёмов пищи, но не чаще» - 0,5 балла, «Во время каждого основного приёма пищи» - 0,25 балла, а за ответ «Во время каждого основного приёма пищи и между ними» - 0 баллов.

Источник: составлено авторами.

нами являются: во-первых, нерегулярность питания (только 32% питаются 3–4 раза в день в примерно одинаковое время, тогда как большинство — 65% — либо питаются 1–2 раза в день с большими перерывами между приёмами пищи, либо делают много перекусов) и поздний приём пищи, перед сном (50%); во-вторых, недостаточное внимание к употреблению овощей и фруктов (46% опрошенных «определённо» или «скорее не удаётся» ежедневно употреблять

положенные не менее 400 грамм овощей и фруктов) и соли (38% не следят за количеством употребляемой соли).

Женщины заметно чаще придерживаются большинства из рассматриваемых практик рационального питания за тем исключением, что мужчины чаще декларируют соблюдение строгой диеты (в том числе и в отношении сладкого). По показателю «возраст» респондентов прослеживается поступательный рост значений индек-

са: в старших возрастных группах практики рационального питания актуализируются, особенно это верно в части соблюдения диеты, контроля за потреблением соли, количества овощей и фруктов.

Физическая активность. Уровень физической активности опрошенных является низким. Согласно ответам на вопросы о повседневных здоровых привычках, только четверть (27%) «делают утреннюю зарядку 3–4 раза в неделю» и «не реже 5–6 раз в неделю» (тогда как 40% — «ни одного раза

в неделю»), и лишь 13% (7% и 6% соответственно) занимаются физической культурой с такой же частотой (тогда как каждый второй — 48% — ни одного раза в неделю). Примечательно, что респонденты, вероятно, осознают эту проблему: 49% оценивают свою ежедневную физическую активность как «скорее низкую», ещё 11% — как «низкую». Из положительных тенденций стоит отметить, что большинство совершают прогулки пешком длительностью не менее получаса в день (табл. 2).

Таблица 2

Индикаторы показателя «Физическая активность» и их взаимосвязь с полом и возрастом опрошенных, %

Table 2

Indicators of “Physical Activity” and their relationship with gender and age of the respondents, %

Индикаторы «Физической активности»*	В целом	Мужчины	Женщины	До 35 лет	35-50 лет	51-65 лет	66 лет и старше
1. Совершают прогулки/ходят пешком не менее 30 минут в день НЕ реже 5-6 дней в неделю	63	53	65	59	56	68	75
2. Делают утреннюю зарядку (разминку, растяжку, дыхательную гимнастику, закаливание и т.д.) НЕ реже 5-6 дней в неделю	16	16	16	12	9	22	28
2.1 – 3-4 дня в неделю	11	16	11	12	12	12	5
2.2 – Ни одного раза	40	40	40	44	49	31	35
3. Занимаются физической культурой / посещают спортзал, спортивную площадку НЕ реже 5-6 дней в неделю	6	9	6	9	4	7	3
3.1 – 3-4 дня в неделю	7	14	6	14	6	5	5
3.2 – Ни одного раза	48	35	51	32	58	48	55
Индекс, в индексных пунктах	0,48	0,50	0,47	0,51	0,41	0,51	0,47

Примечания: *Индикаторы данного показателя замерялись по единой шкале, где выбравшие вариант ответа «Каждый день» или «5-6 дней в неделю» получали 1 балл, «3-4 дня в неделю» - 0,75 балла, «2 раза в неделю» - 0,5 балла, «1 раз в неделю» - 0,25 балла, а «Ни одного раза в неделю» - 0 баллов.

Источник: составлено авторами.

Мужчины, реже уделяют внимание ежедневным прогулкам (53% против 65% среди женщин), но чаще занимаются физической культурой (среди мужчин не занимаются ею вообще 35%, среди женщин — 51%). В привязке к возрасту какой-либо линейный рост значений индекса отсутствует; тем не менее, можно констатировать, что практики ежедневных прогулок и утренних заря-

док актуализируются в старших возрастных группах, молодёжь же чаще выбирает занятия физкультурой и спортом. Стоит добавить, что наименьшее значение индекса фиксируется в аудитории 35–50-летних медицинских работников; вероятно, это связано с пиком их профессиональной активности в этот период, а также родительскими заботами.

Стрессоустойчивость. Более двух третей опрошенных (68%) часто испытывают стресс в течение рабочей недели (причём 22% отметили, что испытывают его постоянно). По сравнению с двумя другими исследуемыми показателями приверженность практикам стрессоустойчивости у респондентов выражена в наибольшей степени (табл. 3). Так, каждые 9 из 10 респондентов стараются поддерживать позитивный настрой в течение дня, несмотря на различные проблемы (89%), не обращаются, чтобы снять стресс, к вредным привычкам — курению (93%) и алкоголю (87%), а заметно

более половины — соблюдают баланс между работой и личной жизнью (70%), знают приёмы борьбы со стрессом (69%), не заедают стресс (64%) и декларируют готовность «выговориться» (61%). Лишь немногие (14%) обращаются к специалисту, когда не могут справиться со стрессом самостоятельно, и только каждый пятый (22%) регулярно находит время на любимый досуг (у 36% либо нет любимого досуга, либо нет времени на него).

Женщины демонстрируют большую стрессоустойчивость по сравнению с мужчинами, что обуславливается их большей

Таблица 3

Индикаторы показателя «Стрессоустойчивость» и их взаимосвязь с полом и возрастом опрошенных, %

Table 3

Indicators of “Stress Resistance” and their relationship with gender and age of the respondents, %

Индикаторы «Стрессоустойчивости»	В целом	Мужчины	Женщины	До 35 лет	35-50 лет	51-65 лет	66 лет и старше
1* Обычно стараются сохранять позитивный настрой в течение дня, даже при возникновении проблем на работе	89	89	89	81	90	93	98
2* Соблюдают баланс между работой и личной жизнью	70	63	71	62	68	77	68
3* Знают приёмы борьбы со стрессом и стараются их использовать	69	74	68	57	66	74	88
4* Обращаются к специалисту (психологу/ психотерапевту) при стрессе, с которым не могут справиться самостоятельно	14	9	15	23	16	8	8
5* При стрессе стараются выговориться, обращаются к тому, кто может выслушать	61	43	64	63	53	65	65
6** НЕ употребляют алкоголь для снятия стресса	93	85	95	89	94	95	95
7** НЕ курят для снятия стресса	87	74	89	81	87	88	95
8** НЕ заедают стресс чем-то «вкусным»	64	73	63	47	66	69	80
9*** Имеют любимый досуг и регулярно находят на него время	22	26	22	19	25	24	15
9.1 Досуг есть, но времени на него не всегда хватает	41	35	43	43	37	42	50
9.2 Досуг отсутствует, либо на него нет времени	36	39	35	38	38	32	35
Индекс, в индексных пунктах	0,60	0,56	0,61	0,57	0,59	0,62	0,65

Примечания: *Первые пять индикаторов задавались в форме позитивных суждений, с которыми респондент мог согласиться или не согласиться. При выборе варианта ответа «Определённо да» ему назначался 1,0 балл, «Скорее да» - 0,67 балла, «Скорее нет» - 0,33 балла, а «Определённо нет» - 0,00 баллов; ** 6-й, 7-й и 8-й индикаторы задавались в форме негативных суждений, с которыми респондент мог согласиться или не согласиться. При выборе варианта ответа «Определённо да» ему назначался 0,0 баллов, «Скорее да» - 0,33 балла, «Скорее нет» - 0,67 балла, а «Определённо нет» - 1,0 балл; ***Респонденты могли выбрать один из четырёх вариантов ответа. За ответ «Есть, и я регулярно нахожу на него время» начислялся 1 балл, «Есть, но на него не всегда хватает времени» - 0,67 балла, «Есть, но времени на него почти никогда нет» - 0,33 балла, и за вариант «Такого досуга у меня нет» - 0,0 баллов.

Источник: составлено авторами.

открытостью, готовностью к коммуникации в стрессовых ситуациях (стараятся «выговориться» 64% против 43% среди мужчин; обращаются к специалисту — 15%, против 9% у мужчин), способностью соблюдать баланс между работой и личной жизнью (71% против 63% соответственно) и большей неприязнью к вредным привычкам. Помимо этого присутствует заметная линейная связь между стрессоустойчивостью и возрастом (значения индекса неуклонно возрастают с 0,57 и.п. в группе молодёжи до 0,65 и.п. в аудитории 66 лет и старше), что можно объяснить накопленным жизненным и профессиональным опытом. При этом молодёжная аудитория значимо чаще обращается к специалистам за психологической помощью в отличие от своих старших коллег (23% против 8% в группах от 51 года и старше). Полученный результат сходится с наблюдениями других [18] исследователей⁴.

Связь с самооценкой здоровья. Вследствие тесной корреляционной связи ме-

жду исследуемыми показателями применение регрессионного анализа — затруднительно. Однако, возможно распределить участников исследования по уровням приверженности каждой группе здоровых привычек в зависимости от набранных баллов и проследить корреляционные связи с самооценкой их здоровья через коэффициент ранговой корреляции Спирмена. Как показали результаты анализа, такая связь присутствует, и она значима: чем ниже уровень приверженности тому или иному показателю, тем реже респонденты оценивали состояние своего здоровья как «хорошее» или «очень хорошее» (рис. 2). Как свидетельствует корреляционный анализ, стрессоустойчивость и физическая активность связаны с самооценкой здоровья более всего⁵.

⁴ Терапевтический поворот на пути российской молодёжи / НИУ «Высшая школа экономики» — URL: <https://ioe.hse.ru/therapyouth/> (дата обращения: 14.08.2025).

⁵ В данном случае стоит отметить, что каждый второй респондент с высоким уровнем приверженности практикам стрессоустойчивости значимо чаще декларирует, что испытывает стресс в течение рабочей недели довольно редко (29%) или вообще никогда (24%), тогда как в группе с низким уровнем эта доля в сумме не превышает 16%.

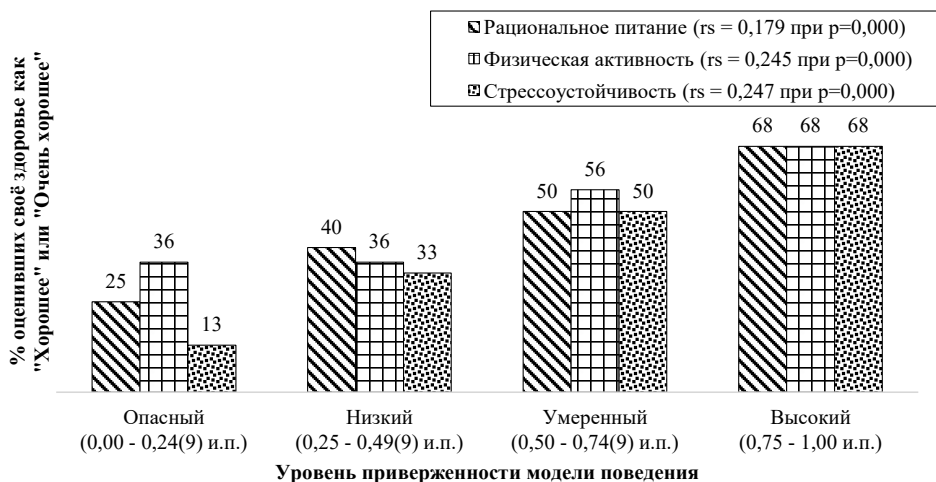

Рис. 2. Взаимосвязь показателей рационального питания, физической активности и стрессоустойчивости с самооценкой здоровья опрошенных, %
 Fig. 2. Relationship between the indicators of proper nutrition, physical activity, stress resistance and self-assessment of health among the respondents, %

Источник: составлено авторами.

Здоровые привычки, выступающие составным элементом, и, одновременно, источником (ресурсом) нематериального благополучия индивида, формируются на основе ежедневных практик под воздействием объективных и субъективных факторов. Как выяснилось по результатам исследования, три важнейших показателя здорового образа жизни — рациональное питание, физическая активность и стрессоустойчивость — тесно взаимосвязаны, и оказывают влияние на субъективную оценку здоровья респондентов. Значимость полученных результатов связана с тем, что они характеризуют уровень здоровья и приверженность здоровым привычкам представителей той

профессиональной группы, которая призвана формировать их у населения, причём как путем соответствующих разъяснений, так и личным примером. Тот факт, что половина опрошенных характеризует состояние своего здоровья как удовлетворительное или плохое, и при этом только треть всегда придерживается ЗОЖ, вызывает сомнения в том, что они могут эффективно формировать установку на ЗОЖ у населения (во всяком случае, в части тех здоровых привычек, которые у них самих сформированы недостаточно последовательно и прочно — прежде всего, физической активности и регулярности питания) и тем самым содействовать росту нематериальной составляющей его благополучия.

Литература и Интернет-источники

1. **Александрова, О.А.** Секция «Монетарные и немонетарные аспекты благополучия человека и общества в России» на X Санкт-Петербургском международном экономическом конгрессе / О.А. Александрова, А.В. Ярашева // Народонаселение. — 2025. — Т. 28. — № 2. — С. 239–245. DOI: 10.24412 / 1561-7785-2025-2-239-245; EDN: GHSPGC
2. **Вагаева, О.А.** Физическое и ментальное здоровье как основа благополучия и жизненного успеха / О.А. Вагаева // Тенденции развития науки и образования. — 2023. — № 96–1. — С. 46–50. DOI: 10.18411 / trnio-04-2023-15; EDN: JGQCGD
3. **Крузе, А.А.** Здоровье как показатель уровня общественного развития и благополучия / А.А. Крузе, Д.А. Немова // Week of Russian science (WeRuS-2024): Сборник материалов XIII Всероссийской недели науки с международным участием, посвящённой Национальному дню донора (Саратов, 16–19 апреля 2024 г.). — Саратов : Саратовский государственный медицинский университет имени В.И. Разумовского, 2024. — С. 974–975. EDN: CDRLCN
4. **Ананченкова, П.И.** Влияние здоровья на формирование человеческого капитала / П.И. Ананченкова, М.Г. Кудрявцев, М.Н. Шегай // Проблемы социальной гигиены, здравоохранения и истории медицины. — 2023. — Т. 31. — № S2. — С. 1263–1267. DOI: 10.32687 / 0869-866X-2023-31-s2-1263-1267; EDN: UJVGAА
5. **Горчакова, Н.С.** Инвестиции в здоровье как способ минимизации экономических потерь / Н.С. Горчакова // Экономика: вчера, сегодня, завтра. — 2021. — Т. 11. — № 6–1. — С. 102–111. DOI: 10.34670 / AR.2021.62.68.009; EDN: ASDZFS
6. **Локосов, В.В.** Факторы формирования основ самосохранительного поведения населения / В.В. Локосов, А.В. Ярашева, О.А. Александрова // Народонаселение. — 2024. — Т. 27. — № 1. — С. 192–205. DOI: 10.24412 / 1561-7785-2024-1-192-205; EDN: IYJIMH
7. **Аксенова, Е.И.** Модели поведения населения в отношении своего здоровья / Е.И. Аксенова, О.А. Александрова, А.В. Ярашева, Н.В. Аликперова // Проблемы социальной гигиены, здравоохранения и истории медицины. — 2023. — Т. 31. — № S2. — С. 1081–1086. — DOI: 10.32687 / 0869-866X-2023-31-s2-1081-1086; EDN: LHPNNK
8. **Ярашева, А.В.** Современные здоровьесберегающие практики россиян / А.В. Ярашева, С.В. Макар, Н.В. Аликперова // Народонаселение. — 2023. — Т. 26. — № 2. — С. 127–138. DOI: 10.19181 / population.2023.26.2.11; EDN: XOZVXW

9. **Мастерова, С.Н.** Привычки здорового питания как внутренний фактор выбора рациона питания населением России / С.Н. Мастерова // Научные записки молодых исследователей. — 2023. — Т. 11. — № 5. — С. 63–74. EDN: UOQQXG
10. **Драпкина, О.М.** Методология изучения рациона питания и поведенческих привычек населения для оценки приверженности здоровому образу жизни / О.М. Драпкина, С.С. Неустроев, Е.Б. Фролова, [и др.] // Профилактическая медицина. — 2019. — Т. 22. — № 4. — С. 43–50. DOI: 10.17116 / profmed20192204143; EDN: MHQYQZ
11. **Драгунов, Д.О.** Источники и последствия высокого потребления соли в Москве: исследование диетических привычек / Д.О. Драгунов, А.В. Соколова, В.В. Егорова, [и др.] // Проблемы социальной гигиены, здравоохранения и истории медицины. — 2024. — Т. 32. — № S2. — С. 1112–1117. DOI: 10.32687 / 0869-866X-2024-32-s2-1112-1117; EDN: FYWCXI
12. **Османов, Э.М.** Оценка эффективности мер, направленных на снижение потребления алкоголя населением в субъектах Российской Федерации / Э.М. Османов, В.А. Решетников, Т.М. Акаев, [и др.] // Проблемы социальной гигиены, здравоохранения и истории медицины. — 2025. — Т. 33. — № 2. — С. 273–282. DOI: 10.32687 / 0869-866X-2025-33-2-273-282; EDN: VDYRQM
13. **Богданова, О.Г.** Оценка факторов риска развития избыточной массы тела у детей школьного возраста / О.Г. Богданова, Н.В. Ефимова, И.В. Мыльникова, И.Ю. Тармаева // Проблемы социальной гигиены, здравоохранения и истории медицины. — 2023. — Т. 31. — № 4. — С. 594–599. DOI: 10.32687 / 0869-866X-2023-31-4-594-599; EDN: НОЕКМО
14. **Гуськова, И.В.** Психологическое здоровье российского общества и социальное благополучие: социально-экономический аспект / И.В. Гуськова, Н.Е. Серебровская, С.А. Шапиро, [и др.] // Проблемы социальной гигиены, здравоохранения и истории медицины. — 2025. — Т. 33. — № 2. — С. 163–170. DOI: 10.32687 / 0869-866X-2025-33-2-163-170; EDN: PUYRKV
15. **Уразаева, К.В.** Роль психологического стресса в формировании здоровья: обзор основных теорий, объясняющих связь между стрессом и здоровьем / К.В. Уразаева // Мир педагогики и психологии. — 2024. — № 4(93). — С. 298–306. EDN: XSYVKL
16. **Петраш, М.Д.** Психологические аспекты в структуре здорового образа жизни в разные периоды взрослости / М.Д. Петраш // Проблемы современного педагогического образования. — 2017. — № 57–13. — С. 165–183. EDN: YMQIYN
17. **Танатова, Д.К.** Физическая культура и спорт в жизни российского населения / Д.К. Танатова, И.В. Королев, Т.В. Леонтьева // Народонаселение. — 2022. — Т. 25. — № 1. — С. 167–176. DOI: 10.19181 / population.2022.25.1.14; EDN: NVJAKD
18. **Радаев, В.В.** Психологические стрессы в современной России: общий уровень, более уязвимые группы и способы совладания / В.В. Радаев // Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены. — 2024. — № 6(184). — С. 52–74. DOI: 10.14515 / monitoring.2024.6.2643; EDN: ASHHSU

Сведения об авторах:

Ярашева Азиза Викторовна, д.э.н., проф., главный научный сотрудник, зав. лабораторией, ИСЭПН ФНИСЦ РАН, Москва, Россия.

Контактная информация: e-mail: baktriana@rambler.ru; ORCID: 0000-0002-6041-7700; РИНЦ SPIN-код: 4700–6733.

Александрова Ольга Аркадьевна, д.э.н., главный научный сотрудник, зам. директора по научной работе, ИСЭПН ФНИСЦ РАН; проф. Финансового университета при Правительстве РФ, Москва, Россия.
Контактная информация: e-mail: a762rab@mail.ru; ORCID: 0000-0002-9243-9242; РИНЦ SPIN-код: 4419–6003

Марков Дмитрий Игоревич, к.социол.н., преподаватель, Финансовый университет при Правительстве РФ, Москва, Россия.

Контактная информация: e-mail: dimarkov1998@yandex.ru; ORCID: 0000-0001-9380-0506; РИНЦ SPIN-код: 1200–6958.

DOI: 10.24412/1561-7785-2026-1-150-161

HEALTHY HABITS AS A FACTOR OF NON-MATERIAL WELL-BEING OF THE POPULATION (ON MEDICAL WORKERS EXAMPLE)

Aziza V. Yarasheva^{1*}, Olga A. Aleksandrova^{1,2}, Dmitri I. Markov²

¹ISESP FCTAS RAS

(32 Nakhimovsky prospect, Moscow, Russia, 117218)

²Financial University under the Government of the Russian Federation

(49/2 Leningradsky prospect, Moscow, Russia, 125167)

*E-mail: baktriana@rambler.ru

For citation:

Yarasheva A. V., Aleksandrova O. A., Markov D. I. Healthy habits as a factor of non-material well-being of the population (on medical workers example). *Narodonaselenie [Population]*. 2026. Vol. 29. No. 1. P. 150-161. DOI: 10.24412/1561-7785-2026-1-150-161 (in Russ.)

Abstract. *Well-being of population, the improvement of which is outlined in Russia's National Development Goals, has both tangible and intangible aspects. The latter include physical and psychological health, an important mechanism for maintaining which is a healthy lifestyle (HLS), which implies regular practicing healthy habits. Medical professionals are called upon to promote adherence to a healthy lifestyle, not only through counseling but also by personal example. This article presents analysis of the results of a mass survey of medical workers employed in primary healthcare in the capital city. The purpose of the survey was to find out the extent to which employees of medical organizations, particularly those most frequently visited by people, adhere to healthy habits. The questionnaire consisted of blocks of questions concerning various indicators of adherence to a healthy lifestyle, representing a set of everyday practices. Then, using the authors' methodology, there was calculated an index quantifying the level of adherence to a particular component of a healthy lifestyle (the article presents results concerning three key areas: nutrition, physical activity, and psychological resilience). Half of the healthcare workers surveyed describe their health as fair or poor; only a third consistently adhere to a healthy lifestyle. Calculating the indices allows us to assess the level of healthcare workers' adherence to healthy habits, including nutrition and stress resilience, as moderate, and their level of physical activity as low. This raises doubts about their ability to effectively foster a healthy lifestyle among the population and thereby contribute to growth of the non-material component of their well-being.*

Keywords: *non-material well-being, healthy habits, proper nutrition, physical activity, stress resistance, healthy lifestyle, medical professionals.*

References and Internet sources

1. Aleksandrova O. A., Yarasheva A. V. Sektsiya «Monetarnyye i nemonetarnyye aspekty blagopoluchiya cheloveka i obshchestva v Rossii» na 10 Sankt-Peterburgskom mezhdunarodnom ekonomicheskom kongresse [Section «Monetary and non-monetary aspects of individual and society well-being in Russia» at X Saint-Petersburg international economic congress (SPEC-2025)]. *Narodonaselenie [Population]*. 2025. Vol. 28. No. 2. P. 239–245. DOI: 10.24412/1561-7785-2025-2-239-245 (in Russ.)
2. Vagayeva O. A. Fizicheskoye i mental'noye zdorov'ye kak osnova blagopoluchiya i zhiznennogo uspekha [Physical and mental health as the basis of well-being and life success]. *Tendentsii razvitiya nauki i obrazovaniya. [Trends in the Development of Science and Education]*. 2023. No. 96–1. P. 46–50. DOI: 10.18411/trnio-04-2023-15 (in Russ.)

3. Kruze A. A., Nemova D. A. Zdorov'ye kak pokazatel' urovnya obshchestvennogo razvitiya i blagopoluchiya [Health as an indicator of the level of social development and well-being]. *Week of Russian Science (WeRuS-2024)*. Proceedings of XIII All-Russian Week of Science with international participation dedicated to the National Donor Day. (Saratov, April 16–19, 2024). Saratov. Saratovskiy gosudarstvennyy meditsinskiy universitet imeni V. I. Razumovskogo [Razumovsky Saratov State Medical University]. 2024. P. 974–975. (in Russ.)
4. Ananchenkova P. I., Kudryavtsev P. I., Shegay M. N. Vliyaniye zdorov'ya na formirovaniye chelovecheskogo kapitala. [The impact of health on the formation of human capital]. *Problemy sotsial'noj gigieny, zdavookhraneniya i istorii meditsiny [Problems of Social Hygiene, Public Health and History of Medicine]*. 2023. Vol. 31. No. S2. P. 1263–1267. DOI: 10.32687/0869-866X-2023-31-s2-1263-1267 (in Russ.)
5. Gorchakova N. S. Investitsii v zdorov'ye kak sposob minimizatsii ekonomicheskikh poter'. [Investing in health as a way to minimize economic losses]. *Ekonomika: vchera, segodnya, zavtra [Economics: Yesterday, Today and Tomorrow]*. 2021. Vol. 11. No. 6–1. P. 102–111. DOI: 10.34670/AR.2021.62.68.009 (in Russ.)
6. Lokosov V. V., Yarasheva A. V., Aleksandrova O. A. Faktory formirovaniya osnovnykh samookhranitel'nogo povedeniya naseleniya. [Factors forming the foundations for self-preservation behavior of the population]. *Narodonaselenie [Population]*. 2024. Vol. 27. No. 1. P. 192–205. DOI: 10.24412/1561-7785-2024-1-192-205 (in Russ.)
7. Aksenova E. I., Aleksandrova O. A., Yarasheva A. V., Alikperova N. V. Modeli povedeniya naseleniya v otnoshenii svoego zdorov'ya. [Behavior patterns of the population in relation to health]. *Problemy sotsial'noj gigieny, zdavookhraneniya i istorii meditsiny [Problems of Social Hygiene, Public Healthcare and History of Medicine]*. 2023. Vol. 31. No. S2. P. 1081–1086. DOI: 10.32687/0869-866X-2023-31-s2-1081-1086 (in Russ.)
8. Yarasheva A. V., Makar S. V., Alikperova N. V. Sovremennyye zdorov'yesberegayushchiye praktiki rossiyan. [Modern health-saving practices of Russians]. *Narodonaselenie [Population]*. 2023. Vol. 26. No. 2. P. 127–138. DOI: 10.19181/population.2023.26.2.11 (in Russ.)
9. Masterova S. N. Privyichki zdorovogo pitaniya kak vnutrennij faktor vybora ratsiona pitaniya naseleniyem Rossii [Healthy eating habits as an internal factor in the diet choice in Russia]. *Nauchnyye zapiski molodykh issledovatelej [Scientific Notes of Young Scientists]*. 2023. Vol. 11. No. 5. P. 63–74. (in Russ.)
10. Drapkina O. M., Neustroev S. S., Frolova E. B., et al. Metodologiya izucheniya ratsiona pitaniya i povedencheskikh privyчек naseleniya dlya otsenki priverzhennosti zdorovomu obrazu zhizni [Methodology for studying dietary intake and behavioral habits of the population to assess their adherence to healthy lifestyle]. *Profilakticheskaya meditsina [Preventive Medicine]*. 2019. Vol. 22. No. 4. P. 43–50. DOI: 10.17116/profmed20192204143 (in Russ.)
11. Dragunov O. D., Sokolova A. V., Egorova V. V., et al. Istochniki i posledstviya vysokogo potrebleniya soli v Moskve: issledovaniye dieticheskikh privyчек. [Sources and consequences of high salt consumption in Moscow: A study of dietary habits]. *Problemy sotsial'noj gigieny, zdavookhraneniya i istorii meditsiny [Problems of Social Hygiene, Public Health and History of Medicine]*. 2024. Vol. 32. No. S2. P. 1112–1117. DOI: 10.32687/0869-866X-2024-32-s2-1112-1117 (in Russ.)
12. Osmanov E. M., Reshetnikov V. A., Akaev T. M., et al. Otsenka effektivnosti mer, napravlennykh na snizheniye potrebleniya alkogolya naseleniem v sub'ektakh Rossijskoj Federatsii [The evaluation of efficiency of measures targeted to decreasing alcohol consumption by population in the subjects of the Russian Federation]. *Problemy sotsial'noj gigieny, zdavookhraneniya i istorii meditsiny. [Problems of Social Hygiene, Public Health and History of Medicine]*. 2025. Vol. 33. No. 2. P. 273–282. DOI: 10.32687/0869-866X-2025-33-2-273-282 (in Russ.)
13. Bogdanova O. G., Efimova N. V., Mylnikova I. V., Tarmaeva I. Yu. Otsenka faktorov riska razvitiya izbytochnoj massy tela u detej shkol'nogo vozrasta [Assessment of Risk Factors for the Development of Excess Body Weight in School-Age Children]. *Problemy sotsial'noj gigieny, zdavookhraneniya i istorii meditsiny [Problems of Social Hygiene, Public Health and History of Medicine]*. 2023. Vol. 31. No. 4. P. 594–599. DOI: 10.32687/0869-866X-2023-31-4-594-599 (in Russ.)
14. Guskova I. V., Serebrovskaya N. E., Shapiro S. A., et al. Psikhologicheskoye zdorov'ye rossijskogo

- obshchestva i sotsial'noye blagopoluchiye: sotsial'no-ekonomicheskij aspekt [The mental health of Russian society and social well-being: the social economic aspects]. *Problemy sotsial'noj gigieny, zdravookhraneniya i istorii meditsiny [Problems of Social Hygiene, Public Health and History of Medicine]*. 2025. Vol. 33. No. 2. P. 163–170. DOI: 10.32687/0869-866X-2025-33-2-163-170 (in Russ.)
15. Urazayeva K. V. Rol' psikhologicheskogo stressa v formirovanii zdorov'ya: obzor osnovnykh teorij, ob'yasnyayushchikh svyaz' mezhdou stressom i zdorov'yem [The role of psychological stress in shaping health: an overview of the main theories explaining the relationship between stress and health]. *Mir pedagogiki i psikhologii [The World of Pedagogy and Psychology]*. 2024. No. 4(93). P. 298–306. (in Russ.)
 16. Petrash M. D. Psikhologicheskiye aspekty v structure zdorovogo obraza zhizni v raznyye periody vzroslosti [Psychological aspects in the structure of a health promotion lifestyle in different periods of adulthood] *Problemy sovremennoogo pedagogicheskogo obrazovaniya [Problems of Modern Pedagogical Education]*. 2017. No. 57–13. P. 165–183. (in Russ.)
 17. Tanatova D. K., Korolev I. V., Leontyeva T. V. Fizicheskaya kul'tura i sport v zhizni rossijskogo naseleniya [Physical culture and sports in the life of the Russian population]. *Narodonaselenie [Population]*. 2022. Vol. 25. No. 1. P. 167–176. DOI: 10.19181/population.2022.25.1.14 (in Russ.)
 18. Radaev V. V. Psikhologicheskie stressy v sovremennoj Rossii: obshchij uroven', boleye uyazvimye gruppy i sposoby sovladaniya [Psychological stresses in the contemporary Russia: general level, more vulnerable groups and coping strategies]. *Monitoring obshchestvennogo mneniya: ekonomicheskiye i sotsial'nye peremeny [Monitoring of Public Opinion: Economic and Social Changes]*. 2024. No. 6(184). P. 52–74. DOI: 10.14515/monitoring.2024.6.2643 (in Russ.)

Information about the authors:

Yarasheva Aziza Viktorovna, Doctor of Economics, Full Professor, Chief Researcher, Head of Laboratory, ISESP FCTAS RAS, Moscow, Russia.

Contact information: e-mail: baktriana@rambler.ru; ORCID: 0000-0002-6041-7700; Elibrary SPIN-code: 4700–6733

Aleksandrova Olga Arkadyevna, Doctor of Economics, Chief Researcher, Deputy Director for Research, ISESP FCTAS RAS; Professor, Financial University under the Government of the Russian Federation, Moscow, Russia

Contact information: e-mail: a762rab@mail.ru; ORCID: 0000-0002-9243-9242; Elibrary SPIN-code: 4419–6003

Markov Dmitri Igorevich, Candidate of Sociology, Lecturer, Financial University under the Government of the Russian Federation, Moscow, Russia.

Contact information: e-mail: DIMarkov1998@yandex.ru; ORCID: 0000-0001-9380-0506; Elibrary SPIN-code: 1200–6958.

Статья поступила в редакцию 22.09.2025, утверждена 16.02.2026, опубликована 31.03.2026.

DOI: 10.24412/1561-7785-2026-1-162-173
EDN: IKVQOG

ПРОБЛЕМЫ СИСТЕМЫ ОБРАЗОВАНИЯ УЗБЕКИСТАНА В ФОРМИРОВАНИИ ЧЕЛОВЕЧЕСКОГО КАПИТАЛА

Хакумура Н.

Государственный Университет Гифу
(5011193, Япония, Гифу, Янагидо, 1-1)

E-mail: hakumura.naoya.g4@f.gifu-u.ac.jp

Для цитирования:

Хакумура Н. Проблемы системы образования Узбекистана в формировании человеческого капитала // Народонаселение. – 2026. – Т. 29. – № 1. – С. 162-173. DOI: 10.24412/1561-7785-2026-1-162-173; EDN: IKVQOG

Аннотация. В статье рассматривается процесс формирования человеческого капитала в современном Узбекистане через призму школьного образования. В последнее время Узбекистан привлекает значительное внимание со стороны многих стран с точки зрения своего экономического и человеческого потенциала. В частности, Россия исторически принимала большое количество рабочих, а Япония с 2025 г. проводит политику приёма специалистов из Узбекистана. Какое школьное образование в настоящее время получают граждане Узбекистана, прежде чем приехать в Россию или Японию? И с какими проблемами сталкивается сама школьная система? Понимание этих моментов имеет важное значение для принимающих сторон. На основе полевого исследования, проведённого автором в Ташкенте в 2023–2024 гг., выявлены четыре ключевые проблемы: 1) преэминентность институтов, 2) рост населения и связь между уровнями образования, 3) образовательное неравенство и 4) подготовка педагогических кадров. Узбекистан предпринимает активные шаги по приведению школьной системы в соответствие с международными стандартами. Однако на практике реализация этих инициатив отстаёт от декларируемых целей. Международные организации, такие как ЮНЕСКО и ЮНИСЕФ, играют значимую роль в поддержке реформ — прежде всего в сфере повышения квалификации педагогов и обновления учебных материалов. Тем не менее, нехватка учителей и образовательной инфраструктуры сохраняется, а инновационные подходы не выходят за рамки отдельных школ. Автор подчёркивает необходимость системного подхода, когда все уровни образования функционируют как взаимосвязанное целое. Ключевыми условиями для преодоления последствий «утраченных 30 лет» и построения устойчивой модели развития человеческого капитала в Узбекистане выступают: переосмысление концепции инклюзивности, сокращение регионального неравенства и инвестиции в подготовку педагогических кадров.

Ключевые слова: Узбекистан, школьное образование, человеческий капитал, инклюзивное образование, подготовка педагогов.

Введение

Выражение «утраченные 30 лет» в Японии означает экономический застой после краха финансового пузыря в конце 1980-х годов, а в странах бывшего СССР — потрясения, вызванные распадом социалистической плановой системы в 1991 году. В Узбекистане это выражение часто используется как символ нехватки кадров, возникшей после распада СССР, когда множество опытных русскоязычных преподавателей всех уровней системы образования покинули страну. Школьное образование является одной из важнейших общественных систем, но оно эффективно только тогда, когда все уровни образования функционируют слаженно. В Узбекистане же связь реформ с практикой остаётся недостаточной. Представители вузов Ташкента, стремящиеся развивать сотрудничество с японскими аспирантурами, подчёркивают слабую математическую подготовку узбекских студентов. Это указывает на проблемы в базовом обучении в начальной и средней школе.

Хотя в предыдущих исследованиях подробно рассматривались различные аспекты школьного образования, немногие из них затрагивали вопросы преемственности между уровнями образования. Исходя из этого, автор стремится переосмыслить образование как единый процесс подготовки кадров. Предыдущие исследования об образовании в Узбекистане охватывают широкий спектр тем — от локального образования до недавнего внедрения STREAM- и инклюзивного образования. К.Сэки [1] исследовала взаимосвязь между формированием личности и школьным образованием в Центральной Азии, а М.Тухтамирзаева [2] проанализировала восприятие образовательных реформ среди разных категорий респондентов. Настоящая работа использует методологические разработки этих исследований. Д.Санкар [3] представляет всесторонний анализ системы образования Узбекистана, подчёркивая проблемы регионального неравенства, подготовки учителей и инклюзивного образования. Однако в отчёте недостаточно внима-

ния уделено практике. Настоящее исследование восполняет этот пробел за счёт данных полевого исследования. Что касается STREAM-образования, ADB указал на проблемы, связанные с его внедрением, а в области инклюзивного образования обсуждались законодательные реформы после ратификации Конвенции о правах инвалидов (КПИ) в 2021 г. [4]. Однако большинство этих исследований недостаточно анализируют структурные проблемы.

Настоящая работа основана на серии интервью, полученных в ходе полевого исследования, проведённого в Ташкенте в 2023 и 2024 гг., и направлена на выявление общих проблем и разрыва преемственности между ступенями образования, а также переосмысление понятия «утраченные 30 лет» и поиск пути их преодоления. Хотя объекты исследования ограничиваются образовательными учреждениями в Ташкенте, посещение которых было разрешено административными органами, были также проведены интервью с международными организациями и экспертами, занимающимися поддержкой образования в Узбекистане. Это позволило многогранно рассмотреть разрыв между политикой и практикой.

Цель этой статьи — изучение проблем функционирования системы образования Узбекистана, детерминирующей качество будущих человеческих ресурсов, — является актуальной как на внутреннем, так и на международном уровне. Россия принимает на работу множество узбекских мигрантов, Япония также договорилась принимать специалистов из Узбекистана начиная с 2025 года. Таким образом, развитие системы образования — это важная задача как для стран-отправителей, так и для стран-получателей работников. В Узбекистане, где доля молодого населения велика, направление развития системы образования напрямую влияет на общество в будущем.

Узбекистан в Центральной Азии

Узбекистан в настоящее время демонстрирует заметное присутствие в Централь-

ной Азии на фоне экономического роста и увеличения численности населения. Эти тенденции проявляются и в сфере образования, и на рынке труда. В этой части статьи, в качестве основы для анализа политики Узбекистана в области подготовки кадров, даётся обзор динамики экономических и социальных показателей страны и проводится сравнение с другими странами региона. Рост Узбекистана во многом происходит благодаря его демографическим ресурсам (рис. 1).

В 2022 г. численность населения достигла 34,9 млн человек — самый высокий показатель в Центральной Азии. Доля населения трудоспособного возраста (15–64 лет) составляет 63,4%, что указывает на большую численность потенциальной рабочей силы. В основе такой возрастной структуры насе-

ления лежит высокий уровень рождаемости. По показателю суммарного коэффициента рождаемости на 2023 г. Узбекистан занимает первое место в регионе с уровнем 3,5 и тенденцией к росту. Между тем, в Казахстане, Кыргызстане, Таджикистане и Туркменистане рождаемость снижается. Такие демографические изменения связаны с экономическим развитием стран региона. Реальный ВВП Узбекистана увеличился за 30 лет почти в 4,4 раза. Особенно впечатляющим является рост после 2010-х гг., чему способствовали как внутренние реформы, так и международная поддержка. Несмотря на то, что экономическое первенство по размерам ВВП в регионе сохраняет Казахстан, Узбекистан стремительно сокращает разрыв. В этих условиях обеспечение образования и занятости становится неотложной задачей.

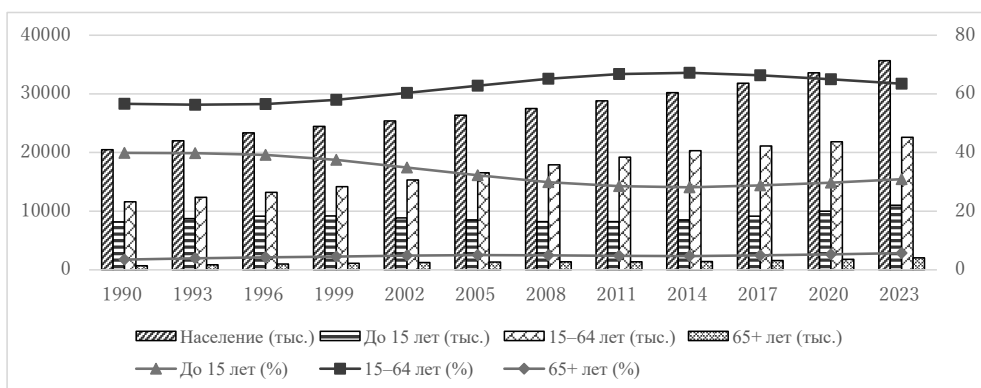

Рис. 1. Возрастная структура населения Узбекистана и доли по годам

Fig. 1. Age structure of the population of Uzbekistan and its shares by year

Источник: Global Note. — URL <https://www.globalnote.jp/> (дата обращения: 10.07.2025).

Узбекистан также активно принимает международную помощь. С 2018 г. объём официальной помощи в целях развития (ODA) резко увеличился, и в 2022 г. достиг 1584,6 млн долл. США, что является самым высоким показателем в Центральной Азии. Эта помощь направлена на развитие образования и инфраструктуры и способствует формированию человеческого капитала. Эти усилия также отражаются на уровне жизни населения. Согласно индексу человеческого развития (ИЧР), Уз-

бекистан улучшил свои показатели с 0,603 в 2000 г. до 0,740 в 2023 г., что свидетельствует о прогрессе в образовании, здравоохранении и доходах. Хотя в целом по региону ИЧР имеет тенденцию к росту, Узбекистан демонстрирует самое быстрое улучшение, что указывает на успешную реализацию реформ.

На этом фоне происходят и изменения на рынке труда. На 2023 г. уровень занятости в Узбекистане составил 53,5%, что ниже, чем в других странах региона, однако на-

блюдается высокий потенциал, и в будущем ожидается более активное использование человеческих ресурсов. Кроме того, уровень безработицы, который в конце 1990-х гг. достигал почти 13%, к 2023 г. снизился до 4,5%. Особенно стоит отметить улучшение показателей среди молодёжи. Уровень NEET (молодёжь, не занятая ни в обучении, ни в трудовой деятельности) снизился с 25,2% в 2005 г. до 14,9% в 2023 году. В то же время в Таджикистане и Кыргызстане этот показатель остаётся высоким. Основной поддержки молодёжи являются государственные инвестиции в образование. В Узбекистане в 2021–2023 гг. доля государственных расходов на образование составляла от 21,4% до 21,6%, что является высоким уровнем для стран региона.

С экономической точки зрения в Узбекистане также происходят структурные изменения в промышленности (рис. 2): с 1991 по 2022 гг. занятость в третичном секторе экономики выросла более чем в 2 раза, особенно в сфере ИКТ. Вторичный сектор также удвоился за тот же период, что свидетельствует о растущем спросе на квалифицированные кадры и влияет на направления подготовки кадров. На этом фоне нельзя не отметить увеличение доли поступающих в вузы: к 2023 г. она достигла 45,8% от выпускников школ. Это указывает на эффективность таких реформ, как расширение числа учебных заведений и увеличение приёма студентов. Хотя Казахстан и Кыргызстан сохраняют уровень поступления выше 50%, темпы роста в Узбекистане более быстрые.

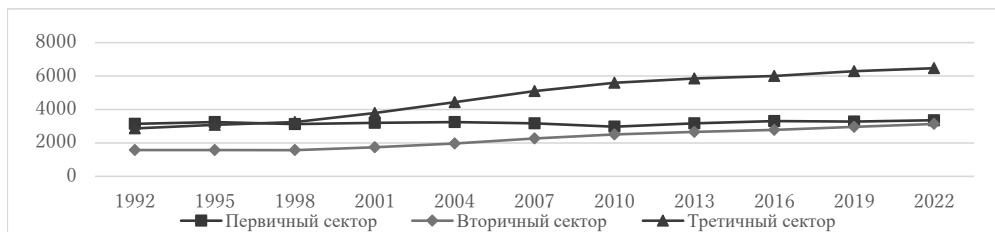

Рис. 2. Динамика численности занятых по отраслям по годам (тыс. человек)

Fig. 2. Dynamics of the number of employed by sectors by year (thousand people)

Источник: Global Note — URL <https://www.globalnote.jp/> (дата обращения: 10.07.2025).

Количество данных по Узбекистану ограничено, но вышеприведённые показатели свидетельствуют о стабильном развитии страны, что открывает возможности для подготовки большего числа квалифицированных специалистов. Но действительно ли этот процесс проходит успешно? В полевом исследовании, проведённом автором, использовался качественный метод социологического исследования.

Текущая ситуация в образовании

Учитывая вышеизложенные тенденции, целесообразно рассмотреть статистические данные по системе образования. После обретения независимости Узбекистан стремился уйти от образовательной систе-

мы СССР, реформируя её в сторону современного инклюзивного формата. Первое, на что стоит обратить внимание, — это развитие системы дошкольного образования. В 2017 г. было создано Министерство дошкольного образования, а с 2018 г. введено обязательное одногодичное дошкольное образование для детей шести лет для обеспечения плавного перехода к начальному образованию. Это означало увеличение продолжительности обязательного образования с 11 до 12 лет. Уровень охвата начальным и средним образованием стабильно находится на уровне 95–100%. В сельских районах, где не хватает государственных детских садов, дошкольное образование реализуется при участии местных сообществ. В системе дошкольного

образования обучение начинается с трёх лет, с шести — подготовительный класс, и с семи — начальное образование в школе. Дети с инвалидностью могут выбирать между обычной и специализированной школой. Кроме того, указ от 2017 г. закрепил норму, по которой выделяется дополнительная квота для лиц с инвалидностью : 2% от общего количества студентов.

В центре образовательных реформ находятся инклюзивное образование и STREAM-образование (интеграция науки, технологий и искусства). Инклюзивное образование направлено на социальную интеграцию, тогда как STREAM — на подготовку к изменяющимся экономическим и технологическим условиям. Ранее дети с инвалидностью обучались изолированно, но сейчас наблюдается тенденция к их интеграции в обычные школы, при этом проводится институциональная реформа с учётом положений КПИ. В Ташкенте STREAM-образование реализуется по учебным программам, предполагающим развитие креативности и навыков решения проблем. Указ Президента Республики Узбекистан № ПП-4312 от 8 мая 2019 г. «О концепции развития системы дошкольного образования до 2030 года» ставит цель повысить уровень творческого образования детей дошкольного возраста,

одновременно внедряя основы STREAM-образования. Намерение приобщить детей к ИКТ отражает стремление расширить подготовку кадров в данной сфере и позволяет увидеть контуры будущей стратегии Узбекистана в области развития человеческих ресурсов.

Расширение доступа к высшему образованию остаётся одной из ключевых задач. Уровень поступления в университеты, составлявший около 10% выпускников школ в 2010 г., вырос до почти 50% в 2023 г. в результате таких реформ, как пересмотр системы вступительных экзаменов, создание новых вузов, однако встал вопрос о качестве образования и профессионализме преподавателей. Как показано на рис 3, число студентов увеличилось с 420 тыс. в 2017 г. до 1,3 млн в 2023 году.

В «Стратегии развития Нового Узбекистана на 2022–2026 годы» определена «справедливая социальная политика и развитие человеческого капитала» в качестве приоритетных направлений. В качестве основных задач обозначены расширение образовательных возможностей и улучшение условий труда преподавателей. В отчёте Японского агентства международного сотрудничества (JICA) 2023 г. подчёркивается, что повышение качества образования является ключевым фактором экономического

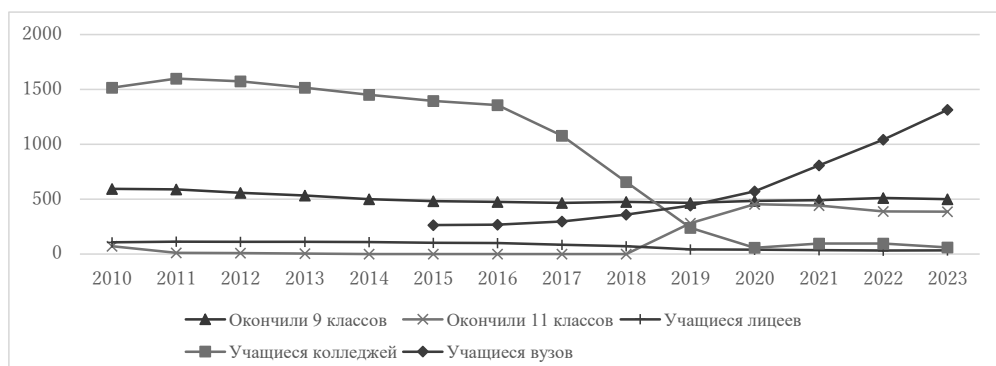

Рис. 3. Динамика численности учащихся и выпускников по уровням образования по годам (тыс. человек)

Fig. 3. Dynamics of the number of students and graduates by levels of education by year (thousand people)
 Источник: Национальный комитет Узбекистана по статистике. — URL: <https://stat.uz/ru> (дата обращения: 10.07.2025).

роста; в числе проблем названы слабая математическая подготовка и качество учебных материалов и кадров¹. Полевое исследование, проведённое в рамках данной работы, чётко выявило эти проблемы. Несмотря на реформы, резкий рост числа учащихся и недостаточная образовательная инфраструктура создают серьёзные вызовы.

¹ Аналитический доклад по стране: Узбекистан // Японское агентство международного сотрудничества (JICA). 2023. – С. 38. – URL: <https://www.jica.go.jp/Resource/uzbekistan/ku57pq00000467sg-att/jcap.pdf> (дата обращения: 10.07.2025).

Структурные проблемы системы образования: результаты интервью

Список посещённых учреждений приведён в табл. 1. Мы стремились сбалансированно выбрать объекты посещения — от органов управления образованием до учреждений начального, среднего и высшего образования, включая специальные образовательные учреждения. В каждом учреждении проводились интервью продолжительностью до двух часов. Для получения объективной перспективы было проведено интервью

Таблица 1

Обследованные учреждения в городе Ташкент в рамках интервью

Table 1

Institutions visited in Tashkent for interviews

Категория	Учреждение
Органы управления образованием	Министерство дошкольного и школьного образования, Министерство высшего образования, науки и инноваций
Дошкольное образование (ДОУ)	(А) Многофункциональное дошкольное образовательное учреждение (1)
Начальное и среднее образование	(В) Школа, (С) Школа, (D) Школа, интернат для одарённых детей (2), (Е) Специальная школа-интернат, (F) Международная школа
Высшее образование	(G) Технический университет с объектом технического сотрудничества (3), (H) Университет педагогики, (I) Университет информационных технологий
Встреча с представителями	Ассоциация глухих Узбекистана, около 30 человек с нарушением слуха
Внешкольное образование и сотрудничество вузов и индустрии	(J) Центр обучения детей (4), (K) Технопарк сотрудничества вузов и индустрии (5)
Международные организации	(L) Японская организация международного сотрудничества

Примечания: (1) Под «многофункциональным» подразумевается учреждение, объединившее советские типы ДОУ, ранее разделённые по типам инвалидности; (2) Пятилетняя специализированная школа для одарённых детей (по аналогии с лицеями); (3) Основан при техническом университете в рамках технического сотрудничества ОПР Японии. Предназначен для развития НИОКР и подготовки кадров в промышленных отраслях; (4) Частное внешкольное учреждение, обучающее детей от 3 до 17 лет по направлениям: робототехника, STEAM, математика, ментальная арифметика, шахматы и др.; (5) Основан в 2022 г., содействует студенческим стартапам, разработке проектов и взаимодействию с бизнесом. Открыт для свободного пользования студентами. Резиденты получают налоговые льготы.

Источник: составлено автором.

с японской международной организацией (L), которая долгое время работает в регионе.

Во время первого визита автора в сентябрь 2023 г. был объявлен новый национальный план под названием «Узбекистан-2030» (Указ Президента № UP-158²), сосредоточенный на долгосрочном развитии человеческого капитала. В сфере образования

в нём подчёркивается важность поэтапного развития, повышения квалификации учителей и укрепления профессионального образования. Таким образом, был последовательно подтверждён курс на инклюзивное развитие человеческих ресурсов. Во время второго визита в 2024 г. эти аспекты также учитывались, и обсуждался широкий круг тем. Ниже приведены основные сведения, полученные в ходе интервью.

² Стратегия «Узбекистан – 2030» // Правительство Республики Узбекистан, – URL: https://gov.uz/en/pages/2030_strategy (дата обращения: 10.07.2025).

С позиции органов управления образованием. По данным органов управления образованием Узбекистана, страна стремится создать открытую для всех детей образовательную систему. Центральным понятием является «инклюзивность», однако в отличие от советского времени, когда подразумевалась поддержка многонациональной среды, сегодня речь идёт о потребностях детей с ограниченными возможностями.

Такая смена парадигмы требует пересмотра существующей структуры, разделяющей специальное и общее образование. Предусмотрено внедрение инклюзивной модели в школы и оптимизация специальных учреждений³. Эта политика нацелена на то, чтобы дети с разными особенностями обучались вместе и становились активными членами общества. Однако на практике подготовка учителей и развитие системы поддержки не успевают за реформами. Родители детей с ограниченными возможностями выражают обеспокоенность снижением качества поддержки, поэтому необходимо гибкое проектирование системы и повышение качества кадрового обеспечения.

С позиции учреждений дошкольного образования. В Узбекистане дошкольное образование рассматривается как основа для развития человеческого капитала. В столичном многофункциональном детском саду (A), преобразованном из советского учреждения для определённого типа инвалидности, реализуется образовательная программа, включающая искусство, музыку и обучение по модели STEAM.

При поддержке ЮНИСЕФ и в сотрудничестве с университетами Южной Кореи и России учебная программа обновляется каждые полгода. Хотя эти передовые практики внушают надежду на подготовку глобально ориентированных кадров, из-за общественных предрассудков и недостаточной поддержки детям с инвалидностью по-прежнему трудно поступить в обычные школы. Многофункциональность и интернационализация дошкольного образования

открывают большие перспективы, но для настоящей инклюзивности необходимо укрепление общественного понимания и институциональной поддержки.

С позиции начальных и средних образовательных учреждений. Начальное и среднее образование в Узбекистане переживает период преобразований на фоне роста численности населения и проводимых реформ. В городских районах рост числа учащихся приводит к нехватке помещений, учителей и ИКТ-оборудования. В школе (C) в Ташкенте, например, информатика преподаётся посменно, но это временные меры, вызывающие опасения за качество подготовки. Вместе с тем предпринимаются попытки диверсификации образования. В школе (D) реализуется проект «2+1», сочетающий профессиональное обучение с многоязычным образованием, открывая учащимся разнообразные пути профессионального развития. Однако такие нововведения пока не стали общенациональной практикой.

Особую обеспокоенность вызывает растущее неравенство в доступе к образованию. В международной школе (F), где реализуется программа STREAM, выпускники поступают в престижные зарубежные университеты. Однако учащимися такой школы становятся в основном дети из обеспеченных семей и дети иностранных специалистов.

Инклюзивное образование также страдает от разрыва между декларируемыми принципами и реалиями на местах. Представители сообщества глухих в Ташкенте озвучили мнение о том, что в советское время система поддержки, включая переводчиков жестового языка, была более развита. В настоящее время учителей, владеющих жестовым языком, крайне мало, а поддержка учащихся с инвалидностью нередко прекращается после начальной школы. Это становится серьёзным препятствием для учёбы, поступления в вузы и социальной интеграции таких детей. Реализация инклюзивного образования требует непрерывной поддержки и практико-ориентированного проектирования системы.

³ Постановление Президента Республики Узбекистан от 13.10.2020 № ПП-4860 «О мерах по дальнейшему совершенствованию системы образования и воспитания детей с особыми образовательными потребностями».

С позиции учреждений высшего образования. Система высшего образования Узбекистана в последние годы сосредоточена на развитии инклюзивного образования, внедрении цифровых технологий и укреплении взаимодействия между университетами и промышленностью. Университет педагогического профиля (Н) играет ключевую роль в этом процессе и возглавляет переход от специального к инклюзивному образованию. Однако на практике сохраняются советские методики, что вызывает разрыв с новыми образовательными концепциями и негативно влияет на качество преподавания.

В частном университете (И), специализирующемся на японском языке и ИКТ, ведётся подготовка кадров, ориентированных на работу в японских компаниях. Тем не менее, по стране сохраняются значительные региональные различия в уровне преподавателей и состоянии образовательной инфраструктуры. Кроме того, даже в техническом вузе (G), выступающем как центр взаимодействия университетов с промышленностью, остро стоит проблема нехватки преподавателей естественнонаучных дисциплин. Из-за низкой зарплаты квалифицированные специалисты не идут в педагогику, и многие занятия проводят недостаточно компетентные преподаватели. Это сказывается на уровне знаний учащихся и снижает научный потенциал вузов. Налицо и рассогласование между вузами и потребностями промышленности. Большинство компаний сосредоточены на сборке устаревших моделей и мало вовлечены в исследования и инновации.

Таким образом, несмотря на то, что высшее образование играет центральную роль в адаптации к изменениям в обществе, оно сталкивается со множеством проблем в части институциональных механизмов и ресурсного обеспечения. В будущем необходима органическая связь с начальными и средними школами, а также с промышленностью, и построение гибкой образовательной системы, раскрывающей потенциал учащихся.

С позиции внешкольных образовательных учреждений и взаимодействия с промышленностью. В Узбекистане учреждения внешкольного образования и платформы взаимодействия вузов с промышленностью приобретают большое значение как новые пространства для подготовки кадров. В частном образовательном центре для детей (J) реализуются STEAM-образование, шахматы, ментальная арифметика и др. Центр получил высокую оценку как инновационное учреждение, однако ежемесячная плата в размере около 22 долларов ограничивает доступ для большинства семей. Технопарк (K), созданный в 2022 г. для взаимодействия между университетами и промышленностью, поддерживает стартапы студентов и развитие сотрудничества с бизнесом. Однако в настоящее время он в основном доступен только для студентов в городских районах, что ставит задачи по сокращению регионального неравенства. Подобные инициативы, продвигаемые частным сектором, играют важную роль как дополнение к системе государственного образования. Однако для обеспечения высокого качества и доступа к образованию по всей стране необходимо наладить взаимодействие с государственной системой и укрепить подготовку педагогов.

С позиции международного сотрудничества. В Узбекистане, на фоне роста численности населения, реализуются реформы образования, направленные на подготовку кадров. В частности, в 2017 г. было создано Министерство дошкольного образования, а в 2019 г. введено обязательное дошкольное образование для детей шестилетнего возраста. В результате была выстроена 12-летняя система обязательного образования, включающая один год дошкольного и 11 лет начального и среднего образования. Тем не менее, в сельских районах наблюдается острая нехватка образовательных учреждений и учителей, и нередко родители организуют дошкольное образование силами местного сообщества.

Также стали очевидными проблемы качества преподавания. По результатам исследования международной японской орга-

низации (L), многие учителя уделяют приоритетное внимание выполнению учебных часов, в ущерб пониманию материала. Специализированные учебные материалы по-прежнему в основном издаются на русском языке, и условия для изучения сложных дисциплин на узбекском языке неразвиты. В ответ на эти вызовы японская международная организация (L) оказывает поддержку в таких сферах, как подготовка учителей, разработка учебных материалов и других. В дальнейшем требуется активная работа по устранению разрыва между системой и практикой, чтобы гарантировать каждому ребёнку качественное образование.

Анализ и обсуждение

В данной работе образование в Узбекистане рассматривается как единый процесс от дошкольного до высшего образования. Путём анализа проблем, возникающих на каждом этапе образования, а также связи между ними, исследование направлено на выявление структурных проблем системы образования. В ходе исследования были выявлены следующие аспекты.

Реформирование системы и преемственность институтов. Для понимания образовательной системы Узбекистана необходимо учитывать институциональный вакуум, возникший после распада СССР, когда существовала система школ по видам инвалидности и было налажено взаимодействие с учреждениями профессиональной подготовки⁴. В условиях государственной реорганизации и экономического кризиса после обретения независимости эффективность таких структур стала сомнительной. С начала 2000-х гг. в рамках международных образовательных тенденций Узбекистан внедрил концепцию инклюзивного образования. Однако идеология начала опережать реальное развитие инфраструктуры и человеческих ресурсов. Принцип открытого образования для всех детей на практи-

ке оказался ограничен поддержкой только детей с инвалидностью.

Подходы, развивающие гибкость и креативность, оказались гораздо более отчётливо выражены в рамках STREAM-образования. Эволюция понятия «инклюзивность» — от многонационального подхода к поддержке детей с инвалидностью — воплощает в себе историческую нагрузку системы образования Узбекистана. Именно поэтому необходимо не только опираться на идеи, но и критически осмысливать их историческую многослойность. Это может стать ключом к преодолению «утраченных 30 лет» и созданию уникальной инклюзивной системы образования в стране [5; 6].

Рост населения и недостаточная связь между уровнями образования. На фоне стремительного роста населения с 2000-х гг. Узбекистан проводил институциональное расширение в сфере дошкольного и среднего образования. Однако разрыв в квалификации педагогов и инфраструктуре между городом и деревней остаётся значительным.

Кроме того, в ходе исследования стало ясно, что в переходе от дошкольного к начальному образованию отсутствует последовательность в методах преподавания. При переходе из средней школы в вуз проблемы, связанные с системой вступительных экзаменов⁵ и отсутствием механизмов поддержки, сужают возможности поступления для учащихся из регионов. Несмотря на формально выстроенную систему образования, на практике на каждом этапе наблюдаются препятствия, подрывающие её целостность.

Воспроизводство и закрепление образовательного неравенства. Образовательное неравенство в Узбекистане — это результат взаимодействия различных факторов. Разрыв между городскими и сельскими районами в плане образовательной среды весьма ощутим, что стимулирует миграцию молодёжи в города и за границу. Экономическое неравенство также усиливается: до-

⁴ В СССР существовали особые подходы к подготовке инвалидов. Так, Общество глухих (основано в 1926 г.) обеспечивало обучение, перевод, поступление в вузы и работу на собственных предприятиях.

⁵ По данным интервью, в школах Узбекистана нет полноценной системы единых тестов, что затрудняет объективную оценку знаний. Поэтому японские компании рассматривают выход на этот рынок, особенно в сфере вступительных экзаменов.

ступ к частным школам, дополнительным занятиям и кружкам напрямую зависит от финансовых возможностей семьи. Кроме того, русский язык по-прежнему рассматривается как преимущество при поступлении в вузы и трудоустройстве.

Также ограничены возможности трудоустройства для лиц с инвалидностью, несмотря на дополнительную квоту на поступление в вузы. Эта система начала действовать в 2017 г., и результаты ещё подлежат проверке. Однако очевидна необходимость сокращения различий в распределении образовательных ресурсов. Пока у учащихся нет реальной надежды на трудоустройство после окончания школы, мотивация к обучению будет угасать.

Подготовка будущих педагогических кадров. Одним из ключевых столпов институциональной реформы является качество и количество педагогов. Во всех посещённых учреждениях наблюдается дефицит учителей на всех уровнях, особенно в таких направлениях, как инклюзивное и STREAM-образование, цифровые технологии и исследовательские методы обучения. Корень этих проблем в низкой оплате труда педагогов. Государство признаёт это и декларирует повышение заработной платы преподавателям как приоритет⁶. Однако, как показали исследования 2023–2024 гг., ощутимых результатов пока нет. Особенно критич-

но положение в сфере естественнонаучного образования: талантливая молодёжь избегает профессии учителя, а поступающим в магистратуру по этим специальностям не хватает базовых знаний. Таким образом, улучшение качества подготовки учителей, пересмотр условий труда и систем повышения квалификации являются насущными задачами.

Несмотря на то, что в последние годы в Узбекистане активно проводились институциональные реформы, обеспечение качества и равенства в образовании остаётся серьёзной проблемой. Рассмотренные в данной работе проблемы тесно переплетены между собой. Необходима качественная подготовка школьных учителей и создание системы, в которой все уровни образования взаимосвязаны и внимание уделяется раскрытию потенциала каждого ребёнка. Требуется не только усилить поддержку, но и заново выстроить систему образования как среду, вовлекающую в процесс всё сообщество. Возвращаясь к исходной точке, нам следует ещё раз переосмыслить текущее состояние школьного образования в стране и определить, как справляться с выявленными проблемами. Лишь при выполнении этих условий можно будет обеспечить надёжное формирование знаний и навыков у молодого поколения и развить человеческий капитал, способный поддерживать будущее страны.

⁶ Указ Президента Республики Узбекистан «О дополнительных мерах по совершенствованию системы управления народным образованием» и Указ Президента Республики Узбекистан «О повышении размеров заработной платы, пенсий, стипендий и пособий».

Литература и Интернет-источники

1. **Сэки, К.** Формирование личности на Кавказе и в Центральной Азии: сравнительное исследование культур развития / К. Сэки. — Издательство Акаси, 2012. — 308 с. (на японском)
2. **Тухтамирзаева, М.** Социальные трансформации и образование в современном Узбекистане: Докторская диссертация / М. Тухтамирзаева. — Токио : Токийский университет иностранных языков, 2016. — 171 с. (на японском)
3. **Sankar, D.** Uzbekistan Education Sector Analysis / D. Sankar. — UNICEF Uzbekistan, 2021. — P. 123. — URL: https://uzbekistan.un.org/sites/default/files/2022-05/Edu%20Sit%20An_UNICEF%202022_0.pdf (дата обращения: 11.07.2025).
4. **Муминов, С.** Обзор реформы инклюзивного образования для детей с особыми потребностями в Республике Узбекистан / С. Муминов, Т. Хомма // Образовательный сборник исследований. — 2024. — № 41. — С. 63–74. (на японском)

5. **Хакумура, Н.** Проблемы развития человеческих ресурсов у людей с ограниченными возможностями в Узбекистане / Н. Хакумура // Социальная динамика населения и человеческий потенциал: Материалы VI Международной научно-практической конференции (Москва, 20–21 июня 2024 г.). — Москва : ИСЭПН ФНИСЦ РАН, 2024. — С. 146–148.
6. **Хакумура, Н.** Последние тенденции в области образования глухих в Узбекистане — Проблемы школьного образования и перспективы на будущее на основе результатов полевого исследования / Н. Хакумура, С. В. Вилларенте, М. Ахлидинов, К. Киносита // Годовой отчёт Организации по продвижению образования и поддержке студентов Университета Гифу. — 2025. — № 10. — С. 27–39. (на японском)

Сведения об авторе:

Хакумура Наоя, доцент, Государственный Университет Гифу, Гифу, Япония.

Контактная информация: e-mail: hakumura.naoya.g4@f.gifu-u.ac.jp; ORCID: 0000-0002-6423-5592.

DOI: 10.24412/1561-7785-2026-1-162-173

PROBLEMS OF THE EDUCATION SYSTEM OF UZBEKISTAN IN FORMATION OF HUMAN CAPITAL

Naoya Hakumura

Gifu State University

(1–1 Yanagido, Gifu City, Gifu Prefecture Japan, 5011193)

E-mail: hakumura.naoya.g4@f.gifu-u.ac.jp

For citation:

Hakumura N. Problems of the education system of Uzbekistan in formation of human capital. *Narodonaselenie [Population]*. 2026. Vol. 29. No. 1. P. 162-173. DOI: 10.24412/1561-7785-2026-1-162-173 (in Russ.)

Abstract. *This article examines the process of human capital formation in modern Uzbekistan through the lens of school education. Uzbekistan has recently drawn significant attention from many countries in terms of its economic and human capital potential. Russia, in particular, has historically accepted large numbers of workers, while Japan has adopted a policy of recruiting specialized personnel from Uzbekistan in 2025. What kind of school education is currently being implemented in Uzbekistan? In other words, what kind of education do citizens of Uzbekistan receive before coming to Russia or Japan? And what problems does the school system face? Understanding these points is crucial for the receiving countries. Based on field research conducted by the author in Tashkent between 2023 and 2024, four key issues have been identified: (1) insufficient institutional continuity, (2) population growth and insufficient connection between educational levels, (3) educational inequality, and (4) insufficient teacher training. Uzbekistan is taking active steps to align its school system with international standards. However, the actual implementation of the reforms often lags behind their stated goals. International organizations such as JICA and UNICEF play a significant role in supporting these efforts — particularly in teacher training and updating educational materials. Nevertheless, teacher shortages and inadequate infrastructure persist, and innovative approaches remain limited to a few institutions. The author emphasizes the need for a systemic approach in which all levels of education function as a whole. Reinterpreting the concept of inclusivity, reducing regional disparities, and making investments in teacher training are essential conditions for overcoming the consequences of the «lost 30 years» following the collapse of the Soviet Union and for building a sustainable model of human capital development in Uzbekistan.*

Keywords: *Uzbekistan, school education, human capital, inclusive education, teacher training.*

References and Internet sources

1. Seki Keiko. Kookasasu to chuuouazia no ningen keisei — Hattatsu bunka no hikaku kyouiku kenkyuu [Human Development in the Caucasus and Central Asia: Comparative Educational Research on Developmental Culture]. Akashi shoten [Akashi Publishers.], 2012. 308 p. (in Japanese)
2. Tukhtamirzaeva M. Gendai uzubekisutan no shakai henyou to kyoiku [Social Transformation and Education in Modern Uzbekistan]. Doctoral degree thesis. Tokyo. Tokyo University of Foreign Studies, 2016. 171 p. (in Japanese)
3. Sankar D. Uzbekistan Education Sector Analysis. UNICEF Uzbekistan, 2021. 123 p. Available at: https://uzbekistan.un.org/sites/default/files/2022-05/Edu%20Sit%20An_UNICEF%202022_0.pdf (Accessed: 11 July 2025).
4. Mo'minov S., Honma T. Uzubekisutan kyouwakoku ni okeru tokubetsu na ni-zu wo motu jidouno tamenno inkurusibu kyouiku kaikaku [Overview of inclusive education reform for children with special needs in the Republic of Uzbekistan]. Kokushikan Daigaku kyoikugaku ronso [Kokushikan University Journal of Educational Studies]. 2024. No. 41. P. 63–74. (in Japanese)
5. Hakumura N. Problemy razvitiya chelovecheskikh resursov u lyudey s ogranichennymi vozmozhnostyami v Uzbekistane [Problems of human resource development for people with disabilities in Uzbekistan]. Sotsial'naya dinamika naseleniya i chelovecheskiy potentsial: Materialy 6 Mezhdunarodnoy nauchno-prakticheskoy konferentsii [Social Dynamics of the Population and Human Potential. Proceedings of the VI international scientific and practical conference (Moscow, 20–21 June 2024)]. Moscow: ISEPN FNISTc RAN [ISESP FCTAS RAS]. 2024. P. 146–148. (in Russ.)
6. Hakumura N., Villarente S. V., Akhlidinov M., Kinoshita K. Uzubekisutan no roukyouiku wo meguru kinnen no doukou — genchichousa wo fumaeta gakkoukyouiku no mondaiten to kongo no tenbou-[Recent Trends in Deaf Education in Uzbekistan — Problems and Future Prospects of School Education Based on Field Research]. Gifu daigaku kyouikusuishin gakuseishien kikou nenpou [Gifu University Education Promotion and Student Support Organization Annual Report]. 2025. No. 10. P. 27–39. (in Japanese)

Information about the author:

Hakumura Naoya, Associate Professor, Gifu University, Gifu City, Japan.

Contact information: e-mail: hakumura.naoya.g4@f.gifu-u.ac.jp; ORCID: 0000-0002-6423-5592.

Статья поступила в редакцию 01.08.2025, утверждена 16.02.2026, опубликована 31.03.2026.

СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКИЕ ПРОБЛЕМЫ РЕГИОНОВ РОССИИ

DOI: 10.24412/1561-7785-2026-1-174-189
EDN: JAXBED

ВЗАИМОСВЯЗЬ МЕЖДУ ДЕМОГРАФИЧЕСКИМИ ПОКАЗАТЕЛЯМИ ЗДОРОВЬЯ НАСЕЛЕНИЯ И УРОВНЕМ ИННОВАЦИОННОГО РАЗВИТИЯ ЭКОНОМИКИ РЕГИОНОВ РОССИИ

Будилова Е. В*, Лагутин М. Б.

Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова
(119192, Россия, Москва, Ленинские горы, 1)

*E-mail: evbudilova@mail.ru

Для цитирования:

Будилова Е.В., Лагутин М.Б. Взаимосвязь между демографическими показателями здоровья населения и уровнем инновационного развития экономики регионов России // Народонаселение. – 2026. – Т. 29. – № 1. – С. 174-189. DOI: 10.24412 / 1561-7785-2026-1-174-189; EDN: JAXBED

Аннотация Тема исследования — влияние инновационного развития региональной экономики на демографические характеристики популяционного здоровья населения субъектов Российской Федерации. Цель исследования — выявить и обосновать наличие или отсутствие значимых взаимосвязей между характеристиками популяционного здоровья и индексом инновационного развития экономики 85 субъектов России. В качестве источника информации о популяционном здоровье населения (первичной заболеваемости, заболеваемости социально значимыми болезнями, индексом демографического старения, коэффициентом жизнненности) использовали сборники Росстата. Источником информации для оценки уровня инновационного развития экономики в 85 регионах России служили данные Ассоциации инновационных регионов России. Для оценки связи между исследуемыми показателями применяли корреляционный и непараметрический дисперсионный анализы. Анализ связи между уровнем инновационного развития экономики в регионах России и характеристиками популяционного здоровья выявил значимую положительную связь Индекса инновационного развития экономики с индексом демографического старения населения и отрицательную — с коэффициентом жизнненности. Анализ связи между уровнем инновационного развития экономики в регионах России и характеристиками популяционного здоровья населения показал, что в российских регионах с более высоким уровнем инновационного развития экономики проживает более пожилое население и показатели смертности превышают показатели рождаемости. Выявлена значимая положительная связь между уровнем инновационного развития экономики и заболеваемостью населения новообразованиями, а также численностью пациентов на диспансерном учёте с злокачественными новообразованиями. С заболеваемостью по остальным классам болезней значимые корреляционные связи не выявлены.

Ключевые слова: первичная заболеваемость, демографический индекс старения, коэффициент жизнненности, индекс популяционного здоровья, индекс инновационного развития экономики.

© Будилова Е. В., Лагутин М. Б., 2026

Введение

Для инновационной экономики характерны высокий уровень развития человеческого потенциала, высокое качество жизни населения, ведущая роль образования и науки, увеличение доли интеллектуального труда, иными словами, интеллект и творческий потенциал человека становятся важными факторами развития экономики¹. Человеческий потенциал страны, по определению В. В. Локовского, это «совокупность имеющихся демографических, социально-экономических и социокультурных свойств населения, которые возможно реализовать при наличии мотивационной готовности и определённых социально-исторических и природно-географических условий» [1, с. 7]. Одним из ключевых элементов человеческого потенциала является здоровье населения [2], которое совместно с уровнем образования и интеллектуальными возможностями человека определяют его человеческий капитал и характеризует способность человека к производственной деятельности [3].

Общим проблемам взаимосвязи демографических показателей здоровья населения и социально-экономических характеристик посвящены работы многих отечественных учёных, например, Н. М. Римащевской, А. Г. Вишневого, Б. Б. Прохорова, В. М. Школьниковой, Е. М. Андреевой, Л. Л. Рыбаковского, И. Б. Назаровой, В. Г. Доброхлеб и ряда других. Некоторые работы уделяют внимание непосредственно взаимосвязи между инновационной экономикой и демографическими процессами, протекающими в обществе [например, 4–8]. Так в работе В. Г. Доброхлеб с соавторами [4] изучен инновационный потенциал субъектов РФ и ха-

рактеристики демографических процессов в них, которые оценивались с точки зрения теории демографического перехода. В ходе анализа установлено, что российские регионы находятся на различных стадиях демографического перехода и имеют различный уровень инновационного развития. Отмечается при этом, что инновационные территории имеют более низкий уровень смертности. Эти обстоятельства рекомендовано учитывать при реализации проектов модернизации, чтобы обеспечить гармоничное сочетание экономического (включая инновационный) роста со стратегией «сбережения народа». В работе Е. В. Смирениковой с соавторами [8] оценивалась связь между демографическим поведением населения и инновационным развитием территорий Арктической зоны РФ. Результаты проведённой оценки выявили слабую связь между этими характеристиками. Авторы также сделали предположение о возможном «временном» эффекте внедрения инноваций. Результаты не позволяют однозначно ответить, является ли это особенностью арктических регионов или представляет собой общероссийское явление.

Экономический рост оказывает влияние на все стороны развития и жизни человека, в том числе и его здоровье. Так, в ряде работ показана взаимосвязь между меняющимися социально-экономическими факторами и межпоколенными изменениями морфофункциональных показателей разных групп населения [например, 9–11]. В контексте социально-экономических изменений исследовались секулярный тренд размеров тела, массы тела, индекс массы тела, показатели развития жировых отложений. Подробный обзор работ этого направления приведён в статье М. А. Негашевой с соавторами [11]. В ряде работ изучалась взаимосвязь уровня человеческого развития и онкологической заболеваемости [12; 13]. В работе Б. Эррера-Серны с соавторами² исследовалась связь Индекса человеческого развития (ИЧР) и заболеваемости и смертно-

¹ Концепция долгосрочного социально-экономического развития РФ на период до 2020 года. – URL: <https://sudact.ru/law/rasporiazhenie-pravitelstva-rf-ot-17112008-n-1662-r/kontsepsiia-dolgosrochnogo-sotsialno-ekonomicheskogo-razvitiia-rossiiskoi/>; Государственная программа РФ «Экономическое развитие и инновационная экономика» на 2013–2030 гг., ред. 2018 года. – URL: https://www.economy.gov.ru/material/departments/d36/gosudarstvennaya_programma_ekonomicheskoe_razvitiie_i_innovacionnaya_ekonomika/?ysclid=mkgtpr54du680772419; Стратегия научно-технологического развития РФ до 2035 года. Утверждена 01.12.2016. – URL: <https://issek.hse.ru/news/198007950.html/> (дата обращения: 09.01.2025).

² Herrera-Serna B.Y. et al. Relationship between the Human Development Index and its Components with Oral Cancer in Latin America // Journal of Epidemiology and Global Health. – 2019. – Vol. 9. – No. 4. – P. 223–232.

сти от рака полости рта в 20 странах Латинской Америки в 2010 и 2017 годах. Показано, что в странах с более высоким ИЧР заболеваемость и смертность от рака полости рта выше, чем в странах с низким ИЧР. При этом мужчины более уязвимы по сравнению с женщинами.

В статье [14] рассматривались связи между уровнем человеческого развития, ожидаемой продолжительностью жизни и уровнем инновационного развития экономики для стран мира и отдельно для 85 субъектов РФ. В частности, было показано, что рост инновационной экономики не только результат высокого уровня человеческого развития, но сама инновационная экономика вносит вклад в человеческое развитие. В России зависимость между уровнем человеческого развития и уровнем развития инновационной экономики имеет скорее линейный характер, а коэффициент корреляции между этими показателями значительно ниже по сравнению с коэффициентом корреляции для стран мира. При этом с ростом уровня инновационного развития экономики связан рост ожидаемой продолжительности жизни только женского населения.

ИЧР включает в себя показатель ожидаемой продолжительности жизни при рождении (ОПЖ)³, который является интегральной мерой здоровья населения и зависит от климата, демографической структуры населения, культурных традиций, государственных инвестиций в здравоохранение и другого. Эти факторы, как правило, меняются медленно и имеют долгосрочные последствия [15; 16]. Однако ОПЖ не полностью характеризует здоровье людей на протяжении всей жизни. Например, с увеличением продолжительности жизни растёт доля населения с хроническими заболеваниями и инвалидностью, что влияет на качество жизни,

снижая его. Важным фактором, определяющим неравенство в плане здоровья, выступают экологические факторы. Даже модели потребления, которые наносят также ущерб окружающей среде (например, потребление мяса), могут способствовать ухудшению состояния здоровья при неинфекционных заболеваниях⁴. Для учёта потерь, связанных с состоянием здоровья населения на протяжении жизни, применяется сравнительно новый показатель — «Ожидаемая продолжительность здоровой жизни» (DALE, Disability Free Life Expectancy). Этот показатель учитывает не только продолжительность жизни, но также и состояние здоровья. При использовании показателей ожидаемой продолжительности здоровой жизни вместо показателей ожидаемой продолжительности жизни при рождении значения ИЧР снижаются для всех стран⁵. Необходимость оценки популяционного (общественного) здоровья возникает во многих сферах жизни: при сравнении регионов по показателям здоровья и качеству жизни, в задачах территориального планирования и управления, мониторинга состояния окружающей среды. При оценке состояния популяционного здоровья, кроме ОПЖ, используются также показатели смертности населения, младенческой смертности, материнской смертности, заболеваемости и инвалидности населения. В данной статье представлено исследование взаимосвязи между некоторыми характеристиками популяционного здоровья населения и развитием инновационной экономики на примере 85 субъектов РФ.

Материалы и методы

Источником информации о популяционном здоровье населения России слу-

³ Индекс человеческого развития в России: региональные различия. Аналитическая записка // Аналитический центр при Правительстве РФ, 2021. — URL: https://ac.gov.ru/uploads/2-Publications/analitika/2022/2021_long.pdf; Human Development Report 2019. Beyond income, beyond averages, beyond today: Inequalities in Human Development in the 21st Century // United Nations Development Programme, 9 December 2019. — URL: <https://hdr.undp.org/content/human-development-report-2019> (дата обращения: 08.01.2024).

⁴ Human Development Report 2019. Beyond income, beyond averages, beyond today: Inequalities in Human Development in the 21st Century // United Nations Development Programme, 9 December 2019. — URL: <https://hdr.undp.org/content/human-development-report-2019>. (дата обращения: 08.01.2024).

⁵ Human Development Report 2020. The Next Frontier — Human Development and the Anthropocene // United Nations Development Programme, 15 December 2020. — URL: <https://hdr.undp.org/content/human-development-report-2020>. (дата обращения: 08.01.2024).

жили данные Росстата по 85 регионам РФ за 2016–2018 годы⁶. В качестве показателей популяционного здоровья использовали: первичную заболеваемость по 9 классам болезней (инфекционные и паразитарные болезни; болезни кровообращения; болезни эндокринной системы; болезни нервной системы; болезни органов дыхания; болезни органов пищеварения; новообразования; врожденные аномалии; травмы, отравления и другие последствия внешних причин), заболеваемость социально значимыми болезнями (злокачественные новообразования; психические расстройства и расстройства поведения; алкоголизм и алкогольные психозы; наркомания; токсикомания и сифилис), а также расчётные показатели — индекс демографического старения населения и коэффициент жизненности.

Первичную заболеваемость оценивали по числу зарегистрированных заболеваний у пациентов с диагнозом, установленным впервые в жизни (рассчитывается на 1000 человек населения); заболеваемость социально значимыми болезнями — с помощью показателя численность пациентов (на 100000 человек населения), состоящих на учете в лечебно-профилактических организациях. Индекс демографического старения населения рассчитывали как отношение удельного веса населения старше трудоспособного возраста к удельному весу населения моложе трудоспособного возраста, умноженное на 100; коэффициент жизненности — как отношение общего коэффициента рождаемости к общему коэффициенту смертности.

Для оценки уровня инновационного развития регионов использовали данные Ассоциации инновационных регионов России (АИРР)⁷. Методика расчёта рейтинга инновационных регионов России была разработана в 2012 г. АИРР совместно с Министерством экономического развития РФ, а так-

же с привлечением представителей региональных администраций и ведущих экспертов страны. В настоящее время опубликовано пять версий Рейтинга, с 2014 по 2018 гг. включительно. В первых версиях для расчёта рейтинга использовались 23 индикатора, объединённых в 3 блока: 1) научные исследования и разработки; 2) инновационная деятельность; 3) социально-экономические условия инновационной деятельности. В 2016 г. добавлен четвёртый смысловой блок «инновационная активность региона», включающий шесть новых индикаторов. При этом набор индикаторов трёх первых базовых тематических блоков рейтинга остался неизменным, что позволяет отслеживать динамику по ключевым направлениям развития. Индекс инновационного развития региона (I) рассчитывается как среднеарифметическое значение из 29 частных индексов. В качестве меры статистической связи между индексом инновационного развития и показателями популяционного здоровья использовали ранговые коэффициенты корреляции Спирмена. Для сравнения регионов с разным уровнем инновационного развития по показателям популяционного здоровья применяли критерий Краскела-Уоллиса.

Результаты

Между первичной заболеваемостью по 9 классам болезней и индексом инновационного развития экономики (ИИРЭ) для 85 регионов РФ были вычислены коэффициенты корреляции Спирмена. Результаты расчётов представлены в табл. 1. Значимые (на уровне меньше 0,05) коэффициенты корреляции выделены жирным шрифтом. Проведённый корреляционный анализ показал, что с индексом инновационного развития (2016 г.) значимо связана только первичная заболеваемость новообразованиями ($R = 0,220$), то есть, в регионах с более высоким уровнем инновационного развития наблюдается более высокая первичная заболеваемость новообразованиями. С заболеваемостью по остальным классам болезней значимые корреляционные связи не выявлены.

⁶ Регионы России. Социально-экономические показатели. Статистический сборник (2019) // Росстат. — URL: <https://rosstat.gov.ru/>. (дата обращения: 31.10.2023).

⁷ Рейтинг инновационных регионов России: версия 2016. (2017) // АИРР. — URL: <https://i-regions.org/reiting/rejting-innovatsionnogo-razvitiya/> (дата обращения: 30.01.2023).

Таблица 1

Коэффициенты корреляции между первичной заболеваемостью по 9 классам болезней и индексом инновационного развития экономики (ИИРЭ)

Table 1

Correlation coefficients between primary morbidity for 9 classes of diseases and the index of innovative development of economy (IIDE)

Классы болезней	ИИРЭ, 2016 г.	ИИРЭ, 2018 г.
Инфекционные и паразитарные болезни	-0,114	-0,021
Новообразования	0,220	0,158
Болезни органов кровообращения	0,087	0,194
Болезни эндокринной системы	0,049	0,063
Болезни нервной системы	-0,037	-0,180
Болезни органов дыхания	0,165	0,139
Болезни органов пищеварения	-0,141	-0,190
Врождённые аномалии	-0,045	-0,141
Травмы, отравления и другие последствия внешних причин	0,174	0,123

Источник: рассчитано авторами.

Также были вычислены коэффициенты корреляции Спирмена между заболеваемостью социально значимыми болезнями и ИИРЭ (2016, 2018 гг.). Результаты расчётов представлены в табл. 2. Значимые (на уровне меньше 0,05) коэффициенты корреляции выделены жирным шрифтом. Проведённый корреляционный анализ показал, что с ИИРЭ значимо связана заболеваемость злокачественными новообразованиями ($R = 0,475$; $0,438$), то есть в регионах с более высоким ИИРЭ отмечается более высокая численность больных со злокачественными новообразованиями, находящихся на диспансерном учете. Значимая связь между забо-

леваемостью наркоманией и ИИРЭ наблюдалась только в 2016 г. ($R = 0,242$). С остальными группами заболеваний статистически значимые связи не выявлены. Коэффициенты корреляции Спирмена между ИИРЭ и расчётными характеристиками популяционного здоровья (индексом демографического старения населения и коэффициентом жизненности) представлены в табл. 3. Проведённый корреляционный анализ показал, что эти характеристики значимо (на уровне меньше 0,05) связаны с ИИРЭ. Другими словами, в регионах России, где выше ИИРЭ, относительно больше проживает пожилого населения и ниже коэффициент жизненности.

Таблица 2

Коэффициенты корреляции между социально значимыми заболеваниями и индексом инновационного развития экономики (ИИРЭ)

Table 2

Correlation coefficients between socially significant diseases and the index of innovative development of economy (IIDE)

Заболевание	ИИРЭ, 2016 г.	ИИРЭ, 2018 г.
Злокачественные новообразования	0,475	0,438
Психические расстройства и расстройства поведения	-0,163	-0,161
Алкоголизм и алкогольные психозы	-0,058	-0,108
Наркомания	0,242	0,183
Токсикомания	0,009	0,052
Сифилис	0,111	0,080

Источник: рассчитано авторами.

Таблица 3

Коэффициенты корреляции между расчетными характеристиками популяционного здоровья и индексом инновационного развития экономики (ИИРЭ)

Table 3

Correlation coefficients between the calculated characteristics of population health and the index of innovative development of economy (IIDE)

Характеристика популяционного здоровья	ИИРЭ, 2016 г.	ИИРЭ, 2018 г.
Индекс демографического старения	0,560	0,544
Коэффициент жизнненности	-0,306	-0,321

Источник: рассчитано авторами.

Разработчики методики оценки уровня инновационного развития экономики регионов России, используя ИИРЭ, разделяют все регионы на пять групп: 1 — «сильные инноваторы» (значение индекса превышает 140% от среднего по стране уровня); 2 — «средне-сильные» (значение индекса от 110% до 140% включительно); 3 — «средние» (от 90% до 110%); 4 — «средне-слабые» (от 60% до 90%); 5 — слабые (значение индекса инновационного развития ниже 60% от среднего по стране уровня)⁸. Распреде-

ление регионов по этим группам в 2016–2018 гг. показывает, что группы сильных и слабых инноваторов малочисленны. Число «сильных» и «слабых инноваторов» постепенно сокращается, при этом основной состав остаётся постоянным, но их рейтинг по годам варьирует. В первую группу входят промышленные регионы с крупными научными и образовательными центрами, а группу «слабых инноваторов» представляют регионы с преимущественно сельским населением и традиционным укладом жизни (табл. 4).

⁸ Рейтинг инновационных регионов России: версия 2018 // АИРР. – URL: <https://i-regions.org/reiting/rejting-innovatsionnogo-razvitiya/> (дата обращения: 30.01.2023).

Таблица 4

Распределение регионов России по группам с разным уровнем инновационного развития экономики

Table 4

Distribution of Russian regions by groups with different levels of innovative development of the economy

Группа 1 «Сильные»	Группа 2 «Средне-сильные»	Группа 3 «Средние»	Группа 4 «Средне-слабые»	Группа 5 «Слабые»
Москва (0,73)	Тульская обл. (0,53)	Иркутская обл. (0,42)	Астраханская обл. (0,34)	Республика Калмыкия (0,23)
С.-Петербург (0,7)	Свердловская обл. (0,53)	Белгородская обл. (0,41)	Волгоградская обл. (0,33)	Республика Хакасия (0,23)
Республика Татарстан (0,68)	Республика Мордовия (0,52)	Рязанская область (0,41)	Кемеровская обл. (0,33)	Республика Тыва (0,22)
Томская обл. (0,6)	Пермский край (0,52)	Омская обл. (0,41)	Курская обл. (0,32)	КЧР (0,22)
Новосибирская область (0,59)	Ульяновская обл. (0,51)	Калининградская обл. (0,4)	Орловская обл. (0,32)	Чеченская Республика (0,22)
Калужская обл. (0,58)	Воронежская обл. (0,5)	Ставропольский край (0,4)	Республика Карелия (0,31)	Республика Ингушетия (0,21)
Р. Башкортостан (0,57)	Ростовская обл. (0,48)	Саратовская обл. (0,4)	Оренбургская обл. (0,3)	Еврейская АО (0,18)
Нижегородская обл. (0,57)	Липецкая обл. (0,48)	Удмуртская Р. (0,4)	Республика Бурятия (0,3)	Ненецкий АО (0,18)
Московская обл. (0,57)	Владимирская обл. (0,47)	Смоленская обл. (0,39)	Костромская обл. (0,3)	–

Продолжение табл. 4

Группа 1 «Сильные»	Группа 2 «Средне-сильные»	Группа 3 «Средние»	Группа 4 «Средне-слабые»	Группа 5 «Слабые»
Самарская обл. (0,57)	Ярославская обл. (0,47)	Вологодская обл. (0,39)	Камчатский край (0,3)	–
Красноярский край (0,54)	Челябинская обл. (0,47)	Краснодарский край (0,39)	Сахалинская обл. (0,3)	–
–	Чувашская Республика (0,46)	Ивановская обл. (0,38)	Республика Коми (0,29)	–
–	Пензенская обл. (0,45)	Архангельская обл. (0,38)	Псковская обл. (0,29)	–
–	Хабаровский край (0,43)	Новгородская обл. (0,38)	Магаданская обл. (0,29)	–
–	Тюменская обл. (0,43)	Республика Марий Эл (0,38)	Республика Адыгея (0,29)	–
–	Алтайский край (0,42)	Тамбовская обл. (0,37)	Республика Саха (Якутия) (0,29)	–
–	–	Ленинградская обл. (0,37)	Севастополь (0,29)	–
–	–	Приморский край (0,36)	ХМАО (0,28)	–
–	–	Тверская обл. (0,36)	Республика Северная Осетия – Алания (0,28)	–
–	–	Мурманская обл. (0,35)	КБР (0,28)	–
–	–	Кировская обл. (0,35)	Курганская обл. (0,28)	–
–	–	Брянская обл. (0,35)	Республика Крым (0,27)	–
–	–	–	Забайкальский край (0,27)	–
–	–	–	Амурская обл. (0,26)	–
–	–	–	Чукотский АО (0,25)	–
–	–	–	Республика Дагестан (0,25)	–
–	–	–	Республика Алтай (0,25)	–
–	–	–	ЯНАО (0,23)	–

Примечание: в скобках указан ИИРЭ региона за 2016 год.

Источник: составлено авторами на основе данных АИРР. – URL: <https://i-regions.org/reiting/rejting-innovatsionnogo-razvitiya/> (дата обращения: 30.01.2023).

Для более подробного исследования связи ИИРЭ с показателями популяционного здоровья населения пять групп регионов, сформированных по величине ИИРЭ, сравнили между собой по некоторым показателям популяционного здоровья, используя ранговый критерий Краскела-Уоллиса. На рис. 1–2 представлены диаграммы размахов (медианы, межквартильные диапазоны, размахи) в каждой из 5 групп для двух признаков: индексу старения и заболеваемости злокачественными новообразованиями за 2016 год. Группы значительно различались (уровень значимости меньше 0,0003)

по индексу старения и заболеваемости населения злокачественными новообразованиями. В группах регионов с более высоким ИИРЭ индекс старения населения и численность пациентов со злокачественными новообразованиями выше, чем в регионах с более низким ИИРЭ. Такая же закономерность наблюдалась и в 2018 г.: группы значительно различались по индексу старения ($p < 0,0001$) и заболеваемости злокачественными новообразованиями ($p = 0,0006$). Однако по уровню заболеваемости наркоманией эти группы в 2016 г. значительно не различались ($p = 0,18$), но различались в 2018 г. ($p = 0,05$).

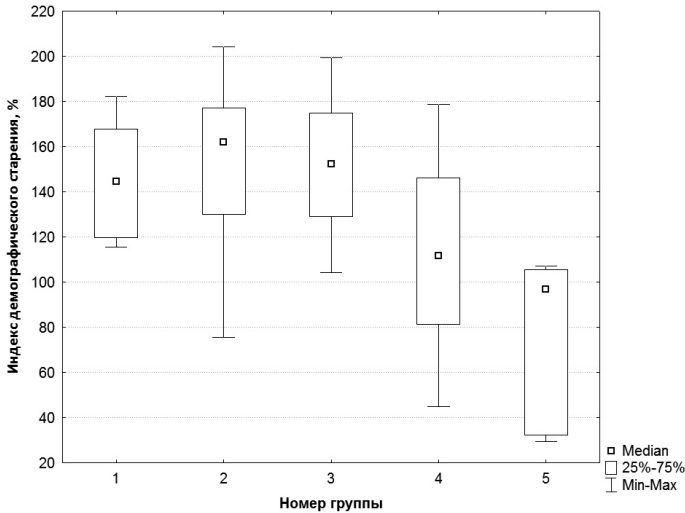

Рис. 1. Сравнение групп регионов с разным уровнем инновационного развития экономики по индексу демографического старения населения
 Fig. 1. Comparison of groups of regions with different levels of innovative development of the economy by index of demographic aging of the population

Примечание. Группы инновационного развития (2016 г.): 1 – «сильные инноваторы»; 2 – «средне-сильные»; 3 – «средние»; 4 – «средне-слабые»; 5 – «слабые».

Источник: выполнено авторами.

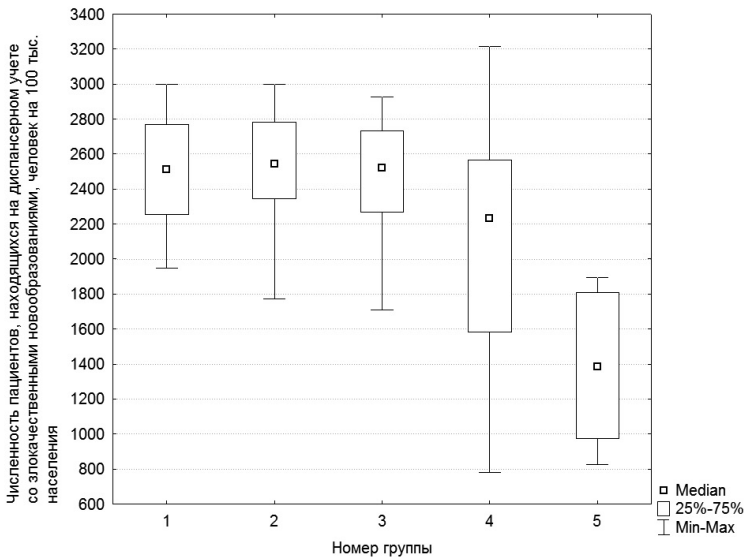

Рис. 2. Сравнение групп регионов с разным уровнем инновационного развития экономики по заболеваемости населения злокачественными новообразованиями
 Fig. 2. Comparison of groups of regions with different levels of innovative development of the economy by incidence of malignant neoplasms in the population

Примечание: группы инновационного развития (2016 г.): 1 – «сильные инноваторы»; 2 – «средне-сильные»; 3 – «средние»; 4 – «средне-слабые»; 5 – «слабые».

Источник: выполнено авторами.

Обсуждение

Проведённый корреляционный анализ между характеристиками популяционного здоровья населения и уровнем инновационного развития экономики в регионах России (2016, 2018 гг.) выявил отрицательную связь с коэффициентом жизненности ($R = -0,306; -0,321$) и положительную — с индексом демографического старения населения ($R = 0,560; 0,544$). Эти зависимости говорят о том, что в регионах с более высоким уровнем инновационного развития экономики проживает более пожилое население и показатели смертности превышают показатели рождаемости. Полученные результаты хорошо согласуются с выводами других исследователей [4; 8].

Подробное исследование воспроизводства населения регионов России за длительный период (1992–2024 гг.) проведено О.Л. Рыбаковским. В исследовании выделены семь групп территорий, из которых только в одной группе (седьмой) за 33 года не было сокращения населения. Остальные группы включают регионы с разной степенью демографической устойчивости: от тех, кто находится в самом тяжёлом положении, до тех, кто балансирует на грани уменьшения и увеличения населения. Регионы, входящие в седьмую группу, наиболее благополучную по воспроизводству населения [17, с. 12], как раз относятся к группам «средне-слабых» и «слабых» инноваторов в нашем исследовании (табл. 4).

Проблема старения населения — одна из доминирующих тенденций XXI в. и представляет собой социальные, экономические и культурные вызовы для людей, семей, сообществ, а также становится центральной темой исследований будущего экономического развития, особенно для постиндустриальных стран [5; 18]. Как показано в статье [14], в группах стран с более высоким уровнем развития инновационной экономики выше продолжительность жизни населения. Увеличение продолжительности жизни (особенно в старших возрастах) и происходящее одновременно с этим процессом снижение рождаемости, приводят

к изменению возрастной структуры населения. Изменение возрастной структуры населения, имея различные социальные и экономические последствия, оказывает влияние и на структуру заболеваемости. Мировые эпидемиологические события 2019–2022 гг. заставили по-новому взглянуть на эти проблемы. Например, пожилое население оказалось более уязвимым перед пандемией COVID-19. Возрастная структура населения в значительной степени объясняет различия в числе погибших от пандемии в странах с более пожилым и более молодым населением [19]. Также анализ данных о смертности и заболеваемости в России за период 1965–2022 гг. с учётом последствий пандемии COVID-19 показал, что наибольшие потери понесли регионы с самым пожилым населением в Центральной России, на Северо-Западе и в Поволжье. Эти регионы уже имели высокие показатели смертности до 2020 г., а пандемия сильнее ухудшила положение, поскольку COVID-19 чаще всего приводил к смерти среди пожилых людей, а также осложнял лечение их хронических заболеваний [20].

Ранее была оценена связь между индексом демографического старения и общей первичной заболеваемостью, первичной заболеваемостью по основным классам болезней и заболеваемостью социально значимыми болезнями [21; 22]. Так, например, индекс старения имеет значимую положительную связь с первичной заболеваемостью новообразованиями и алкоголизмом и, наоборот, значимую отрицательную связь с инфекционными и паразитарными болезнями, болезнями эндокринной и нервной систем, а также органов пищеварения. Выявлена статистически значимая положительная связь ($R = 0,7; p < 0,05$) между индексом демографического старения и численностью больных со злокачественными новообразованиями [23].

В ряде зарубежных исследований показано, что страны с более высоким уровнем жизни и лучшим социально-экономическим статусом имеют более высокие показатели по онкологической заболеваемости [12; 13]. На этом фоне ожи-

даемой выглядит значимая положительная связь между уровнем инновационного развития экономики и первичной заболеваемостью населения новообразованиями ($R = 0,220$; $p < 0,05$), а также численностью пациентов со злокачественными новообразованиями, состоящих на учёте в лечебно-профилактических организациях ($R = 0,475$; $p < 0,05$). Эта связь подтверждается и при сравнении групп регионов с разным ИИРЭ (рис. 2).

Уровень инновационного развития экономики региона и заболеваемость онкологическими болезнями могут иметь сложную взаимосвязь, которая зависит от множества факторов: развития медицинской инфраструктуры, научных исследований и разработок в области медицины, доступности медицинских услуг, природно-климатических и экологических факторов, образа жизни и культурных традиций населения. Так, в регионах с развитой инновационной экономикой часто работают современные медицинские учреждения, оснащённые передовыми технологиями для диагностики и лечения онкологических заболеваний. Это включает использование высокоточного оборудования для ранней диагностики опухолей, таких как МРТ, а также внедрение инновационных методов, включая таргетную терапию, иммунотерапию и роботизированные операции.

Кроме того, регион с сильной инновационной экономикой обычно вкладывает значительные средства в научные исследования и разработки в области медицины, биотехнологий и фармацевтики. Эти инвестиции способствуют созданию новых лекарств, технологий и подходов к лечению онкологических болезней. Например, разработка персонализированных лекарственных препаратов, основанных на генетическом профиле пациента, позволяет повысить эффективность лечения и уменьшить побочные эффекты. Благодаря таким технологиям увеличивается вероятность раннего выявления онкологических заболеваний и успешного их лечения, что, с одной стороны, может снизить уровень смертности и улучшить качество жизни пациен-

тов, а с другой стороны — увеличить показатели первичной заболеваемости и численности пациентов, находящихся на диспансерном учёте по поводу онкологических заболеваний.

Существенное влияние на рост заболеваемости онкологическими болезнями может оказывать и загрязнение окружающей среды, вызванное промышленным производством и урбанизацией, так как в группы «сильных», «средне-сильных» и «средних» инноваторов входит значительное число регионов с развитым промышленным производством. В то же время, развитие экологически чистых производств и внедрение «зелёных» технологий могут минимизировать негативное воздействие на окружающую среду и здоровье населения.

Наркомания представляет собой одно- временно тяжёлое заболевание и социально-криминальное явление, распространение которого зависит от разнообразных факторов: экономических, территориальных, социальных, психологических, индивидуально-личностных [24; 25]. Ранее было показано, что рост заболеваемости наркоманией отмечается при увеличении численности городского и более молодого населения в структуре региона, уровня доходов и потребления пива [22; 26]. Вероятнее всего, значимая статистическая связь ($R = 0,242$; $p < 0,05$) между ИИРЭ и численностью пациентов с наркоманией обусловлена именно увеличением доходов населения в экономических более успешных регионах. Аналогичный эффект отмечается и при межстрановых сравнениях⁹. Однако при сравнении групп с разным уровнем инновационного развития экономики (2016 г.) отличия по уровню заболеваемости наркоманией (медианные значения: 1 группа — 190,5; 2 группа — 185,2; 3 группа — 147,5; 4 группа — 110,1; 5 группа — 164,1) оказались не значимы, что может быть связано с группой 5 «слабых инноваторов», в которую входят несколько регионов с высокой численностью пациентов с наркоманией

⁹ World Drug Report 2018 (United Nations publication, Sales No. E.18.XI.9). — URL: <https://reliefweb.int/report/world/unodc-world-drug-report-2018> (дата обращения: 08.01.2024).

(Еврейская АО — 302 человек на 100 тыс. населения, республики Хакасия — 251,5; Тыва — 171,7, Карачаево-Черкесская — 159,1), но низким уровнем развития инновационной экономики. Высокий уровень заболеваемости наркоманией в этих регионах может объясняться: 1) особенностями географического расположения — все находится вблизи границы или транспортных коридоров, что облегчает проникновение наркотиков извне; 2) социальной нестабильностью — экономическая нестабильность, высокая безработица и низкий уровень жизни часто приводят к тому, что люди обращаются к наркотикам как способу бегства от реальности; 3) недостатком профилактических мер и отсутствием эффективных программ реабилитации; 4) наличием криминальных структур, специализирующихся на производстве и распространении наркотиков; 5) традициями и культурой — в некоторых случаях они могут способствовать употреблению психоактивных веществ. Более подробно рас-

пространение наркомании в регионах РФ анализируется в статье А. А. Федотова [27].

Анализ связи между уровнем инновационного развития экономики в регионах России и характеристиками популяционного здоровья выявил значимую положительную связь Индекса инновационного развития экономики с индексом демографического старения населения и отрицательную — с коэффициентом жизнестойкости. Полученные результаты говорят о том, что в регионах с более высоким уровнем инновационного развития экономики проживает более пожилое население и показатели смертности превышают показатели рождаемости. Выявлена также значимая положительная связь между уровнем инновационного развития экономики и первичной заболеваемостью населения новообразованиями и численностью пациентов со злокачественными новообразованиями, состоящих на учёте в медицинских организациях.

Литература и Интернет-источники

1. **Локосов, В.В.** Человеческий потенциал: концептуальные подходы и методики измерения / В.В. Локосов // *Народонаселение*. — 2023. — Т. 26. — № 4. — С. 4–14. DOI: 10.19181 / population.2023.26.4.1; EDN: FFXZUN
2. *Сбережение народа* / ред. Н.М. Римашевская. — Москва : Наука, 2007. — 326 с.
3. **Максимова И.В.** Человеческий капитал и эффективность инвестиций в него / И.В. Максимова, Ю.А. Симагин // *Народонаселение*. — 2024. — Т. 27. — № 3. — С. 111–123. DOI: 10.24412 / 1561-7785-2024-3-111-123; EDN: ZQDANU
4. **Доброхлеб, В.Г.** Российские регионы: демографическая динамика и инновационная активность / В.Г. Доброхлеб, Е.И. Медведева, С.В. Крошилин // *Экономический журнал*. — 2013. — № 4 (32). — С. 88–107. EDN: SZWUFJ
5. **Prettner, K.** Population aging and endogenous economic growth / K. Prettner // *Journal of Population Economics*. — 2013. — Vol. 26. — No. 2. — P. 811–834. DOI: 10.1007 / s00148-012-0441-9; EDN: CXFXLO
6. **Diebolt, C.** The long-run impact of human capital on innovation and economic development in the regions of Europe / C. Diebolt, R. Hippe // *Applied Economics*. — 2019. — Vol. 51. — No. 5. — P. 542–563. DOI: 10.1080 / 00036846.2018.1495820
7. **Смиреникова, Е.В.** Показатели оценки демографического потенциала арктических территорий Российской Федерации в контексте инновационного развития / Е.В. Смиреникова, А.В. Уханова, Л.В. Воронина // *Фундаментальные Исследования*. — 2019. — № 7. — С. 112–118. DOI: 10.17513 / fr.42522; EDN: QQSBBM
8. **Смиреникова, Е.В.** Оценка демографического потенциала арктических регионов Российской Федерации в контексте инновационного развития / Е.А. Смиреникова, Л.В. Воро-

- нина, А.В. Уханова // Арктика: экология и экономика. — 2021. — Т. 11. — № 1. — С. 19–29. DOI: 10.25283 / 2223-4594-2021-1-19-29; EDN: UUPPNE
9. **Neuman, M.** National economic development and disparities in body mass index: a cross-sectional study of data from 38 countries / M. Neuman, I. Kawachi, S. Gortmaker, S.V. Subramanian // *PLoS One*. — 2014. — Vol. 9. — No. 6. — P. e99327. DOI: 10.1371 / journal.pone.0099327
10. **Grasgruber, P.** Nutritional and socio-economic predictors of adult height in 152 world populations / P. Grasgruber, E. Hrazdíra // *Economics & Human Biology*. — 2020. — Vol. 37. — P. 100848. DOI: 10.1016 / j.ehb.2020.100848; EDN: STAATH
11. **Негашева, М.А.** Влияние социально-экономических и экологических факторов на вековые изменения размеров тела современной молодёжи (пилотное исследование на примере московской популяции) / М.А. Негашева, А.А. Хафизова, С.Н. Зимина, И.М. Синева // *Вестник Московского университета. Серия 23: Антропология*. — 2020. — № 2. — С. 87–107. DOI: 10.32521 / 2074-8132.2020.2.087-107; EDN: WUOKHM
12. **Bray, F.** Global cancer transitions by the Human Development Index (2008–2030): population study / F. Bray, A. Jemal, N. Grey, [и др.] // *Lancet Oncology*. — 2012. — Vol. 13. — P. 790–801. DOI: 10.1016 / S1470-2045(12)70211-5
13. **Khazaei, S.** Effects of Human Development Index and Its Components on Colorectal Cancer Incidence and Mortality: a Global Ecological Study / S. Khazaei, S. Rezaeian, S. Khazaei, [и др.] // *Asian Pacific Journal of Cancer Prevention*. — 2016. — Vol. 17. — P. 253–256. DOI: 10.7314 / apjcp.2016.17.s3.253
14. **Будилова, Е.В.** Связь между человеческим развитием и уровнем инновационного развития экономики. Е.В. Будилова, М.Б. Лагутин // *Вестник Московского университета. Серия 23: Антропология*. — 2023. — № 1. — С. 90–101. DOI: 10.32521 / 2074-8132.2023.1.090-101; EDN: ZWGJYP
15. **Hou, J.** The dynamics of Human Development Index / J. Hou, P.P. Walsh, J. Zhang // *The Social Science Journal*. — 2015. — Vol. 52. — P. 331–347. DOI: 10.1016 / j.sosoj.2014.07.003
16. **Будилова, Е.В.** Эволюция жизненного цикла человека: анализ глобальных данных и моделирование / Е.В. Будилова. — Москва : КниГИздат, 2021. — 332 с.
17. **Рыбаковский, О.Л.** Воспроизводство населения регионов России в 1992–2024 гг.: итоги, компоненты, факторы / О.Л. Рыбаковский // *Народонаселение*. — 2024. — Т. 27. — № 4. — С. 4–17. DOI: 10.24412 / 1561-7785-2024-4-4-17; EDN: XLNRPC
18. **Bloom, D.E.** Implications of population ageing for economic growth / D.E. Bloom, D. Canning, G. Fink // *Oxford Review of Economic Policy*. — 2010. — Vol. 26. — No. 4. — P. 583–612. DOI: 10.1093 / oxrep / grq038
19. **Dowd, J.B.** Demographic science aids in understanding the spread and fatality rates of COVID-19 / J.B. Dowd, L. Andriano, D.M. Brazel, [и др.] // *Proceedings of the National Academy of Sciences of the United States of America*. — 2020. — Vol. 117. — No. 18. — P. 9696–9698. DOI: 10.1073 / pnas.2004911117; EDN: GOKLUU
20. **Швец, Ю.Ю.** Теневой эффект пандемии: коронавирус усугубил смертность от хронических заболеваний / Ю.Ю. Швец, Ю.А. Симагин, А.М. Луговской, Д.Е. Морковкин // *Народонаселение*. — 2024. — Т. 27. — № 3. — С. 73–84. DOI: 10.24412 / 1561-7785-2024-3-73-84
21. **Будилова, Е.В.** Здоровье населения как фактор демографического развития / Е.В. Будилова, М.Б. Лагутин, Л.А. Мигранова // *Демографическое образование и изучение народонаселения в университетах (к 50-летию кафедры народонаселения)*. — Москва : Экономический факультет МГУ имени М.В. Ломоносова, 2017. — С. 275–288.
22. **Будилова, Е.В.** Влияние демографических и социально-экономических факторов на популяционное здоровье населения / Е.В. Будилова, М.Б. Лагутин, Л.А. Мигранова // *Народонаселение*. — 2019. — Т. 22. — № 3. — С. 80–92. DOI: 10.24411 / 1561-7785-2019-00028; EDN: NXOLUX
23. **Будилова, Е.В.** Социально значимые заболевания населения России и факторы среды (по 84 субъектам РФ за 2014–2016 гг.) // Е.В. Будилова, М.В. Лагутин // *Вестник Московского университета. Серия 23: Антропология*. — 2019. — № 4. — С. 87–104. DOI: 10.32521 / 2074-8132.2019.4.087-104; EDN: ORHNQM

24. **Маркова, Н.Е.** Региональные особенности эпидемии наркомании в Приморье / Н.Е. Маркова // Народонаселение. — 2012. — № 3(57). — С. 20–27. EDN: PLPVTX
25. **Кошкина, Е.А.** Медицинские, социальные и экономические последствия наркомании и алкоголизма / Е.А. Кошкина, Ш.И. Спектор, В.Г. Сенцов, С.И. Богданов. — Москва : Литрес, 2019. — 354 с.
26. **Будилова, Е.В.** Социально значимые заболевания в России: территориальные факторы и кластеры. / Е.В. Будилова, М.В. Лагутин // Вестник Московского университета. Серия 23: Антропология. — 2021. — № 2. — С. 87–101. DOI: 10.32521 / 2074-8132.2021.2.087-101; EDN: CGLLOI
27. **Федотов, А.А.** Распространение алкоголизма и наркомании в регионах России / А.А. Федотов // Народонаселение. — 2022. — Т. 25. — № 3. — С. 144–152. DOI: 10.19181 / population.2022.25.3.11; EDN: NKBUBU

Сведения об авторах:

Будилова Елена Вениаминовна, д.биол.н., ведущий научный сотрудник, МГУ имени М. В. Ломоносова, Москва, Россия.

Контактная информация: e-mail: evbudilova@mail.ru; ORCID: 0000-0003-0769-4570; РИНЦ SPIN-код: 5978-2854.

Лагутин Михаил Борисович, ассистент, МГУ имени М. В. Ломоносова, Москва, Россия.

Контактная информация: e-mail: lagutinmb@mail.ru; ORCID: 0000-0003-3778-4497; РИНЦ AuthorID: 12607.

DOI: 10.24412/1561-7785-2026-1-174-189

RELATIONSHIP BETWEEN THE DEMOGRAPHIC INDICATORS OF POPULATION HEALTH AND THE LEVEL OF INNOVATIVE DEVELOPMENT OF THE RUSSIAN REGIONS ECONOMY

Elena V. Budilova*, Michail B. Lagutin

*Lomonosov Moscow State University
(1, Leninskie Gory, Moscow, Russia, 119192)*

**E-mail: evbudilova@mail.ru*

For citation:

Budilova E. V., Lagutin M. B. Relationship between the demographic indicators of population health and the level of innovative development of the Russian regions economy. *Narodonaselenie [Population]*. 2026. Vol. 29. No. 1. P. 174-189. DOI: 10.24412/1561-7785-2026-1-174-189 (in Russ.)

Abstract. *The research topic is the impact of regional economic innovation development on demographic characteristics of population health of the regions of Russia. The objective of the study is to identify and substantiate the presence or absence of significant interrelationships between population health indicators and the index of innovative development of economy for all 85 RF subjects. As a source of information about the population health (demographic aging index, vitality coefficient, primary morbidity, socially significant diseases), we used Rosstat data collections. The data of the Association of Innovative Regions of Russia served as a source of information for assessing the level of innovative development of the economy in 85 regions of Russia. Correlation and non-parametric analysis of variance was used to assess the relationship between the studied indicators. Analysis of the relationship between the level of innovative development of economy in the regions of Russia and the characteristics of population health showed that in the Russian regions with a higher level of innovative development of the economy, population is older and mortality rates exceed birth rates. A significant positive relationship was found between the level of innovative development of*

the economy and the incidence of neoplasms, as well as the number of patients registered at the dispensary with malignant neoplasms. No significant correlations were identified with the incidence of other classes of diseases.

Keywords: primary morbidity, demographic aging index, vitality coefficient, population health index, index of innovative development of economy

References and Internet sources

1. Lokosov V. V. Chelovecheskij potentsial: kontseptual'nyje podkhody i metodiki izmereniya [Human potential: conceptual approaches and measurement methods]. *Narodonaselenie. [Population]*. 2023. Vol. 26. No. 4. P. 4–14. DOI: 10.19181/population.2023.26.4.1 (in Russ.)
2. Sberezheniye naroda [*Saving the People*]. Ed. N. M. Rimashevskaya. Moscow. Nauka [Science]. 2007. 326 p. (in Russ.)
3. Maksimova I. V., Simagin Yu. A. Chelovecheskij kapital i effektivnost' investitsij v nego [Human capital and the effectiveness of investments in it]. *Narodonaselenie [Population]*. 2024. Vol. 27. No. 3. P. 111–123. DOI: 10.24412/1561-7785-2024-3-111-123 (in Russ.)
4. Dobrokhleb V. G., Medvedeva E. I., Kroshilin S. V. Rossijskije regiony: demograficheskaya dinamika i innovatsionnaya aktivnost' [Russian regions: demographic dynamics and innovative activities]. *Ekonomicheskij zhurnal [Economic Journal]*. 2013. Vol. 32. No. 4. P. 88–107. (in Russ.)
5. Prettner K. Population aging and endogenous economic growth. *Journal of Population Economics*. 2013. No. 2. P. 811–834. DOI: 10.1007/s00148-012-0441-9
6. Diebolt C., Hippe R. The long-run impact of human capital on innovation and economic development in the regions of Europe. *Applied Economics*. 2019. Vol. 51. No. 5. P. 542–563. DOI: 10.1080/00036846.2018.1495820
7. Smirennikova E. V., Ukhanova A. V., Voronina L. V. Pokazateli otsenki demograficheskogo potentsiala arkticheskikh territorij Rossijskoj Federatsii v kontekste innovatsionnogo razvitiya [Indicators for assessing the demographic potential of the Arctic territories of the Russian Federation in the context of innovative development]. *Fundamental'nyje issledovaniya [Fundamental Research]*. 2019. No. 7. P. 112–118. DOI: 10.17513/fr.42522 (in Russ.)
8. Smirennikova E. V., Voronina L. V., Ukhanova A. V. Otsenka demograficheskogo potentsiala arkticheskikh regionov Rossijskoj Federatsii v kontekste innovatsionnogo razvitiya [Assessment of the demographic potential of the Arctic regions of the Russian Federation in the context of innovative development]. *Arktika: ekologiya i ekonomika [Arctic: Ecology and Economy]*. 2021. Vol. 11. No. 1. P. 19–29. DOI: 10.25283/2223-4594-2021-1-19-29 (in Russ.)
9. Neuman M., Kawachi I., Gortmaker S., Subramanian S. V. National economic development and disparities in body mass index: a cross-sectional study of data from 38 countries. *PLoS One*. 2014. Vol. 9. No. 6. P. e99327. DOI: 10.1371/journal.pone.0099327
10. Grasgruber P., Hrazdíra E. Nutritional and socio-economic predictors of adult height in 152 world populations. *Economic and Human Biology*. 2020. Vol. 37. P. 100848. DOI: 10.1016/j.ehb.2020.100848
11. Negasheva M. A., Khafizova A. A., Zimina S. N., Sineva I. M. Vliyaniye sotsial'no-ekonomicheskikh i ekologicheskikh faktorov na vekovyye izmeneniya razmerov tela sovremennoy molodozhi (pilotnoye issledovaniye na primere moskovskoy populyatsii) [Influence of socioeconomic and ecological factors on secular changes in body dimensions in modern young generation (a pilot study of Moscow sample)]. *Vestnik Moskovskogo universiteta. Seriya 23: Antropologiya [Lomonosov Journal of Anthropology]*. 2020. No 2. P. 87–107. DOI: 10.32521/2074-8132.2020.2.087-107 (in Russ.)
12. Bray F., Jemal A., Grey N., et al. Global cancer transitions by the Human Development Index (2008–2030): population study. *Lancet Oncology*. 2012. Vol. 13. P. 790–801.
13. Khazaei S., Rezaeian S., Khazaei S., et al. Effects of Human Development Index and its components on colorectal cancer incidence and mortality: a global ecological study. *Asian Pacific Journal of Cancer Prevention*. 2016. Vol. 17. P. 253–256. DOI: 10.7314/apjcp.2016.17.s3.253
14. Budilova E. V., Lagutin M. B. Svyaz' mezhdu chelovecheskim razvitiyem i urovnem innovatsionnogo razvitiya ekonomiki [The relationship between the human development and the level of innovative

- development of the economy]. *Vestnik Moskovskogo universiteta. Seriya 23: Antropologiya [Lomonosov Journal of Anthropology]*. 2023. No. 1. P. 90–101. DOI: 10.32521/2074-8132.2023.1.090-101 (in Russ.)
15. Hou J., Walsh P. P., Zhang J. The dynamics of Human Development Index. *The Sococial Science Journal*. 2015. Vol. 52. P. 331–347. DOI: 10.1016/j.sosci.2014.07.003
 16. Budilova E. V. Evolyuysiya zhiznennogo tsikla cheloveka: analiz global'nykh dannyykh i modelirovaniye [*The Evolution of Human Life History: Global Data Analysis and Modeling*]. Moscow. KnigIzdat [KnigIzdat Book Publishers]. 2021. 332 p. (in Russ.)
 17. Rybakovsky O. L. Vosproizvodstvo naseleniya regionov Rossii v 1992–2024 gg.: itogi, komponenty, faktory [Reproduction of the population of the regions of Russia in 1992–2024: results, components, factors]. *Narodonaselenie [Population]*. 2024. Vol. 27. No. 4. P. 4–17. DOI: 10.24412/1561-7785-2024-4-4-17 (in Russ.)
 18. Bloom D. E., Canning D., Fink G. Implications of population ageing for economic growth. *Oxford Review of Economic Policy*. 2010. Vol. 26. No 4. P. 583–612.
 19. Dowd J. B., Andriano L., Brazel D. M., et al. Demographic science aids in understanding the spread and fatality rates of COVID-19. *Proceedings of the National Academy of Sciences of the United States of America*. 2020. Vol. 117. No. 18. P. 9696–9698. DOI: 10.1073/pnas.2004911117
 20. Shvets Yu. Yu., Simagin Yu. A., Lugovskoy A. M., Morkovkin D. E. Tenevoj effekt pandemii: koronavirus usugubil smertnost' ot khronicheskikh zabolevanij [The shadow effect of the pandemic: coronavirus has increased mortality from cardiovascular diseases]. *Narodonaselenie [Population]*. 2024. Vol. 27. No. 3. P. 73–84. DOI: 10.24412/1561-7785-2024-3-73-84 (in Russ.)
 21. Budilova E. V., Lagutin M. B., Migranova L. A. Zdorov'je naseleniya kak faktor demograficheskogo razvitiya [Population health as a factor of demographic development]. Demograficheskoye obrazovaniye i izuchenije narodonaseleniya v universitetakh (k 50- letiyu kafedry narodonaseleniya) (Devyatye Valenteevskie chteniya): sbornik statei i tezisov vystuplenii [*Demographic Education and Population Studies at Universities (on the occasion of the 50-th anniversary of the Department of Population) (Ninth Valentey Readings)*]. Moscow. Ekonomicheskii fakul'tet MGU imeni M. V. Lomonosova [Moscow State University Publishers]. 2017. P. 275–288. (in Russ.)
 22. Budilova E. V., Lagutin M. B., Migranova L. A. Vliyaniye demograficheskikh i sotsial'no-ekonomicheskikh faktorov na populyatsionnoe zdorov'je naseleniya [Impact of the demographic and socio-economic factors on the population health]. *Narodonaselenie [Population]*. 2019. Vol. 22. No. 3. P. 80–92. DOI: 10.24411/1561-7785-2019-00028 (in Russ.)
 23. Budilova E. V., Lagutin M. B. Sotsial'no znachimyye zabolevaniya naseleniya Rossii i faktory srede (po 84 sub'yektam RF za 2014–2016 gg.) [Socially significant diseases of the Russian population and environmental factors (84 regions of the Russian Federation for 2014–2016)]. *Vestnik Moskovskogo universiteta. Seriya 23: Antropologiya [Lomonosov Journal of Anthropology]*. 2019. No 4. P. 87–104. DOI: 10.32521/2074-8132.2019.4.087-104 (in Russ.)
 24. Markova N. E. Regional'nyye osobennosti epidemii narkomanii v Primor'je [Regional specifics of the drug addiction epidemic in Primorsky Krai]. *Narodonaselenie [Population]*. 2012. No. 3(57). P. 20–27. (in Russ.)
 25. Koshkina E. A., Spektor Sh. I., Sentsov V. G., Bogdanov S. I. Meditsinskije, sotsial'nyje i ekonomicheskije posledstviya narkomanii i alkogolizma [*Medical, Social and Economic Consequences of Drug Addiction and Alcoholism*]. Moscow. Litres [Litres Publishers]. 2019. 354 p. (in Russ.)
 26. Budilova E. V., Lagutin M. B. Sotsial'no znachimyye zabolevaniya v Rossii: territorialt'nyye faktory i klastery [Socially significant diseases in Russia: territorial clusters and factors]. *Vestnik Moskovskogo universiteta. Seriya 23: Antropologiya [Lomonosov Journal of Anthropology]*. 2021. No. 2. P. 87–101. DOI: 10.32521/2074-8132.2021.2.087-101 (in Russ.)
 27. Fedotov A. A. Rasprostraneniye alkogolizma i narkomanii v regionakh Rossii [The spread of alcoholism and drug addiction in the regions of Russia]. *Narodonaselenie [Population]*. 2022. Vol. 25. No. 3. P. 144–152. DOI: 10.19181/population.2022.25.3.11 (in Russ.)

Information about the authors:

Budilova Elena Veniaminovna, Doctor of Biological Sciences, Leading Researcher, Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russia.

Contact information: e-mail: evbudilova@mail.ru; ORCID: 0000-0003-0769-4570; Elibrary SPIN-code: 5978-2854.

Lagutin Michail Borisovich, Assistant, Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russia.

Contact information: e-mail: lagutinmb@mail.ru; ORCID: 0000-0003-778-4497; Elibrary AuthorID: 12607.

Статья поступила в редакцию 26.03.2025, утверждена 16.02.2026, опубликована 31.03.2026.

DOI: 10.24412/1561-7785-2026-1-190-198
EDN: RXRMNF

ОСОБЕННОСТИ И РАСПРОСТРАНЁННОСТЬ ПАССИВНОГО КУРЕНИЯ (НА ПРИМЕРЕ МОСКВЫ)

Назарова И. Б.

ИС ФНИСЦ РАН

(117218, Москва, ул. Кржижановского, 24/35, к. 5)

E-mail: inna-nazarova@mail.ru

Для цитирования:

Назарова И.Б. Особенности и распространённость пассивного курения (на примере Москвы) // Народонаселение. – 2026. – Т. 29. – № 1. – С. 190-198. DOI: 10.24412 / 1561-7785-2026-1-190-198; EDN: RXRMNF

Аннотация. *Здоровый образ жизни (ЗОЖ) подразумевает отказ от курения, однако опасность включает и пассивное курение в отношении табачных изделий и электронных сигарет. Настоящее исследование основано на данных Росстата — «Выборочное наблюдение состояния здоровья населения» (СЗН), проведённого в 2024 г. во всех субъектах РФ. Опрошено 98961 человек от 15 лет и старше, 42% мужчин и 58% женщин. Жители Москвы составляют 7% (6743 человека), Московской области — 4% (4114 человека). Результаты исследования показывают, что в присутствии 29% жителей Москвы ежедневно курят табак или используют электронные сигареты, каждую неделю — в присутствии 8%. Чаще всего пассивными курильщиками становятся на работе (45%), на лестничных клетках в многоквартирных домах (43%), в собственном доме (36%). В местах общественного питания со случаями курения сталкиваются 12% населения Москвы. Рядом гораздо чаще курят с теми, кто постоянно (ежедневно) курит сам (56%). Третья часть тех, кто бросил курить являются пассивными курильщиками каждый день. Бросили курить 25% мужчин и 11% женщин. Большинство (65%) считают, что в деле по снижению уровня распространения потребления табака, необходим запрет на курение табака в общественных местах (62%), на рабочем месте (59%). Учитывая распространённость курения и пассивного курения, необходимо продолжить работу по контролю за исполнением законодательства о защите граждан от табачного дыма, активнее подключать к работе в данном направлении медицинских специалистов.*

Ключевые слова: *курение, пассивное курение, вторичное курение, потребление табака, электронные сигареты.*

Введение

Курение является негативной характеристикой здорового образа жизни (ЗОЖ) человека. Показатель, характеризующий отказ от курения, официально зафиксирован в расчёте индекса приверженности населения ЗОЖ наряду с другими поведенческими практиками (физической активностью, умеренным потреблением алкоголя и соли)¹. Проблема курения напрямую связана с демографической проблематикой, поскольку доказан вклад курения в смертность населения. Рассчитаны таблицы смертности для тех, кто курит, прекратил курить и никогда не курил: наибольшие различия в продолжительности жизни наблюдаются для курильщиков и никогда не куривших (2017 г. — 5,3 года для мужчин и 5,2 года для женщин), а отказ от курения продлевает жизнь (на 2,6 года для мужчин и на 3,2 года для женщин) [1]. Российские регионы различаются по структуре смертности от болезней, ассоциированных с курением [2].

Одновременно проведённые эксперименты показывают, что пассивное курение — процесс вдыхания дыма от чужой сигареты людьми, которые находятся вблизи курящего человека, может соответствовать личному курению половины сигареты [3]. Значительный вред для организма обусловлен тем, что концентрация вредных веществ во вторичном дыме выше их содержания в первичном, размер частиц химических соединений меньше, и они обладают большей проникающей способностью. В этой связи организм пассивных курящих может подвергаться широкому спектру неблагоприятных последствий у детей и у взрослых некурящих².

Эксперты отмечают принятие Федерального закона № 15-ФЗ «О защите здоровья граждан от воздействия вторичного табачного дыма и последствий потребления табака» (2013 г.) в качестве важного события, направленного на сохранение здоровья и способствующего ведению ЗОЖ [4]. Особенно важным является последствие Закона — значительное уменьшение как распространённости потребления табачных изделий, так и заболеваемости инфекционными болезнями, которые связаны с употреблением табака [4]. Цель настоящего исследования — определить особенности потребления дыма табачных изделий и электронных сигарет.

Материалы и методы

Статья основана на данных Росстата — исследовании «Выборочное наблюдение состояния здоровья населения» (СЗН), проведённого Росстатом в 2024 году³. Респонденты опрашивались во всех субъектах РФ, проинтервьюировано порядка 60 тысяч домохозяйств, в которых опрашивались все члены. Используются данные, представленные Росстатом и расчёты автора, выполненные на основе микроданных СЗН. Опрошено 98961 человек от 15 лет и старше, 42% мужчин и 58% женщин. В качестве примера выбран город Москва, жители которой составили 7% респондентов (6743 человека). Они (в соответствии с данными СЗН) оценивают уровень своего здоровья выше, чем в целом по стране: самооценка здоровья в качестве «хорошее, очень хорошее» в Москве — 65%, а в среднем по стране — 52%. Кроме этого, столица отличается лучшим обеспечением граждан медицинской помощью.

¹ Здоровый образ жизни определяется как отказ от курения, потребление алкоголя не более 168 г чистого этанола в неделю для мужчин и не более 84 г — для женщин, умеренное потребление соли, физическую активность // Росстат. — URL: <https://rosstat.gov.ru/opendata/7708234640-zoh-2021> (дата обращения: 04.04.2025).

² The Health Consequences of Involuntary Exposure to Tobacco Smoke. A Report of the Surgeon General. Office on Smoking and Health (US). Atlanta (GA): Centers for Disease Control and Prevention (US); 2006. — URL: <https://www.ncbi.nlm.nih.gov/books/NBK44324/> (дата обращения: 29.03.2025).

³ Выборочное наблюдение состояния здоровья населения проведено во исполнение постановления Правительства Российской Федерации от 27 ноября 2010 г. № 946 «Об организации в Российской Федерации системы федеральных статистических наблюдений по социально-демографическим проблемам и мониторинга экономических потерь от смертности, заболеваемости и инвалидизации населения». Уровень представительности результатов — в целом по Российской Федерации. — URL: https://rosstat.gov.ru/free_doc/new_site/zdor24/PublishSite_2024/index.html (дата обращения: 26.01.2025).

Результаты исследования

В соответствии с расчётами СЗН — 2024 г. не курят, не употребляют табачные и нетабачные курительные и некуриательные изделия в России 69% мужчин и 87% женщин; курят ежедневно 30% мужчин и 7% женщин. Среди жителей столицы постоянно табак курят 29% мужчин и 10% женщин; не каждый день — 5% мужчин и 3% женщин. Электронные сигареты в равной мере ежедневно потребляют 9% москвичей и 9% жительниц столицы (периодически — 4% и 3%, соответственно). В среднем в России электронным сигаретам привержены 3% мужчин и 2% женщин. Употребляют некуриательные табачные изделия (снюс, нюхательный табак, жевательный табак) менее процента населения.

Распространённость пассивного курения в столице. Некурящие, вдыхающие табачный дым, подвергаются риску развития различных патологий, связанных с табачным дымом. Особенно опасно вдыхание табачного дыма в закрытых помещениях, где концентрация вредных веществ увеличивается. Длительное нахождение человека в присутствии дыма от сигарет может привести к хроническим и смертельным заболеваниям, таким как ишемическая болезнь сердца, инсульт, рак легких, рак молочной железы, хроническая обструктивная болезнь лёгких (ХОБЛ) и диабет [5].

Половина опрошенных жителей Москвы ответили, что никто никогда не курит рядом с ними табак и не использует электронные сигареты. В присутствии каждого третьего жителя столицы (29%) ежедневно курят табак или использует электронные сигареты. Почти каждый десятый (8%) отметил, что рядом с ним курят каждую неделю, 4% — каждый месяц, 8% — реже чем каждый месяц. Однако гораздо чаще курят около тех, кто ежедневно курит сам: каждый день курят рядом с половиной курящих москвичей (56%) и каждую неделю — с каждым десятым (8%) (табл. 1). Граждане, которые курят время от времени (периодически) также подвергаются дополнительно дыму от чужих сигарет: 36% каждый день, 18% — каждую неделю. Таким образом, чем чаще человек курит сам, тем чаще он дополнительно подвержен дыму чужих сигарет.

Третья часть тех, кто бросил курить (30%) являются пассивными курильщиками каждый день. Вместе с тем исследования показывают, что организм именно бросивших курить в наибольшей опасности. Среди некурящих людей, подвергающихся воздействию дыма от сигарет, большему риску, ведущему к заболеванию астмой или раком, были подвержены те, кто курил ранее, но бросил, нежели никогда не курившие [6]. Риском может быть провоцирование начала курения у некурящих людей и вдыхание дыма от электронных сигарет среди некурящих [7].

Таблица 1

Пассивное курение: частота курения рядом с респондентом, население Москвы 15 лет и старше, 2024 г., %

Table 1

Passive smoking: frequency of smoking near the respondent, Moscow population aged 15 and older, 2024, %

Поведение в отношении курения: курят в настоящее время, n=6522	Курят рядом с респондентом				
	ежедневно	каждую неделю	каждый месяц	реже, чем каждый месяц	никогда
ежедневно	56	8	4	8	24
не каждый день (периодически)	36	18	7	13	26
совсем не курю и не курил ранее	19	8	56	9	59
бросил курить	30	8	4	9	49
Всего n=21021	29	8	4	9	50

Примечание: Критерии хи-квадрат: Асимптотическая значимость (2-сторонняя) 0,000.

Источник: расчёты автора на основе микроданных СЗН-2024.

Территории пассивного курения. Несмотря на запрет курения в общественных местах, люди постоянно подвергаются табачному дыму или дыму от электронных сигарет. Пассивным курильщиком становятся прежде всего на рабочем месте: дополнительно вдыхают дым сигарет в рабочем помещении ежедневно (47%) или периодически

(46%). Также часто активно курящих людей дым сопровождает на лестничной клетке в многоквартирных домах — 43% и тех, кто курит время от времени — 44% (табл. 2). Можно предположить, что люди курят в компании. Таким образом, увеличивается концентрация дыма и продолжительность времени курения для активно курящих людей.

Таблица 2

Частота курения табака или использования электронных сигарет в присутствии человека в зависимости от его привычек (отношения) к курению, население Москвы 15 лет и старше, 2024 г., % (ответ «да», по каждой ячейке)

Table 2

Frequency of smoking tobacco or using electronic cigarettes in the presence of a person depending on his habits or attitude to smoking, Moscow population aged 15 and older, 2024, % (Answer “yes”, for each cell)

Территории пассивного курения n=3269	Курят рядом с респондентом				
	ежедневно	не каждый день (периодически)	нет, совсем не курю и не курил ранее	бросил курить	всего
В рабочем помещении	45	51	38	45	42
На лестничной клетке в многоквартирных домах	43	44	42	44	43
Дома	36	23	21	19	25
В местах общественного питания	9	12	14	11	12
В общественном транспорте	4	4	5	9	5
В медицинских организациях	3	6	9	6	6
В образовательных организациях	1	7	8	4	5
В учреждениях органов власти	1	1	3	3	3
Нигде не курили	8	5	8	13	9

Примечание: Критерии хи-квадрат: Асимптотическая значимость (2-сторонняя) 0,000.

Источник: расчёты автора на основе микроданных СЗН-2024.

Курящие члены семьи наносят вред своим домочадцам. Дома курят также часто — рядом с каждым четвёртым (25%). Доказано то, что женщины, чьи мужья курили, имеют риск развития рака легкого в 1,5 раза чаще (если мужья курят менее 20 сигарет в день) и в 2 раза больше (если мужья курят более 20 сигарет в день), чем женщины, чьи мужья не курят [8].

Подтверждён факт влияния курения родителей на начало курения детей, например, курение отца, определённо влияет на начало курения сыновей (но не влияет на начало курения дочерей) [9]. Исследования, проведённые в Австралии, показали, что люди, которые не подвергались

родительскому курению в детстве, имеют лучшее психическое здоровье, чем те, чьи родители курили рядом [10]. Страдает физическое здоровье детей, в присутствии которых курят родители [11]. Постоянное воздействие табачного дыма на организм детей школьного возраста в два раза повышает у них риск формирования миопии [12].

Дома также чаще курят члены семьи курящих (36% — ежедневно и 23% — периодически), таким образом более чем у половины курит ещё как минимум один член семьи. В том числе курят у каждого пятого, кто бросил курить (19%), что усложняет их возможность не начать курить снова. Каж-

дый десятый (12%) сталкивался с курением в местах общественного питания. Реже респонденты сталкиваются с курением табака или электронных сигарет в медицинских организациях (6%), общественном транспорте (5%), образовательных организациях (5%), в учреждениях органов власти (3%) Москвы.

Дополнительно можно сказать, что в некоторых случаях в Москве обстоят дела хуже, чем в среднем в России, например, на рабочем месте в Москве курят у 42% работников, а в среднем по России — 35%. Также на лестничной клетке в Москве курят чаще, в среднем 43%, а в России — 26% (здесь надо учитывать сельское население и частные дома). Также чаще курят в местах общественного питания в столице — 12%, а в России — 6%.

Оценка населением действующих мер по снижению уровня распространения потребления табака. Основные принципы охраны здоровья граждан от воздействия окружающего табачного дыма и последствий потребления табака подразумевают системный подход при реализации мероприятий, направленных на предотвращение воздействия окружающего табачного дыма и сокращение потребления табака, непрерывность и последовательность

их реализации⁴. По мнению респондентов, какие-то меры наиболее или наименее эффективны.

Большинство (65%) считают, что защищать от курения прежде всего надо несовершеннолетних путём запрета продажи табака (табл. 3). Действенным также назван запрет на курение табака в общественных местах (62%). И очень важно — на рабочем месте (59%). Половина (51%) достаточно продуктивным считают изображение последствий заболеваний, вызванных потреблением табака, на пачках сигарет. Менее половины поддерживают увеличение цены на табак (43%), запрет на рекламу табака (38%). Еще меньше считают необходимым размещение сообщений о вреде табака (антитабачная реклама) (35%). Наименее важным считается оказание медицинской помощи для отказа от табака (30%), хотя именно в этом случае в ситуацию может вмешаться специалист и дать грамотную консультацию, объяснить возможный вред для организма курящего и тех, кто становится пассивным курящим (табл. 3).

⁴ Статья 4, п. 4 Федерального закона № 15-ФЗ «О защите здоровья граждан от воздействия вторичного табачного дыма и последствий потребления табака» (2013 г.).

Таблица 3

Мнение населения о действующих мерах по снижению уровня распространения потребления табака, 2024 г., %

Table 3
Public opinion on current measures to reduce the prevalence of tobacco consumption, 2024, %

Меры по снижению уровня распространения потребления табака, n=97556	Москва	Московская область	Россия
Запрет продажи табака несовершеннолетним	65	64	67
Запрет на курение табака в общественных местах (кроме рабочих помещений)	62	56	56
Запрет на курение табака в рабочих помещениях	59	51	49
Изображение последствий заболеваний, вызванных потреблением табака, на пачках сигарет	51	46	42
Увеличение цены на табак	43	37	37
Запрет на рекламу табака	38	40	40
Размещение сообщений о вреде табака (антитабачная реклама)	35	30	32
Оказание медицинской помощи для отказа от табака	30	26	26

Примечание: Критерии хи-квадрат: Асимптотическая значимость (2-сторонняя) 0,000.

Источник: расчёты автора на основе микроданных СЗН-2024.

Обсуждение

Эксперты⁵, проводившие исследования на территории РФ, в качестве наиболее важных мероприятий выделили следующие: запрет рекламы, стимулирующей продажи и спонсорства со стороны компаний — производителей табака (26%). Необходимым считается информирование населения о вреде потребления табака/никотина (26%); предложение медицинской помощи людям, которые хотят бросить курить (20%) и защиту людей от табачного дыма/аэрозоля ЭСДН (20%) в общественных местах. Более того, исследователи отметили низкий уровень усилий, направленных на уменьшение числа курящих (27%) [13]. Посыл о необходимости информирования населения о вреде потребления табака/никотина (26%) считается наиболее важным, поскольку выявлен низкий уровень осведомлённости молодёжи в отношении вреда курения. Более половины (52%) курящих молодых людей утверждают, что не начали бы курить, если бы знали о курении то, что знают сейчас и значительная часть хотели бы быть некурящими (68%). Каждый десятый не знает о вреде пассивного курения и 7% затруднились ответить [14].

Несмотря на то, что по мнению только 30% москвичей помощь медицинского специалиста может помочь в предотвращении курения (табл. 3), эксперты полагают, что подросткам наиболее важна квалифицированная медицинская и психологическая помощь, связанная с формированием представлений о появлении табачной зависимости и возможностях ее преодоления. Это также подтверждается тем, что 70% подростков предпринимали попытки бросить курить (61% из них пытались бросить более одного раза) [14]. Например, каждый десятый (14%) житель столицы пытался бросить курить, 25% мужчин и 11% женщин бросили курить (СЗН-2024), то есть не у каждого получилось отказаться от курения, но усилия людей требуют поддержки.

Заключение

Пассивным курильщиком является каждый третий житель Москвы от 15 лет и старше и каждый третий из тех, кто бросил курить. Наиболее часто в присутствии других курят на рабочем месте и соседи на лестничных клетках в многоквартирных домах. Каждый четвертый участник исследования отметил, что дома рядом с ним курят, особенно опасно курение дома в присутствии детей. Каждый десятый отметил курение в местах общественного питания. Кроме этого, граждане продолжают сталкиваться с курением в других общественных местах. Следовательно, актуальна потребность людей в защите от дыма табачных изделий и электронных сигарет. По мнению экспертов, забота о здоровье людей путём защиты от курения и пассивного курения должна быть в том числе возложена на медицинских работников в части информирования пациента, а также личным примером [15]. В столице необходимо продолжить работу по контролю за исполнением законодательства в отношении устранения вреда, наносимого здоровью людей от табачного дыма и активнее использовать потенциал медицинских специалистов в борьбе с курением.

После принятия в 2013 г. Федерального закона № 15-ФЗ «О защите здоровья граждан от воздействия вторичного табачного дыма и последствий потребления табака» его содержание постоянно совершенствовалось с учётом оценки эффективности принятых мер по борьбе против табака и появления новых вызовов и тенденций. По мнению экспертов, дальнейшее повышение эффективности Закона может быть обусловлено в первую очередь усилением контроля за его исполнением [13]. На наш взгляд, в том числе путём более строгого исполнения запрета курения в общественных местах, там, где подвергаются воздействию сигаретному дыму люди, которые никогда не курили или бросили курить, прежде всего дети, подростки, молодёжь.

⁵ Опрошено 402 эксперта из 76 субъектов РФ.

Литература и Интернет-источники

1. **Кузнецова, П.О.** Курение как фактор сокращения ожидаемой продолжительности жизни в России / П.О. Кузнецова // Демографическое обозрение. — 2019. — Т. 6. — № 3. — С. 31–57. EDN: BQHGSX
2. **Калабихина, И.Е.** Смертность, ассоциированная с курением, в регионах России / И.Е. Калабихина, П.О. Кузнецова, В.С. Тикунов, О.Ю. Черешня // Вестник Московского университета. Серия 5: География. — 2021. — № 6. — С. 13–26. EDN: CJMHGF
3. **Bartecchi, C.** Reduction in the incidence of acute myocardial infarction associated with a citywide smoking ordinance / C. Bartecchi, R. Alsever, C. Nevin-Woods, [и др.] // Circulation. — 2006. — Vol. 114. — No. 14. — P. 1490–1496. DOI: 10.1161 / CIRCULATIONAHA.106.615245
4. **Салагай, О.О.** Анализ осведомленности населения о мерах по снижению распространенности потребления табачной продукции в Российской Федерации / О.О. Салагай, Н.С. Антонов, Г.М. Сахарова, К.А. Смирнов // Наркология. — 2020. — Т. 19. — № 9. — С. 18–38. DOI: 10.25557 / 1682-8313.2020.09.18-38; EDN: RUADNS
5. **Carreras, G.** Burden of disease attributable to second-hand smoke exposure: a systematic review / G. Carreras, A. Lugo, S. Gallus, [и др.] // Preventive Medicine — 2019. — Vol. 129. — P. 105833. DOI: 10.1016 / j.ypmed.2019.105833
6. **Neves, S.** Occupational second-hand smoke exposure: A comparative shotgun proteomics study on nasal epithelia from healthy restaurant workers / S. Neves, S. Pacheco, F. Vaz, [и др.] // Environmental Toxicology and Pharmacology. — 2024. — Vol. 108. — P. 104459. DOI: 10.1016 / j.etap.2024.104459
7. **McMillen, R.** E-cigarette use and future cigarette initiation among never smokers and relapse among former smokers in the PATH Study / R. McMillen, J.D. Klein, K. Wilson, [и др.] // Public Health Reports. — 2019. — Vol. 134 — No. 5. — P. 528–536. DOI: 10.1177 / 0033554919864369
8. **Hirayama, T.** The first UICC Conference on cancer prevention in developing countries / T. Hirayama // International Journal of Cancer. — 1982. — Vol. 29 — No. 2. — P. 131–132. DOI: 10.1002 / ijc.2910290202
9. **Liu, Y.** Relationship between parental smoking and adolescent smoking: gender differences and mediation of resilience / Y. Liu, L. Li, Z. Chen, [и др.] // BMC Public Health. — 2025. — Vol. 25. — No. 1. — P. 434. DOI: 10.1186 / s12889-025-21457-5
10. **Churchill, R. E.A.** Locus of control and the long-term effects of parental smoking on mental health / R. E.A. Churchill, A. Asante // Social Science & Medicine. — 2024. — Vol. 361. — P. 117401. DOI: 10.1016 / j.socscimed.2024.117401
11. **Масленникова, Г.Я.** Профилактика и снижение курения табака — реальные возможности улучшения демографической ситуации в России / Г.Я. Масленникова, Р.Г. Оганов // Профилактика заболеваний и укрепление здоровья. — 2008. — Т. 11. — № 3. — С. 3–10. EDN: JKADST
12. **Чобанов, Р.Э.** Пассивное курение как фактор риска формирования миопии у школьников / Р.Э. Чобанов, П.Н. Бабаев, А.З. Лемберанская // Российский офтальмологический журнал. — 2012. — № 2. — С. 68–70. EDN: QCLKWD
13. **Салагай, О.О.** Анализ федерального законодательства в сфере защиты граждан от воздействия окружающего табачного дыма, последствий потребления табака или потребления никотинсодержащей продукции / О.О. Салагай, Г.М. Сахарова, Н.С. Антонов, Е.И. Боричевская // Здоровье населения и среда обитания — ЗНиСО. — 2025. — Т. 33. — № 3. — С. 7–16. DOI: 10.35627 / 2219-5238 / 2025-33-3-7-17. EDN: RPWGSJ
14. **Лазуренко, Н.В.** Профилактика табакокурения и формирование здорового образа жизни у учащихся профессиональных учебных заведений / Н.В. Лазуренко, Н.Н. Подпоринова, М.Е. Поленова, [и др.] // Проблемы социальной гигиены, здравоохранения и истории медицины. — 2020. — Т. 28. — № 3. — С. 405–410. DOI: 10.32687 / 0869-866X-2020-28-3-405-410; EDN: HXKFUY
15. **Титова, О.Н.** Пассивное курение и болезни органов дыхания / О.Н. Титова, В.Д. Куликов, О.А. Суховская // Медицинский альянс. — 2016. — № 3. — С. 73–77. EDN: XBSKMP

Сведения об авторе:

Назарова Инна Борисовна, д.э.н., главный научный сотрудник, ИС ФНИСЦ РАН, Москва, Россия.
Контактная информация: e-mail: inna-nazarova@mail.ru; ORCID: 0000-0001-8086-1617; РИНЦ SPIN-код: 5172-5164.

DOI: 10.24412/1561-7785-2026-1-190-198

FEATURES AND PREVALENCE OF PASSIVE SMOKING (USING MOSCOW AS AN EXAMPLE)

Inna B. Nazarova

IS FCTAS RAS

(24/35-5 Krzhizhanovskogo str., Moscow, Russia, 117218)

*E-mail: inna-nazarova@mail.ru

For citation:

Nazarova I. B. Features and prevalence of passive smoking (using Moscow as an example). *Narodonaselenie [Population]*. 2026. Vol. 29. No. 1. P. 190-198. DOI: 10.24412/1561-7785-2026-1-190-198 (in Russ.)

Abstract. *Healthy lifestyle means giving up smoking, but passive smoking of tobacco products and e-cigarettes also poses a significant danger. This study is based on Rosstat data — «Sample monitoring of the health of the population» conducted in 2024 in all constituent entities of the Russian Federation. 98 961 people aged 15 and older were surveyed, 42% of men and 58% of women. Residents of Moscow make up 7% (6743 people), Moscow Oblast — 4% (4114 people). The results of the study show that in the presence of 29% of Moscow residents, tobacco is smoked or electronic cigarettes are used daily, and in the presence of 8% — weekly. Most often, people become passive smokers at work (45%), on stairwells in apartment buildings (43%), or in their own homes (36%). In public catering establishments, 12% of Moscow residents encounter cases of smoking. People smoke much more often next to those who constantly (daily) smoke themselves (56%). One third of those who have quit smoking (30%) are passive smokers every day. 14% tried to quit smoking, 25% of men and 11% of women quit smoking. The majority (65%) believe that in order to reduce the prevalence of tobacco consumption, it is necessary to ban the sale of tobacco to minors, ban smoking tobacco in public places (62%), and in the workplace (59%). Given the prevalence of smoking and passive smoking, it is necessary to continue work on monitoring implementation of the legislation on protection of people from tobacco smoke, more actively involve medical specialists in work in this area.*

Keywords: *smoking, passive smoking, second-hand smoking, tobacco consumption, electronic cigarettes.*

References and Internet sources

1. Kuznetsova P. O. Kurenije kak faktor sokrashcheniya ozhidaemoj prodolzhitel'nosti zhizni v Rossii [Smoking as a factor of reduced life expectancy in Russia]. *Demograficheskoe obozrenije [Demographic Review]*. 2019. Vol. 6. No. 3. P. 31-57. (in Russ.)
2. Kalabikhina I. E., Kuznetsova P. O., Tikunov V. S., Chereshnia O. Yu. Smertnost', assotsiirovannaya s kurenijem, v regionakh Rossii [Smoking-associated mortality in Russian regions]. *Vestnik Moskovskogo universiteta. Seriya 5. Geografiya [Lomonosov Geography Journal]*. 2021. No. 6. P. 13-26. (in Russ.)
3. Bartecchi C., Alsever R., Nevin-Woods C., et al. Reduction in the incidence of acute myocardial infarction associated with a citywide smoking ordinance. *Circulation*. 2006. Vol. 114. No. 14. P. 1490-1496. DOI: 10.1161/CIRCULATIONAHA.106.615245

4. Salagay O. O., Antonov N. S., Sakharova G. M., Smirnov K. A. Analiz osvedomlennosti naseleniya o merakh po snizheniyu rasprostranennosti potrebleniya tabachnoj produktsii v Rossijskoj Federatsii [Analysis of public awareness of measures to reduce the prevalence of tobacco consumption in the Russian Federation]. *Narkologija [Narcology]* 2020. Vol. 19. No. 9. P. 18–38. DOI: 10.25557/1682-8313.2020.09.18-38 (in Russ.)
5. Carreras G., Lugo A., Gallus S., et al. Burden of disease attributable to second-hand smoke exposure: a systematic review. *Preventive Medicine*. 2019. No. 129. P. 105833. DOI: 10.1016/j.ypmed.2019.105833
6. Neves S., Pacheco S., Vaz F., et al. Occupational second-hand smoke exposure: A comparative shotgun proteomics study on nasal epithelia from healthy restaurant workers. *Environmental Toxicology and Pharmacology*. 2024. No. 108. P. 104459. DOI: 10.1016/j.etap.2024.104459
7. McMillen R., Klein J. D., Wilson K., et al. E-cigarette use and future cigarette initiation among never smokers and relapse among former smokers in the PATH Study. *Public Health Reports*. 2019. Vol. 134. No. 5. P. 528–536. DOI: 10.1177/0033354919864369
8. Hirayama T. The first UICC Conference on cancer prevention in developing countries. *International Journal of Cancer*. 1982. Vol. 29. No. 2. P. 131–132. DOI: 10.1002/ijc.2910290202
9. Liu Y., Li L., Chen Z., et al. Relationship between parental smoking and adolescent smoking: gender differences and mediation of resilience. *BMC Public Health*. 2025. Vol. 3. No. 1. P. 434. DOI: 10.1186/s12889-025-21457-5
10. Churchill R. E. A., Asante A. Locus of control and the long-term effects of parental smoking on mental health. *Social Science and Medicine*. 2024. No. 361. P. 117401. DOI: 10.1016/j.socscimed.2024.117401
11. Maslennikova G. Ya., Oganov R. G. Profilaktika i snizhenije kurenija tabaka – real'nyje vozmozhnosti uluchsheniya demograficheskoj situatsii v Rossii [Smoking prevention and reduction is a real possibility of improving the demographic situation in Russia]. *Profilaktika zabolevanij i ukrepleniye zdorov'ya [Disease Prevention and Health Promotion]*. 2008. No. 3. P. 3–10. (in Russ.)
12. Chobanov R. E., Babayev P. N., Lemberanskaya A. Z. Passivnoje kurenije kak faktor riska formirovaniya miopii u shkol'nikov [Passive cigarette smoking as a risk factor in the development of myopia in schoolchildren]. *Rossijskij oftal'mologicheskij zhurnal [Russian Ophthalmological Journal]*. 2012. No. 2. P. 68–70. (in Russ.)
13. Salagay O. O., Sakharova G. M., Antonov N. S., Borichevskaya E. I. Analiz federal'nogo zakonodatel'stva v sfere zashchity grazhdan ot vozdejstviya okruzhayushchego tabachnogo dyma, posledstvij potrebleniya tabaka ili potrebleniya nikotinsoderzhashchej produktsii [Analysis of Federal legislation on protection of citizens from exposure to secondhand tobacco smoke and consequences of tobacco or nicotine product use]. *Zdorov'je naseleniya i sreda obitaniya – ZNiSO. [Public Health and Life Environment – PH&LE]*. 2025. Vol. 33. No. 3. P. 7–16. DOI: 10.35627/2219-5238/2025-33-3-7-17 (in Russ.)
14. Lazurenko N. V., Podporinova N. N., Polenova M. E., et al. Profilaktika tabakokurenija i formirovanije zdorovogo obraza zhizni u uchashchihsya professional'nykh uchebnykh zavedenij [The prevention of tobacco smoking and development of skills of healthy life-style in students of professional educational institutions]. *Problemy sotsialnoj gigieny, zdravookhraneniya i istorii meditsiny [The Problems of Social Hygiene, Public Health and History of Medicine]*. 2020. Vol. 28. No. 3. P. 405–410. DOI: 10.32687/0869-866X2020-28-3-405-410 (in Russ.)
15. Titova O. N., Kulikov V. D., Sukhovskaya O. A. Passivnoye kurenije i bolezni organov dykhaniya [Passive smoking and respiratory diseases]. *Meditsinskij al'yans [Medical Alliance]*. 2016. No. 3. P. 73–77. (in Russ.)

Information about the author:

Nazarova Inna Borisovna, Doctor of Economics, Chief Researcher, IS FCTAS RAS, Moscow, Russia.

Contact information: e-mail: inna-nazarova@mail.ru; ORCID: 0000-0001-8086-1617; Elibrary SPIN code: 5172-5164.

Статья поступила в редакцию 05.06.2025, утверждена 16.02.2026, опубликована 31.03.2026.

DOI: 10.24412/1561-7785-2026-1-199-211
EDN: VZTOVK

ДИФФЕРЕНЦИАЦИЯ ИНФРАСТРУКТУРНОГО ОБЕСПЕЧЕНИЯ СЕЛЬСКИХ ТЕРРИТОРИЙ РЕГИОНОВ РОССИИ

Меренкова И. Н.*, Новикова И. И.

*НИИ экономики и организации агропромышленного комплекса
Центрально-Чернозёмного района — филиал Воронежского федерального
аграрного научного центра имени В. В. Докучаева
(394042, Россия, Воронеж, ул. Серафимовича, 26 а)*

**E-mail: upr-nii@yandex.ru*

Финансирование:

Исследование выполнено в НИИ экономики и организации агропромышленного комплекса Центрально-Чернозёмного района — филиале Воронежского федерального аграрного научного центра имени В. В. Докучаева по теме государственного задания НИР.

Для цитирования:

Меренкова И.Н., Новикова И.И. Дифференциация инфраструктурного обеспечения сельских территорий регионов России // Народонаселение. — 2026. — Т. 29. — № 1. — С. 199-211. DOI: 10.24412 / 1561-7785-2026-1-199-211; EDN: VZTOVK

Аннотация. Научная гипотеза исследования основывается на предположении о влиянии пространственной неоднородности сельских территорий на дифференциацию инфраструктурного обеспечения в разрезе комплементарных признаков (структура, пространственная организация, инфраструктурная связанность). Несмотря на обширный перечень работ, посвящённых данной проблематике, вопрос о взаимосвязи пространственной организации сельской местности и инфраструктурного обеспечения, проявляющейся в территориальной связанности и социально-инженерном обслуживании населения, не решён, что ограничивает улучшение качества жизни сельских жителей. Поэтому основная цель статьи заключается в определении влияния пространственных различий на распределение объектов инфраструктуры по сельским территориям страны в разрезе макрорегионов (регионов). В этом ключе для отслеживания и выявления пространственно-инфраструктурных изменений в сельской местности сформирована система показателей за 2012–2023 гг. по двум блокам: инфраструктурное обеспечение и пространственная организация, на основе которых проведена комплексная оценка по 82 регионам страны. Полученные результаты позволили выделить 6 типов сельских территорий регионов России и сделать следующие выводы: в 8 регионах (9,7% от общего числа регионов) степень пространственной организации превышает уровень инфраструктурного обеспечения, в 56 (68,4%) — наблюдается обратная ситуация, а в оставшихся 18 (31,9%) — они соответствуют друг другу. Для сглаживания выявленных диспропорций необходимо объединение усилий органов власти всех уровней с привлечением необходимых государственных регуляторов, направленных на реализацию ключевых направлений государственной политики сельского развития, что позволит решить проблему улучшения качества жизни населения в сельской местности России.

Ключевые слова: сельские территории, инфраструктурное обеспечение, пространственная организация, кластерный анализ, макрорегион, регион.

Введение

Проблемы инфраструктурного обеспечения в пространственном развитии России, наиболее сильно проявляются в сельском пространстве, нарушая его целостность и углубляя процессы неоднородности и несбалансированности сельских территорий. Усиление тенденций сжатия и поляризации пространства создают принципиально новые условия и пространственную конфигурацию, важнейшими атрибутами которых являются инфраструктурный каркас и каркас сельского расселения.

В результате процессов урбанизации, которая привела к трансформации сельского расселения в системе «город-село», стали формироваться с одной стороны, стабильные полюса с активным экономическим ростом, концентрацией населения в региональных центрах, развитым инфраструктурным комплексом, а, с другой, депрессивные полюса с наименее благоприятными условиями хозяйствования и проживания, отсутствием необходимых социальных объектов, и как следствие ухудшением качества жизни. Значимость инфраструктуры и её влияния на качество жизни несомненна, так как она одновременно и формирует условия жизнедеятельности сельских жителей, удовлетворяет индивидуальные потребности в сфере услуг и влияет на их благополучие, но и создает основу для социально-экономических процессов на сельских территориях. Наряду с этим в депрессивных территориях усиливается миграционный отток сельского населения, обусловленный экономической депривацией и ограниченным доступом к ключевым инфраструктурным ресурсам.

Такое положение объясняется отсутствием взаимосвязи между численностью населения, проживающего в сельской местности, и вводом объектов инфраструктуры в эксплуатацию; недостаточной экономической плотностью и инфраструктурной связанностью сельского пространства; необеспеченностью системами комфортного проживания (электричество, газ, отопление, водообеспечение, канализация);

территориальной стигматизацией; слабой транспортной доступностью и отдалённостью сельских территорий; отсутствием результативности преференциальных экономических зон с позиций разработки эффективного механизма их организации и функционирования.

Понимая важность решения данных проблем, на федеральном уровне принят ряд нормативно-правовых документов сельского развития, позволивших стимулировать сельские территории и запустить действенные механизмы, в том числе и инфраструктурного обеспечения: Указ Президента РФ от 21.07.2020 г. № 474 «О национальных целях развития Российской Федерации на период до 2030 года»¹, государственной программы РФ «Комплексное развитие сельских территорий» (утверждена постановлением Правительства РФ от 31.05.2019 г. № 696)², Стратегии пространственного развития РФ на период до 2025 года (утверждена распоряжением Правительства РФ от 13.02.2019 г. № 207-п)³, Стратегии устойчивого развития сельских территорий РФ на период до 2030 г. (утверждена распоряжением Правительства РФ от 2.02.2015 г. № 151-п)⁴, Стратегии пространственного развития РФ на период до 2030 г. с прогнозом до 2036 г. (утверждена распоряжением Правительства РФ от 28.12.2024 г. № 4146-п.)⁵. Однако, законодательные акты в основном имеют паллиативный и некомплементарный характер, прежде всего,

¹ Указ Президента РФ от 21.07.2020 г. № 474 «О национальных целях развития Российской Федерации на период до 2030 года» – URL: <http://www.kremlin.ru/acts/bank/45726> (дата обращения: 11.03.2025).

² Государственная программа Российской Федерации «Комплексное развитие сельских территорий» – URL: <http://static.government.ru/media/files/aNtAARsD8scrvdzD7rZAw0FaFjnA79v.pdf> (дата обращения: 11.03.2025).

³ Стратегия пространственного развития Российской Федерации на период до 2025 года – URL: https://gsem.urfu.ru/fileadmin/user_upload/site_15921/docs3/Strategija_2025.pdf (дата обращения: 11.03.2025).

⁴ Стратегия устойчивого развития сельских территорий Российской Федерации на период до 2030 года – URL: <http://static.government.ru/media/files/Fw1kbNXVjxQ.pdf> (дата обращения: 11.03.2025).

⁵ Стратегия пространственного развития Российской Федерации на период до 2030 года с прогнозом до 2036 г. – URL: <http://government.ru/docs/all/157308/> (дата обращения: 11.03.2025).

из-за отсутствия учёта пространственной специфики сельской местности.

Инфраструктура ориентирована на пространственные и организационные параметры обеспечения сельских территорий. Однако в условиях неоднородности сельского экономического пространства инфраструктура не стала коммуникационной связующей платформой развития сельских территорий, что обусловлено продолжающейся дефрагментацией хозяйственного каркаса страны. Сложившаяся в России пространственная организация сельских территорий не обеспечивает эффективное взаимодействие экономических отношений, видов деятельности, инфраструктурную связанность территорий. В научной литературе обозначенные проблемы недостаточно актуализированы в силу того, что большинство отечественных учёных концентрировалось, как правило, на отдельных вопросах и практиках данного исследования, зачастую в рамках отдельного междисциплинарного направления, а зарубежный опыт лишь в относительной мере может быть применён к российским условиям. В то же время сельская инфраструктура имеет территориальный характер размещения, и, соответственно, проблемы снятия инфраструктурных ограничений должны решаться главным образом современными исследованиями, дополняющими традиционные теории развития сельских территорий.

Теоретический обзор

Решение вопросов, учитывающих пространственные аспекты регионального развития России, затронуло и сельские территории, ставшие объектом научного исследования сравнительно недавно. Так, в конце XIX и начале XX вв. на селе в основном изучалась зависимость развития территории от природно-экологических, социально-демографических и социально-экономических факторов. В период 1930-х – 1970-х гг. большинство исследований посвящалось изменениям в условиях производства и распределения сельскохозяйственной продукции. С 1980-х гг. изме-

нился ракурс исследований: на первое место вышли мотивация, поведение, сельский образ жизни и ценности поселенческого сообщества. В конце XX в. стали решаться проблемы обеспечения сбалансированности развития городских и сельских территорий в региональном экономическом пространстве, что обусловлено усилением поляризации. Диспропорциональность, с одной стороны, проявлялась в укреплении позиций города как центров развития регионов, а, с другой стороны — село, являясь периферией, постепенно приходило в упадок, с «затуханием» социально-экономической жизни. В этом ключе особенно важны теории экономической географии и размещения производства [1; 2], в основе которых лежат модели неравномерности регионального развития по типу «центр — периферия», согласно которым наблюдается несбалансированность развития «город-село» в пространственном аспекте, то есть происходит изменение экономического развития в процессе движения от центральных районов к периферийным [3; 4].

Вопросы развития инфраструктуры как отдельного объекта изучения продолжают быть актуальными и не теряют своей значимости на протяжении многих лет, имея многолетнюю историю, опирающуюся на научные труды известных учёных [5–8]. В научной сфере для изучения инфраструктурного обеспечения в разрезе пространственного развития сельских территорий используются теории, обосновывающие наличие и размещение её объектов: теории размещения, теории экономического роста, теории научного технического прогресса [1; 9].

Несмотря на наличие большого количества научных работ по данной проблематике, инфраструктурное обеспечение чаще всего изучается во взаимосвязи с какой-либо сферой деятельности (предпринимательской, инновационной и другими) или процессом (развития региона, отрасли). Наряду с этим, малоизученным остаётся вопрос пространственной дифференциации сельских территорий, особенно в контексте насыщения объектами инфраструктуры. В связи с этим осмысление важности ин-

фраструктурного обеспечения и обоснование дифференцированного подхода на основе определения степени неоднородности сельского пространства и неравномерности размещения объектов инфраструктуры по сельским территориям регионов РФ представляется первостепенным, так как стране нужны новые пути решения данной проблемы для улучшения качества жизни значимой части населения России.

Материалы и методы

Для проведения исследования была отобрана информационная база, которая включает данные по 82 субъектам РФ, представленные в открытых статистических источниках⁶, за период с 2012 по 2023 гг. (для Республики Крым — с 2014 г.). Оценка проводилась как в целом по 12 макрорегионам⁷, так и в разрезе непосредственного сравнения сельских территорий регионов. Для проведения оценки были выделены 2 блока, включающие по 6 показателей: 1) Инфраструктурное обеспечение сельских территорий: доля сельского жилого фонда, оснащённого всеми видами коммуникаций (% от общей площади); загруженность лечебно-профилактических учреждений (человек/учреждение); охват детей дошкольным образованием (человек/1000 мест); нагрузка на детско-юношеские спортивные учреждения (человек/учреждение); доступность торговых объектов (единиц/1000 человек); охват территории дорожно-транспортной сетью (км/км²); 2) Пространственная организация сельских территорий: плотность сельского населения (человек/км²); миграционный прирост (убыль) населения (‰); плотность экономической деятельности (тыс. рублей/км²); плотность инвестиционной деятельности (тыс. рублей/км²); концентрация сельских населённых пунктов (единиц/1000 км²); связанность сельских

населённых пунктов дорогами с твёрдым покрытием (% от общего количества).

Применение методов балльной оценки и равноинтервальной группировки позволило весь массив статистической информации разделить на 7 групп по каждому показателю (оптимальное количество групп для выбранной базы данных определялось по методу Стерджесса). Так, для сельских территорий с наибольшими значениями присваивался максимальный балл (7), а с наименьшим — минимальный (1), при этом использовался и обратный расчёт. Далее полученные результаты суммировались по каждому блоку за весь период исследования (2012–2023 гг.) в комплексный балл, что в совокупности с использованием метода картирования дало возможность графически (визуально) обозначить границы полученных групп. Выявление сложившейся дифференциации сельских территорий проводилось с помощью кластерного анализа, позволившего выделить типы, учитывающие особенности инфраструктурного обеспечения сельских территорий в зависимости от сложившейся пространственной организации.

Результаты исследования

При проведении балльной оценки инфраструктурного обеспечения сельских территорий России (блок I) получены следующие результаты. Так 56,3% сельского жилищного фонда оборудовано всеми необходимыми коммуникациями, что свидетельствует о положительной динамике, так как в 2012 г. оснащено было 47,9% жилья. Наряду с этим выявлено, что в 10 регионах за период исследования зафиксировано снижение значения данного показателя от 0,2 процентных пункта (п.п.) в Новгородской области до 11,3 п.п. в Чукотском АО.

При анализе обеспеченности сельского населения лечебно-профилактическими учреждениями (расчёт производился обратным методом) лучшим стал Северный макрорегион, худшим — Северо-Кавказский, что связано с ростом количества сельского населения, а не объектов сферы здравоохранения. При этом самые

⁶ Росстат. — URL: <https://rosstat.gov.ru> (дата обращения: 04.12.2024).

⁷ Стратегия пространственного развития Российской Федерации на период до 2025 года — URL: https://gsem.urfu.ru/fileadmin/user_upload/site_15921/docs3/Strategija_2025.pdf (дата обращения: 11.03.2025).

высокие темпы роста нагрузки на каждое учреждение зафиксированы в Московской (в 10,7 раз) и Калининградской (8,3 раз) областях, Пермском крае (6,6 раз), а снижение — в Тульской и Челябинской (в 2 раза) областях (в общую выборку по данному показателю не попали Магаданская и Сахалинская области, так как по ним отсутствуют информация).

Значительное влияние на обеспеченность детей местами в сельских дошкольных образовательных учреждениях (ДОУ) оказала проводимая с 2014 по 2018 гг. оптимизация размещения объектов сферы образования, что привело к существенному сокращению их числа, особенно малокомплектных. Только в Магаданской области и Чукотском АО установлено практически полное соответствие воспитанников количеству мест в ДОУ (99,7%).

Несколько иная ситуация наблюдается в нагрузке на детско-юношеские спортивные учреждения, где, наоборот, в 56,1% регионов отмечается положительная динамика, а самый высокий рост — в Томской (в 3 раза), Тверской и Ярославской (в 2,5 раза) областях, Республике Крым (в 2 раза). Однако, в Северо-Кавказском макрорегионе из-за высокой численности населения половина сельских территорий имеет низкие значения этого показателя.

В настоящее время в инфраструктурном обеспечении сельских территорий увеличивается внимание к доступности объектов торговли для сельского населения. В 2012–2023 гг. около 73,0% всех сельских территорий регионов страны относятся к группам с самыми низкими значениями показателя, что связано с увеличением числа сетевых магазинов, которые вытесняют с рынка мелкие сельские и фермерские точки продажи. Однако, в 18 регионах произошёл рост количества магазинов, максимально составляющий 21,7%.

Самым стабильным за период исследования является показатель охвата сельских территорий дорожно-транспортной сетью. В среднем для сельских территорий РФ характерно его высокое значение — 23,2 км/км² [10]. Но, несмотря на выявленные по-

ложительные изменения, наблюдаемая дифференциация по данному показателю имеет значительный размах и варьируется от 0,04 км/км² в Чукотском АО до 62,8 км/км² в Московской области, что в большей мере связано с природно-климатическими условиями.

Результаты комплексной балльной оценки блока I — инфраструктурное обеспечение сельских территорий приведены на рис. 1. Лидерами стали Центрально-Чернозёмный и Волго-Камский макрорегионы, а аутсайдерами — Ангаро-Енисейский и Дальневосточный макрорегионы. Стоит обратить внимание, что в среднюю (4 группу) попало наибольшее количество регионов — 23, а более половины — расположились в лучших (4–7 группы). Это свидетельствует о стабильности в данном блоке, что способствует сохранению высокого среднероссийского уровня инфраструктурного обеспечения.

Проведение балльной оценки пространственной организации сельских территорий РФ (блок II) выявило, что сложившаяся неоднородность по плотности сельского населения оказала существенное влияние на конечное распределение макрорегионов, из которых три стали худшими (Северный, Ангаро-Енисейский, Дальневосточный) и только Северо-Кавказский — лучшим. При этом в 80,4% регионах сокращение численности населения происходило в пределах от 17,3% до 1,4%, а по ряду регионов фактическое значение показателя не превышало 1 человек/км²: Республики Тыва, Саха (Якутия), Забайкальский край и другие.

За период исследования наиболее разноразмерный вектор имеет миграционный прирост (убыль) сельского населения, для которого пики изменений приходится на 2019 и 2021 гг., совпавшие с началом и ослаблением карантинных мер, связанных с COVID-19. В соответствие с этим все регионы можно разделить на три группы: с постоянной миграционной убылью — Республика Карелия, области Волгоградская, Тамбовская и другие; со сменой миграционного прироста на убыль — Белгородская область, Приморский край и другие; с постоянным

миграционным приростом — Республика Адыгея, Воронежская область и другие.

При анализе показателя плотность экономической деятельности выявлены значительные колебания темпов её роста — от 4,1 (Мурманская область) до 1,1 раза (Саратовская область). Максимальное фактическое значения показателя отмечается в Московской области (125,4 тыс. рублей/км²), а минимальное — в Чукотском АО (0,2 тыс. рублей/км²), что свидетельствует о значительной пространственной неоднородности экономической деятельности на сельских территориях и подтверждается попаданием 29 регионов в худшую группу.

Плотность инвестиционной деятельности является самым дифференцированным показателем в пространственной организации сельских территорий, изменяясь в диапазоне от 0,01 тыс. рублей/км² (Чукотский АО) до 9,07 тыс. рублей/км² (Тюменская область). Вместе с этим увеличение объёма инвестиций за период исследования отмечается в 57 регионах РФ (самое большое в Омской области — рост в 2,4 раза), а в оставшихся — снижение (наибольшее падение в Ненецком АО — на 96,4%).

Структура регионов по концентрации сельских населённых пунктов также значительно фрагментирована и имеет существенный размах от 0,05 и 0,08 населённых пунктов/1000 км² (Чукотский АО и Магаданская область) до 0,139 населённых пунктов/1000 км² (Московская область). При этом только в 30,4% регионов отмечается минимальный рост количества сельских населённых пунктов (от 1,0% до 5,0%).

Существенное влияние на пространственную организацию сельских территорий оказывает связанность населённых пунктов дорогами с твёрдым покрытием. Лишь в 12 регионах зафиксировано снижение за 2012–2023 гг. в среднем на 1,2%. Однако несмотря на положительную тенденцию дифференциация между регионами продолжает сохраняться и колеблется в пределах от 2,5% в Ненецком АО до 100% в Республике Ингушетия.

Результаты комплексной балльной оценки блока II, представленные на рис. 2, пока-

зали, что только в 23 регионах (4–7 группа) сохраняются такие необходимые параметры, как высокая плотность, концентрация и связанность, ещё в 16 (3 группа) — выявлены необходимые условия для их улучшения, а остальные 43 (1–2 группа) — характеризуются пространственной несбалансированностью, на которую особенно повлияла экономика, т.к. для её развития необходимы не только природные ресурсы, но и транспортная инфраструктура. Далее был использован кластерный анализ с алгоритм расчёта на основе применения манхэттенской меры расстояния и правила объединения по методу Варда, что дало возможность выделить 6 типов сельских территорий с различным инфраструктурным обеспечением в зависимости от их пространственной организации (рис. 3).

Тип 1 — сельские территории со средним уровнем развития инфраструктуры и высокой степенью пространственной организации (9,7% от общего количества регионов: Кабардино-Балкарская Республика, Краснодарский и Ставропольский края, Калининградская, Ленинградская, Московская, Тульская и Тюменская области). Для них характерен значительный дисбаланс в инфраструктурном обеспечении, что проявляется в удовлетворении потребности населения в услугах образования, спорта при одновременном недостатке объектов здравоохранения, что оказывает значительное влияние на сельское качество жизни. При этом отмечается высокий уровень плотности экономической деятельности, связанности населённых пунктов дорогами, а также увеличение плотности населения за счёт его миграционного прироста.

Тип 2 — сельские территории с низкими и уровнем инфраструктурного обеспечения, и степенью пространственной организации (9,7% от общего количества регионов: области Магаданская, Сахалинская, Томская и Иркутская, республики Карелия, Бурятия и Тыва, Забайкальский край). Особенности пространственной организации является высокая связанность сельских поселений дорогами с твёрдым покрытием за счёт их низкой концентрации, а также недостаточная плотность экономической и инвестици-

- Группы
- 1 — наихудшая
 - 2 — худшая
 - 3 — ниже среднего
 - 4 — средняя
 - 5 — выше среднего
 - 6 — лучшая
 - 7 — наилучшая

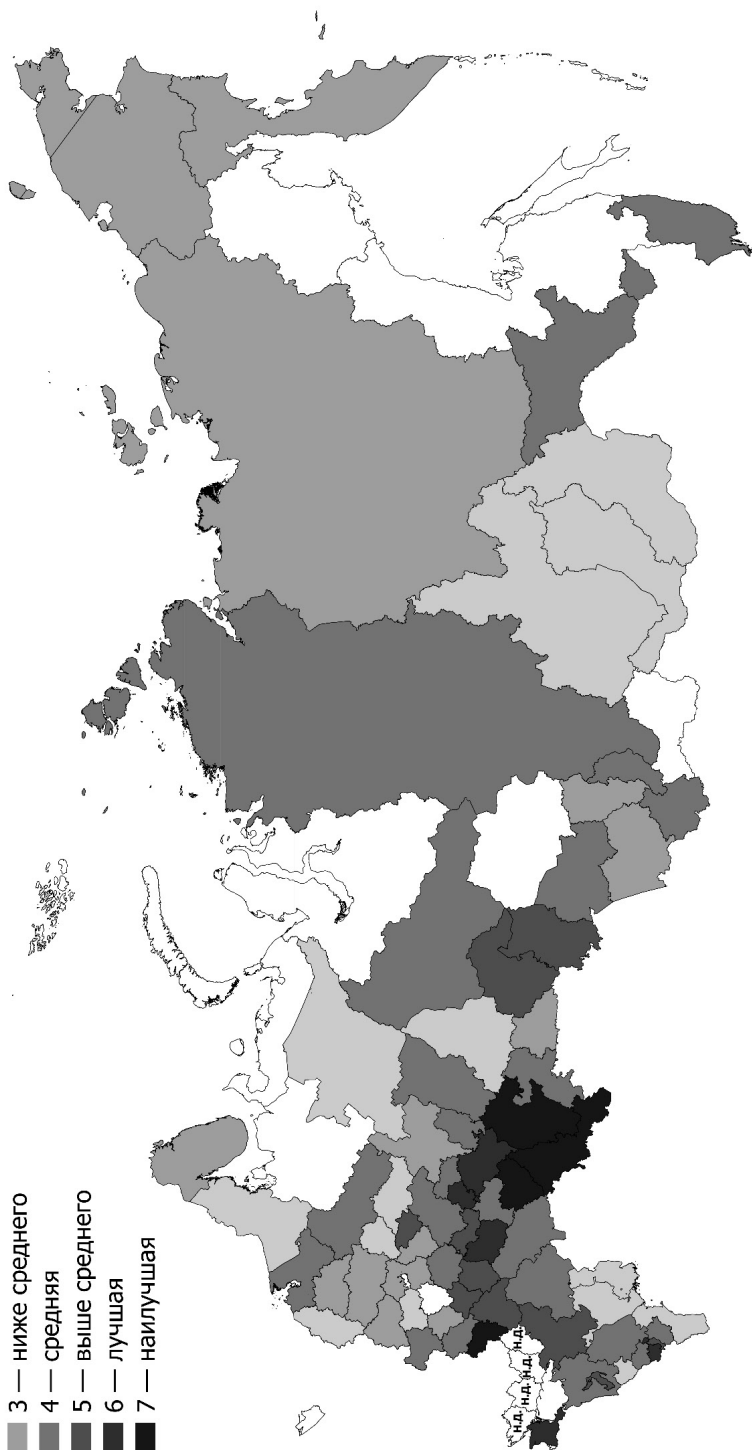

Рис 1. Группировка сельских территорий Российской Федерации по уровню инфраструктурного обеспечения, 2012–2023 годы
 Fig. 1. Grouping of rural areas of the Russian Federation by the level of infrastructure support, 2012–2023

Источник: расчёты авторов.

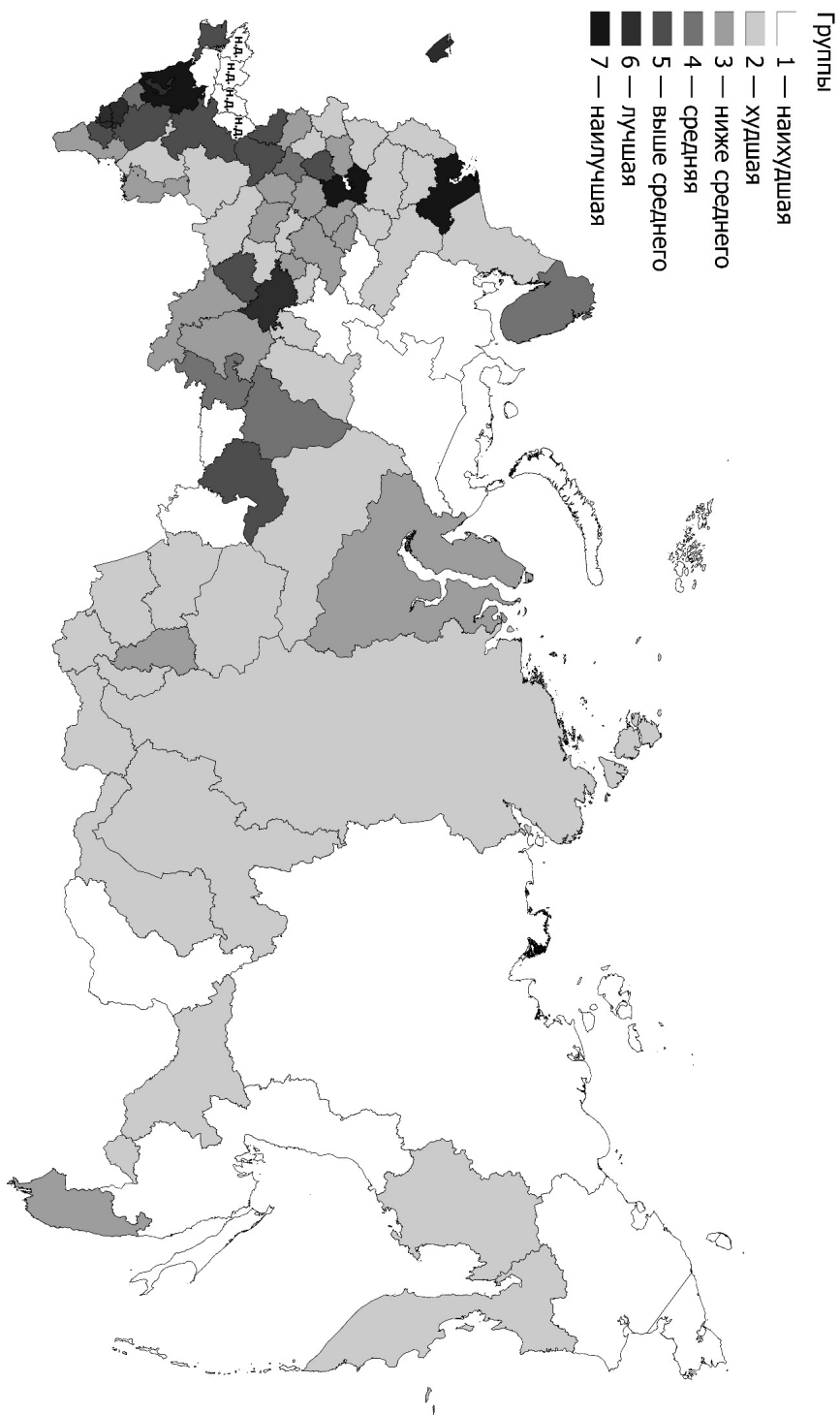

Рис 2. Группировка сельских территорий Российской Федерации по степени пространственной организации, 2012–2025 годы

Fig. 2. Grouping of rural areas of the Russian Federation by the degree of spatial organization, 2012–2025

Источник: расчёт авторов.

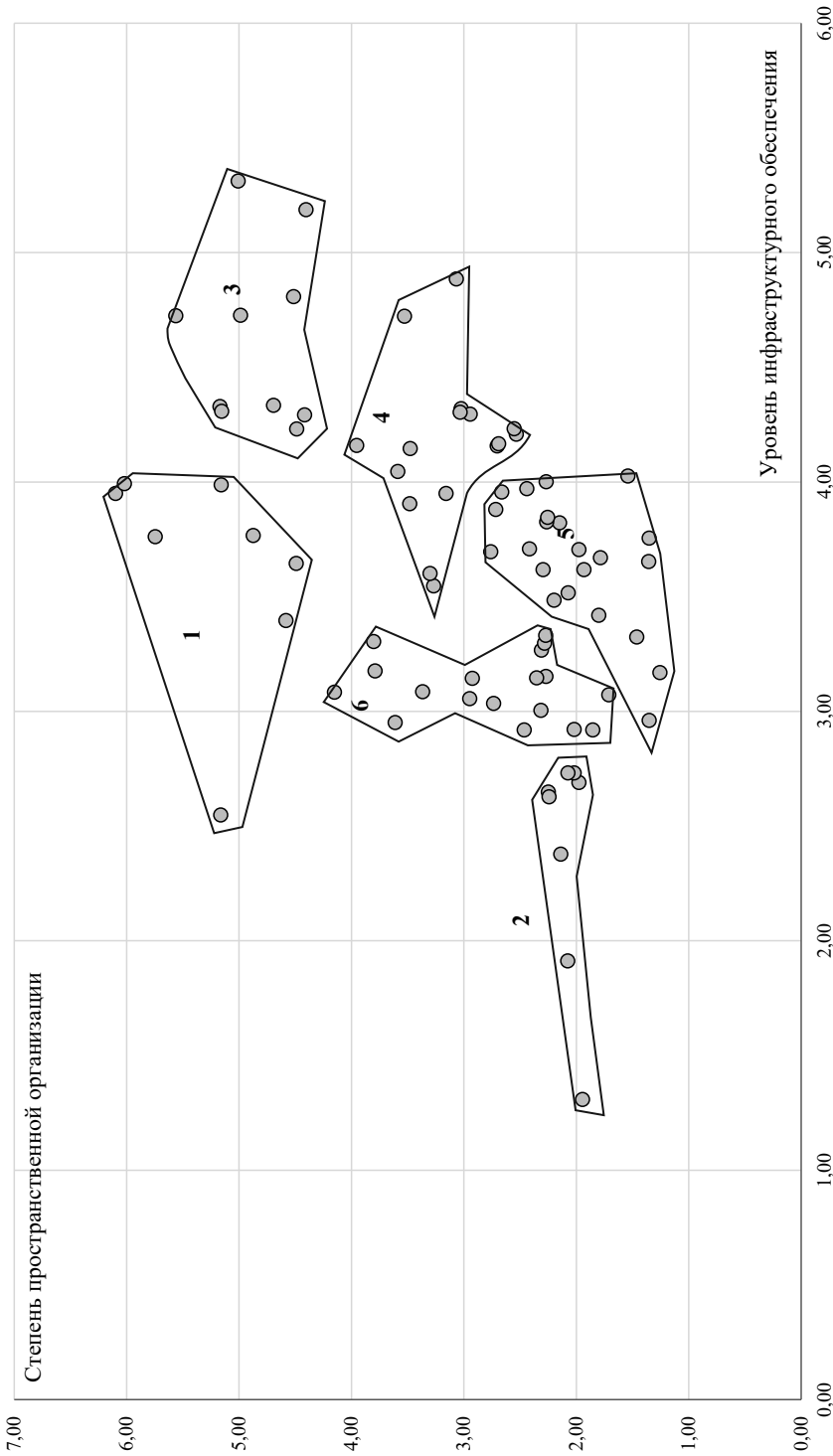

Рис. 3. Типизация сельских территорий по уровню инфраструктурного обеспечения и степени пространственной организации, 2012-2023 годы

Fig. 3. Typing of rural areas of regions by the level of infrastructure support and the degree of spatial organization, 2012-2023 years
 Источник: расчёт авторов.

онной деятельности. В инфраструктурном обеспечении можно выделить ухудшение ситуации в сфере здравоохранения, спорта и торговли при одновременном увеличении охвата детей дошкольным образованием.

Тип 3 — сельские территории с высокими и уровнем инфраструктурного обеспечения, и степенью пространственной организации (12,3% от общего количества регионов: республики Адыгея, Ингушетия, Крым, Северная Осетия — Алания, Татарстан и Чеченская, области Белгородская, Воронежская, Липецкая и Самарская). Сельское население данных регионов в значительной степени обеспечены услугами учреждений образования, спорта и торговли, а также сельским жилищным фондом со всеми необходимыми коммуникациями, что позволяет привлекать население за счёт создания необходимых условий для проживания. Пространственная организация этих территорий характеризуется высокой плотностью сельского населения, концентрацией сельских населённых пунктов и их связанностью дорогами.

Тип 4 — сельские территории со средне-высоким уровнем развития инфраструктуры и средне-низкой степенью пространственной организации (19,6% от общего количества регионов: республики Башкортостан, Мордовия, Удмуртская, Чувашская, области Брянская, Владимирская, Ивановская, Калужская, Курская, Нижегородская, Оренбургская, Орловская, Пензенская, Ростовская, Тамбовская и Челябинская). Инфраструктурное обеспечение регионов представлено развитой сетью учреждений лечебного и спортивного профиля, а также торгового обслуживания при одновременно недостаточном покрытии территории объектами дорожно-транспортной инфраструктуры, что приводит к миграционному оттоку населения. Диспропорции в сельской пространственной организации обусловлены, с одной стороны, высокой плотностью экономической деятельности, связанностью сельских населённых пунктов дорогами местного значения, а с другой — низкой плотностью инвестиций.

Тип 5 — сельские территории со средне-низким уровнем развития инфраструк-

туры и низкой степенью пространственной организации (26,8% от общего количества регионов: республики Марий Эл, Саха (Якутия) и Хакасия, края Пермский и Камчатский, АО Ненецкий, Чукотский и Ханты-Мансийский — Югра, области Архангельская, Волгоградская, Вологодская, Кировская, Костромская, Курганская, Омская, Псковская, Рязанская, Саратовская, Смоленская, Тверская, Ульяновская и Ярославская). В рассматриваемых субъектах наблюдается фрагментарность в формировании сельского пространства, что проявляется в низкой плотности населения из-за его миграционного оттока, снижении плотности экономической и инвестиционной деятельности. Обеспеченность сельского населения объектами социальной сферы и территории дорогами местного значения находятся на очень низком уровне, что не позволяет поддерживать необходимый уровень и качество жизни.

Тип 6 — сельские территории со средним уровнем развития инфраструктуры и средне-низкой степенью пространственной организации (21,9% от общего количества регионов: республики Алтай, Дагестан, Калмыкия, Карачаево-Черкесская, Коми, края Алтайский, Красноярский, Приморский и Хабаровский, Ямало-Ненецкий АО, Еврейская АО, области Амурская, Астраханская, Кемеровская Мурманская, Новгородская, Новосибирская и Свердловская). В инфраструктурном обеспечении выявлено существенное несоответствие, при котором наблюдаются увеличение охвата населения услугами образования, здравоохранения и торговли при одновременно низком оснащении жилищного фонда коммуникациями, а территорий — дорогами местного значения. В пространственной организации отмечаются средняя плотность населения и экономической деятельности, низкая концентрация сельских населённых пунктов и инвестиционной деятельности, значительная разрозненность в связанности сельских поселений дорогами с твердым покрытием (в типе присутствуют регионы как с максимальным, так и с минимальным количеством баллов).

Заключение

Проведённое исследование показало, что в РФ сохраняется существенная дифференциация инфраструктурного обеспечения в условиях пространственной неоднородности сельских территорий. По полученным результатам балльной оценки и кластерного анализа 82 регионов страны за период с 2012 по 2023 гг. были выявлены: 1) дисбаланс в инфраструктурном обеспечении сельских территорий по предоставлению необходимых услуг населению (образование, здравоохранение, спорт и торговля); 2) стягивание инфраструктурного обеспечения сельских территорий в Центральные и Южные части страны; 3) несоответствие развития транспортно-дорожной сети концентрации сельских населённых пунктов и плотности инве-

стиционной деятельности; 4) фрагментация сельского пространства по плотности населения вследствие обострения его миграционного перетока как в города (снижение наблюдалось только в период введения ограничительных мер COVID-19), так и на территории с более благоприятными природно-климатическими условиями.

Для сглаживания выявленных диспропорций и снижения пространственной дифференциации инфраструктурного обеспечения сельских территорий важно более тщательно подойти к обоснованию механизма и инструментов его реализации, которые должны быть направлены на реализацию ключевых направлений государственной политики сельского развития и обеспечения на территории необходимых уровня и качества жизни.

Литература и Интернет-источники

1. *Launhardt, W.* Die Bestimmung des zweckmässigsten Standortes einer gewerblichen Anlage / W. Launhardt // Zeitschrift des Vereines Deutscher Ingenieure. — 1882. — Bd. 26. — P. 106–115.
2. *Fujita, M.* Structural stability and evolution of urban systems / M. Fujita, T. Mori // Regional Science and Urban Economics. — 1996. — Vol. 27. — P. 399–442.
3. *Строев, П.В.* Влияние размещения экономических ресурсов на особенности пространственной организации России / П.В. Строев // Экономика региона. — 2023. — Т. 19. — № 4. — С. 949–963. DOI: 10.17059 / ekon.reg.2023-4-2; EDN: JPPZSU
4. *Шаталова, О.М.* Дифференциация экономического пространства РФ: структурный анализ на уровне макрорегионов. / О.М. Шаталова // Вестник Южно-Уральского государственного университета. Серия: Экономика и менеджмент. — 2022. — Т. 16. — № 2. — С. 55–63. DOI: 10.14529 / em220205; EDN: QESTWG
5. *Бондаренко, Л.В.* Социальная инфраструктура российского села: сегодня и завтра / Л.В. Бондаренко // Экономика, труд, управление в сельском хозяйстве. — 2024. — № 1. — С. 25–36. DOI: 10.33938 / 241-25; EDN PYVRAZ
6. *Котомина, М.А.* Социальная инфраструктура села в России: динамика, проблемы и пути решения / М.А. Котомина // Народонаселение. — 2025. — Т. 28. — № 1. — С. 127–137. DOI: 10.24412 / 1561-7785-2025-1-127-137; EDN: EROPKZ
7. *Лаврикова, Ю.Г.* Стратегирование пространственного развития и инфраструктурного обустройства территорий / Ю.Г. Лаврикова, С.Н. Котлярова, А.В. Суворова [и др.]. — Екатеринбург: Институт экономики Уральского отделения РАН, 2018. — 178 с. EDN: YNILFZ
8. *Маньшин Р.В.* Влияние инфраструктуры на размещение населения и развитие регионов России. / Р.В. Маньшин, Е.М. Моисеева // Экономика региона. — 2022. — Т. 18. — Вып. 3. — С. 727–741. DOI: 10.17059 / ekon.reg.2022-3-8; EDN: SRPJBR
9. *Кондратьев, Н.Д.* Проблемы экономической динамики. / Н.Д. Кондратьев — Москва : Экономика, 1989. — 523 с.
10. *Пилипенко, И.В.* Региональные приоритеты в модернизации инженерной инфраструктуры в сельской местности для повышения качества жизни населения (часть вторая) / И.В. Пилипенко, И.М. Шнейдерман // Народонаселение. — 2024. — Т. 27. — № 2. — С. 26–40 DOI: 10.24412 / 1561-7785-2024-2-26-40; EDN: EOQSCH

Сведения об авторах:

Меренкова Ирина Николаевна, д.э.н., проф., зав. отделом НИИ экономики и организации агропромышленного комплекса Центрально-Чернозёмного района – филиала Воронежского федерального аграрного научного центра имени В. В. Докучаева, Воронеж, Россия.

Контактная информация: e-mail: upr-nii@yandex.ru; ORCID: 0000-0002-8735-1860; ПИНЦ SPIN-код: 9781-2994.

Новикова Ирина Игоревна, к.э.н., ведущий научный сотрудник НИИ экономики и организации агропромышленного комплекса Центрально-Чернозёмного района – филиала Воронежского федерального аграрного научного центра имени В. В. Докучаева, Воронеж, Россия.

Контактная информация: e-mail: irinchic@mail.ru; ORCID: 0000-0003-4091-5064; ПИНЦ SPIN-код: 7217-2095.

DOI: 10.24412/1561-7785-2026-1-199-211

DIFFERENTIATION OF RURAL INFRASTRUCTURE SUPPORT IN RUSSIAN REGIONS

Irina N. Merenkova*, Irina I. Novikova

Research Institute of Economics and Organization of Agro-Industrial Complex of Central Black Earth Region – branch of Voronezh Federal Agricultural Scientific Center named after V. V. Dokuchaev (26a Serafimovicha str., Voronezh, Russia, 394042)

**E-mail: upr-nii@yandex.ru*

Funding:

The study was performed at the Research Institute of Economics and Organization of Agro-Industrial Complex of Central Black Earth Region – branch of Voronezh Federal Agricultural Scientific Center named after V. V. Dokuchaev under the State assignment.

For citation:

Merenkova I.N., Novikova I.I. Differentiation of rural infrastructure support in Russian regions. *Narodonaselenie [Population]*. 2026. Vol. 29. No. 1. P. 199-211. DOI: 10.24412/1561-7785-2026-1-199-211 (in Russ.)

Abstract. *The scientific hypothesis of the study is based on the assumption of the influence of spatial heterogeneity of rural areas on the differentiation of infrastructure provision in the context of complementary features. Despite the extensive list of works devoted to this problem, the issue of the relationship between spatial organization of rural areas and infrastructure provision has not been resolved, that limits the improvement of the quality of life of rural residents. Therefore, the main purpose of the article is to identify the impact of spatial differences on the distribution of infrastructure facilities across rural areas of the country in the context of macroregions (regions). A system of indicators was formed for 2012–2023 in two blocks: infrastructure provision and spatial organization, on the basis of which a comprehensive assessment was carried out for 82 regions of the country. The obtained results allowed us to identify 6 types of rural areas in Russian regions: in 8 regions (9.7% of the total number of regions), the degree of spatial organization exceeds the level of infrastructure provision, in 56 (68.4%) the opposite situation is observed, and in the remaining 18 (31.9%) they correspond to each other. To smooth out the identified imbalances, it is necessary to combine the efforts of authorities at all levels with involvement of state regulators aimed at implementing key areas of state policy for rural development, which will solve the problem of improving the quality of life of the population in rural areas.*

Keywords: *rural areas, infrastructure support, spatial organization, cluster analysis, macroregion, region.*

References and Internet sources

1. Launhardt W. Die Bestimmung des zweckmässigsten Standortes einer gewerblichen Anlage. *Zeitschrift des Vereines Deutscher Ingenieure*. 1882. Bd. 26. P. 106–115.
2. Fujita M., Mori T. Structural stability and evolution of urban systems. *Regional Science and Urban Economics*. 1996. Vol. 27. P. 399–442.
3. Stroev P. V. Vliyanije razmeshheniya ekonomicheskikh resursov na osobennosti prostranstvennoj organizatsii Rossii [Impact of the allocation of economic resources on the spatial organisation of the Russian economy]. *Ekonomika regiona [Economy of Regions]*. 2023. Vol. 19. No. 4. P. 949–963. (in Russ.)
4. Shatalova O. M. Differentsiatsiya ekonomicheskogo prostranstva RF: strukturnyj analiz na urovne makroregionov [Differentiation in the economic space of the Russian Federation: structural analysis at the level of macro-regions]. *Vestnik Yuzhno-Ural'skogo gosudarstvennogo universiteta. Ser.: Ekonomika i menedzhment [Bulletin of the South Ural State University. Ser. Economics and Management]*. 2022. Vol. 16. No. 2. P. 55–63. (in Russ.)
5. Bondarenko L. V. Sotsial'naya infrastruktura rossijskogo sela: segodnya i zavtra [Social infrastructure of the Russian village: today and tomorrow]. *Ekonomika, trud, upravlenije v sel'skom khozyajstve [Economy, Labor, Management in Agriculture]*. 2024. No. 1. P. 25–36. (in Russ.)
6. Kotomina M. A. Sotsial'naya infrastruktura sela v Rossii: dinamika, problemy i puti resheniya [Rural social services in Russia: dynamics, problems and solutions]. *Narodonaselenie [Population]*. 2025. Vol. 28. No. 1. P. 127–137. DOI: 10.24412/1561-7785-2025-1-127-137 (in Russ.)
7. Strategirovanije prostranstvennogo razvitiya i infrastruktornogo obustrojstva territorij [Strategizing Spatial Development and Infrastructural Arrangement of Territories]. Ed. Yu. G. Lavrikova. Ekaterinburg. Institut ekonomiki Ural'skogo otdeleniya RAN [Institute of Economics of the Ural Branch RAS]. 2018. 178 p. (in Russ.)
8. Manshin R. V., Moiseeva E. M. Vliyaniye infrastruktury na razmeshcheniye naseleniya i razvitiye regionov Rossii [Influence of infrastructure on population distribution and socio-economic development of Russian regions]. *Ekonomika regiona [Economy of Regions]*. 2022. Vol. 18. No. 3. P. 727–741. (in Russ.)
9. Kondratiev N. D. Problemy ekonomicheskoy dinamiki [Problems of Economic Dynamics]. Moscow. *Ekonomika [Economics]*. 1989. 523p. (in Russ.)
10. Pilipenko I. V., Schneiderman I. M. Regional'nyje prioritety v modernizatsii inzhenernoj infrastruktury v sel'skoj mestnosti dlya povysheniya kachestva zhizni naseleniya (chast' vtoraya) [Regional priorities in the utilities' infrastructure upgrading in rural areas for improving quality of life of the population (Part Two)]. *Narodonaselenie [Population]*. 2024. Vol. 27. No. 2. P. 26–40. (in Russ.)

Information about the authors:

Merenkova Irina Nikolaevna, Doctor of Economics, Professor, Head of Department, Research Institute of Economics and Organization of Agro-Industrial Complex of Central Black Earth Region – branch of Voronezh Federal Agricultural Scientific Center named after V. V. Dokuchaev, Voronezh, Russia.

Contact information: e-mail: upr-nii@yandex.ru; ORCID: 0000-0002-8735-1860, SPIN-code: 9781–2994.

Novikova Irina Igorevna, Candidate of Economics, Leading Researcher, Research Institute of Economics and Organization of Agro-Industrial Complex of Central Black Earth Region – branch of Voronezh Federal Agricultural Scientific Center named after V. V. Dokuchaev, Voronezh, Russia.

Contact information: e-mail: irinchic@mail.ru; ORCID: 0000-0003-4091-5064, SPIN-code: 7217–2095.

Статья поступила в редакцию 01.04.2025, утверждена 16.02.2026, опубликована 31.03.2026.

DOI: 10.24412/1561-7785-2026-1-212-228
EDN: WTDGIT

ВЗАИМОСВЯЗЬ ДИНАМИКИ ЧИСЛЕННОСТИ НАСЕЛЕНИЯ И РАЗВИТИЯ ЖИВОТНОВОДСТВА В СЕЛЬСКИХ РАЙОНАХ (НА ПРИМЕРЕ РЕСПУБЛИКИ ТАТАРСТАН)

Стерник С. Г.^{1,2,3}, Пилипенко И. В.^{4,5*}, Гареев И. Ф.⁶, Хурамшина А. З.⁷

¹Институт народнохозяйственного прогнозирования РАН
(117418, Россия, Москва, Нахимовский проспект, 47)

²Финансовый университет при Правительстве Российской Федерации
(125167, Москва, Ленинградский проспект, 49/2)

³Московский университет «Синергия»
(127015, Россия, Москва, Ленинградский проспект, 80Г)

⁴ИСЭПН ФНИСЦ РАН
(117218, Россия, Москва, Нахимовский проспект, 32)

⁵Санкт-Петербургский государственный университет
(199034, Россия, Санкт-Петербург, Менделеевская линия, 5)

⁶Казанский государственный архитектурно-строительный университет
(420043, Россия, Казань, ул. Зеленая, 1)

⁷Центр семьи и демографии Академии наук Республики Татарстан
(420111, Россия, Казань, ул. Лето-Булачная, 36А)

*E-mail: i-pilipenko@yandex.ru

Для цитирования:

Стерник С.Г., Пилипенко И.В., Гареев И.Ф., Хурамшина А.З. Взаимосвязь динамики численности населения и развития животноводства в сельских районах (на примере Республики Татарстан) // Народонаселение. – 2026. – Т. 29. – № 1. – С. 212-228. DOI: 10.24412 / 1561-7785-2026-1-212-228; EDN: WTDGIT

Аннотация. В статье рассматривается проблема убывания численности сельского населения Российской Федерации (РФ) и нахождения эффективных механизмов для её решения с использованием данных о развитии животноводства и динамике поголовья крупного рогатого скота (КРС) на примере Республики Татарстан (РТ), муниципальных районов и отдельных сельских населённых пунктов РТ. Работа основывается на проведённых в период с января 2024 г. по май 2025 г. полевых исследованиях в нескольких муниципальных районах РТ, а также на основе опыта авторских полевых исследований более чем в десяти сельских муниципальных районах РТ в предыдущие годы. В качестве основных показателей используются данные по всем 43 муниципальным районам РТ в период с 2008–2011 гг. по 2022–2024 гг. о динамике численности населения и поголовья КРС, рассчитанные авторами значения суммарного коэффициента рождаемости (СКР), показатели КРС на душу населения в сельской местности и коэффициенты корреляции между численностью сельского населения и поголовьем КРС. Составлена классификация муниципальных районов РТ, включающая четыре группы (районы-лидеры, районы Казанской агломерации, районы-аутсайдеры и остальные районы) по поголовью КРС и поголовью в расчёте на одного сельского жителя, что характеризует уровень развития

животноводства. Выявлена положительная взаимосвязь между устойчивостью численности сельского населения, динамикой поголовья КРС и уровнем рождаемости (показатель СКР), что подтверждается агрегированными значениями данных индикаторов для выделенных четырёх групп районов РТ. Показано, что для достижения устойчивости в численности населения в сельских поселениях необходимо, чтобы сельские жители имели возможность заниматься сельскохозяйственным производством, причём значительную роль в исследованных историях успеха играют крестьянские (фермерские) хозяйства и личные подсобные хозяйства. В свою очередь, их развитие во многом обуславливается эффективностью и адресностью государственных мер поддержки, наиболее востребованные из которых приведены в данной работе на основе результатов проведённого авторского полевого исследования.

Ключевые слова: Республика Татарстан, муниципальный район, суммарный коэффициент рождаемости, животноводство, крестьянское (фермерское) хозяйство, меры поддержки.

Введение

Исследования уровня социально-экономического развития регионов, городов, сельской местности и благосостояния населения в российской научной литературе зачастую осуществляются по укрупнённым показателям. Кроме того, не так часто проводятся полевые исследования на местах. Подобный подход не всегда позволяет выявить успешные практики государственного и муниципального управления, а также сбалансированные и эффективные формы жизнеустройства в отдельных населённых пунктах, которые могут быть масштабированы на региональном и федеральном уровнях.

Сельская местность РФ характеризуется устойчивым снижением населения с 1996 г.¹ что с учётом большой протяжённости страны и наличия 18 государственных соседей по сухопутным и морским границам может негативно сказаться на связанности её территории [см. также: 1]. При этом во второй половине XX в. сельское население характеризовалось более высоким общим показателем рождаемости, что позволяло поддерживать прирост населения в РСФСР до 1990-х гг. и смягчало отрицательную динамику естественного движения населения в РФ в 1990–2010-х годах. Однако, начиная с 2015 г., уровень рождаемости в сельской местности (на 1000 жителей) стал устойчиво более низким, чем в городах

и посёлках городского типа (пгт)², что объясняется все более высокой долей пожилых жителей на селе. При этом сегмент многоквартирных домов (МКД), доминирующих в городской местности, характеризуется устойчивой тенденцией по сокращению с 2002 г. средней площади квартир во вводимых МКД с 69,3 м² до 50,3 м² в 2023 г. и приобретением населением по ипотечным программам преимущественно студий, одно- и двухкомнатных квартир [2, с. 148–149], которые объективно ограничивают репродуктивные возможности семей. В то же время базовые характеристики индивидуальных домов, доминирующих в сельской местности, которые в среднем на 41% больше квартир по метражу и имеют в среднем на одну комнату больше [3, с. 163], предоставляют больше возможностей для рождения и воспитания детей. В связи с этим крайне актуальным является вопрос о поиске эффективных практик, реализуемых в сельской местности на местном уровне, о маркерах и условиях достижения благополучной ситуации с рождаемостью и численностью населения.

В рамках нашего исследования с целью обоснования направлений социально-экономического развития одного из муниципальных районов Республики Татарстан (РТ) была выявлена положительная связь между высоким поголовьем крупного рогатого скота (КРС) и стабильностью численно-

¹ Численность населения // Росстат, 2025. – URL: https://rosstat.gov.ru/storage/mediabank/popul_1897+.xlsx (дата обращения: 23.08.2025).

² Рождаемость, смертность и естественный прирост // Росстат, 2025. – URL: https://rosstat.gov.ru/storage/mediabank/demo21_2023.xlsx (дата обращения: 23.08.2025).

сти населения [4]. В данной работе мы проводим анализ эволюции показателя суммарного коэффициента рождаемости (СКР) и динамики КРС по всем муниципальным районам РТ. Такой анализ тем более важен в связи со включением в ноябре 2024 г. СКР под номером 3 в Перечень из 21 показателя для оценки эффективности деятельности губернаторов и исполнительных органов субъектов РФ, начиная с 2026 г.,³ а также ввиду принятия в декабре 2024 г. новой «Стратегии пространственного развития РФ на период до 2030 г. с прогнозом до 2036 г.», где в качестве основных приоритетов выделяются опорные населённые пункты⁴, являющиеся центром притяжения для окружающих их сельских территорий.

Краткая характеристика основных тенденций социально- экономического развития сельской местности Республики Татарстан

Для большей части РТ (как и в целом для Нечернозёмной зоны РФ) основной отраслью сельского хозяйства является животноводство, развивающееся параллельно с растениеводством, обеспечивающим в значительной степени кормовую базу для сельскохозяйственных животных. Одновременно со снижением численности сельского населения сокращение поголовья КРС стало одним из основных негативных явлений в сельских районах, что является результатом действия двух основных групп факторов — экономических и социальных. К экономическим факторам можно отнести: 1) низкие закупочные цены на молоко и мясо, а также высокие затраты на корма, ветеринарные услуги и содержание скота при государственном регулировании цен

на молочную продукцию, которые ограничивают эффективность животноводства как экономической деятельности; 2) недостаток (или отсутствие) субсидий (государственной поддержки) для сельскохозяйственных производителей, что приводит к снижению интереса к животноводству [5]; 3) ограниченный доступ к кредитам (заёмному финансированию) затрудняет как запуск новых производств, так и модернизацию и расширение действующих животноводческих хозяйств; 4) изменение потребительских предпочтений — снижение спроса на молоко и мясо как из-за роста цен, так и в силу роста интереса к вегетарианству и веганству; 5) изменение структуры сельского хозяйства — увеличение доли средств малой механизации и роботизации, что повышает эффективность и снижает потребность в кадрах; 6) смена видов деятельности — фермеры могут переключаться на выращивание более прибыльных культур или другие виды животноводства (птицеводство). К группе социальных факторов относятся: 1) миграция населения — отъезд молодежи из сельских районов в поисках лучших возможностей для самореализации, что приводит к уменьшению числа фермеров и, соответственно, поголовья КРС; 2) общее старение населения — увеличение доли пожилых людей среди фермеров приводит к снижению числа работающих на фермах и, следовательно, к уменьшению поголовья; 3) трансформация сельской местности из классического места производства продукции сельского хозяйства в дачные посёлки / посёлки с загородными домами для временного проживания (особенно вблизи крупных городов) [6, с. 365].

Наиболее пострадавшими от депопуляции в последние десятилетия являются муниципалитеты, характеризующиеся следующими особенностями [7, с. 55]: 1) находятся в отдалении от крупных городов и не граничат с городскими районами; 2) имеют меньшую численность населения; 3) не расположены вблизи основной транспортной инфраструктуры. Вместе с тем, результаты ряда российских [8–11] и зарубежных исследований [12, с. 334; 13, с. 8] указывают также и на обратную тен-

³ Указ Президента РФ от 28.11.2024 № 1014 «Об оценке эффективности деятельности высших должностных лиц субъектов РФ и деятельности исполнительных органов субъектов РФ». — URL: <http://publication.pravo.gov.ru/document/0001202411280003?ysclid=mevauquykq136493280&index=1> (дата обращения: 29.07.2025).

⁴ Стратегия пространственного развития РФ на период до 2030 года с прогнозом до 2036 года (утв. распоряжением Правительства РФ от 28.12.2024 № 4146-п). — URL: <http://static.government.ru/media/files/ttXJCZ4PNa7bmTrRgcuPwoIQA85YR91B.pdf> (дата обращения: 29.07.2025).

денцию — рурализацию жизни городского населения, при которой часть жителей переезжает из городов в сельскую местность. Это связано, во-первых, с необходимостью иметь больше жизненного пространства ввиду проживания многих горожан в тесных квартирах и с желанием возвратиться к земле / сельскохозяйственной деятельности для поддержания здоровья и обеспечения семьи экологически чистыми продуктами питания. Во-вторых, значительное влияние на увеличение проживающих в сельской местности городских жителей оказала пандемия COVID-19, в результате которой произошли серьёзные изменения на рынке труда — развитие дистанционной работы, самозанятости, платформенной занятости и т.п. [14, с. 118]. Соответственно, привлекательность проживания в сельской местности в таком формате постепенно увеличивается [15, с. 7332], на что также позитивно должно влиять развитие транспортной, социальной и инженерной инфраструктуры на селе [3; 16].

Таким образом, можно говорить о преобразовании сельских муниципалитетов, располагающихся вокруг крупных городов и основных транспортных сетей фактически в сельско-городские. Число таких районов и, соответственно, занимаемая ими площадь, в т.ч. на примере РТ, в последние десятилетия увеличивается, что не всегда находит своё отражение в административно-территориальном делении, социально-экономическом районировании и статистике — данные районы формально относятся к сельским, но в реальности их вклад в сельское хозяйство оказывается минимальным. Более того, показатели социально-экономического развития данных муниципалитетов могут привносить серьёзные искажения при анализе развития сельских территорий, и это в результате может помешать принять верные управленческие решения в части государственной политики пространственного развития страны.

Кроме того, рост численности населения в пригородных районах в рамках агломераций и в курортных зонах на текущий момент отличается преимущественно миграцией граждан старше трудоспособного

возраста [17, с. 100], что не помогает повышению рождаемости и полноценному развитию сельской экономики. Таким образом, население в сельской местности характеризуется повышенным уровнем демографической старости [18, с. 26], а старение собственно сельского населения, как показывают результаты проведённых нами полевых исследований, приводит к уменьшению числа или полному отсутствию преемников фермеров, что отрицательно сказывается на общих перспективах развития сельскохозяйственного производства.

Методика проведения исследования

Особенностью данной работы является изучение проблемы на нескольких иерархических уровнях: на уровне субъекта РФ — Республики Татарстан, на уровне муниципальных районов РТ [см. также: 1] и на уровне отдельных сельских поселений. Для проведения исследования задействованы данные по всем 43 муниципальным районам и двум городским округам (Казань и Набережные Челны) РТ. Наше полевое исследование предпроектного обоснования направлений социально-экономического развития муниципалитетов РТ было проведено с января 2024 г. по май 2025 года. В рамках экспертных опросов были организованы встречи с руководителями сельских поселений, фермерами и руководителями крестьянско-фермерских хозяйств (КФХ) в Черемшанском и Алькеевском районах РТ. Для определения степени развития переработки местного сырья в готовую продукцию были изучены особенности деятельности точек розничной продажи и специфика ведения торгово-ярмарочной деятельности в сельских поселениях.

В рамках камеральной части исследования нами использовалась статистика из базы данных показателей муниципальных образований РТ⁵ по индикаторам рождаемости, численности населения и поголовья КРС за период с 2008–2011 гг. по по-

⁵ Республика Татарстан. База данных показателей муниципальных образований (БД ПМО) // Росстат, 2025. — URL: <https://rosstat.gov.ru/dbscripts/munst/munst92/DBInet.cgi> 31557 (дата обращения: 29.08.2025).

следний имеющийся год в период 2022–2024 годов. В качестве начальной точки отсчёта для анализа 2008–2011 гг. были выбраны в связи со значительным влиянием, которое оказал глобальный финансовый кризис 2008 г. на экономику России в целом и сельскую местность, в частности, после периода быстрого экономического роста в 1999–2007 гг., а также в связи с ограничениями по имеющейся статистике.

В качестве основного показателя демографического состояния муниципальных образований был использован рассчитанный авторами на уровне муниципальных районов суммарный коэффициент рождаемости (СКР) как наиболее точно представляющий репродуктивное состояние населения индикатор, поскольку он в меньшей степени зависит от особенностей его половозрастной структуры и включён в «Перечень показателей для оценки эффективности деятельности губернаторов и исполнительных органов субъектов РФ».

Основные тенденции развития демографической ситуации и животноводства в Республике Татарстан в 2008–2024 годах

По интенсивности сельскохозяйственного производства (продукция сельского хозяйства в фактически действовавших ценах на одного сельского жителя⁶) РТ по состоянию на 2023 г. находилась среди лидеров — на 17 месте в списке из 85 регионов РФ, по которым имела статистика, с показателем в 311,4 тыс. рублей на человека, что на 34,9% было выше среднего по стране индикатора. Вместе с тем, в период 2008–2023 гг. развитие сельского хозяйства в РТ отличалось в целом более низкими темпами, чем в среднем по РФ (см. рис. 1)⁷.

⁶ Расчёты авторов по данным ЕМИСС: Продукция сельского хозяйства в фактически действовавших ценах (окончательные данные) // ЕМИСС, 2025. — URL: <https://www.fedstat.ru/indicator/43337>; Численность постоянного населения на 1 января // ЕМИСС, 2025. — URL: <https://www.fedstat.ru/indicator/31557> (дата обращения: 29.08.2025).

⁷ Индексы производства продукции сельского хозяйства (окончательные данные) с 2017 г. // ЕМИСС, 2025. — URL: <https://www.fedstat.ru/indicator/59001>; Индексы производства продукции сельского хозяйства (окончательные

Так, среднее значение ежегодного прироста сельскохозяйственного производства по стране в целом достигало 3,2%, тогда как в РТ прирост составил 2,4%. В свою очередь, в секторе животноводства в период 2008–2023 гг. средний по РФ прирост объема производства составил 1,9% ежегодно, а в РТ — 1,5%. При этом динамика сельскохозяйственного производства отличалась значительной волатильностью за счёт вклада сектора растениеводства, тогда как производство продукции животноводства характеризовалось инертностью (рис. 1).

По показателю поголовья КРС на одного сельского жителя РТ находится ещё выше, чем по интенсивности сельскохозяйственного производства — по состоянию на 2024 г. РТ занимала 8 место с показателем в 2,1 раза выше, чем в среднем по РФ (рис. 2)⁸. Необходимо отметить постепенное снижение значений поголовья КРС на одного сельского жителя в РТ с 1,16–1,19 в 2008–2012 гг. до 0,92 в 2024 г. Такая же тенденция характерна и для РФ в целом — снижение с уровня 0,53–0,55 до 0,44. Если же сравнивать показатели КРС на одного сельского жителя со значениями 1990 г., то для РФ снижение к 2008 г. составило 62,3%, а для РТ — 28,1%. К 2024 г. сокращение поголовья на душу населения в сельской местности достигло 70,0% для РФ и 43,3% для РТ, т.е. показатель сократился меньше, чем по стране в среднем, что может в т.ч. объясняться относительно меньшим количеством людей, выезжающих на заработки в городскую местность (современное отходничество) [19].

Что касается СКР (рис. 3), то в РТ средний суммарный коэффициент рождаемости (1,62) в период 2008–2024 гг. был выше среднего значения по РФ (1,57)⁹. При этом в период 2012–2016 гг., когда был зафиксированный позитивный эффект от вве-

данные) по 2016 г. // ЕМИСС, 2025. — URL: <https://www.fedstat.ru/indicator/59001> (дата обращения: 29.08.2025).

⁸ Поголовье скота и птицы в хозяйствах всех категорий // ЕМИСС, 2025. — URL: <https://www.fedstat.ru/indicator/31325> (дата обращения: 29.08.2025).

⁹ Суммарный коэффициент рождаемости // ЕМИСС, 2025. — URL: <https://www.fedstat.ru/indicator/31517> (дата обращения: 29.08.2025).

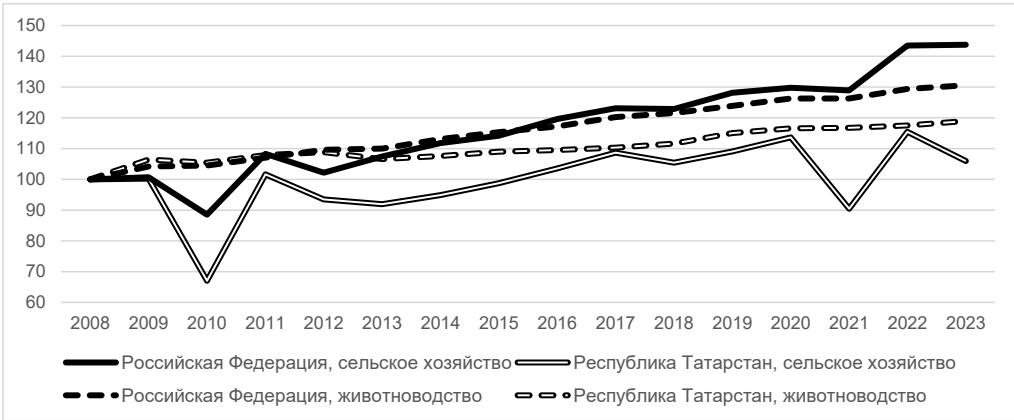

Рис. 1. Производство продукции сельского хозяйства и животноводства в 2008–2023 гг., 2008 г. = 100

Fig. 1. Dynamics of agricultural production and cattle breeding in 2008–2023, 2008 = 100

Источник: составлено авторами по данным Росстата из ЕМИСС.

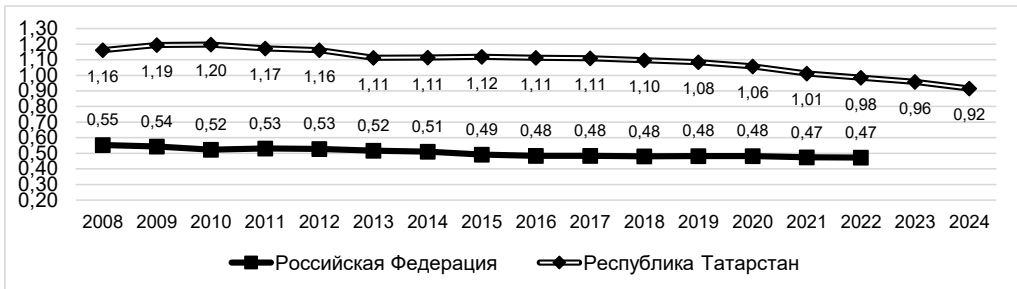

Рис. 2. Динамика поголовья КРС на сельского жителя в 2008–2024 гг., голов/человек

Fig. 2. Dynamics of the cattle population per one rural dweller, 2008–2024

Источник: составлено авторами по данным Росстата из ЕМИСС.

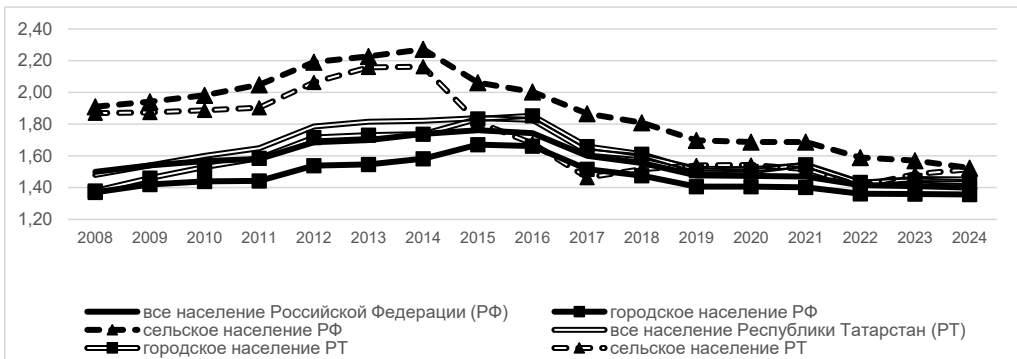

Рис. 3. Динамика показателя суммарного коэффициента рождаемости в 2008–2024 годах

Fig. 3. Dynamics of total fertility rate, 2008–2024

Источник: составлено авторами по данным Росстата из ЕМИСС.

дения материнского капитала за второго и последующих детей, показатель РТ достигал 1,79–1,83 при общероссийском значении показателя на уровне 1,69–1,74. Необходимо отметить, что в РТ, как и для РФ в целом, СКР для сельского населения в среднем был выше показателя для городских жителей — на 9,0% в 2008–2023 гг. в РТ и на 28,5% в среднем по РФ. Рекордный разрыв в значениях СКР между сельской и городской местностью был достигнут в Татарстане в 2008 г. (35,5%), а в целом по стране — в 2013 г. (44,0%). В то же время в РТ в течение 2015–2018 гг. и в 2021–2022 гг. СКР для сельского населения оказывался ниже показателя для городского населения, что может объясняться переездом людей в репродуктивном возрасте на постоянное место жительства из сельской в городскую местность.

Результаты исследования на уровне муниципальных районов РТ

С точки зрения системы расселения РТ включает 3 агломерации¹⁰, из которых Казанская является самой крупной по численности населения, включающей помимо Казани пять сельских прилегающих районов (Высокогорский, Верхнеуслонский, Пестрчинский, Зеленодольский и Лаишевский). Другие две агломерации формируются вокруг городов Набережные Челны, Нижнекамск и Елабуга (Камская полицентричная агломерация) и Альметьевск. В результате нашего полевого и камерального исследования [см. также: 4] мы составили классификацию муниципальных районов РТ из четырёх групп по поголовью КРС и поголовью в расчёте на одного сельского жителя, что характеризует уровень развития животноводства.

В группу районов-лидеров вошли 5 районов, компактно расположенных в северо-западной части РТ — Арский, Балтасинский, Кукморский, Сабинский и Мамадышский. В данных районах нами был выявлен ряд малых населённых пунктов (например, Вахитово в Кукморском районе) со стабиль-

ной демографической ситуацией и эффективным экономическим укладом (активное ведение местными жителями сельского хозяйства). В то же время концентрация указанных муниципальных районов в пространстве позволяет эффективно использовать механизмы сельскохозяйственной кооперации (прежде всего, в части использования средств механизации и подготовки кормовой базы) [5] и обмениваться опытом, что является классическим эффектом от образования пространственного кластера в агропромышленном комплексе.

Вторая группа состоит из упомянутых выше пяти муниципальных районов вокруг Казани (группа районов Казанской агломерации). В третью группу — районы-аутсайдеры по развитию животноводства — мы включили также пять районов (Агрызский, Камско-Устьинский, Черемшанский, Чистопольский и Муслимовский). Наконец, в четвертую группу (остальные районы РТ) вошли 28 муниципальных районов¹¹. Основные характеристики выделенных нами четырёх групп районов в динамике представлены на рис. 4, 5 и в табл. 1–3.

Большая часть периферийных сельских районов РТ теряет население более высокими темпами, чем этот процесс идёт в среднем по РТ (рис. 4, табл. 1). При общем уменьшении численности сельских жителей в РТ на 4,8% в 2009–2022 гг. и на 1,14% в 2009–2024 гг. население в группе районов-аутсайдеров сократилось на 17,7% в период 2009–2022 гг. и на 18,3% к 2024 году. В группе «остальных районов» сокращение составило, соответственно, 12,9% и 13,6%. Районы-лидеры продемонстрировали наивысшую устойчивость — снижение численности сельского населения составило 10,8% в 2009–2022 гг., а по итогам 2023–2024 гг. количество жителей на селе в пяти рассматриваемых районах немного увеличилось. Ос-

¹⁰ Стратегия социально-экономического развития Республики Татарстан до 2030 года (утв. законом Республики Татарстан от 17.06.2015 № 40-ЗРТ).

¹¹ Аксубаевский, Алькеевский, Актанышский, Алексеевский, Азнакаевский, Альметьевский, Апастовский, Атнинский, Бавлинский, Бугульминский, Буинский, Дрожжановский, Елабужский, Заинский, Кайбицкий, Спасский, Лениногорский, Менделеевский, Мензелинский, Нижнекамский, Новошешминский, Нурлатский, Рыбно-Слободской, Сармановский, Ютазинский, Тетюшский, Тюлячинский и Тукаевский районы.

новными бенефициарами стали районы Казанской агломерации, где численность населения увеличилась на 38,2% в 2009–2022 гг., и ещё на 18,0% в 2023–2024 годах.

Одновременно с этим, в целом по РТ поголовье КРС уменьшилось к 2022 г. по сравнению с 2008 г. на 17,7% или на 193 тыс. голов (рис. 5, табл. 1), и основной вклад в удельном измерении в данный показатель сделали как раз 5 районов-аутсайдеров (минус 71,3 тыс. голов КРС или сокращение

на 57,4%), тогда как в группе из 28 «остальных районов» сокращение в целом составило 131,2 тыс. голов (на 19,4%), а в районах Казанской агломерации — 38 тыс. голов (на 36,1%). В то же время в группе район-лидеров поголовье КРС, наоборот, увеличилось на 26,0% (на 47,6 тыс. голов) и достигло 25,6% от общего поголовья КРС в РТ при доле этих районов в общей численности сельского населения на уровне 14,8%.

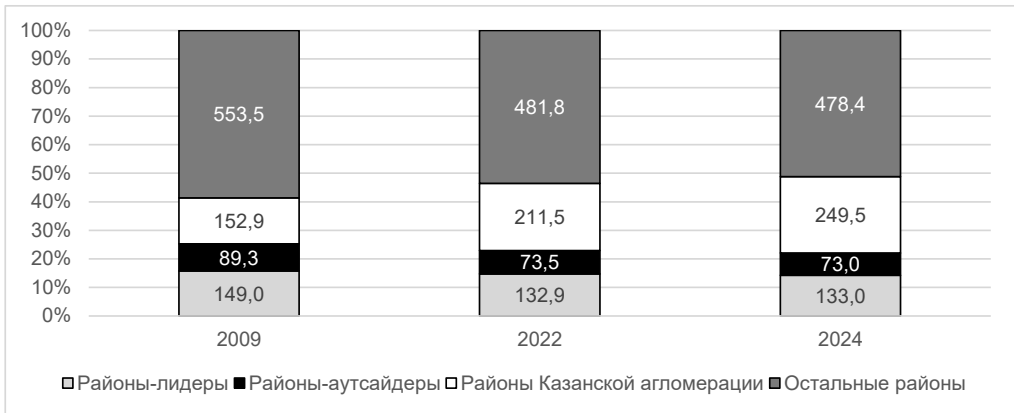

Рис. 4. Численность сельского населения в выделенных группах районов Республики Татарстан в 2009, 2022 и 2024 годах

Fig. 4. Rural population in the identified groups of districts of the Republic of Tatarstan in 2009, 2022 and 2024

Источник: рассчитано и составлено авторами по данным Росстата из БД ПМО.

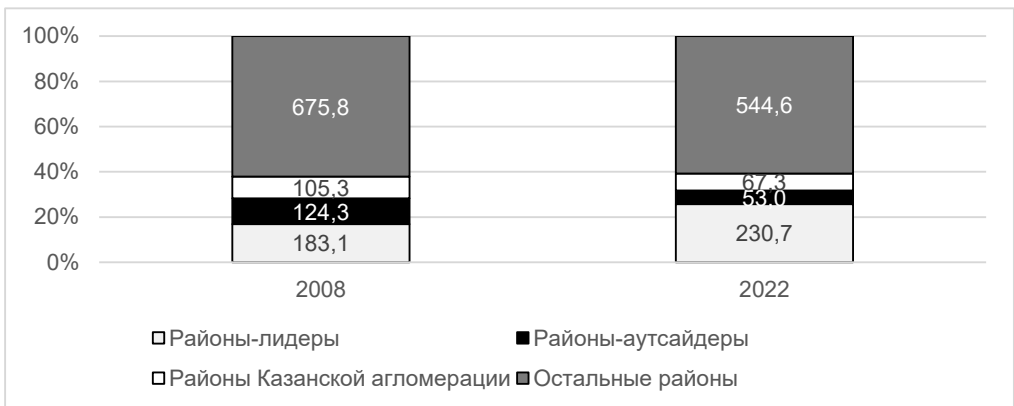

Рис. 5. Поголовье КРС в выделенных группах районов РТ в 2008 и 2022 годах

Fig. 5. Cattle population in the identified groups of districts of the Republic of Tatarstan in 2008 and 2022

Источник: рассчитано и составлено авторами по данным Росстата из БД ПМО.

Таблица 1

Динамика средних рангов выделенных групп районов Республики Татарстан по численности сельского населения, поголовья крупного рогатого скота и значений коэффициентов корреляции по 43 районам, 2009–2022 гг.

Table 1

Dynamics of average rankings of identified groups from 43 districts of the Republic of Tatarstan by rural population, cattle population and values of correlation coefficients in 2009–2022

Средние ранги групп районов по численности сельского населения							
	2009	2010	2011	2012	2013	2014	2015
Районы-лидеры	9,6	9,6	9,0	9,0	9,6	9,6	9,4
Районы-аутсайдеры	26,6	26,6	27,4	26,8	26,6	26,8	27,0
Районы Казанской агломерации	10,6	10,6	10,2	10,2	9,6	9,2	9,2
Остальные районы	25,4	25,4	25,5	25,6	25,6	25,6	25,6
	2016	2017	2018	2019	2020	2021	2022
Районы-лидеры	9,4	9,8	9,8	9,8	9,8	9,8	9,8
Районы-аутсайдеры	27,0	27,0	26,8	26,8	26,8	26,8	26,8
Районы Казанской агломерации	9,0	8,6	8,0	8,2	7,8	7,6	7,4
Остальные районы	25,7	25,7	25,8	25,8	25,9	25,9	25,9
Средние ранги групп районов по поголовью крупного рогатого скота							
	2009	2010	2011	2012	2013	2014	2015
Районы-лидеры	7,2	6,4	6,0	4,8	5,0	4,8	5,0
Районы-аутсайдеры	21,8	19,8	20,4	22,0	26,4	26,4	26,4
Районы Казанской агломерации	23,6	21,6	23,0	29,2	29,0	29,2	30,2
Остальные районы	24,4	25,3	25,0	23,8	23,0	23,0	22,8
	2016	2017	2018	2019	2020	2021	2022
Районы-лидеры	4,8	4,6	4,2	4,4	4,2	3,6	3,8
Районы-аутсайдеры	28,4	29,4	31,8	32,2	31,2	32,6	33,4
Районы Казанской агломерации	29,0	28,8	28,2	29,4	29,4	29,2	29,2
Остальные районы	22,7	22,6	22,3	22,0	22,2	22,1	21,9
Коэффициенты корреляции между численностью сельского населения и поголовьем КРС по 43 районам							
	2009	2010	2011	2012	2013	2014	2015
Коэффициент корреляции Пирсона, среднее значение = 0,31	0,32	0,30	0,33	0,48	0,43	0,40	0,35
Коэффициент ранговой корреляции Спирмена, среднее значение = 0,41	0,38	0,37	0,37	0,50	0,49	0,47	0,40
	2016	2017	2018	2019	2020	2021	2022
Коэффициент корреляции Пирсона, среднее значение = 0,31	0,35	0,33	0,32	0,27	0,23	0,22	0,18
Коэффициент ранговой корреляции Спирмена, среднее значение = 0,41	0,41	0,40	0,43	0,37	0,36	0,39	0,36

Источник: рассчитано и составлено авторами по данным Росстата из БД ПМО.

В целом корреляция между численностью сельского населения и поголовьем КРС по всем 43 муниципальным районам РТ (за исключением двух городских округов) в период 2009–2022 гг. составила 0,31 по коэффициенту корреляции Пирсона и 0,41 по коэффициенту ранговой корреля-

ции Спирмена, что говорит об умеренной положительной взаимосвязи (табл. 1). При этом по среднему показателю КРС на одного сельского жителя в течение 2009–2022 гг. (1,33) группа районов-лидеров на 24,1% опережала группу районов-аутсайдеров (1,07), на 14,7% — группу «остальных райо-

Таблица 2

**Динамика поголовья крупного рогатого скота на одного сельского жителя
в выделенных группах районов Республики Татарстан, 2009–2022 гг.**

Table 2

Dynamics of cattle population per one rural dweller in identified groups
of districts of the Republic of Tatarstan in 2009–2022

	2009	2010	2011	2012	2013	2014	2015	2016
Районы-лидеры	0,84	0,87	0,91	1,33	1,28	1,32	1,34	1,38
Районы-аутсайдеры	0,82	0,86	0,82	1,42	1,28	1,29	1,30	1,26
Районы Казанской агломерации	0,45	0,49	0,45	0,67	0,62	0,59	0,57	0,57
Остальные районы	0,70	0,66	0,65	1,30	1,28	1,29	1,31	1,31
	2017	2018	2019	2020	2021	2022	Среднее значение	
Районы-лидеры	1,42	1,45	1,54	1,61	1,67	1,75	1,33	
Районы-аутсайдеры	1,24	1,11	1,06	1,03	0,83	0,73	1,07	
Районы Казанской агломерации	0,55	0,53	0,46	0,42	0,38	0,35	0,51	
Остальные районы	1,32	1,33	1,33	1,30	1,26	1,25	1,16	

Источник: рассчитано и составлено авторами по данным Росстата из БД ПМО.

Таблица 3

Динамика СКР в выделенных группах районов РТ, 2011–2023 гг.

Table 3

Dynamics of total fertility rate in identified groups of districts of the Republic of Tatarstan in 2011–2023

	2011	2012	2013	2014	2015	2016	2017
Районы-лидеры	1,92	2,16	2,31	2,29	2,20	1,92	1,78
Районы-аутсайдеры	1,92	2,08	2,23	2,18	1,87	1,76	1,62
Районы Казанской агломерации	1,63	1,94	2,15	2,26	2,01	1,90	1,74
Остальные районы	1,77	1,93	2,03	2,04	1,88	1,76	1,51
	2018	2019	2020	2021	2022	2023	Средн. СКР
Районы-лидеры	1,84	1,84	1,92	1,78	1,56	1,67	1,94
Районы-аутсайдеры	1,62	1,50	1,49	1,42	1,32	1,28	1,71
Районы Казанской агломерации	1,76	1,71	1,73	1,70	1,52	1,46	1,81
Остальные районы	1,55	1,52	1,51	1,43	1,33	1,30	1,66

Источник: рассчитано и составлено авторами по данным Росстата из БД ПМО.

нов» и в 2,6 раза — районы Казанской агломерации (табл. 2).

Как показали наши расчёты СКР для 43 муниципальных районов РТ (табл. 3), группа районов-лидеров по поголовью КРС характеризовалась в среднем и самыми высокими показателями СКР в период 2011–2023 гг. (1,94), тогда как в районах Казанской агломерации среднее значение СКР составляло 1,81, в районах-аутсайдерах по развитию животноводства — 1,71, а в группе «остальных районов» — 1,66. При этом в период 2019–2023 гг. значения СКР у групп районов-аутсайдеров и «остальных

районов» практически сравнялись, а показатель группы районов-лидеров был стабильно на 15–30% выше. Таким образом, наблюдается положительная взаимосвязь между, с одной стороны, поголовьем КРС в абсолютном и относительном (на одного сельского жителя) выражении и, с другой стороны — стабильностью сельского населения и уровнем рождаемости, измеренного посредством расчёта значений СКР.

Следует также отметить, что в районах Казанской агломерации (Верхнеуслонский, Зеленодольский и Лаишевский) с высокой интенсивностью жилищного строитель-

ства значения СКР оказываются даже более низкими (1,19–1,34 в 2022–2023 гг.), чем в периферийных районах, то есть рост численности населения в этих районах достигается преимущественно ввиду миграции из других районов, а не благодаря созданию семей на новом месте. Одновременно с этим в рамках Казанской агломерации высокие значения СКР наблюдаются в Пестречинском и Высокогорском районах, и объясняется это следующими причинами. Пестречинский район является одним из районов-лидеров по строительству жилья малой и средней этажности, преимущественно эконом-класса, что обуславливает спрос со стороны молодых семей, которые как раз и демонстрируют активное демографическое поведение. Ситуация в Высокогорском районе схожа в части массового строительства жилья эконом-класса, хотя объемы строительства там заметно ниже [6, с. 350]. Поэтому для приобретение первого собственного жилья данные районы рассматривает всё большее число молодых семей, а также граждане, переезжающие из отдалённых районов РТ.

В выделенной нами группе районов-лидеров в РТ наблюдается достаточно сбалансированное развитие животноводства в ЛПХ и КФХ, с одной стороны, и в сельскохозяйственных предприятиях, с другой стороны. Так, доля КРС в ЛПХ и КФХ составляла в 2008–2022 гг. в среднем 40,0% в Кукморском, 33,3% в Арском, 31,6% в Мамадышском, 31,5% в Балтасинском и 30,0% в Сабинском районах. В то же время в группе «остальных районов» со снижением численности населения имеется несколько примеров развития сектора животноводства с повышенной долей КРС у населения и КФХ. Так, в Спасском районе она составляла в среднем 61,5%, в Дрожжановском районе 57,9%, в Рыбно-Слободском районе — 49,3%, а в Аксубаевском районе — 46,6%. В целом поголовье КРС в ЛПХ и КФХ отличается большей стабильностью, что является подтверждением наличия постоянно проживающего в сельской местности населения. Как правило малые формы хозяйствования ха-

рактеризуются меньшей зависимостью от конъюнктурных изменений на рынке и крупных потрясений в финансово-кредитной сфере.

Обсуждение результатов и заключение

По результатам исследования нами выявлена положительная взаимосвязь между демографическими показателями в сельской местности и развитием животноводства, выраженном в поголовье КРС. На устойчивое развитие рассмотренных нами сельских населённых пунктов и муниципальных районов в РТ повлияли следующие основные факторы: 1) традиционная модель жизнеустройства семьи, предусматривающая семейные ценности, которые передаются из поколения в поколение; 2) трудовые традиции, которые формируют положительное отношение к труду как к ценному и значимому занятию; 3) активная государственная поддержка сельского хозяйства посредством субсидирования животноводства; 4) развитие перерабатывающих мощностей и розничной торговли местной продукцией посредством в том числе высокой степени кооперации, что повысило рентабельность и доходы производителей [20, с. 114]; 5) ориентация сельского хозяйства на собственные подворья и хозяйства, что сделало мужскую часть населения невосприимчивой к наёмному труду в рамках инфраструктурных проектов или к отходничеству.

В целом влияние крупнейших агрохолдингов, средних и крупных хозяйств на рынок труда на сельских территориях, как показали наши полевые исследования — неоднозначно. Такие предприятия оказывают положительное влияние в случае создания новых рабочих мест для местных жителей и повышения общей эффективности сельскохозяйственной деятельности (повышение производительности труда). С другой стороны, развитие крупных хозяйств может приводить также и к общему снижению активности на рынке труда, сокращению спроса на рабочую силу и, как следствие, занятости в сельском хозяйстве [21, с. 348].

Между тем, как показало наше исследование, устойчивости в численности сельского населения можно достичь только в том случае, если сельские жители заняты полноценным сельскохозяйственным трудом в месте своего проживания [см. также: 22], что отражается, в первую очередь, в абсолютных и удельных показателях численности поголовья КРС. В иных случаях жителям в репродуктивном возрасте и молодым семьям в связи с ограниченными возможностями на селе выгоднее мигрировать либо напрямую в крупные города, либо в сельские районы вокруг городов, откуда удобно ездить на работу в центры городских агломераций.

В связи с этим ключевую роль должна играть адресная государственная поддержка сельского хозяйства, к наиболее эффективным формам которой по результатам нашего исследования можно отнести гранты и субсидии: 1) на развитие семейных ферм

крестьянским (фермерским) хозяйствам; 2) на содержание маточного товарного поголовья КРС мясных пород; 3) на возмещение затрат по производству КРС, направленного на убой на собственную переработку и (или) реализованного на убой перерабатывающим организациям; 4) на приобретение племенных нетелей молочного направления. Кроме того, важную роль играет качество жилья [23, с. 116] и обеспеченность сельских населённых пунктов транспортной, инженерной и социальной инфраструктурой для того, чтобы сельские жители не чувствовали себя ущемлёнными по сравнению с возможностями, которые имеют городские жители [3; 4]. Наличие указанных элементов инфраструктуры, в свою очередь, будет обуславливать и сбалансированное развитие рынка жилья в сельской местности, что также повысит привлекательность проживания в сельских населённых пунктах.

Литература и Интернет-источники

1. **Симагин, Ю. А.** Динамика численности населения как показатель устойчивого развития сельских территорий России / Ю. А. Симагин // Аналитический вестник Совета Федерации Федерального Собрания Российской Федерации. — 2019. — № 5(719). — С. 39–44. EDN: UTSZVP
2. **Пилипенко, И. В.** Жилищное строительство в России за 100 лет: динамика, итоги и социально-экономические проблемы / И. В. Пилипенко // Вопросы экономики. — 2025. — № 1. — С. 134–158. DOI: 10.32609/0042-8736-2025-1-134-158; EDN: GZDMUC
3. **Локосов, В. В.** Малоэтажное жилье как приоритет в повышении жилищной обеспеченности российских семей / В. В. Локосов, И. В. Пилипенко, И. М. Шнейдерман // Народонаселение. — 2024. — Т. 27. — № S1. — С. 161–176. DOI: 10.24412/1561-7785-2024-S1-161-176; EDN: EYULIA
4. **Стерник, С. Г.** Взаимосвязь изменений на рынке жилищного строительства и депопуляции населения в сельских районах / С. Г. Стерник, И. Ф. Гареев, А. З. Хурамшина, И. В. Пилипенко // Жилищные стратегии. — 2025. — Т. 12. — № 2. — С. 221–246. DOI: 10.18334/zhs.12.2.122885; EDN: QXPMKT
5. **Ярлыкапов, А. Б.** Проблемы развития кооперации и интеграции в молочно-продуктовом подкомплексе АПК / А. Б. Ярлыкапов, Н. Н. Миронова, А. Н. Анищенко // Экономика и управление: проблемы, решения. 2019. — Т. 1. — № 1. С. 40–49. EDN: PPDFRT
6. **Еременко, М. М.** Исследование взаимосвязей жилищного строительства и устойчивого развития территорий / М. М. Еременко, И. Ф. Гареев // Жилищные стратегии. — 2019. — Т. 6. — № 3. — С. 333–376. DOI: 10.18334/zhs.6.3.41188; EDN: ZPQYVK
7. **Гневашева, В. А.** Демографический доклад — 2024. Динамика демографических показателей в муниципальных образованиях Республики Татарстан / В. А. Гневашева, Ф. Т. Талибова, Ю. Р. Хайруллина, А. З. Хурамшина. — Казань : Изд-во Академии наук РТ, 2024. — 72 с.
8. **Махрова, А. Г.** Московская область сегодня и завтра: тенденции и перспективы пространственного развития / А. Г. Махрова, Т. Г. Нефедова, А. И. Трейвиш. — Москва : Новый хронограф, 2008. — 343 с. EDN: QSWXKF

9. **Нефедова, Т. Г.** Десять актуальных вопросов о сельской России: ответы географа / Т. Г. Нефедова. — Москва : URSS, 2013. — 452 с. EDN: TLDPGP
10. **Никулина, Ю. Н.** Альтернативная сельская занятость и её связь с возвратной миграцией горожан / Ю. Н. Никулина, В. А. Арефьева, В. А. Сарайкин // Народонаселение. — 2022. — Т. 25. — № 1. — С. 118–128. DOI: 10.19181/population.2022.25.1.10; EDN: SAJEFP
11. **Журавлева, Е. К.** Опорные точки многодетности в условиях трансформации современной России / Е. К. Журавлева, О. А. Копцева // Народонаселение. — 2024. — Т. 27. — № S1. — С. 28–37. DOI: 10.24412/1561-7785-2024-S1-28-37; EDN: PABRMG
12. **González-Leonardo, M.** Rural revival? The rise in internal migration to rural areas during the COVID-19 pandemic. Who moved and where? / M. González-Leonardo, F. Rowe, A. Fresolone-Caparrós // Journal of Rural Studies. — 2022. — Vol. 96. — P. 332–342. DOI: 10.1016/j.jrurstud.2022.11.006
13. **Álvarez-Montoya, J. M.** Newcomers and rural crisis: Beyond the demographic challenge. A case study in Andalusia (Spain) / J. M. Álvarez-Montoya, E. Ruiz-Ballesteros // Journal of Rural Studies. — 2024. — Vol. 108. — Art. 103292. DOI: 10.1016/j.jrurstud.2024.103292
14. **Никулина, Ю. Н.** Зависимость численности сельского населения от уровня развития сельского хозяйства: анализ панельных данных Ленинградской области / Ю. Н. Никулина, Т. В. Юрченко, В. Н. Суворцев // Народонаселение. — 2021. — Т. 24. — № 1. — С. 90–102. DOI: 10.19181/population.2021.24.1.9; EDN: LMSDFV
15. **Ягодина, Н. В.** Демография сельских агломераций Омской области: от анализа к стратегии социально-экономического развития / Н. В. Ягодина, А. А. Ремизова // Экономика, предпринимательство и право. — 2024. — Т. 14. — № 12. — С. 7329–7348. DOI: 10.18334/epp.14.12.122272; EDN: SYCJLL
16. **Пилипенко, И. В.** Региональные приоритеты в модернизации инженерной инфраструктуры в сельской местности для повышения качества жизни населения (часть вторая) / И. В. Пилипенко, И. М. Шнейдерман // Народонаселение. — 2024. — Т. 27. — № 2. — С. 26–40. DOI: 10.24412/1561-7785-2024-2-26-40; EDN: EOQSCH
17. **Сметанко, А. В.** Оценка и влияние демографической политики на устойчивое развитие сельскохозяйственных территорий Республики Крым / А. В. Сметанко, Ж. А. Богданова, Е. В. Богданов // Ученые записки Крымского федерального университета имени В. И. Вернадского. Экономика и управление. — 2024. — Т. 10. — № 2. — С. 92–104. EDN: PWSOOC
18. **Ягудин, Р. Х.** Демография и основные показатели здоровья сельского населения Республики Татарстан / Р. Х. Ягудин, Л. И. Рыбкин // Сборники конференций НИЦ Социосфера. — 2012. — № 18. — С. 21–34. EDN: PCEMDD
19. **Плюснин, Ю. М.** Неформальная экономика российской провинции. Источники ресурсов и виды промысловых практик домохозяйств / Ю. М. Плюснин // Журнал социологии и социальной антропологии. — 2022. — Т. 25. — № 3. — С. 58–90. DOI: 10.31119/jssa.2022.25.3.3; EDN: SOJOKM
20. **Шаров, С. Ю.** Ресурсы развития сельского расселения в современной России / С. Ю. Шаров // Народонаселение. — 2020. — Т. 23. — № 3. — С. 109–118. DOI: 10.19181/population.2020.23.3.10; EDN: MVWREI
21. **Чекмарев, О. П.** Влияние агрохолдингов на состояние рынка труда сельских территорий: региональная дифференциация / О. П. Чекмарев, П. М. Лукичев, П. А. Конев // Продовольственная политика и безопасность. — 2024. — Т. 11. — № 2. — С. 335–352. DOI: 10.18334/prpb.11.2.120837; EDN: GTEQRV
22. **Пацюрковский, В. В.** Новые технологии в модернизации российских домохозяйств / В. В. Пацюрковский // Россия и современный мир. — 2015. — № 2(87). — С. 144–156. EDN: UKJRBR
23. **Сироткин, В. А.** Влияние демографии на формирование цены первичной недвижимости / В. А. Сироткин, А. В. Скорин, А. Э. Романова // Жилищные стратегии. — 2019. — Т. 6. — № 1. — С. 109–124. DOI: 10.18334/zhs.6.1.40590; EDN: KCSODN

Сведения об авторах:

Стерник Сергей Геннадьевич, д.э.н., проф., ведущий научный сотрудник, Институт народнохозяйственного прогнозирования РАН; проф., Финансовый университет при Правительстве Российской Федерации; проф., Московский университет «Синергия», Москва, Россия.

Контактная информация: e-mail: sergey-sternik@yandex.ru; ORCID: 0000-0003-1411-1011; РИНЦ SPIN-код: 2930–4020.

Пилипенко Игорь Валерьевич, к.геогр.н., МРА, зав. лабораторией, ИСЭПН ФНИСЦ РАН, Москва; ведущий научный сотрудник, Институт истории, СПбГУ, Санкт-Петербург, Россия.

Контактная информация: e-mail: i-pilipenko@yandex.ru; ORCID: 0000-0002-8108-7253; РИНЦ SPIN-код: 1304–8386.

Гареев Ильнур Фаилевич, к.э.н., доцент, доцент, Казанский государственный архитектурно-строительный университет, Казань, Россия.

Контактная информация: e-mail: igareev@mail.ru; ORCID: 0000-0002-7993-9111; РИНЦ SPIN-код: 9619–4284.

Хурамшина Айгюль Зуфаровна, к.социол.н., директор Центра семьи и демографии Академии наук Республики Татарстан, Казань, Россия.

Контактная информация: e-mail: aigulsuf@mail.ru; ORCID: 0000-0002-8384-0616; РИНЦ SPIN-код: 4170–8961.

DOI: 10.24412/1561-7785-2026-1-212-228

INTERRELATION BETWEEN THE POPULATION DYNAMICS AND ANIMAL HUSBANDRY DEVELOPMENT IN RURAL DISTRICTS (THE CASE OF THE REPUBLIC OF TATARSTAN)

**Sergey G. Sternik^{1,2,3}, Igor V. Pilipenko^{4,5*},
Inur F. Gareev⁶, Aygyul Z. Khuramshina⁷**

¹*Institute of Economic Forecasting RAS*

(47 Nakhimovsky prospect, Moscow, Russia, 117418)

²*Financial University under the Government of the Russian Federation*

(49/2 Leningradsky prospect, Moscow, Russia, 125167)

³*Moscow University «Synergy»*

(80G Leningradsky prospect, Moscow, Russia, 127015)

⁴*ISESP FCTAS RAS*

(32 Nakhimovsky prospect, Moscow, Russia, 117218)

⁵*Saint Petersburg State University*

(5, Mendeleevskaya Line, Saint Petersburg, Russia, 199034)

⁶*Kazan State University of Architecture and Engineering*

(1 Zelenaya str., Kazan, Russia, 1420043)

⁷*Center for Family and Demographic Studies of the Tatarstan Academy of Sciences*

(36A Levo-Bulachnaya str., Kazan, Russia, 420111)

**E-mail: i-pilipenko@yandex.ru*

For citation:

Sternik S.G., Pilipenko I.V., Gareev I.F., Khuramshina A.Z. Interrelation between the population dynamics and animal husbandry development in rural districts (the case of the Republic of Tatarstan). *Narodonaselenie [Population]*. 2026. Vol. 29. No. 1. P. 212-228. DOI: 10.24412/1561-7785-2026-1-212-228 (in Russ.)

Abstract. *The article considers the problem of diminishing rural population in the Russian Federation and finding effective ways for its resolution using the data on animal husbandry development and dynamics of the cattle population at the level of the Republic of Tatarstan, municipal districts and separate rural settlements. This work is based on the field studies carried out from January 2024 to May 2025 in several municipal districts in Tatarstan. The experience accumulated during the authors' field studies in more than 10 rural municipal districts of Tatarstan carried out in the previous years was also used in this article. As the main indicators, we used the data on population and cattle population, calculated values of total fertility rate, cattle population per one rural dweller and correlation coefficients between rural population and cattle for all 43 municipal districts of Tatarstan for a period from 2008–2011 to 2022–2024. We composed a classification of municipal districts of Tatarstan that is comprised of four groups ((1) leading districts, (2) districts of Kazan agglomeration, (3) lagging districts, (4) other districts) by cattle population and cattle population per one rural dweller that characterizes the level of animal husbandry development. We revealed a positive relationship between the stability of rural population, the dynamics of cattle population and the birth rate (as measured by total fertility rate), which is confirmed by aggregated values of these indicators for four groups of districts of Tatarstan. This article also demonstrates that to achieve stability of the population in rural settlements, it is necessary to ensure that local dwellers have an opportunity to engage in agricultural production, with peasant farms and private subsidiary holdings playing a large role in the success stories we studied. In turn, their development is determined to a large extent by efficiency of the targeted state support measures, the most demanded of which are listed in this work based on the results of the field study.*

Keywords: *Republic of Tatarstan, municipal district, total fertility rate, animal husbandry, cattle, peasant farm, support measures.*

References and Internet sources

1. Simagin Yu. A. Dinamika chislennosti naseleniya kak pokazatel' ustoychivogo razvitiya sel'skikh territoriy Rossii [The dynamics of population as an indicator of sustainable development of rural territories of Russia]. *Analiticheskiy vestnik Soveta Federatsii Federal'nogo Sobraniya Rossiyskoy Federatsii [Analytical Bulletin of the Federation Council of the Federal Assembly of the Russian Federation]*. 2019. No. 5(719). P. 39–44. (in Russ.)
2. Pilipenko I.V. Zhilishchnoye stroitel'stvo v Rossii za 100 let: dinamika, itogi i sotsial'no-ekonomicheskiye problemy [Housing construction in Russia during the 100-year period: dynamics, results and socio-economic problems]. *Voprosy ekonomiki*. 2025. No. 1. P. 134–158. DOI: 10.32609/0042-8736-2025-1-134-158 (in Russ.)
3. Lokosov V.V., Pilipenko I.V., Schneiderman I.M. Maloetazhnoye zhil'yo kak prioritet v povyshenii zhilishchnoy obespechennosti rossiyskikh semey [Low-rise housing as a priority in raising housing space availability to families in the Russian Federation]. *Narodonaselenie [Population]*. 2024. Vol. 27. No. S1. P. 161–176. DOI: 10.24412/1561-7785-2024-S1-161-176 (in Russ.)
4. Sternik S.G., Gareev I.F., Khuramshina A.Z., Pilipenko I.V. Vzaimosvyaz' izmeneniy na rynke zhilishchnogo stroitel'stva i depolyatsii naseleniya v sel'skikh rayonakh [The relationship between changes in the housing market and rural depopulation]. *Zhilishchnyye strategii [Russian Journal of Housing Research]*. 2025. Vol. 12. No. 2. P. 221–246. DOI: 10.18334/zhs.12.2.122885 (in Russ.)
5. Yarlykapov A.B., Mironova N.N., Anishchenko A.N. Problemy razvitiya kooperatsii i integratsii v molochno-produktovom podkomplekse APK [Problems of development of cooperation and integration in the dairy-food subcomplex of the agro-industrial complex]. *Ekonomika i upravleniye: problemy, resheniya [Economics and Management: Problems, Solutions]*. 2019. Vol. 1. No. 1. P. 40–49. (in Russ.)

6. Eremenko M.M., Gareev I.F. Issledovaniye vzaimosvyazey zhilishchnogo stroitel'stva i ustoichivogo razvitiya territoriy [Research on the relationship between housing construction and sustainable development of territories]. *Zhilishchnyye strategii [Russian Journal of Housing Research]*. 2019. Vol. 6. No. 3. P. 333–376. DOI: 10.18334/zhs.6.3.41188 (in Russ.)
7. Gnevasheva V.A., Talibova F.T., Khayrullina Yu. R., Khuramshina A.Z. Dinamika demograficheskikh pokazateley v munitsipal'nykh obrazovaniyakh Respubliki Tatarstan. Demograficheskiy doklad 2024. [Dynamics of Demographic Indicators in Municipal Entities of the Republic of Tatarstan. Demographic Report 2024]. Kazan. Izd-vo Akademii nauk RT [Publishing House of the Academy of Sciences of the Republic of Tatarstan]. 2024. 72 p. (in Russ.)
8. Makhrova A.G., Nefedova T.G., Treyvish A.I. Moskovskaya oblast' segodnya i zavtra: tendentsii i perspektivy prostranstvennogo razvitiya [Moscow Oblast Today and Tomorrow: Tendencies and Perspectives of Spatial Development]. Moscow. Novyj khronograf [New Chronograph]. 2008. 343 p. (in Russ.)
9. Nefedova T.G. Desyat' aktual'nykh voprosov o sel'skoy Rossii: otvety geografa [Ten Topical Questions about Rural Russia: Answers of a Geographer]. Moscow. URSS. 2013. 452 p. (in Russ.)
10. Nikulina Yu. N., Arefieva V.A., Saraikin V.A. Al'ternativnaya sel'skaya zanyatost' i yeyo svyaz' s vozvratnoy migratsiyey gorozhan [Non-agricultural rural employment and urban-rural migration: is there a connection?]. *Narodonaselenie [Population]*. 2022. Vol. 25. No. 1. P. 118–128. DOI: 10.19181/population.2022.25.1.10 (in Russ.)
11. Zhuravleva E.K., Koptseva O.A. Opornyye tochki mnogodetnosti v usloviyakh transformatsii sovremennoy Rossii [Supporting points of large families in the transformation of modern family]. *Narodonaselenie [Population]*. 2024. Vol. 27. No. S1. P. 28–37. (in Russ.)
12. González-Leonardo M., Rowe F., Fresolone-Caparrós A. Rural revival? The rise in internal migration to rural areas during the COVID-19 pandemic. Who moved and where? *Journal of Rural Studies*. 2022. Vol. 96. P. 332–342. DOI: 10.1016/j.jrurstud.2022.11.006
13. Álvarez-Montoya J.M., Ruiz-Ballesteros E. Newcomers and rural crisis: Beyond the demographic challenge. A case study in Andalusia (Spain). *Journal of Rural Studies*. 2024. Vol. 108. Art. 103292. DOI: 10.1016/j.jrurstud.2022.11.006
14. Nikulina Yu. N., Yurchenko T.V., Surovtsev V.N. Zavisimost' chislennosti sel'skogo naseleniya ot urovnya razvitiya sel'skogo khozyaystva: analiz panel'nykh dannykh Leningradskoy oblasti [Rural population dependence on the level of agricultural development: panel data analysis of Leningrad oblast]. *Narodonaselenie [Population]*. 2021. Vol. 24. No. 1. P. 90–102. DOI: 10.19181/population.2021.24.1.9 (in Russ.)
15. Yagodina N.V., Remizova A.A. Demografiya sel'skikh aglomeratsiy Omskoy oblasti: ot analiza k strategii sotsial'no-ekonomicheskogo razvitiya [Demography of rural agglomerations in the Omsk oblast: from analysis to socio-economic development strategy]. *Ekonomika, predprinimatel'stvo i parvo [Journal of Economics, Entrepreneurship and Law]*. 2024. Vol. 14. No. 12. P. 7329–7348. DOI: 10.18334/epp.14.12.122272 (in Russ.)
16. Pilipenko I.V., Schneiderman I.M. Regional'nyye prioritety v modernizatsii inzhenernoy infrastruktury v sel'skoy mestnosti dlya povysheniya kachestva zhizni naseleniya (chast' vtoraya) [Regional priorities in the utilities' infrastructure upgrading in rural areas for improving quality of life of the population (Part Two)]. *Narodonaselenie [Population]*. 2024. Vol. 27. No. 2. P. 26–40. DOI: 10.24412/1561-7785-2024-2-26-40 (in Russ.)
17. Smetanko A.V., Bogdanova Zh. A., Bogdanov E.V. Otsenka i vliyaniyye demograficheskoy politiki na ustoichivoye razvitiye sel'skokhozyaystvennykh territoriy Respubliki Krym [Assessment and impact of the demographic policy on sustainable development of agricultural territories of the Republic of Crimea]. *Uchenyye zapiski Krymskogo federal'nogo universiteta imeni V. I. Vernadskogo. Ekonomika i upravleniye. [Scientific Notes of Vernadsky Crimean Federal University. Economics and Management]*. 2024. Vol. 10. No. 2. P. 92–104. (in Russ.)
18. Yagudin R. Kh., Rybkin L. I. Demografiya i osnovnyye pokazateli zdorov'ya sel'skogo naseleniya Respubliki Tatarstan [Demography and main indicators of health of rural population of the Republic of Tatarstan]. *Sborniki konferentsiy NITS Sotsiosfera [Collection of Conference of the SRC Sociosphere]*. 2012. No. 18. P. 21–34. (in Russ.)

19. Plyusnin Yu. M. Neformal'naya ekonomika rossiyskoy provintsii. Istochniki resursov i vidy promyslovykh praktik domokhozyaystv [Informal economy of the Russian province. Resource sources and household craft practices]. *Zhurnal sotsiologii i sotsial'noy antropologii [The Journal of Sociology and Social Anthropology]*. 2022. Vol. 25. No. 3. P. 58–90. DOI: 10.31119/jssa.2022.25.3.3 (in Russ.)
20. Sharov S.Yu. Resursy razvitiya sel'skogo rasseleniya v sovremennoy Rossii [Resources for rural settlement development in modern Russia]. *Narodonaselenie [Population]*. 2020. Vol. 23. No. 3. P. 109–118. DOI: 10.19181/population.2020.23.3.10 (in Russ.)
21. Chekmarev O.P., Lukichev P.M., Konev P.A. Vliyaniye agrokholdingov na sostoyaniye rynka truda sel'skikh territoriy: regional'naya differentsiatsiya [The impact of agricultural holdings on the rural labor market: regional differentiation]. *Prodovol'stvennaya politika i bezopasnost' [Food Policy and Security]*. 2024. Vol. 11. No. 2. P. 335–352. DOI 10.18334/ppib.11.2.120837 (in Russ.)
22. Patsiorkovsky V.V. Novye tekhnologii v modernizatsii rossiyskikh domokhozyaystv [New technologies in the Russian household modernizing]. *Rossiya i sovremennyy mir [Russia and the Contemporary World]*. 2015. No. 2(87). P. 144–156. (in Russ.)
23. Sirotkin V.A., Skorin A.V., Romanova A.E. Vliyaniye demografii na formirovaniye tseny pervichnoy nedvizhimosti [The impact of demographics on the price of the primary property]. *Zhilishchnyye strategii [Russian Journal of Housing Research]*. 2019. Vol. 6. No. 1. P. 109–124. DOI: 10.18334/zhs.6.1.40590 (in Russ.)

Information about the authors:

Sternik Sergey Gennadyevich, Doctor of Economics, Professor; Leading Researcher, Institute of Economic Forecasting RAS; Professor, Financial University under the Government of the Russian Federation; Professor, Moscow University «Synergy», Moscow, Russia.

Contact information: e-mail: sergey-sternik@yandex.ru; ORCID: 0000-0003-1411-1011; Elibrary SPIN-code: 2930–4020.

Pilipenko Igor Valeryevich, Candidate of Geography, MPA, Head of Laboratory, ISESP FCTAS RAS, Moscow; Leading Researcher, Saint Petersburg State University, Saint Petersburg, Russia.

Contact information: e-mail: i-pilipenko@yandex.ru; ORCID: 0000-0002-8108-7253; Elibrary SPIN-code: 1304–8386.

Gareev Ilnur Failovich, Candidate of Economics, Associate Professor; Kazan State University of Architecture and Engineering, Kazan, Russia.

Contact information: e-mail: igareev@mail.ru; ORCID: 0000-0002-7993-9111; Elibrary SPIN-code: 9619–4284.

Khuramshina Aygyl Zufarovna, Candidate of Sociology, Head of Center, Center for Family and Demographic Studies of the Tatarstan Academy of Sciences, Kazan, Russia.

Contact information: e-mail: aigulsuf@mail.ru; ORCID: 0000-0002-8384-0616; Elibrary SPIN-code: 4170–8961.

Статья поступила в редакцию 02.11.2025, утверждена 16.02.2026, опубликована 31.03.2026.

DOI: 10.24412/1561-7785-2026-1-229-241
EDN: XFCGWI

МОДЕЛЬ САМОСОХРАНИТЕЛЬНОГО ПОВЕДЕНИЯ И СОЦИОДЕМОГРАФИЧЕСКИЕ ФАКТОРЫ ЕЁ ФОРМИРОВАНИЯ В РЕСПУБЛИКЕ ДАГЕСТАН

Гимбатов Ш. М.^{1*}, Кобзаренко Д. Н.¹, Муртузалиева Д. Д.²,
Меджидов З. У.¹, Гимбатова А. Ш.³

¹Институт социально-экономических исследований Дагестанского ФИЦ РАН
(367030, Россия, Махачкала, проспект М. Ярагского, 75)

²ИСЭПН ФНИСЦ РАН
(117218, Россия, Москва, Нахимовский проспект, 32)

³Дагестанский государственный медицинский университет Минздрава России
(367000, Россия, Махачкала, пл. Ленина, 1)

*E-mail: gimba@list.ru

Финансирование:

Исследование выполнено за счёт гранта РФФИ (проект № 25–28–20473). – URL: <https://rscf.ru/project/25-28-20473/>.

Для цитирования:

Гимбатов Ш.М., Кобзаренко Д.Н., Муртузалиева Д.Д., Меджидов З.У., Гимбатова А.Ш. Модель само-сохранительного поведения и социодемографические факторы её формирования в Республике Дагестан // Народонаселение. – 2026. – Т. 29. – № 1. – С. 229-241. DOI: 10.24412 / 1561-7785-2026-1-229-241; EDN: XFCGWI

Аннотация. Статья посвящена изучению практик самосохранительного поведения одной из социально-демографической группы населения Республики Дагестан — представителей молодого поколения, имеющих высшее образование. Цель данного исследования — изучить экономические стратегии определённой социодемографической группы, и проверить гипотезу о существовании группы «ранних усвоителей» практик здоровьесбережения в регионе. Исследование выполнено в формате углублённого изучения с интеграцией методом статистического сопоставления и моделирования данных двух опросов: 1) авторского (N=189) за 2025 г. и 2) Обследования бюджетов домашних хозяйств Росстата (N=2125 в Республике Дагестан) за 2023 год. Выявлено, что при строгом контроле социально-экономического статуса само-сохранительное поведение не связано с уровнем или структурой потребительских расходов ($p=0,597$). Преобладают низкокзатратные практики: физическая активность (32,3%), соблюдение диеты (17,5%), тогда как медицинские услуги используются значительно реже — профилактические осмотры (5,8%), санаторно-курортное лечение (2,1%). Результаты интерпретируются через концепцию «культурной модели» здоровьесбережения, при которой высокий уровень культурного капитала человека компенсирует ограниченность экономического капитала (доходов). Подтверждён вывод, что самосохранительное поведение в изучаемой группе не является следствием более высокого уровня потребления и не требует дополнительных финансовых вливаний. Практическое значение исследования состоит в обосновании того, что политика популяризации здорового образа жизни может быть эффективной через обра-

зовательные программы и развитие бесплатной инфраструктуры при существующем уровне доходов населения. Такая стратегия может быть особенно актуальной в дотационных регионах России, таких как Республика Дагестан, где возможности прямого субсидирования здравоохранения из региональных бюджетов ограничены. Данный подход может быть применен и к другим регионам России со сходными социально-экономическими характеристиками, где традиционная модель здравоохранения сталкивается с бюджетными ограничениями.

Ключевые слова: самосохранительное поведение, здоровьесбережение, статистическое сопоставление, потребительские расходы, Республика Дагестан, культурный капитал.

Постановка проблемы

Самосохранительное поведение населения традиционно рассматривается как один из ключевых факторов демографического развития и общественного здоровья. Однако его взаимосвязь с экономическими практиками домохозяйств остаётся недостаточно изученной, особенно в региональном контексте. Особый интерес представляет вопрос о том, какие существуют модели заботы о здоровье, не требующие высоких денежных расходов, и какие механизмы позволяют отдельным социальным группам поддерживать самосохранительную активность при ограниченных материальных ресурсах.

Республика Дагестан (РД) характеризуется высоким уровнем дифференциации доходов населения при относительно благоприятных показателях общественного здоровья по сравнению с другими субъектами РФ с сопоставимым уровнем экономического развития [1]. Это позволяет предположить существование специфических стратегий здоровьесбережения, основанных на иных формах капитала, нежели экономический, что подтверждается данными мониторинга демографической ситуации в регионе [2]. Данная концепция применяется для анализа процессов внедрения новых экономических и здоровьесберегающих практик, в том числе через интеграцию социологических результатов и данных обследования бюджетов домашних хозяйств [3]. Важно, что «ранние усвоители» характеризуются высоким уровнем образования и социальной активности,

но не обязательно высокими доходами. Изучение этой группы позволяет понять механизмы формирования новых поведенческих паттернов до их массового распространения.

В качестве теоретической основы мы опираемся на несколько концептуальных подходов, в том числе, на теорию форм капитала П.Бурдье [4]. При дефиците одной формы индивиды могут компенсировать его другими. Применительно к нашему случаю это означает, что относительно ограниченный экономический капитал может замещаться культурным (знания о здоровье, образованность) и социальным (поддержка сообщества, групповые практики).

Кроме того, мы обращаемся к концепции самосохранительного поведения [5; 6], которая описывает систему действий и установок индивида, направленных на сохранение и укрепление собственного здоровья. Формирование таких практик во многом определяется культурным капиталом, что подтверждается эмпирическими исследованиями. Так, анализ самосохранительного поведения населения в одном из регионов страны [7] показал значимость образовательного уровня и информированности, а изучение потенциала здоровья населения в различных российских регионах выявило устойчивую связь между показателями здоровья и различными социокультурными характеристиками территорий [8].

Цель данного исследования — изучить экономические практики определённой социодемографической группы, и проверить гипотезу о существовании группы «ранних усвоителей» практик здоровьесбережения в регионе. Согласно теории диффузии инно-

вадий Э. Роджерса¹, ранние усвоители — это социальная группа, первой принимающая новые практики и выступающая агентом их распространения в более широкие слои населения; они характеризуются высоким уровнем образования и социальной активности, но не обязательно высокими доходами. Одной из задач исследования является оценка доли данной группы в населении региона.

Материалы и методы

Исследование выполнено по методологии углублённого изучения случая («embedded case study» по классификации Р. Йина²). Основной единицей анализа выступает специфическая социально-демографическая группа — «ранние усвоители» практик здоровьесбережения в РД. Выбор подхода обусловлен спецификой поставленной исследовательской задачи. Согласно Б. Флювбьергу, изучение случая позволяет исследовать социальные механизмы на глубинном уровне без требования статистической репрезентативности генеральной совокупности. Более того, «атипичные или экстремальные случаи часто раскрывают больше информации, чем типичные», поскольку они демонстрируют изучаемые механизмы в наиболее отчётливой форме [9].

Исследование включало три этапа: 1 — проведение целевого опроса (далее — Опрос) среди жителей Республики Дагестан для выявления практик самосохранительного поведения. Опрос был проведён в мае-июле 2025 г. среди жителей РД. Выборка формировалась методом снежного кома без предварительных критериев отбора по возрасту или образованию. Итоговая выборка составила 189 человек; 2 — анализ данных «Обследования бюджетов домашних хозяйств» Росстата (далее — ОБДХ) как репрезентативного источника об экономическом поведении населения региона. Выборочная совокупность составила 2125 жите-

лей РД, обследованных в 2023 г.; 3 — статистическое сопоставление двух источников методом оценки склонности связи самосохранительной активности с потребительскими расходами при контроле социально-демографических характеристик. Ключевое преимущество метода статистического сопоставления — возможность интеграции источников с разными переменными без проведения дополнительных полевых исследований. Опрос содержит данные о самосохранительном поведении, ОБДХ — о структуре расходов. Сопоставление позволяет связать субъективные данные о самосохранительном поведении (из Опроса) с объективными данными о структуре потребления (из ОБДХ), расширяя аналитические возможности этих данных.

Метод интеграции данных

Для интеграции разнородных источников данных мы использовали метод статистического сопоставления в сочетании с моделированием склонности к участию в опросе [10]. Процедура включала три последовательных этапа.

1. Социально-демографическая характеристика изучаемой группы. Для оценки степени и направления смещения выборки применялось моделирование вероятности участия в Опросе, сопоставив социально-демографические характеристики респондентов с данными репрезентативного ОБДХ по Дагестану за 2016–2023 годы. Была построена логистическая регрессионная модель, где зависимой переменной выступала принадлежность к выборке Опроса или ОБДХ, а предикторами — социально-демографические характеристики, присутствующие в обоих источниках данных: пол, возраст, среднедушевой доход, уровень образования, размер домохозяйства. Для построения модели массивы Опроса и ОБДХ были объединены в единую базу с добавлением индикатора источника. Модель оценивалась с использованием библиотеки scikit-learn языка Python. Полученные оценки показывают вероятность того, что индивид с данным набором характеристик по-

¹ Rogers E. M. Diffusion of Innovations, 5th ed. — New York: Free Press, 2003. — 551 p.

² Yin R. K. Case Study Research and Applications: Design and Methods, 6th ed. — SAGE Publications, 2017. — 352 p.

падёт в выборку ОБДХ и позволяет определить, насколько выборка Опроса отличается от генеральной совокупности и по каким именно характеристикам.

2. Статистическое сопоставление респондентов Опроса с их «двойниками» из ОБДХ. Для каждого респондента Опроса мы идентифицировали «статистических двойников» в массиве ОБДХ — индивидов с максимально близкими значениями оценки склонности. Использовался алгоритм «ближайших соседей» с поиском пяти ближайших наблюдений для каждого респондента Опроса, что позволило «перенести» информацию о потребительских расходах из ОБДХ к респондентам Опроса, контролируя различия в социально-демографических характеристиках. Подобный подход создания «статистического двойника» зарекомендовал себя как эффективный метод сопряжения данных в социологических исследованиях [11]. Суть процедуры заключается в следующем: для каждого участника Опроса (реципиента) мы ищем в большой базе ОБДХ «донора», который обладал бы практически идентичным набором характеристик (пол, возраст, образование, доход). Предполагается, что, если два сопоставляемых индивида имеют одинаковый социально-демографический профиль и живут в одном регионе, с высокой долей вероятности их структура потребления может быть схожей. Нам это позволяет перенести данные о расходах из базы ОБДХ в массив Опроса, заполнив недостающие значения.

3. Сравнительный анализ. На заключительном этапе сопоставлены потребительские расходы между группами с разным уровнем самосохранительной активности — сначала без контроля социально-экономического статуса (простое сопоставление), затем с его строгим контролем через сопоставление по оценке склонности, что позволило выявить, объясняются ли наблюдаемые различия реальными поведенческими особенностями или являются фактом различий в составе групп. Самосохранительная активность измерялась в выборке Опроса на основе ответов на открытый вопрос «Что Вы лично предпринимаете для

сохранения и укрепления своего здоровья?». Для каждого респондента был рассчитан суммарный индекс (от 0 до 5 баллов) по следующим практикам: соблюдение диеты или рационального питания (+1 балл), занятия физкультурой или спортом (+1 балл), регулярные профилактические медицинские осмотры (+1 балл), санаторно-курортное лечение (+1 балл), консультации психолога (+1 балл). Ответы типа «ничего специального не предпринимаю» кодировались как 0 баллов. Для основного анализа индекс был дихотомизирован: пассивные (индекс = 0) и активные (индекс ≥ 1). Потребительские расходы брались из данных ОБДХ в виде годовых потребительских расходов домохозяйства в рублях. Дополнительно анализировалась структура расходов: доля расходов на продукты питания, непродовольственные товары, услуги. Контрольные переменные включали: пол, возраст в полных годах, среднедушевой денежный доход домохозяйства в рублях за месяц, уровень образования (1 = низкий, 2 = средний, 3 = высокий), размер домохозяйства в человеках.

Социально-демографический профиль респондентов Опроса в сравнении с населением региона

Первый и, пожалуй, наиболее важный результат касается самой характеристики изучаемой группы. Сравнение социально-демографических профилей выборки Опроса и репрезентативной выборки ОБДХ (табл. 1) демонстрирует выраженные и статистически значимые различия практически по всем параметрам. Как видно из таблицы, выборка Опроса смещена в сторону молодых (медианный возраст 23 года против 35,5 лет в ОБДХ), высокообразованных (доля с высшим образованием 62% против 30% в населении по данным ОБДХ) женщин (70% против 55%). Однако, в отличие от первоначальных ожиданий, медианный среднедушевой доход респондентов Опроса составляет 17500 рублей в месяц, что на 47% выше, чем в репрезентативной выборке ОБДХ (11903 рубля).

Таблица 1

Социально-демографический профиль выборки Опроса в сравнении с репрезентативной выборкой ОБДХ, Республика Дагестан, 2023 год

Table 1

Socio-demographic profile of the Survey sample in comparison with the representative sample of the HBS, Republic of Dagestan, 2023

Характеристика	Опрос (N=189)	ОБДХ (N=2 125)
Доля женщин, %	70,4	55,2
Медианный возраст, лет	23,0	35,5
Доля с высшим образованием, %	61,9	30
Медианный среднедушевой доход, рублей/месяц	17 500	11 903
Средний размер домохозяйства, человек	3,5	4,1

Источник: расчёты авторов по данным Опроса и ОБДХ Росстата.

При формировании выборки Опроса, фактически выявилась особая группа населения — молодые образованные люди (преимущественно женщины) с доходами выше медианных по региону, но не принадлежащих к высокодоходным слоям. Такое сочетание характеристик типично для студентов последних курсов, молодых специалистов в начале карьеры или работников бюджетной сферы с высшим образованием, которые обладают культурным капиталом, но ещё не успели конвертировать его в высокие доходы.

Для формализации наблюдения мы построили логистическую регрессионную модель, предсказывающую вероятность попа-

дания в выборку Опроса (в противоположность нахождению в составе ОБДХ) на основе социально-демографических характеристик. Построение данной модели необходимо не столько для анализа зависимостей, сколько для вычисления интегрального показателя — «оценки склонности». Оценка сводит множество характеристик индивида (возраст, доход, образование и другие) в одно числовое значение от 0 до 1. Именно по близости этих значений в дальнейшем подобраны пары для сравнения, что позволит гарантировать, что мы сравниваем равнозначные по статусу домохозяйства. Результаты представлены в табл. 2.

Таблица 2

Результаты логистической регрессии: предикторы попадания в выборку Опроса

Table 2

Results of logistic regression: predictors of being included in the Survey sample

Предиктор	Коэффициент	Интерпретация
Пол (женщина)	+ 0,423	Женщины чаще попадают в опрос
Возраст	- 0,976	Молодые чаще попадают в опрос
Среднедушевой доход	+ 1,152**	Более обеспеченные чаще попадают в опрос
Образование (высшее)	+ 1,858***	Образованные намного чаще попадают в опрос
Размер домохозяйства	- 0,962	Малые семьи чаще попадают в опрос

Примечание: ** $p < 0,01$; *** $p < 0,001$.

Источник: расчёты авторов.

Ключевой результат, который демонстрирует табл. 2, — это сильное положительное влияние уровня образования ($\beta = +1,858$, $p < 0,001$) и умеренное положительное влияние

дохода ($\beta = +1,152$, $p < 0,01$) на вероятность попадания в выборку Опроса. Образование оказывается наиболее сильным предиктором: наличие высшего образования увеличи-

вает вероятность попадания в выборку Опроса в 6,4 раза (1,858), контролируя остальные характеристики. Доход также имеет положительное, хотя и менее выраженное влияние: увеличение дохода повышает вероятность попадания в Опрос в 3,2 раза (1,152). Выборка Опроса концентрируется не среди беднейших слоев населения, а среди образованных представителей с доходами выше медианных.

На основе построенной модели для каждого индивида в обоих массивах данных были рассчитаны оценки склонности — предсказанные вероятности попадания в выборку Опроса. Средняя оценка склонности для респондентов Опроса составила 0,764 (диапазон от 0,029 до 0,998), тогда как для участников ОБДХ — всего 0,020 (диапазон от 0,000 до 0,815). Иными словами, типичный респондент Опроса имеет характеристики, которые делают его принадлежность к данной выборке высоковероятной (более 76%), тогда как типичный участник ОБДХ имеет лишь 2% шансов оказаться в выборке Опроса. Такой существенный разрыв в оценках склонности указывает на то, что профиль нашей целевой группы («ранние усвоители») является достаточно редким для генеральной совокупности населения региона. Большинство респондентов из массовой выборки ОБДХ имеют крайне низкую вероятность оказаться в группе молодых и образованных носителей практик здоровьесбережения. Таким образом подтвердилась необходимость использования именно метода сопоставления, а не простого сравнения средних, так как прямое сравнение проводилось бы между принципиально разными социальными слоями.

Результаты позволяют сделать вывод, что изучаемая группа представляет собой узкий социально-демографический сегмент, составляющий 2–5% населения РД. Это специфическая социальная группа с четко выраженными характеристиками — молодые высокообразованные женщины с доходами выше медианных (позиционирующиеся, по нашим оценкам, в 50–70-м процентах распределения доходов), но не принадлежащие к высокодоходным группам. Характеристика «высокий культурный капи-

тал и умеренный экономический капитал» является определяющей характеристикой данной группы, что соответствует характеристикам «ранних усвоителей» практик здоровьесбережения по Роджерсу: высокий культурный капитал, социальная активность, но не обязательно высокие доходы.

Распределение респондентов Опроса по уровню самосохранительной активности показывает, что 65% (123 человека) предпочитают хотя бы одну практику здоровьесбережения, тогда как 35% (66 человек) ничего специального не предпринимают. Безусловным лидером среди практик являются занятия физкультурой и спортом — 32% респондентов. На втором месте — соблюдение диеты или рационального питания (18%). Значительно реже упоминаются практики, связанные с потреблением медицинских услуг: регулярные профилактические медицинские осмотры — 6%, санаторно-курортное лечение — 2%, консультации психолога — 2%. Изучаемая группа отдаёт предпочтение практикам, которые могут реализовываться без значительных денежных затрат: физическая активность возможна на открытых площадках и в парках, соблюдение диеты не обязательно требует дорогих продуктов. При этом платные практики (медицинские услуги, санатории) используются редко.

Мы провели прямое сопоставление расходов двух групп без учёта их социально-демографических различий, что позволяет увидеть общую картину потребления, однако результаты данного этапа могут быть смещены. Как было показано выше, группа «активных» существенно моложе и имеет иной состав домохозяйства по сравнению с остальным населением. Следовательно, разница в расходах может быть обусловлена не самим фактом здоровьесбережения, а, например, меньшим размером семьи или этапом жизненного цикла.

Экономические практики: простое сопоставление

Обратимся к анализу связи самосохранительной активности с потребительскими

расходами. В табл. 3 представлены результаты прямого сравнения средних показателей двух групп. В этом случае мы сопоставляем всех представителей активной группы со всеми представителями пассивной, не делая поправок на их различия в возрасте или составе семьи. Поскольку, как мы выяснили ранее, группа «активных» (респонденты Опроса с индексом самосохранительной активности ≥ 1) существенно моложе и проживает в меньших по размеру домохозяйствах, их суммарные расходы закономерно оказываются ниже. Это данные без игнорирования искажающих связей между переменными, показывают общую картину, но не позволяют выделить чистый эффект самосохранительного поведения.

Первичное сравнение показывает, что активные тратят на 3,8% меньше ($p = 0,015$).

Однако из предыдущего анализа мы знаем, что группа активных характеризуется значительно более низкими доходами (медианный доход 17 500 рублей/месяц против 142 840 рублей/месяц в среднем по ОБДХ). Возникает вопрос: тратят ли они меньше из-за практик здоровьесбережения или просто потому, что у них меньше денег или их расходы ниже просто потому, что в этой группе преобладают небольшие молодые семьи? Чтобы ответить на этот вопрос, применена процедура сопоставления через оценки склонности (Propensity Score Matching, PSM). Для каждого представителя группы опроса из базы ОБДХ был подобран «статистический двойник» — человек с максимально схожими характеристиками по полу, возрасту, образованию, доходу и размеру домохозяйства. Результаты представлены в табл. 4.

Таблица 3

Потребительские расходы по группам самосохранительной активности (простое сопоставление)

Table 3

Consumer expenditure by self-preservation activity groups (simple comparison)

Группа	Среднее (СО)	Медиана, рублей в год	N
Активные (индекс ≥ 1)	521394 (186342)	530324	120
Пассивные (индекс = 0)	542141 (187156)	552050	65
Разница	-20748 рублей (-3,8%)	$p = 0,015$	

Примечание: СО – стандартное отклонение, показывающее разброс индивидуальных расходов относительно среднего значения в группе.

Источник: расчёты авторов по данным Опроса и ОБДХ Росстата.

Таблица 4

Потребительские расходы по группам самосохранительной активности с контролем социально-экономического статуса

Table 4

Consumer expenditure by self-preservation activity groups with control of socio-economic status

Группа	Среднее (СО)	Медиана, рублей в год	N
Активные (индекс ≥ 1)	142 555 (48 234)	138 420	120
Пассивные (индекс = 0)	138 743 (46 891)	135 230	65
Разница	+3 813 руб. (+2,7%)	$p = 0,597$	

Источник: расчёты авторов по данным Опроса и ОБДХ Росстата.

Абсолютные значения расходов в табл. 4 ниже, чем в табл. 3. Это объясняется тем, что процедура сопоставления «отсекла» несхожие наблюдения (например, крупные домохозяйства старших возрастных групп с вы-

сокими валовыми расходами) и сфокусировала сравнение на специфическом сегменте молодых домохозяйств. Иными словами, теперь мы сравниваем не «молодых студентов» со «взрослыми семьями», а людей

с идентичным социально-экономическим положением, единственное различие между которыми — наличие или отсутствие практик здоровьесбережения. Результаты показывают, что затраты на поддержание здоровья в этой группе статистически неразличимы от расходов пассивной части населения. Высокие цифры в табл. 3 объяснялись тем, что там в сравнение попадали и более обеспеченные респонденты ОБДХ. В табл. 4 представлены результаты сравнения выравненных групп. С помощью метода оценки склонности мы исключили влияние побочных факторов: для каждого «активного» респондента была найдена пара из «пассивной» группы с точно таким же уровнем дохода, образования, возрастом и размером семьи. После PSM-контроля различие исчезает ($p = 0,597$). Первоначальный 3,8-процентный разрыв объяснялся различиями в составе групп, а не самой активностью. При сопоставлении индивидов с идентичными доходами, образованием, возрастом и размером домохозяйства физическая активность не оказывает независимого влияния на уровень потребительских расходов. Полученные данные указывают на специфический механизм реализации здоровьесберегающих практик в выявленной группе молодых образованных респондентов. Самосохранительное поведение не требует изменения совокупного объема расходов домохозяйства — активные и пассивные при равных социально-демографических параметрах демонстрируют одинаковый уровень потребления. Барьером к здоровьесбережению выступают не финансовые ограничения, а дефицит информации и культурного капитала для реструктуризации существующего потребления.

Финальный вопрос касается структуры расходов, в частности, возможно, что при неизменном общем объеме расходов активные перераспределяют бюджет в пользу здоровьесбережения (на медицинские услуги, качественные продукты питания, спорт). Для проверки этой гипотезы мы проанализировали структуру потребления по основным категориям. Результаты не выявили статистически значимых

различий ни по одной из категорий: доля расходов на продукты питания ($p = 0,389$), непродовольственные товары ($p = 0,412$) и услуги, включая медицинские ($p = 0,406$), почти идентична между группами.

Этот результат подтверждает и усиливает предыдущий вывод: самосохранительное поведение в изучаемой группе не связано ни с общим объемом расходов, ни с их структурой. Активные не тратят больше на продукты (что могло бы свидетельствовать о переходе на более качественное питание), не тратят больше на услуги (что включало бы медицинские услуги, фитнес-центры). Практики здоровьесбережения реализуются вне рамок потребительского поведения домохозяйств, фиксируемого в статистике расходов.

Обсуждение

Итогом исследования является исчезновение статистически значимых различий в расходах после устранения влияния социально-демографических факторов. Самосохранительное поведение в изучаемой группе не является следствием более высокого уровня потребления и не требует дополнительных финансовых вливаний. Различия, наблюдаемые при поверхностном анализе, были вызваны структурными характеристиками группы (молодость, состав семьи), а не стоимостью практик здорового образа жизни. В группе молодых образованных представителей населения Дагестана с доходами выше медианных, но не относящихся к высокодоходным слоям, самосохранительное поведение не связано с уровнем или структурой потребительских расходов домохозяйств при строгом контроле социально-экономического статуса. В качестве объяснения мы предлагаем концепцию «культурной модели» здоровьесбережения, альтернативной «потребительской модели». Потребительская модель предполагает, что забота о здоровье реализуется преимущественно через приобретение товаров и услуг на рынке: медицинские услуги, качественные продукты питания, абонементы в фитнес-центры, санаторно-курортное

лечение. Такой подход требует ресурсов и доступен преимущественно высокодоходным группам.

Культурная модель, напротив, основана на мобилизации социального капитала при относительно ограниченных экономических ресурсах. В рамках этой модели индивиды опираются преимущественно на бесплатные или низкокзатратные услуги (парки, спортивные площадки, образовательный контент в Интернете). Мы предполагаем, что механизм функционирования культурной модели включает несколько взаимосвязанных компонентов: 1) информированность о практиках здоровьесбережения; 2) самодисциплина и способность к саморегуляции как элементы культурного капитала; 3) социальная поддержка, обеспечиваемая через социальные сети; 4) доступ к бесплатной инфраструктуре здоровьесбережения.

Изучаемая в данном исследовании группа демонстрирует именно эту модель. Высокий уровень образования (62% с высшим образованием) обеспечивает информированность о значимости здоровьесбережения и знание эффективных низкокзатратных практик. Принадлежность к образованной городской среде обеспечивает доступ к социальным сетям, где практики здоровьесбережения активно обсуждаются и поддерживаются. При этом умеренный уровень доходов (выше медианы, но не высокий) делает потребительскую модель недоступной или нерациональной. При дефиците экономического капитала агенты мобилизуют культурный и социальный капитал для достижения значимых целей — в данном случае, сохранения и укрепления здоровья. Результаты показывают, что здоровый образ жизни необязательно требует значительных материальных затрат. При этом данные согласуются с исследованиями в российском контексте и подтверждают, что самоохрнительное поведение детерминировано уровнем образования сильнее, чем доходом [12]. В Дагестане выявленная группа (2–5% населения) может выступить проводником здоровьесберегающих практик. Её поддержка через образовательные про-

граммы и инфраструктуру может быть эффективнее попыток изменить поведение всего населения.

Заключение

Результаты исследования следует интерпретировать с учётом ряда ограничений. Во-первых, специфичность выборки Опроса является осознанным методологическим выбором в рамках формата углублённого изучения случая, однако она ограничивает возможности обобщения результатов на все население региона. Результаты применимы к специфической группе молодых образованных представителей с доходами выше медианных, составляющей 2–5% населения Дагестана. Во-вторых, одномоментный характер среза эмпирических данных ограничивает возможность однозначной верификации причинно-следственных связей. Неясно, ведёт ли самосохранительная активность к определённым моделям потребительского поведения, или, напротив, определённый тип домохозяйств склонен к самосохранительной активности.

При строгом контроле социально-экономического статуса самосохранительное поведение не связано с уровнем или структурой потребительских расходов домохозяйств ($p=0,597$). Группа демонстрирует преобладание низкокзатратных практик здоровьесбережения: физическая активность (32%), соблюдение диеты (18%), тогда как медицинские услуги используются значительно реже — профилактические осмотры (6%), санаторно-курортное лечение (2%).

Полученные результаты исследования интерпретируются через концепцию «культурной модели» здоровьесбережения, при которой высокий культурный капитал компенсирует ограниченность экономического. Данный подход может быть применим и к другим регионам России со сходными социально-экономическими характеристиками, где традиционная модель здравоохранения, ориентированная на потребление медицинских услуг, сталкивается с бюджетными ограничениями. Практиче-

ское значение исследования состоит в обосновании того, что политика популяризации здорового образа жизни может быть эффективной через образовательные программы и развитие бесплатной инфраструктуры

при существующем уровне доходов населения. Такая стратегия особенно актуальна в условиях дотационных регионов, где возможности прямого субсидирования здравоохранения ограничены.

Литература и Интернет-источники

1. **Ахмедова, Ж.А.** Экономическое развитие Республики Дагестан: структурный анализ и инновационная диверсификация / Ж.А. Ахмедова, Т.И. Грудкина, А.Г. Аммаев // Russian Journal of Management. — 2025. — Т. 13. — № 10. — С. 212–229. DOI: 10.29039 / 2500-1469-2025-13-10-212-229; EDN: QMOLIC
2. **Абдулманапов, П.Г.** Мониторинг демографической ситуации в Республике Дагестан / П.Г. Абдулманапов // Региональные проблемы преобразования экономики. — 2016. — № 9(71). — С. 144–152. EDN: YIYCXH
3. **Iqbal, M.** Diffusion of innovations: a guiding framework for public health / M. Iqbal, A. Zahidie // Scandinavian Journal of Public Health. — 2022. — Vol. 50. — № 5. — P. 533–537. DOI: 10.1177 / 14034948211014104; EDN: THRSEZ
4. **Бурдые, П.** Формы капитала / П. Бурдые // Экономическая социология. — 2002. — Т. 3. — № 5. — С. 60–74. EDN: OYUVRD
5. **Шилова, Л.С.** Трансформация женской модели самосохранительного поведения / Л.С. Шилова // Социологические исследования. — 2000. — № 11. — С. 134–140. EDN: WLCUOP
6. **Журавлева, И.В.** Отношение к здоровью индивида и общества / И.В. Журавлева. — Москва : Наука, 2006. — 238 с. EDN: QOGCOH
7. **Локосов, В.В.** Специфика самосохранительного поведения населения столичного региона / В.В. Локосов, И.Б. Назарова, В.М. Карпова, С.В. Ляликова // Проблемы социальной гигиены, здравоохранения и истории медицины. — 2024. — Т. 32. — № S2. — С. 1130–1136. DOI: 10.32687 / 0869-866X-2024-32-s2-1130-1136; EDN: DQISLN
8. **Назарова, И.Б.** Потенциал здоровья населения: состояние и взаимосвязь с характеристиками российских регионов / И.Б. Назарова, В.М. Карпова, С.В. Ляликова // Экономические и социальные перемены: факты, тенденции, прогноз. — 2024. — Т. 17. — № 3. — С. 174–189. DOI: 10.15838 / esc.2024.3.93.10; EDN: KYXYVY
9. **Flyvbjerg, B.** Five misunderstandings about case-study research / B. Flyvbjerg // Qualitative Inquiry. — 2006. — Vol. 12. — No. 2. — P. 219–245. DOI: 10.1177 / 1077800405284363
10. **Austin, P.C.** An Introduction to Propensity Score Methods for Reducing the Effects of Confounding in Observational Studies / P.C. Austin // Multivariate Behavioral Research. — 2011. — Vol. 46. — No. 3. — P. 399–424. DOI: 10.1080 / 00273171.2011.568786
11. **Sardari Nia, P.** Proposal of statistical twin as a transition to full digital twin technology for cardiovascular interventions / P. Sardari Nia, Y. Ganushchak, J. Maessen // Interdisciplinary Cardiovascular and Thoracic Surgery. — 2024. — Vol. 38. — No. 4. DOI: 10.1093 / icvts / ivae032; EDN: HMETNP
12. **Ростовская, Т.К.** Практики самосохранительного поведения россиян (результаты всероссийского социологического исследования «Демографическое самочувствие России») / Т.К. Ростовская, А.Е. Иванова, Е.А. Князькова // Проблемы социальной гигиены, здравоохранения и истории медицины. — 2021. — Т. 29. — № 1. — С. 66–75. DOI: 10.32687 / 0869-866X-2021-29-1-66-75; EDN: BBBKQI

Сведения об авторах:

Гимбатов Шамиль Магомедович, к.э.н., ведущий научный сотрудник, Институт социально-экономических исследований Дагестанского ФИЦ РАН, Махачкала, Россия.

Контактная информация: e-mail: gimba@list.ru; ORCID: 0000-0002-8302-3544; РИНЦ SPIN-код: 8060–2928.

Кобзаренко Дмитрий Николаевич, д.техн.н., ведущий научный сотрудник, Институт социально-экономических исследований Дагестанского ФИЦ РАН, Махачкала, Россия.

Контактная информация: e-mail: kobzarenko_dm@mail.ru; ORCID: 0000-0002-0963-7935; РИНЦ SPIN-код: 9846-8451.

Муртузалиева Джамия Джавидовна, к.э.н., старший научный сотрудник, ИСЭПН ФНИСЦ РАН, Москва, Россия.

Контактная информация: e-mail: djama76@list.ru; ORCID: 0000-0003-3263-3032; РИНЦ SPIN-код: 9661-4540.

Меджидов Заур Уруджалиевич, к.э.н., научный сотрудник, Институт социально-экономических исследований Дагестанского ФИЦ РАН, Махачкала, Россия.

Контактная информация: e-mail: zaur-medzhidov@mail.ru; ORCID: 0000-0002-6008-1661; РИНЦ SPIN-код: 3038-3448.

Гимбатова Амина Шамильевна, студентка, Дагестанский государственный медицинский университет Минздрава России, Махачкала, Россия.

Контактная информация: e-mail: aminka.color@gmail.com.

DOI: 10.24412/1561-7785-2026-1-229-241

MODEL OF SELF-PRESERVATION BEHAVIOR AND SOCIO-DEMOGRAPHIC FACTORS OF ITS FORMATION IN THE REPUBLIC OF DAGESTAN

Shamil M. Gimbatov^{1*}, Dmitry N. Kobzarenko¹,
Dzhamilya Dzh. Murtuzaliev², Zaur U. Medzhidov¹, Amina Sh. Gimbatova³

¹Institute of Socio-Economic Research of the Dagestan FRC RAS
(75 M. Yaragsky avenue, Makhachkala, Russia, 367030)

²ISESP FCTAS RAS

(32 Nakhimovsky prospekt, Moscow, Russia, 117218)

³Dagestan State Medical University of the Ministry of Health of Russia
(1 Lenin sq., Makhachkala, Republic of Dagestan, Russia, 367000)

*E-mail: gimba@list.ru

Funding:

The study was funded by RSF grant No. 25-28-20473. URL: <https://rscf.ru/project/25-28-20473/>.

For citation:

Gimbatov Sh. M., Kobzarenko D. N., Murtuzaliev Dzh. Dzh., Medzhidov Z. U., Gimbatova A. Sh. Model of self-preservation behavior and socio-demographic factors of its formation in the Republic of Dagestan. *Narodonaselenie [Population]*. 2026. Vol. 29. No. 1. P. 229-241. DOI: 10.24412/1561-7785-2026-1-229-241 (in Russ.)

Abstract. The article is devoted to the study of self-preservation practices and related economic practices among one of the socio-demographic groups of the population of the Republic of Dagestan — representatives of the younger generation with higher education and high self-preservation activity. The purpose of this study is to examine the economic practices of a specific socio-demographic group and test the hypothesis about the existence of a group of «early adopters» of health-saving practices in the region. The study was conducted in the form of an in-depth analysis with integration by statistical comparison and modeling of data from two surveys: 1) authors' (N=189) for 2025 and 2) Rosstat's Household Budget Survey (N=2125 in the Republic of Dagestan) for 2023. It was found that, with strict control of socio-economic status, self-preservation behavior is not related to the level or structure

of consumer spending ($p=0,597$). Low-cost practices prevail: physical activity (32,3%), dietary compliance (17,5%), while medical services are used much less frequently — preventive examinations (5,8%), sanatorium treatment (2,1%). The results are interpreted through the concept of the «cultural model» of health preservation, in which a high level of human cultural capital compensates for the limited economic capital (income). The conclusion is confirmed that self-preservation behavior in the studied group is not a consequence of a higher level of consumption and does not require additional financial injections. The practical significance of the study lies in the fact that the policy of promoting a healthy lifestyle can be effective through educational programs and the development of free infrastructure, given the current level of the population incomes. This strategy may be particularly relevant in Russia's subsidized regions, such as the Republic of Dagestan, where the capacity for direct health subsidies from regional budgets is limited. This approach may also be applicable to other regions of Russia with similar socio-economic characteristics, where the traditional healthcare model, focused on the consumption of medical services, faces budget constraints.

Keywords: self-preservation behavior, health preservation, statistical matching, consumer expenditure, Republic of Dagestan, cultural capital.

References and Internet sources

1. Akhmedova Zh. A., Grudkina T. I., Ammaev A. G. Ekonomicheskoye razvitiye Respubliki Dagestan: strukturnyj analiz i innovatsionnaya diversifikatsiya [Economic development of the Republic of Dagestan: structural analysis and innovative diversification]. *Russian Journal of Management*. 2025. Vol. 13. No. 10. P. 212–229. DOI: 10.29039/2500-1469-2025-13-10-212-229 (in Russ.)
2. Abdulmanapov P. G. Monitoring demograficheskoy situatsii v Respublike Dagestan [Monitoring of the demographic situation in the Republic of Dagestan]. *Regionalnyye problemy preobrazovaniya ekonomiki [Regional Problems of Economic Transformation]*. 2016. No. 9(71). P. 144–152. (in Russ.)
3. Iqbal M., Zahidie A. Diffusion of innovations: a guiding framework for public health. *Scandinavian Journal of Public Health*. 2022. Vol. 50. No. 5. P. 533–537. DOI: 10.1177/14034948211014104
4. Bourdieu P. Formy kapitala [Forms of capital]. *Ekonomicheskaya sotsiologiya [Journal of Economic Sociology]*. 2002. Vol. 3. No. 5. P. 60–74. (in Russ.)
5. Shilova L. S. Transformatsiya zhenskoy modeli samosokhranitel'nogo povedeniya [Transformation of the female pattern of self-preservation behavior]. *Sotsiologicheskije issledovaniya [Sociological Studies]*. 2000. No. 11. P. 134–140. (in Russ.)
6. Zhuravleva I. V. Otnosheniye k zdorovju individa i obshchestva [Attitude to Health of the Individual and Society]. Moscow: Nauka [Science]. 2006. 238 p. (in Russ.)
7. Lokosov V. V., Nazarova I. B., Karpova V. M., Lyalikova S. V. Spetsifika samosokhranitel'nogo povedeniya naseleniya stolichnogo regiona [Specificity of self-preservation behavior of the population of the capital region]. *Problemy sotsialnoy gigieny, zdravookhraneniya i istorii meditsiny [Problems of Social Hygiene, Public Health and History of Medicine]*. 2024. Vol. 32. No. S2. P. 1130–1136. DOI: 10.32687/0869-866X-2024-32-s2-1130-1136 (in Russ.)
8. Nazarova I. B., Karpova V. M., Lyalikova S. V. Potentsial zdorovya naseleniya: sostoyaniye i vzaimosvyaz s kharakteristikami rossijskikh regionov [Public health potential: state and relation to Russian regions' features]. *Ekonomicheskije i sotsialnyye peremeny: fakty, tendentsii, prognoz [Economic and Social Changes: Facts, Trends, Forecast]*. 2024. Vol. 17. No. 3. P. 174–189. DOI: 10.15838/esc.2024.3.93.10 (in Russ.)
9. Flyvbjerg B. Five misunderstandings about case-study research. *Qualitative Inquiry*. 2006. Vol. 12. No. 2. P. 219–245. DOI: 10.1177/1077800405284363
10. Austin P. C. An introduction to propensity score methods for reducing the effects of confounding in observational studies. *Multivariate Behavioral Research*. 2011. Vol. 46. No. 3. P. 399–424. DOI: 10.1080/00273171.2011.568786

11. Sardari Nia P., Ganushchak Y., Maessen J. Proposal of statistical twin as a transition to full digital twin technology for cardiovascular interventions. *Interdisciplinary Cardiovascular and Thoracic Surgery*. 2024. Vol. 38. No. 4. DOI: 10.1093/icvts/ivae032
12. Rostovskaya T. K., Ivanova A. E., Kniazkova E. A. Praktiki samosokhranitelnogo povedeniya rossiyan (rezultaty vsrossijskogo sotsiologicheskogo issledovaniya «Demograficheskoye samochuvstviye Rossii») [The practices of self-preserving behavior of the citizens of the Russian Federation: the results of the All-Russian sociological study «The demographic self-feeling of Russia»]. *Problemy sotsialnoj gigieny, zdravookhraneniya i istorii meditsiny [Problems of Social Hygiene, Public Health and History of Medicine]*. 2021. Vol. 29. No. 1. P. 66–75. DOI: 10.32687/0869-866X-2021-29-1-66-75 (in Russ.)

Information about the authors:

Gimbatov Shamil Magomedovich, Candidate of Economics, Leading Researcher, Institute of Socio-Economic Research of the Dagestan FRC RAS, Makhachkala, Russia.

Contact information: e-mail: gimba@list.ru; ORCID: 0000-0002-8302-3544; Elibrary SPIN-code: 8060–2928.

Kobzarenko Dmitry Nikolaevich, Doctor of Technical Sciences, Leading Researcher, Institute of Socio-Economic Research of the Dagestan FRC RAS, Makhachkala, Russia.

Contact information: e-mail: kobzarenko_dm@mail.ru; ORCID: 0000-0002-0963-7935; Elibrary SPIN-code: 9846–8451.

Murtuzaliev Dzhamilya Dzhavidovna, Candidate of Economics, Senior Researcher, ISESP FCTAS RAS, Moscow, Russia.

Contact information: e-mail: djama76@list.ru; ORCID: 0000-0003-3263-3032; Elibrary SPIN-code: 9661–4540.

Medzhidov Zaur Urudzhaliyevich, Candidate of Economics, Researcher, Institute of Socio-Economic Research of the Dagestan FRC RAS, Makhachkala, Russia.

Contact information: e-mail: zaur-medzhidov@mail.ru; ORCID: 0000-0002-6008-1661; Elibrary SPIN-code: 3038–3448.

Gimbatova Amina Shamilevna, Student, Dagestan State Medical University of the Ministry of Health of Russia, Makhachkala, Russia.

Contact information: e-mail: aminka.color@gmail.com.

Статья поступила в редакцию 02.12.2025, утверждена 16.02.2026, опубликована 31.03.2026.

DOI: 10.24412/1561-7785-2026-1-242-255
EDN: TTDBGS

ИНВАРИАНТНОСТЬ ГРАНИЦ РОССИИ В КОНТЕКСТЕ ЭТНО-ДЕМОГРАФИЧЕСКОГО И ИСТОРИКО-ГЕОГРАФИЧЕСКОГО РАЗВИТИЯ ПРИГРАНИЧНЫХ ТЕРРИТОРИЙ

Соколов А. А., Руднева О. С.*

*Институт степи Уральского отделения РАН
(460000, Россия, Оренбург, ул. Пионерская, 11)*

**E-mail: Ksen1909@mail.ru*

Финансирование:

Статья подготовлена в рамках темы НИР «Геоэкологические основы и технологические аспекты оптимизации природопользования в степных регионах России и сопредельных территорий» № ГР 126013016160–7.

Для цитирования:

Соколов А.А., Руднева О.С. Инвариантность границ России в контексте этно-демографического и историко-географического развития приграничных территорий // Народонаселение. – 2026. – Т. 29. – № 1. – С. 242-255. DOI: 10.24412 / 1561-7785-2026-1-242-255; EDN: TTDBGS

Аннотация Статья посвящена комплексной оценке устойчивости сухопутных границ Российской Федерации на основе анализа трёх ключевых структурных детерминант: исторической зрелости, природной барьерности и этнокультурной контрастности. Цель исследования — сегментация всего пограничного периметра России по степени его устойчивости. Методология опирается на классификационный подход, восходящий к идеям Дж. Керзона и развитый в отечественной политической географии, согласно которому устойчивость границы определяется её способностью сохранять положение благодаря совпадению с естественными, историческими и этническими рубежами. В результате проведённого анализа вся государственная граница РФ сегментирована на четыре типа. К наиболее устойчивым (тип 1) отнесены участки с Норвегией, КНДР и Китаем, совпадающие со всеми тремя факторами (старые, проходящие по крупным рекам и разделяющие этнически контрастные территории). Среднеустойчивые границы (тип 2) с Китаем, Монголией, Финляндией и Литвой сочетают два из трёх признаков. Наименее устойчивые (тип 3) участки, включающие границы на Кавказе и с рядом европейских стран, обладают лишь одним структурным субстратом. Наиболее протяжённую категорию составили неустойчивые границы (тип 4), лишённые выраженных естественных и этнических рубежей, сформированные в XX в.; к ним относится почти вся граница с Казахстаном и значительные участки с Беларусью и странами Балтии. Практическая значимость работы заключается в создании основы для дифференцированной политики приграничного сотрудничества и безопасности. Для каждого типа сегментов предложены приоритеты: от развития глубокой интеграции на устойчивых участках до необходимости целенаправленного формирования новых «опор» устойчивости через совместное освоение и гармонизацию законодательства на неустойчивых. Исследование служит фундаментом для будущих разработок, которые должны дополнить структурный анализ функциональными (экономическими, институциональными, демографическими) факторами.

Ключевые слова: государственная граница, типология границ, устойчивость границ, приграничные территории, историческая зрелость, природная барьерность, этнические ареалы.

© Соколов А. А., Руднева О. С., 2026

Введение

Изучение границ в настоящее время охватывает широкий спектр социальных и гуманитарных дисциплин. Одними из первых исследователей государственных границ являлись основоположники различных общественно-географических школ и направлений. Полное осмысление географии границ и приграничных территорий возможно лишь при рассмотрении соответствующего пространства в трёх взаимосвязанных системах координат [1]: географической, дающей сведения о физическом местоположении и ландшафте; исторической, позволяющей оценить эти данные в контексте времени и событий; и, наконец, социокультурной, представляющей население, чьи повседневные практики и коллективные представления также формируют реальность границы¹.

На современном этапе Россия обладает одной из самых протяжённых сухопутных границ, её длина составляет 22,1 тыс. км, из которых 7,6 тыс. км проходит по рекам (Амур, Аргунь, Усури, Урал, Неман и другим) или озёрам (Ханка, Чудское и другим) и около 3,0 тыс. км — по горным хребтам (Кавказ, Алтай, Саяны). Другие участки государственных рубежей относятся к геометрическому типу границы, то есть пересекают территорию без учёта физико-географических особенностей. При этом Россия граничит с такими государствами, когда каждый участок границы и прилегающая территория по-своему уникальны и обладают определённым набором социальных и культурных параметров: длительность существования, распределение населения и его этнические особенности, экономическое взаимодействие. В свою очередь сочетание указанных факторов непосредственно влияет на устойчивость и безопасность рубежей страны.

Целью исследования является комплексная сегментация сухопутной государственной границы РФ на основе оценки степени её устойчивости, определяемой соче-

танием природных, социальных и исторических детерминант. Для достижения данной цели были поставлены следующие задачи: 1) систематизировать теоретико-методологические подходы к классификации и оценке устойчивости государственных границ; 2) проанализировать историю формирования отдельных участков границы России; 3) оценить природную барьерность, этнокультурную контрастность и историческую длительность существования каждого сегмента границы; 4) разработать типологию сегментов границы по степени их устойчивости на основе комбинации детерминант; 5) провести комплексную сегментацию всего пограничного периметра России; 6) обозначить практическую значимость полученных результатов для задач трансграничной безопасности и управления развитием приграничных территорий.

Методы и подходы исследования

В основе исследования лежит классификационный подход к изучению границ, первоначально сформулированный британским государственным деятелем Дж. Керзоном². Его идеи, изложенные в мемуарах и выступлениях 1919–1920 гг. (он был министром иностранных дел Великобритании), заложили фундамент для понимания границ как сложного социально-политического явления, подлежащего классификации по совокупности естественных (природных) и общественных параметров. Этот подход получил развитие в политической географии и стал теоретической основой для многих последующих исследований. Значительный вклад в его развитие внесли российские учёные В. А. Колосов, Н. С. Мироненко и Р. Ф. Туровский, которые не только расширили исходную типологию, но и предложили более детальную и комплексную классификацию географических границ, учитывающую как их морфологию, так и генезис³.

² Curzon G.N. *Frontiers: The Romanes Lecture*. Delivered in the Sheldonian Theatre. — Oxford: 2 November, 1907.

³ Колосов В.А., Мироненко Н.С. *Геополитика и политическая география: Учебник для вузов*. — Москва: Аспект Пресс, 2001. — 479 с.

¹ Spykman N.J. *Geography and Foreign Policy* // *The American Political Science Review*. — 1938. — Vol. 32. — No. 1. — P. 28–39.

Основным признаком устойчивости границы является постоянство её расположения на протяжении времени (исторически). Чем дольше существует граница между странами, тем существеннее она воздействует на формирование региональной приграничной идентичности населения и, как следствие, влияет на закрепление имеющихся линий в качестве устойчивых государственных рубежей [2; 3]. Отечественные исследователи выделяют несколько периодов развития России как государства и эволюции её границ: Киевская Русь, Русские княжества, Русское царство, Российская империя, СССР и Российская Федерация. При этом фактическое формирование границ России завершилось к концу XIX в., в этот период страна достигла своего максимального размера — 22,4 млн км². В результате границы, сформировавшиеся в этот период, можно отнести к историческому типу [4; 5], значительная часть из которых существует в настоящее время⁴.

Важнейшим признаком установления границ было проведение линии, которая следует по естественным (природным) рубежам: горам, рекам, озёрам и контурам естественных объектов — лесов, болот, пустынь и других. Контурная граница, как правило, соответствует линиям, разделяющим различные площадные природные объекты (пустыни, леса, водно-болотные угодья и пр.), однако определённых правил проведения данной границы нет. При этом необходимо понимать, что при проведении мелкокомасштабных исследований нет возможности учесть все природные объекты, поэтому учитываются только большие и средние реки⁵, а также средние и высокие горы⁶.

⁴ Дьякова Н.А., Чепылкин М.А. Границы России в XVII–XX веках. — Москва: Центр военно-стратегических и военно-технологических исследований Института США и Канады, 1995. — 236 с.; Проскуракова Н.А. XIX век // Большая Российская энциклопедия. Том Россия. — Москва, 2004. — С. 325–356.

⁵ Приказ министерства природных ресурсов Российской Федерации от 25 апреля 2007 года № 112 «Об утверждении Методики гидрографического районирования территории Российской Федерации».

⁶ Лукашов А.А. Горы // Большая российская энциклопедия. Том 7. — Москва, 2007. — С. 499.

Этнические границы являются социальным концептом разделения территорий по национальному составу и другим социальным спецификам. Также эти параметры определяют неустойчивость уже сложившихся ситуаций в порубежье и трудности выделения отдельных этносов по маркерам отличий. В связи с тем, что национальная идентичность формируется при взаимодействии социальных групп на основе восприятия весомых различий, то, по сути, этническая граница является самоощущаемой населением на уровне социальных контактов или их отсутствия, когда отдельные этнические группы осознают отделение друг от друга на уровне ареалов проживания⁷. При этом определение этнической границы в некоторых случаях затруднителен, так как размещение этносов может быть очаговым, эксклавым, анклавным, чересполосным, смешанным. Так Т. И. Герасименко [6] отмечает, что «разграничение этнических ареалов субъективно и довольно условно, так как зависит от задач исследования. При определённых условиях практически любой участок можно считать какой-нибудь границей. А в России с её сложным этнокультурным пространством, где этнические ареалы переплетены, они за редкими исключениями не имеют чётко выраженных этнических границ». В результате учитывая все сложности в определении этнических границ в качестве их маркера была выбрана доля титульного этноса, проживающего на приграничных территориях. Если доля титульного этноса на приграничной территории превышает 80% или сопоставима со средним значением по стране, то можно считать, что этническая граница условно совпадает с государственной⁸.

Геометрический тип представляет собой условную линию, проведённую по определённым точкам пространства без учёта особенностей населения или природных ориентиров. Часто такие границы представля-

⁷ Wallman S. The boundaries of «race»: processes of ethnicity in England // *Man*. — 1978. — Vol. 13. — No. 2. — P. 200–217.

⁸ Эккель Б. М. Определение индекса мозаичности национального состава республик, краёв и областей СССР // Советская этнография. — 1976. — № 2. — С. 33–39.

ют собой прямые линии (геометрические границы) и носят антецедентный характер, проходя по слабозаселённым территориям, как, например, некоторые участки границы между Россией и Казахстаном. Несмотря на то, что геометрическая морфология границ является результатом политических решений и выглядит искусственной на фоне социального или природного ландшафта, её не стоит считать произвольной. Как правило, проведение таких границ обусловлено не только административной целесообразностью, но и стремлением к справедливому (симметричному) разделу пространства между центрами власти, а также компромиссом между противоборствующими сторонами при отсутствии явных естественных или этнокультурных рубежей. При этом на начальном этапе установления геометрической границы она может формировать зоны повышенной неустойчивости, так как природно-социальная система, сформированная в приграничной зоне, стремится к равновесию, но ввиду искусственности созданной границы эта система подвержена колебаниям различной степени. Со временем на наиболее стабильных участках этот тип границ способен трансформироваться в исторический или этнический.

В свою очередь перечисленные типы границ могут накладываться друг на друга, формируя комбинации различных участков в виде многосложных границ. В рамках данного исследования под устойчивостью государственной границы понимается её способность сохранять неизменное положение в пространстве и времени, сопротивляясь внешним и внутренним дестабилизирующим воздействиям. Эта способность является функцией сложности границы как по морфологии, так и по генезису, определяемой количеством и комбинацией объективных структурных субстратов — исторического, природного и этнического, которые выступают ключевыми факторами её легитимации. Основными показателями устойчивости границ является их историческая зрелость, природная барьерность, этнокультурная контрастность и отсутствие политико-

социально-экономической напряжённости или открытых конфликтов [7; 8].

В результате для операционализации понятия «устойчивость» и последующей сегментации границы были разработаны следующие критерии оценки каждого из трёх субстратов: 1) историческая зрелость оценивалась по способности границы сохранять своё положение на протяжении длительного времени. Наиболее устойчивые границы — сформировавшиеся в конце XIX в., когда Российская империя достигла своего максимального размера и включала практически все современные рубежи. Значительная часть этих границ существует и в настоящее время. Границы, созданные или существенно изменённые в XX–XXI вв., были отнесены к менее устойчивым; 2) природная барьерность определялась на основе совпадения государственной границы с выраженными естественными рубежами. Наиболее устойчивыми признаны границы, проходящие по крупным горным хребтам (Кавказ, Алтай, Саяны) и крупным рекам (Амур, Уссури, Аргунь). Эти рубежи, как правило, на протяжении длительного времени не меняют своего положения и создают естественные преграды. Границы, не следующие природным ориентирам, были отнесены к менее устойчивым; 3) этническая контрастность выявлялась через анализ распределения титульных этносов в сопредельных приграничных регионах. К устойчивым были отнесены границы, где доля титульного этноса выше среднего значения по стране или превышает 80%. Границы с более смешанным национальным составом, а также разделяющие единое этнокультурное пространство, обладают меньшей устойчивостью. Комбинация данных критериев позволяет оценить и классифицировать участки границы по критерию устойчивости⁹: 1) наиболее устойчивые границы: участки, где государственная граница совпадает одновременно с историче-

⁹ Колосов В.А., Туровский Р.Ф. Современные государственные границы: новые функции в условиях интеграции и приграничное сотрудничество // Известия Российской академии наук. Серия географическая. — 1997. — № 5. — С. 106–113; Ancel J. Géographie des frontières. — Paris, 1938. — 256 p.

ским, природным и этническим рубежами; 2) среднеустойчивые: участки, где наблюдаются совпадения по двум из трех типов; 3) наименее устойчивые границы: участки, где государственная граница совпадает лишь с одним типом рубежа; 4) неустойчивые границы: участки, представленные геометрическим типом

В настоящем исследовании сознательно используется классический классификационный подход, так как он позволяет выявить фундаментальные, инерционные структурные субстраты границы (исторический, природный, этнический), которые формируют её долгосрочный каркас устойчивости. Это создаёт основу для анализа, на которую могут быть наложены более динамичные факторы (институциональные, экономические, миграционные).

Основные данные и история формирования границы

Россия по суше граничит с 14 международно-признанными государствами. Эти страны существенно различаются как по площади территории, так и по численности населения. Непосредственно в приграничных субъектах РФ проживает 58,8 млн человек, в то время как население приграничных территорий сопредельных стран насчитывает 109,5 млн человек. При этом в виду существенного различия размеров приграничных стран, под их приграничием мы понимаем сопоставимые по площади сопредельные территории в пределах административных или государственных границ. Это могут быть как целиком страны, так и их отдельные административные единицы (воеводства, губернии, области, округа, провинции и другие). В данном исследовании не рассматривается участок границы России с Украиной ввиду отсутствия стабильного делимитированного статуса данной линии на момент проведения анализа (рис. 1).

Российско-норвежская граница, установленная в 1826 г. между Российской империей и Шведско-Норвежской унией, поставила точку в долгих пограничных спорах между

скандинавскими странами и Российской империей за право обладания Кольским полуостровом. Современная протяжённость сухопутной границы составляет 197,7 км (в том числе 43 км по суше и 154,7 км по рекам) [9]. Текущая граница между Россией и Финляндией была унаследована от множества соглашений разных эпох. Самые старые из ныне существующих участков границы происходят от границы между Швецией и Российской империей XVI–XVII веков. Последние изменения были установлены согласно Парижскому договору 1947 г., протяжённость сухопутной границы составляет 1271,8 км (в том числе 1091,7 км по суше, 60,3 км речной и 119,8 км озёрной)¹⁰.

Современная граница между Россией и Эстонией была установлена в 1944 г., когда часть приграничных территорий, переданных Эстонии по Тартускому договору 1920 года, были включены в состав РСФСР. Протяжённость сухопутной границы составляет 324,8 км (в том числе 89,5 км по суше, 87,5 км речной и 147,8 км озёрной) [10]. Нынешняя граница между Россией и Латвией установлена латвийско-российским мирным договором 1920 г., однако в 1944 г. часть территории Латвии была включена в состав РСФСР. Общая протяжённость границы составляет 270,5 км (в том числе 137,2 км по суше, 127,5 км речной и 5,8 км озёрной)¹¹. Российско-литовская граница была установлена в 1945 г., когда на Потсдамской конференции было принято решение о передаче Кёнигсберга (Восточной Пруссии) в состав СССР. Протяжённость сухопутной границы составляет 244,8 км (в том числе 28,2 км по суше, 207,9 км речной и 8,7 км озёрной) [11].

Российско-польская граница была установлена в результате соглашения о границе между Польшей и СССР в 1945 г., когда Восточная Пруссия была разделена на две части. Протяжённость сухопутной границы составляет 204,1 км (в том числе 203,3 км по суше и 0,8 км озёрной) [12]. Современные очерта-

¹⁰ Рупасов А.И., Чистиков А.Н. Советско-финляндская граница. 1918–1938 гг. Очерки истории. – Санкт-Петербург: Аврора, 2016. – 240 с.

¹¹ Плаканс А. Краткая история стран Балтии. – Москва: Весь мир, 2016. – 480 с.

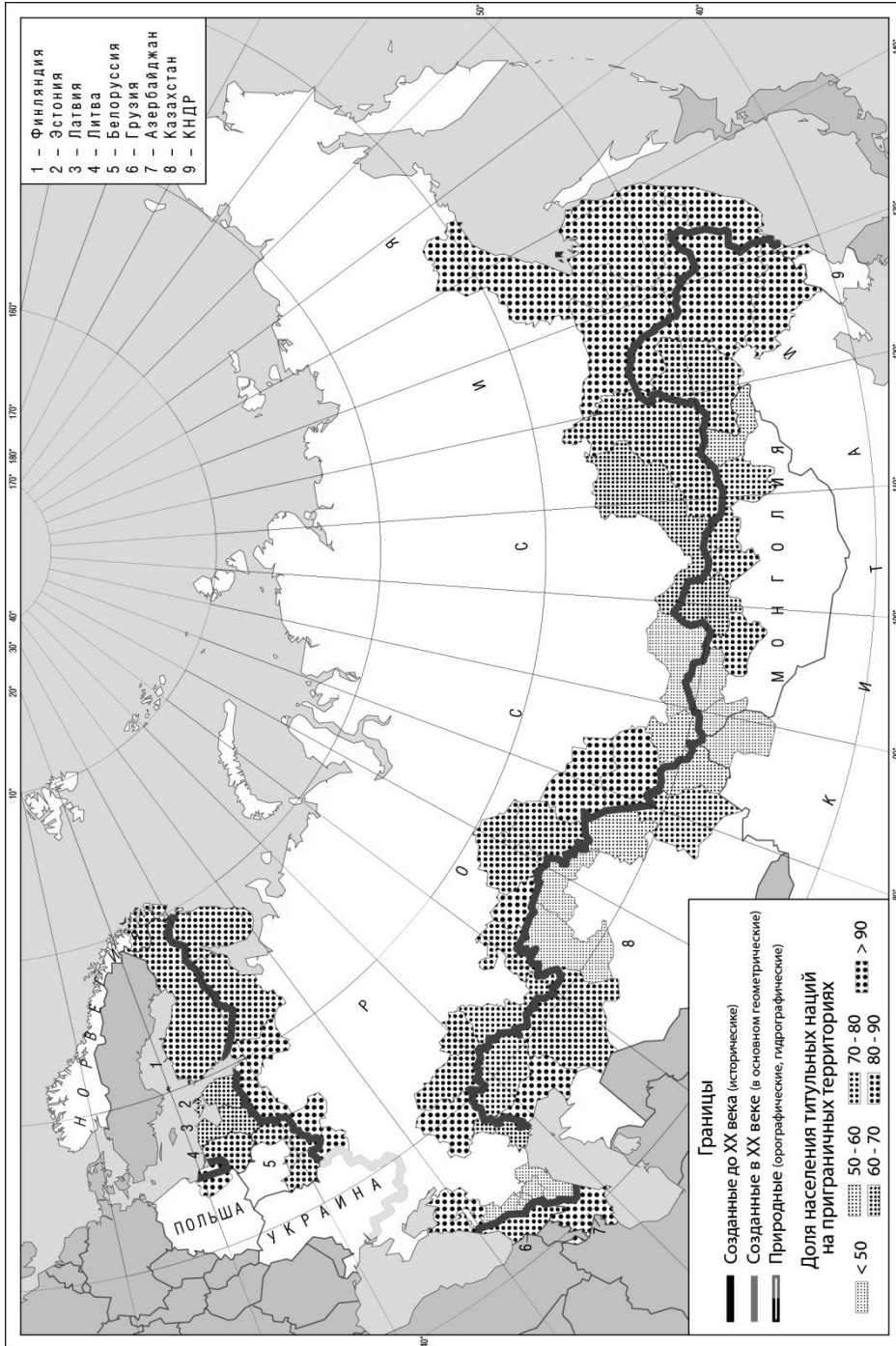

Рис. 1. Типы участков российской границы и доля титульных этносов на приграничных территориях
 Fig. 1. Types of sections of the Russian border and the proportion of titular nationalities in the border territories

Источник: составлено авторами.

ния российско-белорусская граница приобрела в 1924–1926 гг., когда в состав ССРБ (БССР) были включены территории РСФСР — Могилевская, Витебская и Гомельская области. Протяжённость границы составляет 1239 км (в том числе 857,7 км по суше, 362,3 км речной и 19 км озёрной) [13].

Граница между Россией и Грузией (а также с Абхазией и Южной Осетией) формировалась в период XVIII–XIX вв. и стала результатом длительной борьбы Российской и Османской империй за сферу влияния на Кавказе. Нынешняя граница берет своё начало в 1920 г., когда Грузия и РСФСР подписали договор о взаимном признании. В период с 1944 г. граница меняла свою конфигурацию, однако в 1958 г. снова приобрела прежние очертания. Протяжённость сухопутной границы составляет 875,5 км (вдоль горного водораздела 819,6 км и 55,9 км речной) [14]. Российско-азербайджанская граница берет своё начало в 1820-е гг. и стала результатом борьбы за сферы влияния на Кавказе между Ираном и Российской империей. Современные очертания граница приобрела в 1920 г., когда была образована Азербайджанская ССР. Протяжённость сухопутной границы составляет 327,6 км (вдоль горного водораздела — 272,4 км и 55,2 км речной границы) [14].

Российско-казахстанская граница сформировалась в 1920–30-е гг., когда в результате размежевания территории СССР Казахстан был выделен в отдельную советскую республику. При формировании границы в основном руководствовались хозяйственными нуждами, этнические и природные особенности игнорировались. Протяжённость сухопутной границы составляет 7512,8 км (в том числе 5936,1 км по суше, 1516,7 км речной и 60 км озёрной) [15].

Граница между Россией и Монголией впервые была установлена договором от 1727 г. между Российской империей и Китаем (в состав которого в тот период входила территория Монголии). Следующее изменение границы произошло в XX в., когда от Китая отделились Монголия и Тыва, причём последняя стала частью Российской империи и, позднее, СССР. Современная граница на значительном протяжении

сохранила свои прежние контуры. Протяжённость сухопутной границы составляет 3485 км (в том числе 2878,6 км по суше, 588,3 км речной и 18,1 км озёрной) [16].

Российско-китайская граница впервые была установлена в 1689 г. по договору между Русским царством и Китаем (на участке реки Аргунь). В дальнейшем было подписано ещё несколько договоров, уточняющих новые отрезки границы, при этом договор 1860 г. зафиксировал современные очертания границы за исключением нескольких спорных участков, урегулированных позднее. Протяжённость сухопутной границы составляет 4209,3 км (в том числе 650,3 км по суше, 3489 км речной и 70 км озёрной) [17]. Граница между Россией и Кореей была зафиксирована по договору между Китаем и Российской империей в 1860 г., когда территория Кореи входила в состав Китая. Протяжённость сухопутной границы составляет 17,3 км, она проходит по фарватеру реки Туманная [18].

Результаты исследования

Наиболее устойчивые границы (тип 1). От момента возникновения сохраняют текущее положение, обладают исторической зрелостью, сформированы на хорошо выраженных природных рубежах и разделяют пространство с несхожим этническим составом. На данный сегмент приходится наименьшая протяжённость государственной границы России. Выделено три таких участка — это отрезки границ с Китаем, Норвегией и КНДР. Важной физико-географической особенностью этого сегмента является то, что все его участки проходят по крупным рекам: граница с Китаем проходит в основном по Амуру и его притокам, с КНДР — по реке Туманной, с Норвегией — по реке Патсойоки. Также данные участки границы имеют высокую этническую контрастность: доля титульных этносов в приграничных регионах составляет около 90%. Отметим существенную разницу в демографическом потенциале приграничных территорий с Китаем и КНДР, где проживает 58 млн человек, в то время как

на сопредельной российской территории — 4 млн человек. При этом в приграничье с Норвегией наблюдается противоположная ситуация — в Мурманской области проживает более 650 тыс. человек, а в норвежском Финнмарке — около 75 тыс. человек.

Границы среднеустойчивые (тип 2). На протяжении длительного времени они находятся в равновесном состоянии, при этом имеют менее сложную структуру, сочетающую парную комбинацию из исторических, природных или этнических признаков. Большую часть протяжённости данного сегмента границы приходится на Китай, Монголию и несколько отрезков с Финляндией и Литвой. Почти вся протяжённость этого сегмента обладает исторической зрелостью, а те участки, которые были созданы в XX в., уже имели исторические аналоги. Кроме того, значительная часть границ данного типа обладает природной барьерностью — это участки границы с Китаем (река Аргунь, озеро Ханка и хребты Алтая), Литвой (река Неман) и Монголией (хребты Алтая и Саян). Национальный состав менее однороден, но на большей части территории доля титульных этносов превышает 80%, за исключением некоторых участков границ с Монголией и Китаем.

Наименее устойчивые границы (тип 3). Отличаются широким диапазоном по времени существования, не структурированы, обладают только одним признаком — в основном природным или этническим, реже — историческим. Представлены на всём протяжении государственной границы. Как правило, они не имеют исторических аналогов, так как большая часть этих границ созданы или претерпели существенные изменения в течение XX века. В свою очередь имеются значительные участки, обладающие хорошо выраженной природной барьерностью (хребты Кавказа и Алтая), также встречаются небольшие отрезки границ, проходящие по рекам (Нарва, Урал и другие). При этом на некоторых приграничных территориях наблюдается пёстрый этнический состав населения (территория Северного Кавказа, страны Балтии), вследствие чего этнические границы не совпада-

ют с государственными рубежами. Однако граница с Финляндией и Польшей, а также некоторые участки с Беларусью обладают этнической контрастностью.

Неустойчивые границы (тип 4). Находятся на начальной стадии формирования, подвержены изменениям и не обладают выраженными признаками. Данный тип имеет самую большую протяжённость и в основном относится к новым границам России, появившимся после распада СССР. Преимущественно эти границы были обусловлены ситуативными экономическими и политическими интересами и не учитывали долговременные, структурные факторы организации территории. К этому типу относится почти вся российская граница с Казахстаном, часть границы с Беларусью, Монголией и странами Балтии. У данного типа границы не встречается значительных природных рубежей, в основном её окружают агроландшафты, и она часто пересекает единое этническое пространство (рис. 2).

Заключение

Проведённый анализ устойчивости государственных границ России показал, что на всём своём протяжении она имеет различную степень устойчивости. С одной стороны, одни участки включают в себя максимальное количество структурных субстратов как по морфологическим признакам, так и по генезису являются наиболее устойчивыми и на протяжении длительного периода времени не меняют свою конфигурацию. С другой стороны, имеются отрезки границы, которые являются неустойчивыми и не обладают структурной основой.

Практическая значимость работы заключается не только в дифференциации подходов к исследованию границы, но и в создании основы для сегментированной и сбалансированной политики приграничного сотрудничества. Полученные результаты указывают на необходимость дополнения структурного анализа функциональным: 1) для устойчивых сегментов (тип 1) клю-

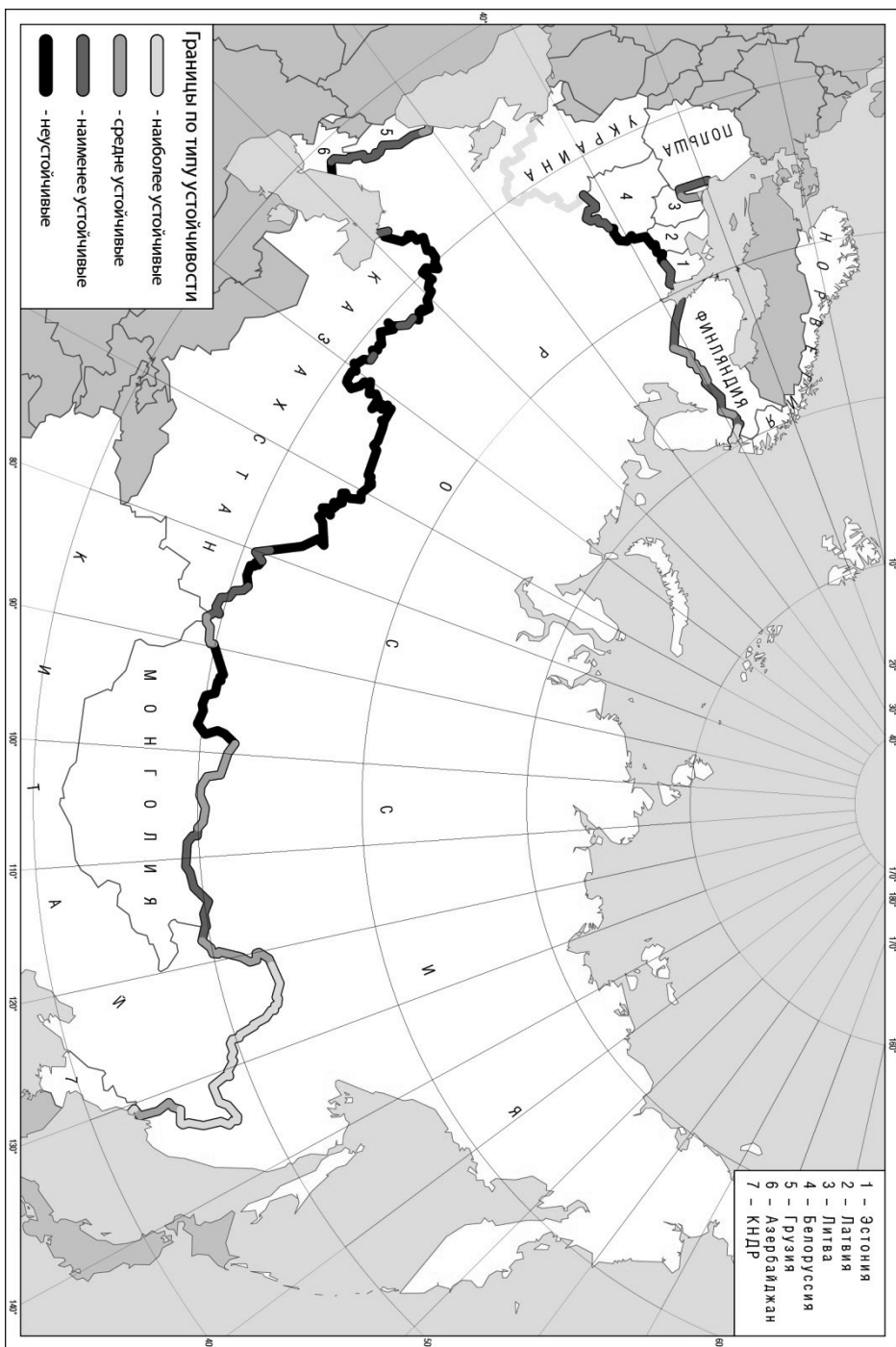

Рис. 2. Сегментирование российской государственной границы в зависимости от её устойчивости

Fig. 2. Segmentation of the Russian state border depending on its stability

Источник: составлено авторами.

чевой задачей является переход от логики контроля к логике сотрудничества: развитие совместной инфраструктуры, создание трансграничных агломераций, упрощение визового режима (где применимо); 2) для среднеустойчивых и наименее устойчивых сегментов (типы 2 и 3) необходим мониторинг и смягчение институциональных и социально-экономических асимметрий (например, через программы выравнивания уровня жизни, поддержку малого бизнеса в приграничье); 3) для неустойчивых сегментов (тип 4, особенно с Казахстаном) на первом этапе актуально техническое укрепление границы и борьба с трансграничными угрозами. В долгосрочной перспективе нужно целенаправленное формирование новых «опор» устойчивости через программы совместного экономического освоения, культурного обмена и гармонизацию законодательства, что может способствовать трансформации геометрической границы в функционально интегрированную.

Предложенная трехфакторная модель оценивает структурную (морфогенетическую) устойчивость границы. Для полной оценки её функциональной устойчивости и потенциала изменчивости в будущем необходимо изучение дополнительных критериев, таких как: 1) институциональный фактор: степень гармонизации/конфликтности пограничного законодательства и режимов сопредельных государств; 2) экономический фактор: уровень асимметрии социально-экономического развития приграничных регионов и интенсивность трансграничных экономических связей; 3) демографический фактор: динамика численности населения и миграционные потоки в приграничье. Таким образом, предложенная типология служит первым шагом в разработке комплексной многофакторной модели оценки границ России, которая должна интегрировать как классические структурные, так и современные функциональные и институциональные параметры.

Литература и интернет источники

1. **Евстафьев, Д.Г.** Евразийская цивилизация: геоэкономические параметры концепции в условиях нового миропорядка / Д.Г. Евстафьев // Государственное управление. Электронный вестник. — 2024. — № S1. — С. 8–17. DOI: 10.55959/MSU2070-1381-104(S)-2024-8-17; EDN: ATEXVN
2. **Евдокимов, С.И.** Оценка устойчивости границ псковско-белорусской порубежной территории / С.И. Евдокимов // Вестник Псковского государственного университета. Серия: Естественные и физико-математические науки. — 2013. — № 2. — С. 116–124; EDN: RDFLZD
3. **Манаков, А.Г.** Устойчивость границ Псковского региона: историко-географический анализ / А.Г. Манаков, С.И. Евдокимов // Псковский регионологический журнал. — 2010. — № 10. — С. 29–48; EDN: NUAORP
4. **Паламарь, Н.Г.** Генезис взглядов на формирование государственной территории и государственной границы российского государства / Н.Г. Паламарь // Власть. — 2008. — № 4. — С. 100–103; EDN: KAQLBL
5. **Позднякова, Т.М.** Государственная граница России: обзор формирования и современные особенности / Т.М. Позднякова // Вестник Приамурского государственного университета имени Шолом-Алейхема. — 2024. — № 1(54). — С. 15–27. DOI: 10.24412 / 2227-1384-2024-154-15-27; EDN: CLLOJU
6. **Герасименко, Т.И.** Этноконтактные зоны в геокультурном пространстве России / Т.И. Герасименко // Гуманитарный вектор. — 2018. — № 2. — С. 152–161. DOI: 10.21209 / 1996-7853-2018-13-2-152-161; EDN: YUPRHI
7. **Родоман, Б.Б.** Основные типы географических границ / Б.Б. Родоман // Географические границы. — Москва : Издательство МГУ, 1982. — С. 19–33; EDN: VNWIUP

8. **Колосов, В.А.** География государственных границ: идеи, достижения, практика / В.А. Колосов // Известия Российской академии наук. Сер. географическая. — 2008. — № 5. — С. 8–20; EDN: JSJZCV
9. **Флегентова, А.А.** Российско-норвежские отношения: вчера, сегодня, завтра / А.А. Флегентова // Актуальные проблемы современных международных отношений. — 2015. — № 6. — С. 124–129; EDN: TYWBNP
10. **Межевич, Н.М.** Российско-эстонская граница: история формирования и современное значение для развития Северо-Запада России / Н.М. Межевич // Псковский регионалогический журнал. — 2007. — № 4. — С. 134–145; EDN: NUHUUT
11. **Рожков-Юрьевский, Ю. Д.** К вопросу установления государственных границ и разграничения морских пространств Российской Федерации на участке Калининградской области / Ю.Д. Рожков-Юрьевский // Вестник БФУ имени И. Канта. Серия: Гуманитарные и общественные науки. — 2013. — № 3. — С. 162–167; EDN: PYCAAN
12. **Гуменюк, Л.Г.** Функционально-временная изменчивость границы (на примере границ Калининградской области) / Л.Г. Гуменюк // Региональные исследования. — 2022. — № 3. — С. 90–99. DOI: 10.5922 / 1994-5280-2022-3-8; EDN: WZGZAP
13. **Шарухо, И.Н.** Формирование территории Беларуси как процесс взаимодействия с соседями / И.Н. Шарухо // Псковский регионалогический журнал. — 2006. — № 3. — С. 158–170; EDN: NUHRJX
14. **Архипова, Е.В.** Границы между Азербайджаном, Грузией и Россией: советское наследие / Е.В. Архипова // Центральная Азия и Кавказ. — 2005. — № 6(42). — С. 36–46; EDN: PVKJEZ
15. **Соколов, А.А.** Социально-экономическое районирование российско-казахстанского трансграничного региона / А.А. Соколов, О.С. Руднева // Регион: Экономика и Социология. — 2023. — № 3(119). — С. 282–306. DOI: 10.15372 / REG20230312; EDN: OOVTTG
16. **Базаров, В.Б.** Российская политика в отношении Монголии в начале XX века / В.Б. Базаров // Власть. — 2017. — № 9. — С. 158–163; EDN: ZGQFRZ
17. **Тавровский, Ю.В.** Русско-китайские договоры: веги и зигзаги истории. Часть I. От XVII в. до второй мировой войны / Ю.В. Тавровский // Перспективы. Электронный журнал. — 2021. — № 2 / 3(25 / 26). — С. 51–65. DOI: 10.32726 / 2411-3417-2021-2-3-51-65; EDN: TMXTEJ
18. **Киреев, А.А.** Приграничное сотрудничество с КНДР / А.А. Киреев, В.А. Денисенко, А.М. Сазыкин // Приграничное сотрудничество вдоль государственной границы России. Часть 1: Регионы Дальнего Востока, Сибири, Урала и Поволжья: монография / под ред. А.П. Клемешева, Я.А. Ворожейной, И.С. Гуменюка, Г.М. Федорова. — Калининград : БФУ имени И. Канта, 2021. — С. 99–121. EDN: ODGJOV

Сведения об авторах:

Соколов Александр Андреевич, к.геогр.н., старший научный сотрудник, Институт степи Уральского отделения РАН, Оренбург, Россия.

Контактная информация: SokolovAA@rambler.ru; ORCID: 0000-0002-0093-3420; ПИНЦ SPIN-код: 1223–3480.

Руднева Оксана Сергеевна, к.геогр.н., старший научный сотрудник, Институт степи Уральского отделения РАН, Оренбург, Россия.

Контактная информация: Ksen1909@mail.ru; ORCID: 0000-0001-8425-3301; ПИНЦ SPIN-код: 9870–1328.

DOI: 10.24412/1561-7785-2026-1-242-255

THE INVARIANCE OF RUSSIA'S BORDERS IN THE CONTEXT OF THE ETHNO-DEMOGRAPHIC AND HISTORICO-GEOGRAPHICAL DEVELOPMENT OF THE BORDER TERRITORIES

Alexander A. Sokolov, Oksana S. Rudneva*

Institute of Steppe of the Ural Branch RAS
(11 Pionerskaya str., Orenburg, Russia, 460000)

*E-mail: Ksen1909@mail.ru

Funding:

The article was prepared within the frames of the study «Geoecological foundations and technological aspects of optimizing environmental management in the steppe regions of Russia and adjacent territories» № 126013016160–7.

For citation:

Sokolov A. A., Rudneva O. S. The invariance of Russia's borders in the context of the ethno-demographic and historico-geographical development of the border territories. *Narodonaselenie [Population]*. 2026. Vol. 29. No. 1. P. 242-255. DOI: 10.24412/1561-7785-2026-1-242-255 (in Russ.)

Abstract. *The article is devoted to a comprehensive assessment of the stability of the Russian Federation's land borders based on the analysis of three key structural determinants: historical maturity, natural barrier function, and ethno-cultural contrast. The aim of the research is to segment the entire border perimeter of Russia according to its degree of stability. The used methodology is based on the classical classification approach, originating from the ideas of G. Curzon and developed in Russian political geography, according to which the stability of a border is determined by its ability to maintain its position due to coincidence with natural, historical, and ethnic boundaries. As a result of the analysis, the entire state border of the Russian Federation has been segmented into four types. The most stable borders (Type 1) include sections bordering Norway, North Korea, and China, which match all three factors (old borders, running along major rivers, and separating ethnically contrasting territories). Moderately stable borders (Type 2) with China, Mongolia, Finland, and Lithuania combine two of the three features. The least stable borders (Type 3), including boundaries in the Caucasus and with a number of European countries, possess only one structural substrate. The most extensive category consists of unstable borders (Type 4), devoid of pronounced natural and ethnic boundaries, formed in the 20th century; this category includes almost the entire border with Kazakhstan and significant sections with Belarus and the Baltic states. The practical significance of the work lies in creating the basis for a differentiated policy of cross-border cooperation and security. Priorities are proposed for each type of segment: from developing deep integration on stable sections to the need for targeted formation of new «pillars» of stability through joint development and harmonization of legislation on unstable ones. The research serves as a foundation for future developments, which should supplement structural analysis with functional (economic, institutional, demographic) factors.*

Keywords: *State border, border typology, border stability, border territories, historical development, natural barriers, ethnic areas.*

References and internet sources

1. Evstafiev D. G. Yevrazijskaja tsivilizatsija: geokonomichekije parametry kontseptsii v uslovijakh novogo miroporjadka [Eurasian civilization. Conceptual geo-economic framework in the context of a new world order]. Gosudarstvennoje upravlenije. Elektronnyj vestnik [Public Administration. Electronic Bulletin]. 2024. No. S1. P. 8–17. DOI: 10.55959/MSU2070-1381-104(S)-2024-8-17 (in Russ.)

2. Evdokimov S.I. Otsenka ustojchivosti granits pskovsko-belorusskoj porubezhnoj territorii [Evaluation of stability of Pskov-Belorussian sustainability]. Vestnik Pskovskogo gosudarstvennogo universiteta. Serija: Yestestvennye i fiziko-matematicheskije nauki. [Bulletin of the Pskov State University. Series: Natural and Physical and Mathematical Sciences.]. 2013. No. 2. P. 116–124. (in Russ.)
3. Manakov A. G., Evdokimov S. I. Ustojchivost' granits Pskovskogo regiona: istoriko-geograficheskij analiz [Stability of borders of the Pskov region: a historical and geographical analysis]. Pskovskij regionologicheskij zhurnal [Pskov Journal of Regional Studies]. 2010. No. 10. P. 29–48. (in Russ.)
4. Palamar N.G. Genezis vzgljadov na formirovanije gosudarstvennoj territory i gosudarstvennoj granitsy rossijskogo gosudarstva [Genesis of the views on formation of the state territory and the state border of the Russian state]. Vlast' [Authority]. 2008. No 4. P. 100–103. (in Russ.)
5. Pozdnyakova T.M. Gosudarstvennaja granitsa Rossii: obzor formirovanija i sovremennye osobennosti [The State border of Russia: overview of formation and modern features]. Vestnik Priamurskogo gosudarstvennogo universiteta im. Sholom-Alejkhema [Sholom-Aleichem Priamursky State University Bulletin]. 2024. No. 1(54). P. 15–27. DOI: 10.24412/2227-1384-2024-154-15-27 (in Russ.)
6. Gerasimenko T. I. Etnokontaktnyje zony v geokul'turnom prostranstve Rossii [Ethnocontact zones in the ethnic-cultural space of Russia]. Gumanitarnyj vector [Humanitarian Vector]. 2018. No. 2. P. 152–161. DOI: 10.21209/1996-7853-2018-13-2-152-161 (in Russ.)
7. Rodoman B. B. Osnovnye tipy geograficheskikh granits [Basic types of geographical boundaries]. Geograficheskije granitsy [Geographical Boundaries]. Moscow. Izd-vo MGU [MSU Publishing House]. 1982. P. 19–33. (in Russ.)
8. Kolosov V. A. Geografija gosudarstvennykh granits: idei, dostizhenija, praktika [Geography of state borders: ideas, achievements, practice]. Izvestija Rossijskoj akademii nauk. Serija geograficheskaja [Proceedings of the Russian Academy of Sciences. Series: Geography]. 2008. No. 5. P. 8–20. (in Russ.)
9. Flegentova A. A. Rossijsko-norvezhskije otnoshenija: vchera, segodnja, zavtra [Russian-Norwegian relations: yesterday, today and tomorrow]. Aktual'nyje problemy sovremennykh mezhdunarodnykh otnoshenij [Topical Issues of Contemporary International Relations]. 2015. No. 6. P. 124–129. (in Russ.)
10. Mezhevich N. M. Rossijsko-estonskaja granitsa: istorija formirovanija i sovremennoje znachenije dlja razvitija Severo-Zapada Rossii [The Russian-Estonian border: history of formation and modern significance for development of the North-West of Russia]. Pskovskij regionologicheskij zhurnal [Pskov Journal of Regional Studies]. 2007. No. 4. P. 134–145. (in Russ.)
11. Rozhkov-Yurievsky Yu. D. K voprosu ustanovlenija gosudarstvennykh granits i razgranichenija morskikh prostranstv Rossijskoj Federatsii na uchastke Kaliningradskoj oblasti [On the issue of establishing state borders and delimiting the maritime spaces of the Russian Federation in the Kaliningrad region]. Vestnik BFU imeni I. Kanta. Serija: Gumanitarnyje i obshhestvennye nauki [Bulletin of Immanuel Kant Baltic Federal University. Series: Humanities and Social Sciences]. 2013. No. 3. P. 162–167. (in Russ.)
12. Gumenyuk L. G. Funktsional'no-vremennaja izmenchivost' granitsy (na primere granits Kaliningradskoj oblasti) [Functional-time variability of the boundary (the case of Kaliningrad oblast borders)]. Regional'nyje issledovanija [Regional Research]. 2022. No. 3. P. 90–99. DOI: 10.5922/1994-5280-2022-3-8 (in Russ.)
13. Sharukho I. N. Formirovanije territorii Belarusi kak protsess vzaimodejstvija s sosjedami [Formation of the territory of Belarus as a process of interaction with neighbours]. Pskovskij regionologicheskij zhurnal [Pskov Journal of Regional Studies]. 2006. No. 3. P. 158–170. (in Russ.)
14. Arkhipova E. V. Granitsy mezhdru Azerbajdzhanom, Gruziej i Rossiej: sovetskoje nasledije [The borders between Azerbaijan, Georgia and Russia: Soviet heritage]. Tsentral'naja Azija i Kavkaz [Central Asia and the Caucasus]. 2005. No. 6(42). P. 36–46. (in Russ.)
15. Sokolov A. A., Rudneva O. S. Sotsial'no-ekonomicheskije rajonirovanije rossijsko-kazahstanskogo transgranichnogo regiona [Socio-economic zoning of the cross-border region between Kazakhstan and Russia]. Region: Ekonomika i Sotsiologija [Region: Economics and Sociology]. 2023. No. 3(119). P. 282–306. DOI: 10.15372/REG20230312 (in Russ.)

16. Bazarov V. B. Rossijskaja politika v otnoshenii Mongolii v nachale 20 v [Russian policy towards Mongolia at the beginning of the 20th century]. *Vlast'* [Authority]. 2017. No. 9. P. 158–163. (in Russ.)
17. Tavrovsky Yu. V. Russko-kitajskie dogovory: vekhi i zigzag istorii. Chast' I. Ot 17 v. do vtoroj mirovoj vojny [Russian-Chinese treaties: milestones and zigzags of history. I. From the 17th century to World War II]. *Perspektivy. Elektronnyj zhurnal* [Perspectives and Prospects. E- journal]. 2021. No. 2/3 (25/26). P. 51–65. DOI: 10.32726/2411-3417-2021-2-3-51-65 (in Russ.)
18. Kireev A. A., Denisenko V. A., Sazykin A. M. Prigranichnoje sotrudnichestvo s KNDR. [Cross-border cooperation with the DPRK]. Prigranichnoje sotrudnichestvo vdol' gosudarstvennoj granitsy Rossii. Chast' 1: Regiony Dal'nego Vostoka, Sibiri, Urala i Povolzh'ja: monografija [Cross-Border Cooperation Along the State Border of Russia. Part 1: Regions of the Far East, Siberia, the Ural and the Volga Region]. Kaliningrad. Izdatel'stvo BFU imeni I. Kanta [Immanuel Kant BFU Publishing House]. 2021. P. 99–121. (in Russ.)

Information about the authors:

Sokolov Alexander Andreevich, Candidate of Geography, Senior Researcher, Institute of Steppe of the Ural Branch RAS, Orenburg, Russia.

Contact information: SokolovAA@rambler.ru; ORCID: 0000-0002-0093-3420; Elibrary SPIN-code: 1223-3480.

Rudneva Oksana Sergeevna, Candidate of Geography, Senior Researcher, Institute of Steppe of the Ural Branch RAS, Orenburg, Russia.

Contact information: Ksen1909@mail.ru; ORCID: 0000-0001-8425-3301; Elibrary SPIN-code: 9870-1328.

Статья поступила в редакцию 26.02.2025, утверждена 16.02.2026, опубликована 31.03.2026.

НАУЧНАЯ ЖИЗНЬ ИСЭПН ФНИСЦ РАН

DOI: 10.24412/1561-7785-2026-1-256-262
EDN: ZYJEXI

XI МЕЖДУНАРОДНАЯ НАУЧНО-ПРАКТИЧЕСКАЯ КОНФЕРЕНЦИЯ «ДОХОДЫ, РАСХОДЫ И СБЕРЕЖЕНИЯ НАСЕЛЕНИЯ РОССИИ: ТЕНДЕНЦИИ И ПЕРСПЕКТИВЫ»

XI Международная научно-практическая конференция, проведённая 25 ноября 2025 г. по инициативе ИСЭПН ФНИСЦ РАН, в очередной раз собрала для научной дискуссии ряд учёных, преподавателей и практиков из разных городов России, Беларуси, Армении, Китая и Новой Зеландии. Модераторами выступили О. А. Александрова, д.э.н., доцент, зам. директора ИСЭПН ФНИСЦ РАН по научной работе, проф. кафедры социологии Финансового университета при Правительстве РФ; А. В. Ярашева, д.э.н., проф., проф. РАН, зав. лабораторией ИСЭПН ФНИСЦ РАН и С. В. Крошилин, к.техн.н., доцент, в.н.с. ИСЭПН ФНИСЦ РАН. Для участия в работе конференции зарегистрировались 114 участников, в т.ч. 9 иностранных учёных.

С приветственным словом к участникам конференции обратились: И. О. директора ФНИСЦ РАН, д.социол.н., проф. Ю. А. Зубок и директор ИСЭПН ФНИСЦ РАН, член-корр. РАН, д.социол.н., проф. В. В. Локосов. К работе конференции подключились учёные 4-х центров РАН: Вологодского, Кольского, Уральского и Карельского, а также Национальной академии наук Республики Армения. Докладчиками выступили представители 28 университетов и институтов, среди которых: МГУ имени М. В. Ломоносова, НИУ ВШЭ, Финансовый университет при Правительстве РФ; Институт социально-экономических и энергетических проблем Севера, Национальный исследовательский Томский политехнический университет, ИСЭПН ФНИСЦ РАН, ИСД ФНИСЦ РАН и другие.

В докладе О. А. Александровой «Работающие преподаватели-пенсионеры: мотивы

занятости и восприятие студентами» затрагивалась тема, волнующая многих работников вузов старших возрастов, особенно, на фоне установки руководства учреждений высшей школы на омоложение педагогических кадров. Проведённое на базе Финансового университета при Правительстве РФ социологическое исследование, включавшее в себя массовый анкетный опрос студентов и серию глубинных интервью с преподавателями пенсионного возраста, показало, что большинство студентов не имеют априорных «эйджистских» установок и оценивают преподавателей в зависимости не от возраста, а от того, насколько они увлечены своим предметом, квалифицированы, справедливы и коммуникабельны. Для большинства педагогов ключевым стимулом продолжения работы в вузе после достижения пенсионного возраста является любовь к своей профессии и ещё треть признает, что заработная плата выступает важным дополнением к пенсии. Студенты чаще называют в качестве причины продолжения работы резкое снижение уровня доходов в случае ухода на пенсию, хотя и не исключают того, что преподавателями-пенсионерами движет любовь к своему делу.

В выступлении «Уровень счастья и удовлетворённости жизнью среди занятых в Армении» к.э.н., ст.н.с. А. Р. Макарян и к.э.н., доцента, н.с. С. А. Даллакян из Института экономики имени М. Котаняна Национальной академии наук Республики Армения было показано, что, по данным World Happiness Report, Армения находится на 87-м месте из 147 стран. На основе базы «Кавказский барометр 2024. Ар-

мения» определён уровень счастья и удовлетворённости жизнью трудоустроенных жителей Армении. Опрос во всех регионах страны (2024 г., n=470) выявил, что занятые в Армении в основном счастливы и довольны своей жизнью, но средние значения различаются в зависимости от возрастной группы респондентов, отрасли экономики и уровня их дохода. Определена тенденция к снижению уровня удовлетворённости жизнью с возрастом, но, одновременно, тренду к большей эмоциональной устойчивости. Самая молодая группа демонстрирует наивысшую удовлетворённость и счастье, в то время как группа среднего возраста (35–49 лет) испытывает самый сильный спад. В группе пожилых (63+) — небольшой «отскок» в удовлетворённости жизнью по сравнению с группой 50–62 лет. Респонденты с уровнем доходов (≤ 250 долл. США) демонстрируют самый низкий уровень удовлетворённости жизнью; у самых высокооплачиваемых более низкий уровень счастья, чем у групп с низким и средним уровнем доходов. А отраслевой анализ показал: у занятых в промышленности и строительстве самые высокие уровни удовлетворённости благосостоянием; у занятых в торговле и сфере услуг выявлен высокий уровень счастья, а уровень удовлетворённости жизнью ниже, чем уровень «оценка жизни»; занятые в сельском хозяйстве демонстрируют самое низкое «эмоциональное благополучие».

В докладе д.э.н. Г.П. Дегтярева на тему «Самозанятость: шаг к предпринимательству или путь к уклонению от налогов?» была освящена актуальная проблема самозанятости в России, раскрытая в исторической ретроспективе; были представлены результаты мета-анализа на основе открытых публикаций отечественных и зарубежных учёных. Спикер подчеркнул значимость заявленного исследования с учётом складывающейся настоящей налоговой и социально-экономической ситуации в стране. Современный эксперимент в России с самозанятостью, по мнению докладчика, ставил целью вход в правовое поле при минимальном размере налога и мак-

симально простом администрировании самого процесса трудовой деятельности таких граждан. В настоящее время почти 15 млн физических, юридических лиц и индивидуальных предпринимателей зарегистрированы в реестре самозанятых РФ. Докладчик привёл примеры публикаций, которые формируют социологический портрет самозанятых в современной России. Так, в статье З.Т. Галенковой подчёркивается: 92% самозанятых отмечают отсутствие социальных гарантий при такой форме труда, а также несовершенство налогообложения и «недоверие» со стороны государства. Г.П. Дегтярев подчеркнул, что сегодня наблюдается крайне неоднородная структура самозанятых от множественной занятости до первых попыток стать предпринимателем. По мнению докладчика, необходимо чёткое разделение и «тщательная настройка» механизмов регулирования независимого (предпринимательского) труда и зависимого (служебного). Человеку надо дать возможность выбора исходя из личных качеств и восприятия общества к предпринимательской деятельности индивида.

К.э.н., доцент, ст.н.с. ИСЭПН ФНИСЦ РАН Л.А. Брушкова представила доклад «Совмещение самозанятости и работы по найму как стратегия трудоустройства россиян», подготовленный на базе анализа данных Агентства НАФИ, в котором обозначен рост численности самозанятых в России (выше, чем темпы роста численности индивидуальных предпринимателей). В 2024 г. налоговые поступления от самозанятых составили 99,8 млрд рублей, увеличившись в 1,6 раза по сравнению с предыдущим годом. Сферы деятельности самозанятых расширяются, включая как цифровые, так и традиционные услуги: помощь в сфере ИТ, строительство и ремонт, бьюти-услуги, образование, услуги по уходу и уборке, грузовые и пассажирские перевозки, маркетинг, реклама, аренда, фото, видео, печать, дизайн, кураьерские услуги, торговля, организация мероприятий. Параллельно идёт активное развитие цифровой инфраструктуры для данной категории работников, включающей в себя специализированные

платформы для привлечения клиентов, инструменты автоматизации документооборота, системы электронных платежей, интегрированные с налоговыми сервисами и др. Согласно данным исследования НАФИ (2024), половина самозанятых (52%) работают только на себя, а другая половина (48%) — совмещают деятельность самозанятого и наёмного сотрудника, при этом мужчины чаще женщин совмещают две формы труда. Как отметила спикер, одной из значимых причин широкого распространения в России практики совмещения самозанятости и работы по найму является неудовлетворённость уровнем или стабильностью дохода.

Е. В. Сомов (РУДН имени П. Лумумбы) с содокладчиком М. В. Мальцевой (Центр сравнительных исследований социального благополучия НИУ ВШЭ) выступили с докладом «Оценка восприимчивости россиян среднего возраста к экономическим мерам стимулирования рождаемости: результаты пилотного социологического опроса». Отсутствие в России так называемой «четвёртой стадии» (стабилизации рождаемости на уровне простого воспроизводства) и регулярные её спады подтверждают необходимость обращения к иным аналитическим подходам, в том числе к социологическим исследованиям по вопросам репродуктивных установок и реакций населения на демографическую политику. По данным социологического исследования, в вопросах планирования деторождения преобладает предпочтение двухдетной модели: 27% планируют иметь 2-х детей, 12% одного, и лишь 3% рассматривают возможность рождения 4-х и более детей. Однако только 37% планируют завести ребёнка в ближайшие три года, что свидетельствует об «отложенных репродуктивных намерениях» у большинства респондентов. Анализ восприимчивости к пяти ключевым мерам демографической политики (ипотека, материнский капитал, «доступность» янни, базовый доход, социальные услуги) показал различную степень отклика. Наивысший средний балл получила мера — «улучшение качества социальных услуг» (0,57), наименьший эффект

оказывает «отмена материнского капитала» (– 0,39). Примечательно, что около 50% респондентов отразили минимальные оценки всем мерам. Это выражается в высокой асимметрии (0,6–0,2) и эксцессе (0,9–0,8), указывая на поляризацию мнений и/или недоверие к гипотетическим инициативам.

Обсуждение вызвал доклад М. М. Чернышова, к.э.н., в.н.с. ИСЭПН ФНИСЦ РАН на тему: «Использование подсистемы Глобальной системы показателей достижения целей устойчивого развития ООН «Повестка дня — 2030» в сфере обеспечения финансовой инфраструктурой для оценки качества жизни населения». Статистической комиссией ООН была сформирована Глобальная система показателей (ГСП) для мониторинга достижения Целей устойчивого развития (ЦУР). Докладчик остановился на 8 группах показателей для оценки качества жизни населения, выделенных из показателей ГСП достижения ЦУР ООН (3, 8, 10, 11, 17). Результаты расчётов автора отражали динамику за период 2018–2023 гг. по странам ЕАЭС. Россия сохраняет лидерские позиции по многим критериям в рассматриваемый период. Прогнозы показывают позитивный потенциал роста и возможности достичь лидерских позиций для Казахстана. У Армении и Беларуси, даже при высоких темпах роста, не прогнозируется возможность достичь уровня России. Кыргызстан отстаёт от остальных стран ближнего зарубежья.

И. В. Пилипенко, к.геогр.н., МРА, зав. лабораторией, в.н.с. ИСЭПН ФНИСЦ РАН представил доклад «Динамика покупательной способности заработных плат населения РСФСР/Российской Федерации по продуктам питания в 1980–2020-х годах». Актуальность исследования связана с ведущимися в научном сообществе дискуссиями относительно того, как соотносятся советский и постсоветский уровни потребления: одни утверждают, что уже к 2007 г. он на 30–40% превышал уровень конца 1980-х, другие — видят ситуацию в более негативном ключе и подчёркивают рост социального расслоения. Особенностью авторского подхода является построение динамических

рядов с использованием нескольких источников статистических данных (официальные данные о государственных ценах в розничной торговле, бюджетные обследования рабочих и служащих, данные Росстата и Международного статистического комитета СНГ). Анализ динамики зарплат в плановой экономике говорит о неуклонном повышении их покупательной способности, при этом, поскольку уровень зарплат колхозников практически догнал уровень зарплат рабочих и служащих, этот вывод годится для всего советского общества. В силу инфляции в конце 1980-х покупательная способность несколько снизилась, но лишь по отдельным группам (фрукты, ягоды). Данные же 1996 г. говорят о резком сокращении покупательной способности зарплат: по молочным продуктам — в 3 раза, по макаронным изделиям и жирам — в 2–2,5 раза, по рыбе и рыбопродуктам — в 1,7 раза, по колбасным изделиям — в 1,3–1,6 раз. При этом покупательная способность снизилась намного быстрее, чем ВВП и другие макроэкономические показатели. С начала 2000-х гг. шло восстановление покупательной способности зарплат, и к настоящему времени она превысила по большинству товарных групп уровень начала 1990-х годов. В то же время, в последние годы отмечается стагнация покупательной способности по говядине, яйцам и некоторым другим продуктам. Что касается изменения цен на отдельные товары или товарные группы в сравнении с уровнем официальной инфляции, то, если сравнивать сегодняшние цены с 1991 г., то практически все продукты питания, по которым имеются непрерывные ряды (9 товаров), стали дешевле (дороже стали только молоко и сыры). Но если сравнить с 1988 г., то ситуация иная: в 2 раза увеличились относительные цены на масло сливочное, молоко, сыры и практически в 2 раза — на хлеб пшеничный, а снизились цены только на яйца, сахар, подсолнечное масло. То есть, цены на товары двигаются в разных направлениях.

В докладе О.В.Лыловой к.э.н., доцента, ст.н.с. ИСЭПН ФНИСЦ РАН «Динамика потребительских расходов на образова-

ние в российских домохозяйствах» расходы домохозяйств на образование рассматриваются как инвестиционные расходы, связанные с вложением денег для получения и увеличения дохода в будущем. Особенностями такого рода инвестиций являются их долгосрочный характер, вариативность источников и зависимость от жизненного цикла семьи. Прослеживается тенденция к увеличению доли платных образовательных услуг в системе школьного образования, СПО и высшей школы. Ожидается, что в будущем затраты российских семей на образование возрастут на 10–15%, что связано с такими факторами, как общая инфляция, рост цен на основные и дополнительные образовательные услуги, а также увеличение стоимости дополнительных платежей. Несмотря на это, получение высшего или среднего профессионального образования остаётся одним из важных жизненных приоритетов молодёжи и рассматривается ими как один из социальных лифтов, гарантов успешного трудоустройства. Для обеспечения доступности образования государство должно продолжать поддерживать инициативы, направленные на финансовую помощь семьям.

А. К. Гузанова, ст.н.с. ИСЭПН ФНИСЦ РАН представила доклад: «Тенденции последних лет в жилищной обеспеченности домохозяйств в России». В условиях заметного ухудшения социально-экономической ситуации, инфляции, роста цен и низкой доступности жилья, проблемы жилищной обеспеченности и её улучшения являются актуальными. Изменения последних лет были проанализированы по данным обследований домохозяйств, реализуемых Росстатом. Согласно статистике, обеспеченность россиян жильём увеличивается, в 2024 г. — это почти 30 м² на человека. Однако, эта обеспеченность рассчитывается путём разделения на население всего жилого фонда, включая пустые (инвестиционные) квартиры. Когда же анализируется только занимаемое домохозяйствами жильё, то показатель обеспеченности оказывается существенно ниже, и видно, что в предыдущие годы он практически не рос. Срав-

нение переписи населения и общих данных жилищной статистики говорит о том, что в 2021 г. пустых квартир было 17%. Но в последние 2 года их стало существенно меньше (хотя имеются большие территориальные различия), что требует своего объяснения. Что касается связи обеспеченности жильём и социально-демографических показателей, то семьи с детьми проживают в два раза теснее, чем домохозяйства без детей, особенно тяжёлым является положение многодетных. Разница в жилищной обеспеченности одиноко проживающих и семей с детьми, составляет 3 раза, с многодетными — 3,5 раза. Что касается перспектив улучшения жилищных условий, то наиболее благоприятная ситуация была в 2018 г., когда около 17% россиян высказывали намерение в ближайшие 2–3 года улучшить свои жилищные условия, в том числе 26% домохозяйств с детьми, 36% многодетных и 36% молодых семей. В 2022 г. таких семей было меньше, а в последние два года это количество сократилось до 9% россиян, в том числе 16% домохозяйств с детьми, 24% многодетных и 18% молодых семей.

Д.э.н., проф. М.В.Рыжкова и к.э.н., доцент Э.Р.Кашапова из Томского политехнического университета выступили с докладом «Устойчивое долгосрочное сберегательное поведение в изменчивой среде: экспериментальный подход». В условиях нестабильности сбережения остаются одним из ключевых инструментов финансовой устойчивости домохозяйств. Традиционные программы долгосрочных сбережений в своей основе рассматривают рационального субъекта принятия решений, способного взвешенно оценить возможные выгоды и издержки здесь и сейчас. Но интерес представляют результаты экспериментов, направленных на изучение методов стимулирования сбережений населения. В докладе были представлены результаты авторского эксперимента, в ходе которого проверялись факторы устойчивости долгосрочного сберегательного поведения, а также выявленные особенности (в т.ч., на основе анализа теорий сбережений). В ходе разработки концептуальной модели устой-

чивых долгосрочных сбережений определены следующие значимые факторы влияния: 1) принадлежность социальному классу; 2) семейное положение; 3) буферные запасы; 4) эмоциональные факторы; 5) поведенческие факторы (самоконтроль, целеполагание, финансовая самоэффективность, предпочтение настоящего, неприятие потерь, неприятие риска).

А.К.Соловьев, д.э.н, проф., директор Научно-исследовательского центра развития государственной пенсионной системы и актуарно-статистического анализа Финансового университета при Правительстве РФ, говоря о благополучии применительно к старшим поколениям россиян, подчеркнул, что для этого нужно осознание того, что пенсионное обеспечение — не только инструмент социальной защиты и, тем более, не податка «маргинальным социальным группам» в лице стариков, а система макроэкономического перераспределения. Анализ показывает, что изменение макроэкономических показателей не получило отражения в пенсионной формуле. Увеличение рисков макроэкономической динамики влияет на возможность сформировать пенсионные права, при этом статистика изменений основных социально-экономических показателей в 2015–2025 гг. свидетельствует о неблагоприятной ситуации в экономике. Отдельную проблему представляет будущее благополучие самозанятых работников, поскольку нормативно-правовые условия формирования их пенсионных прав существенно ограничены по сравнению с наемными работниками фиксированным платежом, рассчитанным исходя из минимального размера заработка. Не могла не затронуть государственную пенсионную систему и цифровизация. Проведённое под руководством докладчика исследование показало, что главная угроза состоит в том, что распределительные пенсионные системы базируются на формировании пенсионных прав типичными работниками стандартных видов занятости, с продолжительной линейно постоянной трудовой деятельностью и с постоянным гарантированным заработком. Работники же нестандартных

видов занятости зачастую не имеют постоянного гарантированного дохода, а их трудовой стаж — прерывистый, с увеличенными интервалами безработицы для некоторых категории таких работников. Сформировать пенсионные права в классической системе обязательного пенсионного страхования нестандартным работникам очень сложно.

Выступление З.А.Хоткиной, к.э.н., доцента, в.н.с. ИСЭПН ФНИСЦ РАН было связано с анализом динамики зарплат женщин и мужчин, а также выявлением причин и последствий гендерных различий в оплате труда. Докладчик подчеркнула, что проблемы работников и дифференциация их зарплат на российском рынке труда долгое время находились на периферии экономических интересов и дискуссий, пока острый дефицит кадров, возникший на пересечении демографического и геополитического кризисов, «не вывел» эту тематику в число приоритетных. Поскольку рабочая сила стала дефицитным ресурсом, то цена на неё возросла, но этот рост, в большей мере, затронул «мужские» профессии и сферы занятости. Это привело к росту гендерного неравенства в зарплатах, индикатором которого является гендерный разрыв в оплате труда. Начиная с 2023 г., величина зарплат в стране с одной стороны, стала расти очень интенсивно, а с другой — «гендерно-асимметрично». Средние заработки у мужчин увеличивались значительно быстрее, нежели у женщин. В 2024 г. в России был зафиксирован максимальный разрыв за последние 11 лет. Разрыв чаще связан с тем, что мужчины в большем количестве, чем женщины представлены в высокооплачиваемых отраслях. В широком смысле недооценка трудового вклада касается половины всей рабочей силы страны. По мнению спикера, оценка труда женщин имеет негативные последствия, однако более справедливая оценка их труда может привести к повышению экономического роста и уровня рождаемости в России.

Доклад д.э.н., доцента Н.Е.Русановой, в.н.с. Института социальной демографии ФНИСЦ РАН, подготовленный в соавторстве

с к.геогр.н. А.В.Русановым из МГУ имени М.В.Ломоносова, был посвящён проблеме здоровья дачного населения. Стремление жить вблизи больших открытых зеленых пространств, способствующих сокращению уровней стресса, тревоги и депрессии, становится одной из причин, по которой горожане остаются на дачах («вторых домах») круглый год. Однако трансформация сезонного дачного жилья в круглогодичное сопровождается рядом проблем, одна из которых касается доступности и качества медицинского обслуживания дачников. Наиболее существенной становится проблема доступности скорой помощи, которая без сопровождения поселковой охраны не всегда может добраться до коттеджных поселков (КП), особенно отдалённых от крупных жилых массивов. При этом выше риски для вчерашнего горожанина в КП из-за специфики загородного жилья и близости природных объектов повышенной опасности (водоёмов, горнолыжных склонов и другого), что требует врачей соответствующей квалификации и оборудования для оказания экстренной помощи. Докладчик выделила особые риски для состояния здоровья у дачников старших возрастов.

Завершал конференцию доклад О.С.Осиповой, д.социол.н., доцента, проф. Финансового университета при Правительстве РФ, в котором была раскрыта сущность «Импакт-инвестиций» у розничных инвесторов. Докладчик подчеркнула, что импакт-инвестиции сегодня осуществляются с целью создания положительного социально-экологического воздействия (последствия), которое может измеряться не только в виде финансовой отдачи. По статистике за последние 6 лет совокупный годовой темп роста активов импакт-инвестиций в мире составил 21%. Сегодня на рынке присутствует три основных группы инвесторов: частные, корпоративные и институциональные. Частные группы, как физические лица, имеющие определенный уровень достатка, самостоятельно вкладывают собственные средства в различные финансовые инструменты или непосредственно в импакт-проекты. С началом СВО наблю-

дается постоянное увеличение доли розничных инвесторов в связи с тем, что зарубежные инвесторы заблокированы и/или «ушли» с российского рынка. В 2024 г. на долю розничных инвесторов приходилось до 74% объёма торгов акциями, 34% от объёма торгов облигациями и до 62% от объёма торгов на срочном рынке. Поэтому важно, чтобы инвестиции были реализованы в импакт-продукты. О. С. Осиповой были представлены результаты проведённого опроса по изучению готовности участия компаний, а также индивидуальных предпринимателей в импакт-стартапах. Более 70% опрошенных (квалифицированных инвесторов) выразили согласие на участие в долгосрочных проектах. Однако оказалось, что 82% розничных инвесторов вообще не знакомы, либо «поверхностно» знакомы с концепцией импакт-инвестиций. Перспективы роста обозначенных инвестиций в России в ближайшие 5 лет воспринимаются опрошенными умеренно оптимистично, а 57% оценивают данные перспективы как средние и высокие.

Все доклады вызвали глубокий интерес участников мероприятия, что выражалось в вопросах и оживленной научной дискуссии. Участники и спикеры отметили традиционно высокий уровень выступлений, актуальность поднимаемых вопросов и высказали благодарность организаторам конференции за приверженность продолжению обсуждения наиболее острых социальных вопросов.

Материал подготовили:

Александрова О. А.,
д.э.н., доц., зам. директора по научной
работе ИСЭПН ФНИСЦ РАН;
проф. кафедры социологии Финансового
университета при Правительстве РФ;

Ярашева А. В.,
д.э.н., проф., проф. РАН, зав. лабораторией
ИСЭПН ФНИСЦ РАН;

Крошилин С. В.,
к.техн.н., доцент, в.н.с. ИСЭПН
ФНИСЦ РАН.

АВТОРАМ ЖУРНАЛА «НАРОДОНАСЕЛЕНИЕ»

Материал пересылается через официальный сайт журнала («отправить рукопись»): <https://www.jour.fnisc.ru/index.php/population>. Формат страницы – А4. Текст должен быть набран шрифтом Times New Roman, кегль 12, междустрочный интервал 1,5. Рисунки и схемы выполняются в черно-белом цвете и дополнительно предоставляются в отдельных файлах в форматах JPEG, PDF и в исходном формате. Названия таблиц и рисунков даются на русском и английском языках. Под таблицами и рисунками указывается источник информации. Список литературы формируется в порядке упоминания в тексте и приводится после текста статьи. Ссылки в тексте на источник в списке литературы даются в квадратных скобках (напр., [5, с. 8]), а на нормативно-правовые документы и статистические материалы – в виде подстрочной ссылки внизу страницы. Общий объем материала от 0,5 до 1,0 п.л. В соответствующих местах ставится буква «ё».

Для статей обязательны:

- наличие аннотации, ключевых слов, и пристатейного списка литературы, оформленного по ГОСТ Р 7.0.100–2018 «Библиографическая запись. Библиографическое описание: общие требования и правила составления»;
- сквозная нумерация таблиц, рисунков, схем, подстрочных ссылок, математических формул;
- в начале каждой статьи после её названия необходимо указывать фамилии автора(ов) статьи, место и почтовый адрес работы, электронный адрес автора-ответственного исполнителя;
- аннотация и ключевые слова на русском языке приводятся перед текстом статьи;
- список литературы на русском языке и другие источники информации приводятся после текста статьи;
- название статьи; имена и фамилии авторов/автора, аннотация, ключевые слова, список литературы на английском языке приводятся после списка литературы на русском языке;
- в конце статьи приводится подробная информация об авторе(ах) на русском и английском языках: фамилия, имя и отчество, учёная степень, должность и место работы с указанием города и страны, электронный адрес, ORCID, PИHЦ AuthorID.

Требования к написанию аннотаций

Аннотация на русском языке должна быть:

- информативной (не содержать общих слов)
- отражать основное содержание статьи и результаты исследований. Предмет, тема, цель работы указывается в том случае, если они не ясны из заглавия статьи;
- структурированной (следовать логике описания результатов в статье);
- объём текста должен включать от 200 (минимум) до 250 слов.

Аннотация на статью на английском языке по объёму может быть больше аннотации на русском, не быть калькой русскоязычной аннотации.

Требования к переводу на английский язык пристатейного списка литературы

В зарубежных стандартах в библиографических записях не используются разделительные знаки, применяемые в российском ГОСТе («//» и «–»). Название книги и журнала/газеты отделяются от Ф.И.О. авторов и заглавия статьи типом шрифта и точкой. Для изданий не на английском языке делаются и перевод, и транслитерация. При ссылке на книжные издания названия издательства, организации и города (места издания) приводятся полностью. Обязательно указание диапазона страниц при описании статей в журналах или сборниках и общего количества страниц – в книжных изданиях. В конце неанглоязычных публикаций в скобках указывается язык, для русскоязычных: (in Russ.). Статьи из электронных источников описываются аналогично печатным изданиям с дополнением данных об адресе и дате доступа.

Примеры:

1. Yarygina T. Bednost' v bogatoj Rossii [Poverty in rich Russia]. Obshchestvennye nauki i sovremennost' [Social Sciences and Modern World]. 1994. No. 2. P. 25–35. (in Russ.)
2. Sarkisyan G. S., Kuznetsova N. P. Potrebnosti i dohod sem'i [Family Needs and Income]. Moscow. Ekonomika [Economics]. 1967. 178 p. (in Russ.)
3. Slepukhina I. L. Formirovaniye regionalnoy sistemy upravleniya obnovleniyem gorodskoy zhiloy zastroyki. [Formation of the regional system of management of the city housing stock renovation]. Arkhangelsk. 2009. 184 p. Available at: <https://dlib.rsl.ru/01004325199> (Accessed: 18 May 2019). (in Russ.)

Требования к формулам:

- формулы должны быть набраны в формульном редакторе Word;
- после формулы ставится запятая, со следующей строки с абзаца после слова «где» расшифровка символов формулы в том порядке, в котором они идут в формуле; единицы измерения обязательны. Расшифровка даётся в строчку;
- греческие буквы набирают прямым шрифтом, латинские – курсивом;
- перенос формул следует делать на знаках равенства и соотношения между левой и правой частями формулы, знаках сложения и вычитания, на знаке умножения применением косоугольного креста (x) в конце одной строки и в начале следующей строки;
- знак умножения между буквенными символами не ставится ($A = be$), а между числами ставят точку по центру строки ($5 \cdot 30$);
- единицы измерения физических величин приводятся в системе СИ и отделяются от значения одним пробелом (12,87 мм, 58 Дж/моль), за исключением градусов и процентов (90°, 20 °C, 50%);
- в качестве десятичного знака в формуле используется запятая (например: 14,67).

Все статьи проходят рецензирование и проверку в системе «Антиплагиат». Результаты рецензирования и рецензии редколлегии о принятии предложенной статьи к публикации сообщаются авторам.

ПОДПИСНОЙ ИНДЕКС

журнала ***НАРОДОНАСЕЛЕНИЕ*** в «Урал-пресс»: 79183
ISSN 1561-7785